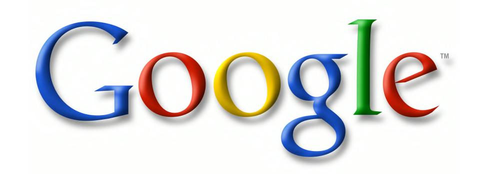
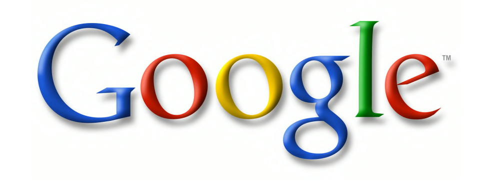
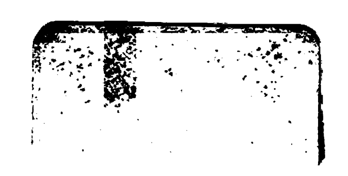

СОВРЕМЕННИКЪ

VIII, 2

1848

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СОВРЕМЕННИКЪ

VIII,2

ИКЪ

МЕННИ

РАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ под

А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ VIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1848

СОВРЕМЕННИКЪ

VIII,2

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издаваемый съ 1847 года И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ подъ редакціею
А. Никитенко

ТОМЪ VIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1848

СОВРЕМЕННИКЪ

VIII,2

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издаваемый съ 1847 года И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ подъ редакціею
А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ VIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1848

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 509/122/1974

ПОЗДНО!

повѣсть.

Oh! rimembranza!

«Norma».

I.

Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинѣ и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ....
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ фора закричитъ,
Зѣвнетъ и — снова замолчитъ.

А. Пушкинъ.

Театръ былъ освѣщенъ болѣе обыкновеннаго; зрители имѣли возможность узнавать своихъ знакомыхъ и, употребивъ съ четверть часа напряженнаго зрѣнія, могли отличить въ ложахъ хорошенькое личико отъ дурного. Но вотъ все, чтó я могу сказать въ пользу освѣщенія; надо быть поэтомъ или выгодно продáвшимъ свое снисхожденіе фельетонистомъ, чтобы сказать, что «волны свѣта лились на сцену и на восхищенныхъ зрителей». Не знаю, были ли восхищены зрители, но сидѣли они очень терпѣливо.

Лишнія свѣчи были зажжены по случаю бенефиса примадонны; давали *Lucrezia Borgia*. Двѣ или три ложи были заняты въ бель-этажѣ, пять въ бенуарѣ и въ креслахѣ взяты два ряда съ

половиной. Примадонна была плохой пѣвицей, но въ этотъ разъ она пѣла хорошо. Въ ея голосѣ менѣе прорывались рѣзкія ноты. Увлеченная своею ролью, она часто забывала о трескучихъ треляхъ и гаммахъ, въ которыхъ звуки упрямо двоились. Ее будто преобразили благородные, бархатные, полные нѣги и энергіи мотивы Донидзети. Она рѣже разводила руками, менѣе горестно опускала глаза. Было благородство, была страсть въ нѣмомъ восторгѣ ея, при видѣ спящаго Дженаро, слышался сладостный трепетъ сердца въ словахъ: *Come è bello*, въ мягкихъ звукахъ этого мотива. Когда финальная нота дрожа замерла въ воздухѣ и примадонна присѣла передъ публикой съ подобострастной улыбкой въ благодарность за френетическій аплодисментъ, я съ невольной досадой отвернулась отъ сцены. Вы бы сдѣлали тоже самое, по невольному чувству боязни за чудный мигъ изящнаго заблужденія, по страху возможности разочарованія. Вѣроятно подобное чувство испытала дама, занимавшая ложу напротивъ моей, потому-что она презрительно улыбнулась и отклонилась отъ края ложи, какъ-будто для того, чтобы скрыть легкій румянецъ, покрывшій ея щоки, и мгновенное оживленіе большихъ темныхъ глазъ.

Опера продолжалась. Запѣлъ Дженаро; тогда она задумчиво подперлась рукой и полузакрыла глаза. Руки ея были обнажены и красивы: Канова не пожелалъ бы ничего лучшаго для своей Психеи; кисть руки стянута мягкой перчаткой лимоннаго цвѣта, — и только; браслета ни одного. Прозрачная, бѣлая кисея прекрасно драпировалась вокругъ граціозной таліи. Живописецъ остановилъ бы восхищенный взоръ на волнистыхъ *bandeaux* каштановыхъ волосъ, на длинныхъ, слегка вьющихся кверху рѣсницахъ, и на тонкихъ чертахъ правильнаго, продолговатаго лица. Можетъ быть онъ нашелъ бы, что ротъ у ней нѣсколько великъ, что губы не довольно красны; но эти недостатки выкупались глубокимъ, мыслящимъ взоромъ прекрасныхъ синихъ глазъ. Она внимательно глядѣла на сцену. Когда же она задумчиво опустила головку на руку, длинные концы малиноваго бархатнаго убора упали ей на щоки. Толстый господинъ, сидѣвшій въ другомъ углу ложи, протянулъ руку и откинулъ опять на ея плечи бархатныя ленты. Она вздрогнула, быстро обернулась какъ ужаленная; но, увидѣвъ улыбающееся лицо толстяка, поблагодарила его ласковымъ на-

клоненіемъ головы. Потомъ, вмѣсто того, чтобы вновь устремить глаза на сцену, она взяла изъ его рукъ складной лорнетъ и разсѣянно навела на ложи; черезъ минуту, притворно зѣвнувъ, красавица опустила его ниже, на бенуаръ, разсѣянно взглянула на оркестръ и остановила внимательный взоръ на креслахъ. Невольно я взглянула на кресла; изъ креселъ на нее смотрѣлъ лорнетъ. Рука, державшая его, не дрожала, и хотя отъ лорнета на нижнюю часть лица наблюдателя падала тѣнь, но я бы могла разглядѣть улыбку или подмѣтить вздохъ, только не было видно ни игры губъ, ни движенія усовъ. *Онъ* упорно глядѣлъ на красавицу. Онъ былъ высокъ и довольно строенъ, черные волосы какъ-будто прежде были гуще. Усы черные, не совсѣмъ щетинистые, но и не слишкомъ шелковистые; проницательный взоръ могъ легко замѣтить въ нихъ два, три побѣлѣвшіе волоска, которыхъ рука не смѣла вырвать, но сердце не хотѣло признать.

Въ самомъ дѣлѣ Силичъ охотно бы чѣмъ-нибудь пожертвовалъ, чтобы ихъ не было, но самовластно истреблять неумолимую сѣдину онъ ни за что́ бы не рѣшился. Онъ неумолимо презиралъ слабости человѣческія. Въ молодости онъ былъ тѣмъ, что́ носитъ названіе счастливчика. Это положеніе дѣлаетъ многихъ тщеславными слишкомъ явно, даетъ имъ приторную самоувѣренность и несносное самодовольство, которое ихъ же губитъ. Женщины, ихъ любившія, отрекутся отъ своей любви, воздвигшія имъ храмъ разобьютъ свой кумиръ. Несмотря на то, ему останется названіе счастливчика. Почтенныя дамы, или дамы почтенныхъ лѣтъ, улыбаясь за преферансомъ, при видѣ приписаннаго имъ ремиза, скажутъ многозначительное: Несчастіе въ картахъ, счастіе въ любви! Въ отвѣтъ имъ онъ самодовольно улыбнется, хотя бы только для поддержанія своей славы, что́ не помѣшаетъ ему однако услышать въ сосѣдней комнатѣ:

— Ушелъ ли несносный N. N?

— Я его усадила за преферансъ, *mesdames*.

И вотъ не рѣдко доля счастливчика! Но прихотливая судьба не мало заботилась о Силичѣ. Въ юности его обожали кузины, въ молодости онъ былъ любимъ жонами своихъ друзей. Дѣвическіе разговоры постоянно облекали его таинственностью; ихъ страстныя мысли, ихъ чистыя, но пламенныя сердца были пол-

ны имъ. И не одна быть можетъ думала съ нимъ объ руку пройти всю жизнь свою!... Говоря о немъ, онѣ называли его нѣжно по имени, Эрастомъ. Для нихъ онъ не былъ просто Силичъ, славный малый, какъ говорили о немъ мужчины, homme charmant, какъ выражались замужнія женщины. Для нихъ онъ былъ Эрастъ, не совсѣмъ ангелъ, но и не совсѣмъ человѣкъ; сердце и красота ангельскія, чувства и мысли человѣческія, умъ и страсти демонскіе. Онѣ его любили, онѣ о немъ мечтали и въ минуту сладостнаго раздумья шептали: Эрастъ, Эрастъ!...

Но Силичъ не понялъ, сколько заключалось поэзіи въ ихъ чувствѣ къ нему, сколько чистоты и робкой страсти, какъ было оно полно безсознательнаго самоотверженія. Другіе бросали къ ихъ ногамъ любящія сердца, другіе молили у нихъ какъ блага права назвать ихъ своими, но трепетныя губки тихо шептали: Эрастъ, Эрастъ, и громко произносили холодное, безнадежное нѣтъ. И мало-по-малу отъ нихъ всѣ удалились, и любившіе ихъ о нихъ забыли. Потомъ, нѣкоторыя изъ нихъ, менѣе страстныя и болѣе разсудительныя, покорныя власти отцовъ и матерей, отдали свою руку вновь пріискавшимся женихамъ. Но тѣ, которыя, вѣрныя своему чувству, не вышли за-мужъ, состарѣлись одиноко и безвѣстно. Свѣтъ заклеймилъ ихъ своими насмѣшками, а Силичъ болѣе другихъ тѣшился на ихъ счетъ колкими выходками. Таковъ былъ Силичъ въ отношеніи дѣвицъ, самъ того можетъ быть не подозрѣвая; но дамъ онъ любилъ какъ могъ, а былъ ли ими любимъ, этого я не должна говорить.

О счастливыхъ его похожденіяхъ многіе догадывались, но онъ молчалъ. Женщины всегда прибавляли къ его имени эпитеты: бѣдный и добрый, особенно въ присутствіи своихъ мужей. Силичъ умѣлъ быть скромнымъ сколько нужно, чтобы не прослыть Донъ-Жуаномъ и не казаться Молчалинымъ. Но вмѣстѣ съ молодостію проходила эта осмотрительная, эта расчетливая скромность. Явились другіе, помоложе его, и вытѣснили Силича изъ прежнихъ правъ. Онъ былъ любимъ, но почти уже по преданію; кругъ его побѣдъ замѣтно уменьшался. Однѣ меньше стали имъ заниматься, другія сдѣлались къ нему взыскательнѣй, и вотъ почему: умъ его никогда не поражалъ, не тревожилъ и даже не забавлялъ, а сердце облѣнилось. Онъ не выучился любить, потому-что самъ всегда былъ любимъ безусловно, слѣдо-

вательно никогда не чувствовалъ необходимости добиваться любви. Не изучивъ всѣхъ moyens de seductions, онъ часто дѣлалъ непростительные промахи. Но онъ не былъ оставленъ; слава его еще влекла къ нему многихъ, не изъ любви, а изъ самолюбія; онъ это понялъ и оскорбился. И не замѣтно онъ поддался смѣшной мстительности и самъ сталъ намекать о своихъ побѣдахъ. Свѣтъ обрадовался, свѣтъ заговорилъ о Силичѣ, какъ о Донъ-Жуанѣ и Ловеласѣ нашихъ временъ. Нѣсколько именъ, до того времени чистыхъ и прекрасныхъ, было произнесено вмѣстѣ съ его именемъ. Мужья стали смотрѣть на него неблагонамѣренно, а при встрѣчѣ съ нимъ принужденно ему протягивали руку; холостяки имъ гордились, юноши слушали его съ благоговѣніемъ; но женщины? Женщины могли упрекнуть его въ хвастовствѣ, къ тому же онъ начиналъ имъ надоѣдать, и онѣ возстали на него. Силичъ испугался; онъ долго былъ ихъ любимцемъ и силу ихъ вражды соразмѣрялъ силѣ любви ихъ.

Случай помогъ Силичу сойти со сцены блистательнымъ образомъ: въ городъ пріѣхала странствующая труппа, въ труппѣ была хорошенькая актриса. Молодежъ бросала ей вѣнки и букеты, пѣла серенады, закидывала ее водяными стихами и огненными записками. Силичъ ослѣпилъ ее модными нарядами, развернулся роскошью и угодливостію и безъ труда затмилъ другихъ. Онъ пересталъ показываться въ свѣтъ. Говорили, что онъ влюбленъ серьёзно. Уѣхала актриса, Силичъ проводилъ цѣлые часы съ магазинщицами и странствующими артистками. Привыкнувъ къ легкимъ побѣдамъ, къ жизни нетрудной и разорительной только для кармана, онъ забылъ объ обществѣ, о блистательныхъ женщинахъ, которыхъ прежде любилъ и которыхъ потомъ боялся. Его отчужденіе, бывшее впрочемъ слѣдствіемъ случая, а не умнаго расчета, зажгло погасавшее вниманіе.

— Гдѣ Силичъ? чтó сдѣлалось съ Силичемъ?

Онъ такъ долго не показывался въ кругу женщинъ, что сталъ для нихъ опять самой заманчивой новостью. Порой имъ казалось, что онъ одинъ только можетъ быть сильно любимъ, и даже, что онъ одинъ умѣетъ любить. Онѣ ошибались. Силичъ облѣнился въ чувствахъ и огрубѣлъ въ выраженіи чувствъ. Онъ не тяготился своей жизнью. Для разнообразія онъ сталъ показываться въ свѣтѣ, возобновилъ прежнія знакомства, но новыхъ не хотѣлъ искать. Многіе думали, что онъ дорожитъ

собой, а онъ только не довѣрялъ себѣ. Изъ страха казаться оставленнымъ, онъ сталъ взыскателенъ къ красотѣ. Это заставляло дорожить его мнѣніемъ. Если онъ довольно долго устремлялъ свое внимaніе на которую-нибудь изъ порхающихъ передъ нимъ женщинъ, это льстило ей болѣе самыхъ восторженныхъ похвалъ ея поклонниковъ. Вотъ причина улыбки, озарившей лицо красавицы.

Черезъ минуту они обмѣнялись легкимъ поклономъ и молніеносныиъ взглядомъ. Во время антракта Силичъ вошелъ въ ложу, и хотя занавѣсь почти тотчасъ же поднялась, но Lucrezia Borgia была забыта. Я не могла отвесть глазъ отъ ложи. Силичъ говорилъ что-то съ большимъ жаромъ, дама недовѣрчиво улыбалась; но блескъ ея глазъ, но оживленіе ея лица обнаруживали душевное волненіе. Толстякъ не участвовалъ въ разговорѣ, хотя къ нему раза два обратились, повидимому съ вопросомъ, на который онъ отвѣтилъ

«Склоненьемъ легкимъ головы»,

улыбаясь и потирая руки.

Силичъ былъ весь въ черномъ. Въ этомъ отношеніи онъ тоже не походилъ на счастливчиковъ, которые въ пятдесятъ лѣтъ готовы повязать яркій галстухъ, нарядиться въ пестрый жилетъ и остричься подъ гребенку, не сообразивъ, что все это выкажетъ ихъ годы и обнаружитъ морщины. Силичъ съ тридцати лѣтъ отказался отъ затѣйливыхъ костюмовъ; онъ не носилъ другого цвѣта кромѣ чернаго, равно приличнаго всѣмъ возрастамъ. Черный сюртукъ, черный бархатный жилетъ, черная шляпа, бѣлье ослѣпительное, перчатки всевозможныхъ цвѣтовъ и тѣней, но тонкія, мягкія, ловко обхватывающія руку, духи изысканные, проницающіе, — вотъ его изящныя прихоти. Въ этотъ вечеръ Силичъ казался интереснѣе обыкновеннаго, но его собесѣдница приковывала все мое вниманіе.

— Какъ хороша сегодня Ольга! сказала Лиза С*.

— Гдѣ же эта Ольга?

— Ольгу Коврылину не знаете? Да вотъ же она, въ этой ложѣ.

— Въ которой?

— Ахъ, Боже мой, вы на нее все смотрѣли, съ ней теперь говоритъ Силичъ.

— Такъ это она?

— Она меня узнала изъ своей ложи и кланялась. Какая Оля веселая, добрая!

— А кто этотъ толстый баринъ, что высунулся изъ ложи и зѣваетъ пресмѣшно?

— Это мужъ ея, самъ Коврылинъ. Какой онъ славный человѣкъ, она очень счастлива.

Пока мы говорили, начался послѣдній актъ, и Силичъ вышелъ изъ ложи Коврылиныхъ. Онъ бережно подвигался между рядами креселъ, когда его кто-то схватилъ за руку. Я видѣла, какъ онъ значительно улыбнулся, отвѣчая студенту, его остановившему. Послѣ минутнаго разговора Силичъ сѣлъ на свое мѣсто; вотъ что они говорили:

— Силичъ, Силичъ, говорилъ студентъ, дергая его за руку: — съ кѣмъ это вы говорили?

— Ахъ, здравствуйте, Фадѣевъ, очень радъ васъ видѣть.

— Кто эта дама?

— Которая? въ какой ложѣ?

— Вотъ въ той, куда вы только-что входили.

— Ольга Алексѣевна Коврылина. Что, хороша?

— Прелестна!... Вы у ней бываете, Силичъ?

— А что, не хотите ли познакомиться?

— Не знаю.... нѣтъ.... посмотримъ....

И студентъ нагнулъ низко голову, думая, что Коврылина смотритъ на него, потому-что она смотрѣла въ эту сторону.

Фадѣевъ былъ молодъ. Двадцать второй годъ его жизни начался на студенческой скамьѣ, и эта молодая жизнь не была ни бурною, ни отшельническою жизнію. Безъ страсти къ наукамъ, онъ исправнѣе другихъ являлся на професорскія лекціи и внимательно ихъ слушалъ. Въ его вкусахъ, въ его страстяхъ не было ничего рѣзкаго, даже ничего опредѣленнаго. Его каріе, нѣсколько задумчивые глаза были не велики, лобъ большой, ровный и гладкій; ни одна черта его не выдавалась, не отдѣлялась странно или слишкомъ замѣтно отъ прочихъ размѣровъ лица. Его свѣтлые, чуть пробивающіеся усики не закрывали губъ прекраснаго розоваго цвѣта; вообще же въ выраженіи лица его было нѣчто неопредѣленное, какъ-будто недосказанное. Можетъ быть причиной этого былъ бѣлый, нѣжный

цвѣтъ лица, да розоватый отливъ юности на щекахъ; можетъ быть и свѣтлорусые, золотистые, мягкіе какъ у ребенка волосы, разсыпанные по синему воротнику, не мало способствовали такому неопредѣленному выраженію.

Фадѣевъ писалъ стихи, и въ нихъ было тоже что-то неясное, хотя порой тамъ прорывалась свѣжая мысль, хотя порой сладостная задумчивость придавала невыразимую прелесть его гладкому стиху. Фадѣевъ писалъ стихи, но былъ ли онъ поэтомъ? Онъ былъ не чуждъ таланта, но была ли въ немъ геніяльность? Пусть рѣшатъ тѣ, которые знали его короче. Онъ рѣдко читалъ свои произведенія другимъ, не искалъ слушателей, не жаждалъ похвалъ. Однако, если листокъ его тетради попадалъ кому-нибудь въ руки, онъ вовсе не сердился, и прислушивался къ сужденіямъ читателя съ тайнымъ трепетомъ сердца. Фадѣевъ былъ тщеславенъ, только чувство это было у него врожденнымъ, безотчетнымъ. Не развилось оно удачами, не питалось исканіемъ безпрерывныхъ похвалъ людскихъ и желаніемъ занять собой праздные умы, какъ въ Силичѣ. Для многихъ Фадѣевъ былъ незамѣтенъ. Говоря о немъ, женщины не закрывали глазъ длинными рѣсницами, не произносили съ трепетнымъ вздохомъ: «какой интересный!», а улыбаясь и провожая его ласкающимъ взоромъ, восклицали: «Прехорошенькій этотъ Фадѣевъ!»

Занавѣсь опустилась, по ступенямъ лѣстницъ затѣснилась и зашумѣла толпа. Коврылина лѣниво шла, опираясь на руку мужа.

— Encore ici! сказала она, замѣтивъ въ толпѣ Силича.

— Знать, что вы здѣсь — и уѣхать! отвѣчалъ онъ вполголоса.

— Не та причина, признайтесь!

— Какъ-будто вы не вѣрите?

— Не вѣрю, потому-что какой-то пунсовый тюрбанъ смотрѣлъ на васъ изъ бенуара очень умильно. Не правда ли, мой другъ? прибавила она, обращаясь къ мужу.

— Правда, правда, мамочка. Хе, хе, хе, попались вы теперь, Эрастъ Иванычъ.

— Пожалуйста обернитесь! Пунсовый тюрбанъ васъ какъ-будто поджидаетъ.

— А не хотите ли вы обернуться!

— Зачѣмъ?

— Пылкій, юношескій взглядъ устремленъ на васъ.

— Вотъ вздоръ!

Однако она обернулась и бѣгло взглянула на студента.

— Какъ зовутъ? спросила она, лукаво улыбаясь.

— Скажу послѣ.

— Коврылиныхъ экипажъ! крикнулъ жандармъ громовымъ голосомъ.

Коврылина скользнула мимо Силича, слегка задѣвъ его пышнымъ платьемъ, подножка стукнула, захлопнулись дверцы. Силичъ потащилъ Фадѣева ужинать вмѣстѣ съ собой.

II.

Il ne s'agit pas d'occuper son coeur,
Mais de parvenir à le distraire.
Obermann.

Передъ хорошенькимъ каминомъ, въ большомъ покойномъ креслѣ сидѣла Ольга. Крошечный чепчикъ съ зелеными ленточками былъ наброшенъ на каштановые волосы; шолковый капотъ, въ мелкія малиновыя полосочки на черномъ полѣ, падалъ роскошно на чугунную рѣшотку камина. На этой же рѣшоткѣ покоилась стройненькая ножка. Нѣжныя руки протянулись вдоль ручекъ кресла, головка склонилась къ груди, глаза неподвижно устремлены на пламя, которое то вспыхнетъ, то гаснетъ, то озаритъ ея лицо, то заиграетъ и забѣгаетъ по полу.

Кто-то сказалъ, что у женщины не пять чувствъ, а развѣ двадцать пять; не знаю, которымъ въ насъ поставили раздумье. Мужчины не умѣютъ думать: они или расчитываютъ, или соображаютъ. Иной разъ они даже мечтаютъ, мыслятъ; но думаютъ только женщины. Ихъ думы, ясныя или мучительныя, порой неопредѣленны какъ грезы. Спросите у любой женщины, о чемъ она задумалась, и въ отвѣтъ, слегка вздрогнувъ, она скажетъ неопредѣлительное: такъ! Между тѣмъ въ этотъ мигъ проносятся передъ ней незабвенныя лица, знакомые образы, и былое, и настоящее, и будущее; толпятся безотчетныя мысли, трепещутъ безусловныя чувства, на глазахъ готовы выступить

слезы, грудь тяжело дышетъ и сердце исполняется сладостнымъ, хотя томительнымъ чувствомъ.

Подъ вліяніемъ такого мгновенія сидѣла Ольга. Изрѣдка только вздрагивала она отъ рѣзкаго хохота мужа и радостныхъ восклицаній Лизы, игравшей съ нимъ въ бильярдъ, въ столовой.

— Сто! сто! я сдѣлала сто! закричала вдругъ Лиза.

— Хе, хе, хе, хе! раздался басистый хохотъ Коврылина....

Ольга вздрогнула, провела рукой по волосамъ и глубоко вздохнула. Потомъ, желая разсѣять свои мысли, она протянула руку къ миніатюрному столику, стоявшему подлѣ, и взяла съ него бѣлую плетеную корзинку, наполненную каштанами. Она взяла нѣсколько изъ нихъ, какъ-будто собираясь ихъ попробовать, и разсѣянно снова бросила въ корзину.

Въ комнатѣ почти уже стемнѣло; изящный силуэтъ молодой женщины ярко обозначился, освѣщенный красноватымъ блескомъ.

— Здравствуй, Ольга, произнесъ звучный голосъ.

— Ахъ, Александрина! воскликнула Коврылина, быстро обернувшись.

Онѣ поцаловались.

— Садись.... Не хочешь ли каштановъ, mon ange?

Александрина протянула руку къ корзинѣ, и хотя, при этомъ непродолжительномъ движеніи, лица ея нельзя было разсмотрѣть совершенно, но въ немъ Коврылина успѣла подмѣтить выраженіе глубокой грусти. Коричневое платье подъ шею съ бѣлымъ воротничкомъ составляло весь ея нарядъ; волосы почти черные, нѣсколько фантастически причесаные.

— Ты сегодня грустна, Александрина.

— Право, нѣтъ.

— Или maman твоя больна, или у ней непріятности съ постояльцами.

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Ужь не влюблена ли ты?

— Полно, Ольга, меня разспрашивать; я устала взбираясь по вашей лѣстницѣ, — вотъ все. Гдѣ Илья Ильичъ?

— Развѣ ты не слышишь его хохота! Цѣлый день играетъ съ Лизой въ бильярдъ.

— Лиза здѣсь?

— Здѣсь.

Обѣ съ минуту молчали.

— Неправда ли, вдругъ сказала Коврылина, нѣжно взявъ руку Александрины: — неправда ли, что когда сидишь въ сумерки тихо, молча, на душу налетаетъ сладостное чувство.

— Да, это пламя такъ затѣйливо перебѣгаетъ по остывающимъ угольямъ, все такъ темно и таинственно, сказала Александрина: — что ежеминутно ждешь появленія чего-нибудь сверхъестественнаго!

И голосъ ея слегка задрожалъ.

— Полно, Александрина, ты наводишь на меня страхъ своими поэтическими грезами, сказала Ольга, придвигаясь къ ней ближе: — мнѣ хочется спросить свѣчей.

— Къ чему? Мои поэтическія мечты вовсе не страшны; напротивъ, я думаю, что если бы я любила, то мнѣ бы въ подобную минуту являлся любимый образъ.

— Ты права. Передъ твоимъ приходомъ я сидѣла одна и у меня изъ ума не выходилъ Силичъ; а между тѣмъ я не могу опредѣлить, что́ такое я о немъ думала.

— Неужели ты его любишь?

— Неужели ты не находишь его интереснымъ?

— Нахожу, но... ахъ, Ольга, Ольга! прибавила она съ упрекомъ, покачавъ головой.

— Ты какъ-будто готовишься читать панегирикъ моему мужу.

— Я не люблю, Ольга, когда ты надъ нимъ смѣешься.

— Да не надъ нимъ я смѣюсь, а надъ тобой. Что́ тебѣ вздумалось? Вѣдь ты до сихъ поръ вовсе не была изъ числа строгихъ моралистокъ, къ тому же у тебя идеи о правахъ женщинъ такія, что даже твой protégé Илья Ильичъ грозитъ тебѣ пальцемъ и затыкаетъ себѣ уши.

— Надо дурачиться, а то придется всегда быть грустно-серьёзной

— Послушай, и я умѣю серьёзничать, когда нужно.

— Если такъ, то подумай серьёзно о любви твоей къ Силичу. Требовать отъ тебя страстной любви къ мужу, даже вѣрить возможности такого чувства безразсудно. Но стоитъ ли его Силичъ? Сдѣлала ли ты себѣ этотъ вопросъ?

— Ха, ха, ха! ты презабавная сегодня! Подумай только, тебѣ едва ли двадцать лѣтъ, а мнѣ двадцать восемь лѣтъ, къ тому же я уже три года за-мужемъ.

— И въ эти три года ты была счастлива; чѣмъ Силичъ заплатитъ тебѣ за это счастье?

— Ты первая не могла бы помириться съ такимъ счастіемъ. Ты знаешь моего мужа; нѣтъ минуты, въ которую бы онъ невзначай не оскорбилъ эстетическаго чувства или какого-нибудь священнаго повѣрія души. Онъ самъ пришелъ бы въ отчаяніе, если бы могъ понять, какая это мука. Онъ любитъ меня, онъ добръ, и я его прощаю. Но чувствовать ежеминутно свое превосходство — о, какъ тяжело!

— Вѣрю, Ольга, только это можно было предвидѣть выходя за-мужъ.

— А бѣдность?

— Да, да, ты права, сказала Александрина, тяжело вздохнувъ и поникнувъ головой.

— Впрочемъ я дурно выразилась, сказавъ: бѣдность. Я не испытывала большихъ лишеній, я не подвергалась, какъ ты, тягостной необходимости расчитывать каждую чашку чаю.

Александрина вздохнула еще тяжелѣе.

— Моя бѣдность была только отсутствіемъ роскоши, продолжала Ольга, ничего не замѣтивъ: — но я не могла съ ней мириться. Каждый годъ приносилъ мнѣ новое разочарованіе; кругъ моихъ поклонниковъ рѣдѣлъ; я боялась подурнѣть, я дрожала при мысли о возможности названія старой дѣвы, которое бы мнѣ стали давать тогда довольно громко. Невзначай брошенное острое словцо, въ минуту досады сказанная колкость оскорбляли меня глубоко. Между тѣмъ годъ уходилъ за годомъ, я стала бояться свѣта и дорожить имъ, а въ немъ начали являться новыя лица, тѣ затмѣвали меня богатствомъ, другія юностью и положеніемъ въ свѣтѣ, но всѣ безъ исключенія прелестью новизны. Свѣтъ меня при дебютѣ моемъ слишкомъ хорошо замѣтилъ; вотъ почему я не могла его оставить. Бывало, входишь въ гостиную и сердце дрожитъ, и взоръ безпокойный ищетъ новаго кумира гостиной, но выраженіе лица гордо, самоувѣренная улыбка будто вызываетъ на бой, поклонъ надмененъ...» Боже мой, какъ все это смѣшно, когда теперь

вспомню, а тогда... Мнѣ пошелъ двадцать пятый годъ, но судьба меня баловала и....

— И послала мнѣ Илью Ильича, который меня любитъ до безумія и котораго я готова обманывать.

— Совсѣмъ нѣтъ, Александрина, ты меня не понимаешь.

— Вѣдь ты любишь Силича?

— Да развѣ я должна осудить себя на жизнь совершенно безцвѣтную? А онъ какъ меня любитъ, онъ, холодный, избалованный! Вѣдь это не юноша, который привязывается безотчетно, для котораго само чувство важнѣе предмета его возбудившаго. Онъ любитъ меня не по жаждѣ любви, а потому, что я ему внушила любовь.

— Все же я бы не могла его любить.

— Когожъ бы ты любила, не моего ли мужа?

— Нѣтъ не его, но и не Силича.

— Такъ кого же?

— Не знаю; только я бы не удивлялась, если бы ты любила всѣми силами души существо юное, прекрасное, благородное. Я бы не осудила тебя.

— А теперь?

— Мнѣ жаль тебя и досадно на Силича.

Ольга улыбнулась и пожала плечами съ такимъ видомъ, какъ-будто хотѣла сказать ей, что она не въ здравомъ умѣ. Вбѣжала Лиза со свѣчой въ рукѣ и радостнымъ смѣхомъ на устахъ.

— Отчего вы сидите въ потемкахъ? а я все сражалась съ Ильей Ильичемъ и обыграла его совершенно. О, да какъ онѣ хороши сегодня, прибавила она, поднося свѣчу поочередно къ каждой изъ нихъ: — Ольга, ты похожа въ эту минуту на того студента!

— Какого студента? спросила Александрина.

— Фадѣевъ какой-то, что̀ Силичъ недавно познакомилъ, отвѣчала небрежно Ольга.

— Фадѣевъ! сказала Александрина покраснѣвъ.

— Ты его знаешь?

— Это нашъ постоялецъ.

— Какой хорошенькій! воскликнула Лиза, хлопнувъ руками.

— Очень хорошъ! произнесла чуть слышно Александрина.

— Да, прехорошенькій этотъ Фадѣевъ, сказала, лукаво улыбнувшись, Ольга.

III.

МАРТА.
Онъ кажется въ нее влюбился?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Что дѣлать? каждому свое!
Она въ него, а онъ въ нее;
Знать въ этомъ свѣтъ не измѣнился.

Изъ Фауста.

Съ этого вечера чаще стали они собираться вмѣстѣ, и какъ-будто дружба ихъ сдѣлалась тѣснѣе. Александрина и Лиза не разставались съ Ольгой; Силичъ и Фадѣевъ являлись каждый вечеръ въ гостиной Коврылиныхъ, и время для нихъ проходило не замѣтно. Въ обращеніе ихъ вкрадывалась маленькая короткость, въ словахъ было менѣе оглядки, если можно такъ выразиться, въ мысляхъ болѣе свободы. Коврылинъ, заложивъ руки за спину или всунувъ ихъ въ карманы, съ сигарой въ зубахъ, усаживался въ кресло у камина.

Не рѣдко онъ прерывалъ громкимъ хе, хе, хе! пылкія сужденія Фадѣева или пояснялъ грубой шуткой циническія выходки Силича. Если при этомъ Ольга хмурилась, а Лиза и Александрина обмѣнивались бѣглымъ взглядомъ, Илья Ильичъ пожималъ плечами и говорилъ:

— Ну, чего тутъ сердиться! Вѣдь я, мамочка, ничего такого не сказалъ!

Сужденія Ольги онъ выслушивалъ самодовольно, кивая головой въ знакъ одобренія; Александринѣ, улыбаясь, грозилъ пальцемъ или приговаривалъ:

— Ей Богу правда! Все, что ни говоритъ, правда!

Лизѣ Илья Ильичъ плутовски подмигивалъ лѣвымъ глазомъ. И всѣ привыкли къ Ильѣ Ильичу, всѣ освоились съ нимъ. Хотя эти три женщины были граціозныя, поэтическія, изящныя созданія, хотя Силичъ былъ вѣрный снимокъ «du comme il faut», а Фадѣевъ прекрасно напоминалъ собой самую ясную изъ голо-

вокъ Грёзе, толстая фигура Ильи Ильича не выдавалась рѣзко и грубо, не оскорбляла эстетическаго вкуса, не призывала насмѣшекъ, не возбуждала сожалѣній. Жена его не принимала съ нимъ надменнаго обращенія трагической королевы или подавленнаго, укорительнаго тона безропотной жертвы. не отвѣчала на вопросы его съ досадой и пренебреженіемъ; Лиза не глядѣла на него сморщась и не шептала: «фи, какой гадкій».

Силичъ не улыбался презрительно, не обнаруживалъ безжалостно его смѣшныхъ сторонъ, даже Фадѣевъ не вздрагивалъ отъ его грубыхъ: «мамочка, мамочка», съ которыми онъ всегда обращался къ Ольгѣ, къ очаровательной Ольгѣ. Объ Александринѣ и говорить нечего; она чувствовала что-то въ родѣ привязанности. Иногда, глядя на его добродушное лицо, ей становилось какъ-будто жаль Илью Ильича. Невольно сравнивала она его и съ Силичемъ и съ Фадѣевымъ, и рѣзко бросалась въ глаза неизмѣримая разница. Можетъ быть она грустила за него и за себя вмѣстѣ, чувствуя себя, какъ говорится, въ тѣни при Ольгѣ и Лизѣ. Въ ней не было ни задумчивой нѣги, которая придавала Ольгѣ такой плѣнительный колоритъ, ни игривыхъ дѣтскихъ движеній Лизы. Она или выражала порывы своихъ чувствъ порывами, или предавалась самоуглубленію. Никто не могъ съ ней сравниться весельемъ въ веселыя минуты, никто такъ глубоко не задумывался въ грустныя. Илья Ильичъ, замѣтивъ ее сидящею въ молчаніи, подходилъ къ ней, бралъ ея руку и, тихонько ударяя по ладони, говорилъ:

— Вотъ-съ мы и замолчали! Эхъ, какія вы странныя, Александрина Михайловна.

— Добрый, добрый Илья Ильичъ, отвѣчала ему на это Александрина, невольно пожимая ему руку.

— Добрый, чего я добрый, вотъ выдумали! ну, что̀ я сдѣлалъ добраго? спрашивалъ тогда Илья Ильичъ, нѣсколько сконфуженный тѣмъ, что какъ-будто самъ назвался на похвалу. Это движеніе душевной стыдливости, робкаго непризнаннаго чувства не разъ мнѣ случалось замѣтить въ такъ называемыхъ грубыхъ натурахъ. Безотчетно въ нихъ подобное чувство, безотчетно они стараются поглубже запрятать свою душу, и дѣлаютъ это не по чувству гордости или горькаго презрѣнія къ людямъ, не изъ боязни, что ее разгадаютъ, — не потому, чтобы хотѣли сохранить свое достоинство или зажечь любопытство

надо встрѣтить слова его надменно, должно запретить ему являться въ домъ. Въ самомъ дѣлѣ. по особенному роду тщеславія, она готова была бы отъ души избѣгать съ нимъ встрѣчи упорно и презрительно. Силичъ понялъ это.

Съ своей стороны Ольга поняла, что какая-нибудь неловкость Силича превратитъ эту сцену въ комическую, чего она ни за что не хотѣла, и повлечетъ за собой объясненія, которыхъ она терпѣть не могла. Итакъ, гости тутъ были очень кстати.

Вечеръ прошелъ ни мало не разнясь отъ другихъ вечеровъ. Уходя Силичъ бросилъ страстный взглядъ на Ольгу, она слегка покраснѣла, не отъ смущенія, а отъ торжества самолюбивой души; когда же Александрина встала и принялась отыскивать свою мантилью, Ольга незамѣтно удержала ее за руку. Онѣ убѣжали въ спальню Коврылиной; горничная, приложивъ ухо по обыкновенію къ дверямъ, слышала, какъ долго онѣ о чемъ-то шептались и хохотали, а потомъ будто спорили. Прощаясь съ Александриной, Ольга сама закутала ее бережно въ мантилью, потомъ онѣ значительно переглянулись; Ольга бросилась на шею Александринѣ громко смѣясь, крѣпко поцаловала ее нѣсколько разъ къ ряду и сказала, пожимая ей руку:

— Ну, право это превесело, согласись. Александрина!

— Весело, но....

— О будь покойна!

И Коврылина еще разъ послала ей поцалуй рукой, стоя на верхней ступенькѣ, хотя Александрина почти уже скрылась за дверью.

IV.

Солнце начинало садиться, и право стоило на этотъ мигъ вырваться изъ городскихъ стѣнъ, чтобы подышать чистымъ, мартовскимъ воздухомъ. Вѣтеръ легонько щиплетъ щоки и дуетъ зимнимъ холодомъ въ глаза, но въ шубѣ вамъ жарко, а теплыя перчатки жгутъ руки. Въ оврагахъ лежитъ еще почернѣвшій снѣгъ, по дорогѣ мѣстами стоятъ глубокія лужи; ни одного новаго листочка на деревьяхъ; только орѣшникъ собирается цвѣсти, да съ дубовъ вѣтеръ не успѣлъ оборвать всѣхъ жолтыхъ листьевъ. Потемнѣвъ и полусгнивъ отъ непогодъ трепещутъ

они на обнаженныхъ вѣткахъ, но уже безъ шелеста и какъ-будто не смѣя оторваться, не смѣя облетѣть, пока не явятся имъ на смѣну новые зеленые листья.

Такъ и съ людьми. Существа, міромъ забытыя, міру ненужныя, пробираются безрадостно своей незамѣтной тропой. Отъ жизни не ждутъ они ничего, бороться съ судьбой давно уже устали, и несетъ ихъ безпрепятственно время своей волной, несетъ ихъ безсмысленно спокойныхъ, пока не примчитъ къ общей пристани — могилѣ. Спокойно сойдутъ они въ нее, не оглянувшись назадъ, безъ сожалѣнія о будущемъ, безъ участія къ настоящему.

Степь покрылась мягкой травкой, изъ подъ нея выбиваются бѣленькіе и лиловые подснѣжники; на поляхъ позеленѣлъ хлѣбъ; между кустарникомъ синѣютъ первые весенніе цвѣты, и фіялки готовятся раскрыться, поднимаясь лѣниво изъ своихъ свѣтло-зеленыхъ листьевъ. Такова природа за сто и за двѣсти верстъ отъ города и почти такова у самыхъ стѣнъ города; но Силичъ былъ не чувствителенъ къ красотамъ природы и, вовсе не замѣчая ихъ, сидѣлъ въ плотно запертой комнатѣ. Впрочемъ длинныя улицы, съ своей пестрой, торопливой толпой, съ нестройнымъ говоромъ этой толпы, съ озабоченными лицами ремесленниковъ и купцовъ не могли напомнить Силичу, что совершалась уже тайна обновленія земли. Самъ же онъ не вздумаетъ ѣхать за городъ любоваться природой

Однако, несмотря на свое равнодушіе къ начинающейся веснѣ, Силичъ невольно придвинулъ свое кресло поближе къ окошку и разсѣянно слѣдилъ взоромъ гуляющихъ и прохожихъ. Темно-фіолетовый халатъ, обложенный бархатомъ, схваченный у пояса толстымъ шолковымъ снуркомъ, обрисовывалъ его худощавую талію. Къ этому наряду онъ не прибавлялъ ни татарскихъ туфлей, шитыхъ золотомъ, ни затѣйливой ермолки вишневаго цвѣта съ кистью, огромной до безобразія. Волосы его были нѣсколько перепутаны, потому-что онъ поминутно охорашивалъ ихъ и ласкалъ небрежно рукой. Силичъ задумчиво держалъ дорогую трубку. Изо всѣхъ армейскихъ привычекъ прежней его жизни у него осталась одна привычка — къ трубкѣ; она не была для него памятникомъ милаго прошедшаго, онъ не дорожилъ воспоминаніями молодости, онъ не любилъ разнѣжи-

ваться. Но трудно отвыкать тому, кто облѣнился, кому тяжелъ присмотръ за собою. Силичъ остался вѣренъ своей привычкѣ.

— Степанъ! крикнулъ Силичъ, прислонивъ къ стѣнѣ погасшую трубку и потянувшись въ креслѣ.

Проворный мальчикъ лѣтъ осмнадцати съ плутовской физіономіей, напомаженный, завитой, явился въ дверяхъ.

— Былъ ты у Коврыжиныхъ?

— Былъ-съ.

Чтóжъ, принесъ мнѣ книгу?

Степанъ подалъ небольшую книгу въ красивомъ переплетѣ и вышелъ. Силичъ сталъ торопливо перелистывать, потомъ осторожно стряхнулъ ее, опять перевернулъ нѣсколько листковъ, внимательно осмотрѣлъ ихъ и тихо засвисталъ. На свистъ его, красивый черный пудель спрыгнулъ съ мягкаго дивана и подбѣжалъ, вопросительно глядя ему въ глаза и ласково махая хвостомъ. Силичъ опустилъ руку на его волнистую шерсть.

— Чтó, Мефисто? сказалъ онъ: — что тамъ такое? Гм, мы, кажется, очень осторожны! прибавилъ онъ, нѣжно гладя собаку и поглядывая искоса на принесенную книгу. Но я не сержусь.... Мы не сердимся, Мефисто, неправда ли? Тутъ нѣтъ еще бѣды, Мефисто.... Намъ не отвѣчали, гм.... Я такъ и думалъ.... Собака стала тихонько и прерывисто лаять, прыгая возлѣ своего господина и всячески съ нимъ заигрывая. Силичъ подошелъ къ столу, взялъ съ него нѣсколько писемъ и, пробѣжавъ ихъ, бросилъ пуделю, который пустился кружиться и бѣгать съ ними по комнатѣ какъ бѣшеный, пока не изорвалъ всѣхъ въ клочки. Силичъ любовался его красивыми и порывистыми движеніями, бросалъ ему бумагу за бумагой, прочитывая все предварительно. Въ числѣ ихъ была записочка на розовой бумажкѣ, слѣдующаго содержанія и съ такой орѳографіей:

Monsié!

On vous attemps avecque impacience dant notre magazin et surtou.... mais je ne vouz n'homerai pas la persone.

Tout-à-vous

E. S.

Силичъ прочелъ это посланіе и улыбнулся.

— А что, сказалъ онъ: — пожалуй, заглянемъ къ ней сегодня. Или нѣтъ, сегодня къ вамъ, Ольга Алексѣевна, и не совѣтую шу-

тить со мной! Завтра заѣду и къ ней... — Онъ небрежно скаталъ шарикъ изъ записочки и бросилъ его въ жертву Мефисто. Потомъ онъ сталъ передъ зеркаломъ приглаживать свои волосы. Долго любовался Силичъ ихъ лоскомъ и густотой, но, подвинувшись ближе, замѣтилъ нѣсколько сѣдинокъ. Тогда онъ глубоко вздохнулъ и опустилъ голову.

Въ это время Фадѣевъ возвращался послѣ утомительныхъ лекцій. Фуражка съ синимъ околышемъ, надѣтая нѣсколько на-бокъ, плохо защищала глаза его отъ красноватыхъ лучей солнца, которые ярко отливались на его золотистыхъ волосахъ. Фадѣевъ вертѣлъ въ рукахъ мелко-исписанную тетрадь и напѣвалъ вполголоса что-то изъ Лючіи. Повременамъ онъ останавливался, радостно глоталъ струю весенняго воздуха и внимательно присматривался къ мелькавшимъ по тротуару дамамъ. Такимъ образомъ онъ вошелъ въ ворота маленькаго домика съ зелеными ставнями.

Если бы, проходя стеклянную галлерею, онъ обернулся, то увидѣлъ бы въ одномъ изъ оконъ наклоненную, темную головку и два большіе глаза, которые глядѣли изъ-подъ кисейной занавѣски. Но онъ спокойно взялся за ручку двери и равнодушно переступилъ порогъ своей комнаты.

Бросивъ на столъ тетрадку и потрепавъ мимоходомъ большую лягавую собаку, которая улеглась подъ печкой, успокоенная этой лаской, Фадѣевъ разстегнулъ сюртукъ, снялъ галстухъ и закурилъ папироску. Онъ задумался, но онъ свѣтло еще глядѣлъ на Божій міръ, и задумчивость его имѣла ясный, безмятежный колоритъ. Вдругъ онъ вскочилъ, бросился къ столу, схватилъ перо, написалъ шибко двѣ строчки и остановился на половинѣ третьей. Подпершись руками, просидѣлъ онъ нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи, потомъ смялъ бумагу, сбросилъ на полъ лежавшія на столѣ книги, разгрызъ перо и крѣпко стукнулъ по столу. Испуганная собака съ громкимъ лаемъ прыгнула къ нему и стала въ оборонительное положеніе, заслонивъ его своимъ тѣломъ. Но Фадѣевъ дурно принялъ ея усердіе; сгоряча онъ ударилъ ее такъ сильно, что бѣдняжка, жалобно завизжавъ, поползла къ печкѣ. Тогда студентъ сталъ большими шагами ходить по комнатѣ; прошагавъ нѣсколько времени, онъ успокоился; снова лицо его приняло кроткое, ясное выраженіе.

Невольно глаза его остановились на зеркалѣ. Онъ подошелъ ближе, посмотрѣлся въ него — и весело улыбнулся.

Пригладивъ свои бѣлокурые волосы и повязавъ кокетливо галстухъ, Фадѣевъ подошелъ къ собакѣ:

— Ну, Каро, добрый Каро, не сердись, говорилъ онъ, гладя красивое животное. Ты прощаешь меня, Каро? добрый, добрый!... Лежи же здѣсь смирно, я сейчасъ возвращусь.... только прежде можетъ быть встрѣчу.... И покраснѣвъ при одной мысли о возможности желанной встрѣчи, онъ прижался лицомъ къ головѣ Каро, поцаловалъ его длинныя коричневыя уши и прощаясь потрепалъ нѣжно его гладкую шею. Дверь затворилась. Каро постоялъ немного на порогѣ, поцарапалъ лапами въ дверь, потомъ вспрыгнулъ на окно и, положивъ лапы на рамку, просунувъ свою толстую морду въ отворенную форточку, важно смотрѣлъ на удаляющагося Фадѣева.

Не одинъ Каро глядѣлъ ему вслѣдъ: таже темная головка виднѣлась сквозь окно и изъ-подъ приподнятой занавѣски сверкали, какъ прежде, большіе глаза.

Стемнѣло. По улицамъ тянулись въ церковь молельщики; это былъ канунъ какого-то большого праздника. На углу показалась дама, въ синей атласной шубѣ и въ сѣрой шляпкѣ неразрѣзного бархата. Фадѣевъ, спрятавшись въ тѣни, пропустилъ далеко впередъ даму и ея ливрейнаго лакея. Черезъ нѣсколько минутъ онъ стоялъ въ церкви и не сводилъ глазъ съ Коврылиной, которая усердно молилась. Когда же она подошла приложиться къ образу, Фадѣевъ поспѣшно протолпился и съ сердечнымъ трепетомъ ждалъ ея взора. Ольга замѣтила студента и привѣтливо ему улыбнулась. Вмѣстѣ они вышли изъ церкви, она сама подала ему руку; Фадѣевъ шелъ молча, съ упоеніемъ прислушиваясь къ звуку ея голоса, душа его была полна невыразимаго блаженства. Ольга замолчала, видя, что ей отвѣчаютъ невпопадъ. Она пристальнѣй стала на него глядѣть по времеменамъ, и медленнѣе шла, и тяжелѣй опиралась на его руку. Сердце студента билось, билось громко, сильно!....

Лунный свѣтъ дѣлалъ лицо его еще нѣжнѣе, и эти волосы, свѣтлые, густые, мягкіе волосы, тихо шевелились отъ дуновенія вѣтерка! Ольга трепетно прижала свою руку къ его рукѣ. Чуть не вскрикнулъ отъ радости Фадѣевъ; въ нѣмомъ восторгѣ онъ положилъ искусительную ручку на свою тревожно подняв-

шуюся грудь; они обмѣнялись страстнымъ взглядомъ. Столько счастія было въ ихъ лицахъ, столько любви въ сердцахъ ихъ, что они и не замѣтили, какъ одна изъ дамъ, ихъ опередившихъ, оглянулась въ эту самую минуту. Она какъ-будто пошатнулась, какъ-будто поднесла руку къ груди, потомъ къ глазамъ, но ни Коврылинѣ, ни Фадѣевъ этого не замѣтили. Высокая, худая старушка взяла ее подъ руку и проговорила съ нѣкоторой досадой:

— Чтò ты останавливаешься безпрестанно? я озябла и устала. Ахъ, Господи Боже мой, какъ ты меня мучишь, Саша! — Въ отвѣтъ на ея слова послышался легкій вздохъ, и обѣ ускорили шаги.

V.

Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты?...
Противъ усталости и скуки
И своенравія мечты?

М. Лермонтовъ.

На слѣдующее утро Ольга, веселая какъ жаворонокъ, впорхнула къ Александринѣ. Александрина сидѣла въ гостиной за фортепьяно; лѣвая рука ея лежала на клавишахъ, правой она облокотилась на пюпитръ и подперла голову. На пюпитрѣ развернуты ноты, на столѣ раскрыта книга, у окна пяльцы съ работой; шерсти и шелки перепутаны, узоръ смятъ: видно, что за все по-очереди принимались и все оставляли. Ольга бросилась на шею Александринѣ, та слегка вскрикнула.

— Я пришла звать тебя къ себѣ.

— Не могу, Ольга. Maman нѣтъ дома и къ тому же....

— И къ тому же, ты просто не хочешь.

— Нѣтъ, но мнѣ надо играть, позаняться серьёзно музыкой, пьесу новую учу.... да кончить хочется листокъ на подушкѣ.

— То есть ты мнѣ рѣшительно отказываешь, недобрая ты, право. Мнѣ такъ хотѣлось поговорить съ тобой!

— Чтóжь, поговоримъ здѣсь.

— Нѣтъ-съ, вамъ надо заняться музыкой и кончить листокъ на подушкѣ, сказала обиженнымъ тономъ Ольга.

— Ты сердишься!

— Ни мало. Впрочемъ, если мнѣ и досадно, такъ на себя только, зато, что я не умѣю прятаться съ чувствами и мыслями такъ какъ другіе, что во мнѣ нѣтъ этого глубокаго эгоизма!

Александрина улыбнулась и едва замѣтно пожала плечами.

— Если я хотѣла увесть тебя, то для того, чтобы поговорить на свободѣ. Намъ надо поговорить о многомъ, продолжала она таинственно; — я не эгоистка, я привыкла дѣлиться чувствами, а ихъ теперь такъ много, такъ толпятся они здѣсь! И она указала на сердце, сладостно вздохнувъ.

— Опять о Силичѣ, сказала смѣясь Александрина.

— О Силичѣ! не слишкомъ-то вы догадливы. Онъ мнѣ ужасно надоѣлъ, и, признаюсь, даже встрѣчаться съ нимъ мнѣ очень бы не хотѣлось. Вообрази, съ тѣхъ поръ вѣчно старается застать меня наединѣ, и сегодня вечеромъ вѣрно явится, потому-что успѣлъ провѣдать, что Илья Ильичъ уѣхалъ.

— Немножко неделикатно!

— Глупо, безъ обиняковъ, а для меня пренесносно!

— Слѣдовательно, любовь твоя погасла и сердце спокойно. Я рада за тебя, Ольга.

— Напротивъ, сердце вовсе неспокойно. О, какъ я любима! о, въ этотъ разъ ты не станешь жалѣть обо мнѣ.

— Александрина устремила на нее глаза, едва переводя дыханіе.

— Вспомни, ты сама говорила, что могла бы любить существо прекрасное, благородное.

— Развѣ Силичъ не хорошъ? развѣ сердцемъ онъ не благороденъ? проговорила Александрина, усиливаясь казаться веселой.

— Можетъ быть.... но я его не люблю.

— Однако его очень можно любить, продолжала она ободрясь. — Въ немъ отсутствіе всего смѣшного, изящество въ пріемахъ, въ костюмѣ....

— И въ послѣднемъ болѣе, нежели въ первомъ. Послушай, вчера иду я отъ всенощной.... ты не была въ церкви?

Александрина не отвѣчала.

— Вообрази, какъ ты думаешь, кого я встрѣтила? Фадѣева. Онъ....

Тутъ она стала понижать постепенно голосъ, но говорила съ замѣтнымъ одушевленіемъ. Вставъ со стула и оперšись на плечо Александрины, блистая румянцемъ, блистая восторженнымъ взоромъ, она разсказала извѣстную вамъ сцену.

Александрина принужденно улыбнулась побѣлѣвшими губами, прошла неровными шагами по комнатѣ и провела дрожащей рукой по клавишамъ. Звукъ ихъ болѣзненно откликнулся въ душѣ ея и чуть не вызвалъ слезъ на рѣсницы. Она опустила голову, глубоко вздохнула и, оперšись рукой на пюпитръ, обернулась къ Ольгѣ. Съ минуту смотрѣли онѣ другъ на друга, обѣ сбирались съ мыслями или обѣ были смущены.

Еще не погасъ румянецъ и блескъ глазъ Коврылиной, а Александрина повернула къ ней блѣдное лицо и остановила на ней мертвый взоръ.

— Ты права, Ольга, сказала она робко и съ видимымъ усиліемъ: — то есть ты можешь быть права, бросивъ ему свое сердце, но.... ты прежде его не любила.... быть можетъ твое теперешнее чувство тоже не любовь. Если же я ошибаюсь, если это чувство такъ сильно, такъ глубоко заронено, то.... то мнѣ, кажется, что ты тогда еще болѣе должна бы.... что ты не должна его любить.

Ольга покраснѣла, быстро подошла къ фортепьяно и произнесла съ живостію:

— Я не должна его любить, потому-что онъ можетъ быть любимъ сильно.... потому-что я могу его сильно любить, да ты тоже права, Александрина! но если вся жизнь моя прошла безцвѣтно, если молодость гаснетъ, если я до сихъ поръ такъ упорно отказывалась отъ любви, если сердце умѣло стеречься отъ этого чувства, и разъ, только одинъ разъ, оно откликнулось во мнѣ, ты должна понять, что мнѣ не легко заглушить его. И зачѣмъ? не для того ли, чтобы долгіе годы старости не освѣжались ни однимъ воспоминаніемъ, чтобы все было мертво прежде смерти? это душевное схимничество можно ли назвать счастіемъ!...

Голосъ ея задрожалъ, она поднесла платокъ къ глазамъ.

— Хорошо, Ольга, хорошо, ты, кажется, кончила. Ты говоришь о безцвѣтной жизни, а чѣмъ же ты назовешь мою жизнь? не такъ ли точно все заглушено въ моей душѣ, только внѣшняя моя жизнь далеко не такъ счастлива, какъ твоя. Мало ли ты со-

чтешь дней мирнаго счастія? истомилось ли въ тебѣ сердце, изболѣлась ли душа? Ты знаешь себя: была ли любовь для тебя потребностію? Нѣтъ, это была фантазія твоего сердца, прихоть самолюбія. Ты только представляешь себѣ возможность горькой жизни и голосъ твой уже полонъ тревоги и слезъ, а если бы жизнь твоя была въ самомъ дѣлѣ горька... Послушай, Ольга... (Она стала запинаться и краснѣя опустила голову) прежде я не любила Фадѣева, но вы.... вы своими шутками сблизили и освоили меня съ мыслію о возможности его любви ко мнѣ.... Ольга слегка покраснѣла. — Прежде я видѣла, я понимала, что онъ тебя любитъ, а потомъ... стала думать, что я ошибаюсь, что... И вчера я шла впереди и все видѣла, только....

— Только что?

— Боже мой! Боже мой!

— Я не виню тебя, Ольга, но согласись, что если бы онъ тебя не встрѣтилъ, что если бы ты.... жизнь твоя не измѣнится безъ любви его, ты сама это чувствуешь, я знаю; а для меня развѣ жизнь это? впрочемъ видно такова судьба моя. Только тяжело думать, что счастіе было такъ близко, такъ возможно....

— Александрина, я перестану съ нимъ встрѣчаться, и онъ забудетъ обо мнѣ, прошептала Ольга блѣднѣя.

— Не скоро забудетъ, возразила грустно Александрина.

— Ну, такъ скажи ему, что я не стою любви, что я кокетка....

— О, этого я не могу!

— Хорошо же, такъ я напишу къ нему.

И Коврылина тихо вышла изъ комнаты. Александрина ее не провожала, не подошла даже къ окну посмотрѣть на нее; посреди комнаты стояла она, удерживая рукой сильно бьющееся сердце и прерывисто дыша.

Спустя нѣсколько дней, Фадѣевъ получилъ письмо. Оно было написано по-русски, вопреки принятому правилу, и четкимъ, твердымъ почеркомъ. Сердце Фадѣева отгадало автора. Къ Александринѣ былъ посланъ оригиналъ письма въ то самое время, когда къ нему дошла копія. Вотъ содержаніе письма:

«Вы любите меня и любите истинно; вотъ почему я уѣзжаю «надолго и принимаю твердое намѣреніе не встрѣчаться съ ва«ми. Право не знаю, должна ли я продолжать. Боюсь оскорбить «васъ признаніемъ; оно заставляетъ меня краснѣть, оно, вѣрно,

«унизитъ меня въ глазахъ вашихъ. Я бы могла сказать, что люб-«лю васъ, но... вы можете пламенно, глубоко любить, вы такъ «молоды, что любовь не можетъ быть у васъ шуткой или ми-«нутной прихотью.

«Завидую вамъ и стыжусь себя, потому-что во мнѣ вы не «найдете любви. Не думайте, что я по величію души дѣлаю изъ «себя жертву обязанностей и всѣхъ ихъ предубѣжденій. Пой-«мите меня, я никогда не любила и не буду любить. Это чув-«ство мнѣ чуждо, непонятно, странно, смѣшно даже. Я старѣе «васъ, поэтому вы бы мнѣ всегда казались ребенкомъ, а ваши «чувства — ребячествомъ; я не въ состояніи понять всей свято-«сти юной, пламенной души. Говорятъ, что добродѣтельное со-«знаніе уменьшаетъ вину въ половину, раздѣляете ли вы это «мнѣніе? Прощайте — и, если можете, простите меня!...»

Фадѣевъ смялъ письмо въ рукѣ и ударилъ себя кулакомъ въ грудь. Черезъ минуту, онъ сидѣлъ на полу подлѣ Каро, обвивъ руками его шею и печально положивъ свою голову на голову собаки. Не знаю, сколько времени онъ провелъ въ грустномъ раздумьи; двѣ, три слезы безсильной досады разсыпались по гладкой шерсти Каро, и тихо задремалъ Фадѣевъ какъ утомленное, сплакавшееся дитя. Когда же очнулся онъ отъ своей дремоты, солнце догарая смотрѣло привѣтливо на землю какъ въ тотъ памятный день, — какъ въ тотъ день, недокуренная папироска и нѣсколько книгъ лежали подъ столомъ. Каро смотрѣлъ на него во всѣ глаза, испуганный порывистымъ движеніемъ, которое онъ сдѣлалъ вставая. Фадѣевъ сталъ медленно ходить по комнатѣ. На сердцѣ у него лежала огромная тяжесть, и думать онъ не могъ, и досадно ему было, и смѣшно, и горько....

Въ это время, за стѣной, мѣрно и плавно раздавался романсъ Гензельта. Непостижимо и невысказываемо трогаютъ душу невыразимая прелесть мягкихъ аккордовъ, необыкновенная послѣдовательность мотива, грусть и нѣга разлитыя въ цѣломъ. Фадѣевъ сталъ прислушиваться. Но сквозь стѣну звуки доходили не совсѣмъ явственно: piano терялось въ воздухѣ, morendo вовсе не было слышно. Фадѣеву сдѣлалось досадно. Ему захотѣлось послушать музыку, вздохнуть подъ аккордъ Гензельта, и онъ очутился у сосѣдокъ. Александрина играла, онъ слушалъ ее съ наслажденіемъ. Потомъ они разговорились о му-

зыкѣ, обо всемъ изящномъ и о поэзіи истинной, животворной. Они увлекались, спорили.

Фадѣевъ прочелъ свое послѣднее стихотвореніе: его приняли съ восторгомъ,— сыгралъ два вальса и польку: ему весело улыбались; взоръ его оживился, засверкалъ. Вбѣжалъ Каро шумя, радостно, и улегся подъ стуломъ Александрины. Прошелъ вечеръ, Фадѣевъ возвратился въ свою комнатку. Только тогда замѣтилъ онъ, да и то не прежде какъ совсѣмъ уже ложась въ постель, что онъ вовсе не грустилъ въ этотъ вечеръ, что вмѣсто отчаянія, въ которое онъ боялся впасть, преспокойно засыпаетъ и даже начинаетъ грезить о чемъ-то веселомъ. Все это ему казалось очень страннымъ, но въ психологическія изслѣдованія пускаться онъ не хотѣлъ и заснулъ крѣпко, безмятежно.

Черезъ нѣсколько дней Фадѣевъ снова у сосѣдокъ. Тамъ опять, тамъ чаще и чаще, и къ концу мѣсяца сталъ приходить ежедневно. Очевидно, новое чувство заронилось въ юную душу, но никогда ни слова о любви, а со стороны Александрины ничего, чтó бы могло вызвать на это слово. Нерѣдко она вспоминала Ольгу, и совѣстно становилось ей передъ этимъ воспоминаніемъ. Она ее воображала измѣнившейся, похудѣвшей, она ее видѣла всегда одну съ своей грустью, одну съ своей любовью. Она думала о ея добровольной жертвѣ, о великости этой жертвы, и упрекала себя.

Въ сердцѣ, въ женскомъ сердцѣ много невысказываемаго и непонятнаго. Для многихъ непостижимо соединеніе столькихъ нерѣдко противоположныхъ чувствъ, а между тѣмъ лучшіе аккорды составляются изъ многихъ, изъ разныхъ нотъ. Правда, что всѣ ноты находятся подъ вліяніемъ цѣлаго—гармоніи, но и чувства тоже ярко опредѣляются сильнѣйшимъ изъ чувствъ. Слѣдовательно, между множествомъ такъ называемыхъ противоположныхъ чувствъ есть невидимая связь, есть неразрывная, гармоническая послѣдовательность. Въ женскомъ сердцѣ тысячи струнъ, до такой степени перепутанныхъ, что тронь одну и всѣ задрожатъ, всѣ откликнутся. Но все это понятно для очень не многихъ. Бóльшая же часть привыкла только удивляться столкновенію противоположныхъ чувствъ, и потому не пойметъ въ Александринѣ этого совѣстливаго движенія души. Трудно вообразить себѣ, до какой степени ей больно было видѣть ироническую улыбку Фадѣева при имени Ольги, подмѣ-

тить горечь разочарованія въ его сужденіяхъ о Коврылиной. Впрочемъ они рѣдко говорили о ней. Фадѣевъ избѣгалъ подобныхъ разговоровъ, Александрина не искала ихъ; а между тѣмъ какъ часто думала она о ней, на какой пьедесталь ставила ее, какъ становилась на колѣни передъ ея воспоминаніемъ. «Она выше меня, она лучше меня!» повторяла она безпрерывно и мучилась этимъ.

Съ отъѣздомъ Коврылиныхъ Лиза почти поселилась у Александрины. Она не была посвящена въ тайны Ольги и въ свои минуты скуки сердилась на нее за скуку, писала къ ней длинныя письма, надоѣдала выговорами, упреками и просьбами поскорѣе пріѣхать.

— Да напиши ты къ ней, Александрина!

Александрина брала бумагу, обмакивала перо, а писать не смѣла. Ни одна буква не выливалась на бумагу, и только носокъ пера оставлялъ на ней едва замѣтную точку, спустившись изъ нерѣшительной руки. Она чувствовала, что она любила, и боялась обнаружить свою тайну, уязвить и безъ того уже страждущую душу. Мужчину бы такая мысль не остановала; онъ написалъ бы огромное письмо, въ которомъ легко найдемъ всѣ потребности встрѣчъ, разговоровъ, даже взглядовъ двухъ счастливцевъ; онъ бы повѣрялъ свои тайныя надежды, не понимая, что тѣмъ терзаетъ васъ. Онъ даже не подумаетъ, что вы здѣсь лицо не постороннее, ему некогда думать о васъ, потому-что онъ слишкомъ занятъ собой. Но въ женщинѣ совѣстливость особенно сильно развита; умъ женскій гибче, сердце впечатлительнѣй. Въ себѣ она видитъ другихъ, въ другихъ — себя, вотъ отчего всѣ чувства женщины согрѣты участіемъ.

Наступило лѣто. Фадѣевъ сталъ поговаривать, что академическій годъ приходитъ къ концу, что это послѣдній годъ его студенческой жизни, что жить въ деревнѣ у матери одному скучно, что уѣзжать отсюда не хочется. Александрина при этомъ смущалась, Фадѣевъ, взглянувъ на нее, невольно умолкалъ. Но разъ какъ-то, когда они сидѣли одни и разговоръ коснулся этой точки, въ голосѣ Фадѣева, во взорѣ его отразилось грустное чувство; Александрина глубоко вздохнула и, чувствуя, что пламя разливается по щекамъ, бросилась къ окну. Тутъ стала она смотрѣть Богъ вѣсть куда и на что; въ комнатѣ начинало темнѣть, на улицѣ никого не было, кромѣ дремавшаго извощика.

Фадѣевъ подошелъ къ окну и нагнулся. Волосы ихъ смѣшались. Александрина инстинктивно отодвинулась, хотѣла еще подвинуться, но рука Фадѣева удержала ее за талію. Онъ глядѣлъ ей въ глаза, улыбался сладостно, тихо, смущенный, взялъ ея руку и положилъ на сердце, которое рвалось изъ груди. Голова Александрины склонилась къ нему на плечо, и губы стыдливо коснулись его сюртука.

VI.

И сердце и горитъ, и любитъ оттого,
Что не любить оно не можетъ.

Пушкинъ.

Кто-то сказалъ, что счастіе глупо, потому-что дѣлаетъ насъ глупыми. Счастье не порождаетъ глубокихъ идей въ человѣкѣ, не развиваетъ въ немъ способности мышленія, а даже притупляетъ ее, слѣдовательно какъ-будто дѣлаетъ насъ глупыми. Это заключеніе не неоспоримо; впрочемъ въ немъ есть зерно истины. которое представляю взростить и развить желающимъ. Я хотѣла описать счастіе жениха и невѣсты. счастіе Фадѣева и Александрины, но перо не слушается. А право странно, что счастіе не имѣло своего истолкователя, едва ли имѣло повѣствователя и вѣрнѣе всего не имѣло бы страстныхъ читателей. Попробуйте описывать счастіе,— одни скажутъ неправда, другіе — вздоръ. вяло. Отчего вяло? отчего не занимательно, когда оно такъ рѣдко? Посмотрите вокругъ, загляните въ любую книгу: горе человѣческое не переводится ни на землѣ, ни въ романахъ.

Говорятъ, что умирать грустно. Богъ знаетъ, отчего въ самой мысли о смерти есть нѣчто пугающее воображеніе и странно дѣйствующее на чувства. Точно будто душа обижается. Да, это чувство передается лучше всего словомъ: обижается. Смерть — глубокая тайна. Мой взоръ не проникнетъ ея, онъ радъ отдохнуть на двухъ юныхъ, плѣнительныхъ головкахъ.

Для сватьбы ждали окончанія академическаго года. Лиза была въ восторгѣ и яркими красками описывала счастіе Александрины въ письмѣ своемъ къ Ольгѣ. Она даже написала на цѣломъ листѣ къ Ильѣ Ильичу, убѣждая пріѣхать съ женой по-

скорѣе. Сидя вдвоемъ съ Александриной за пяльцами, онѣ составляли восхитительные планы въ будущемъ или придумывали разные маленькіе сюрпризы для Фадѣева. Какъ баловали его угодливостію, какъ нетерпѣливо всегда ждали его! Возвращался ли Фадѣевъ съ лекціи, Лиза еще на лѣстницѣ встрѣчала его словами:

— Чтó это васъ такъ долго продержали? Да какъ вы медленно идете, ужасъ, право! Я уже два часа какъ у Александрины, и мы васъ ждемъ не дождемся.

Фадѣевъ благодарилъ ее легкимъ пожатіемъ руки и, дружески кивнувъ ей головой, шибко взбѣгалъ по ступенямъ. Съ шумомъ отворялись двери, жарко цаловалъ онъ руку своей невѣсты, вбѣгала Лиза, и черезъ минуту у нихъ подымался такой шумъ, такой веселый хохотъ, что даже серьёзное, печальное лицо матери Александрины озарялось на мгновенье тихой радостью, и строгій взоръ ея поблеклыхъ глазъ прояснивался и смягчался.

Получили письмо отъ Коврылиныхъ. Ольга поздравила Александрину и обѣщала пріѣхать на сватьбу. Илья Ильичъ самъ назывался въ *посаженые отцы*. Тонъ письма былъ самый дружественный и веселый; у Александрины не много отлегло отъ сердца. Письмо это было вложено въ конвертъ письма къ Лизѣ, и Лиза, отдавая его, замѣтила трепетъ руки Александрины. Разворачивая, Александрина покраснѣла и видимо встревожилась; невѣрной рукой протянула она письмо Фадѣеву, но тотъ разсѣянно пробѣжалъ его глазами и равнодушно бросилъ на столъ. Тогда она бросилась на шею Лизѣ и крѣпко сжала ее въ своихъ объятіяхъ.

— Чтò съ тобой, за что ты меня такъ цалуешь!

Она не могла повѣрять своихъ завѣтныхъ тайнъ Лизѣ. Эти два характера удивительно разнились. Вамъ вѣрно случалось видѣть молоденькую птичку: сидитъ на кустѣ охорашиваясь, расправляя свои перышки, вдругъ перелетитъ съ маленькимъ крикомъ на другой, закружится въ воздухѣ, погонится за мухой, спрячется въ траву и снова вспорхнетъ залившись пѣсней, безсчетно веселой. Такова Лиза: она то здѣсь, то тамъ, то сядетъ, то вспрыгнетъ, — была въ этой комнатѣ — и порхнула въ другую, — возьметъ два аккорда и схватитъ книгу, тамъ побѣжитъ къ окну, задѣнетъ столъ, опрокинетъ что-нибудь, толкнетъ васъ,

испугаетъ бросившись изъ-за дверей, начнетъ говорить одно и кончитъ другимъ..... Съ ней нельзя было говорить, она васъ не слушала. То не былъ разговоръ, а милый, совершенно дѣтскій лепетъ; гнѣвъ ея былъ дѣтскій, ласки дѣтскія: ей осьмнадцать лѣтъ. Есть характеры вѣчно юные, а Лиза имѣла такой характеръ. Она любила спорить, потому-что споря имѣла случай пошутить болѣе обыкновеннаго. Многія изъ ея сужденій были ложны до смѣшного, многія идеи забавны поразительно; она никогда ничего не соображала, никогда не дѣлала никакихъ наблюденій, бо́льшую часть наукъ знала только по названіямъ, писала безъ ошибокъ по одному навыку, не понимала Шуберта, зѣвала надъ романсами Гензельта, а о Мендельсонѣ-Бартольди и слышать не хотѣла. Зато играла всѣ существующія польки, всѣ стремительные галопы, всѣ бурные вальсы. Мазурку она особенно любила: слегка согнувъ гибкую талію и отбросивъ головку назадъ, заглядывая сверкающимъ взоромъ въ глаза своему кавалеру, улыбаясь ему заманчиво, она неслась въ восторгомъ, съ упоеньемъ. По части литературы она читала Дюма и Евгенія Сю, наслышавшись, что они въ модѣ, но и въ нихъ она пропускала всѣ разсужденія и часть описаній, а объ отечественныхъ талантахъ вовсе не заботилась.

Александрина многому училась и много училась, а еще болѣе читала; такимъ образомъ не было ничего ей совершенно чуждаго. Заключенія ея были основательны, идеи вѣрны и глубоки, умъ гибокъ, остеръ, и соображеніе удивительно быстро. Она не рѣдко бывала полезнымъ совѣтникомъ и всегда смѣлымъ антагонистомъ. Покоряясь ея вліянію, Фадѣевъ перечеркивалъ цѣлыя страницы, вырывалъ листки изъ своихъ сочиненій. Послѣ каждой такой жертвы ему становилось стыдно и досадно, стыдно передъ собой и досадно на Александрину. Но затая досаду, онъ приходилъ къ невѣстѣ, хотя молчаливый, грустный, недовольный. А тамъ такъ мило ребячились, такими милыми дѣтскими проказами его встрѣчали, что досада разсѣевалась мгновенно. Если Лиза напоминала молоденькую птичку, то Александрина удивительно походила на Ундину. Темнокудрая Ундина, она рѣзвилась какъ дитя и вдругъ умолкала, притихнувъ садилась въ уголокъ, безъ причины задумывалась и только грустно улыбалась въ отвѣтъ на тревожную заботливость, ласки и страстныя слова Фадѣева. Какъ Ундина она была всегда подъ влі-

яніемъ быстрой мысли, мимолетнаго, но потрясающаго чувства. Душой она любила все изящное и понимала все глубокое. Умъ ея обнималъ вдругъ то, надъ чѣмъ трудился, что̀ изучалъ Фадѣевъ. И его стало мучить сознаніе духовнаго превосходства Александрины, и не охотно сталъ ей повѣрять Фадѣевъ свои труды: онъ щадилъ свое самолюбіе. Александрина разгадала это и сама стала избѣгать всѣхъ преній, а если разговоръ попадалъ на серьёзный ладъ, то она всячески старалась потѣшить его горделивую, раздраженную душу. Онъ торжествовалъ, голосъ его полнѣлъ; онъ мысленно облекался въ докторскую мантію, онъ драпировался ею, съ особенной любовью! Александрина понимала это и улыбалась. Не разъ Фадѣевъ подбѣгалъ къ своей невѣстѣ, жарко целовалъ ея руки, обнималъ гибкую талію. Тогда Лиза покраснѣвъ и засмѣявшись убѣгала изъ комнаты или отворачивалась, и незамѣтный вздохъ слегка поднималъ ея грудь. Какая же мысль смущала своенравную головку, какое чувство западало въ сердце?

Въ этотъ мигъ беззаботное, юное сердце громко стучало въ взволнованную грудь и говорило ей, что она тоже могла бы любить, что любовь—высокое блаженство. И чаще, чаще стала она говорить себѣ, что и она можетъ когда-нибудь любить сильно, нѣжно какъ Александрина,—какъ она ходить рука объ руку съ своимъ женихомъ, любоваться имъ гордо и смѣло.

Ей становилось грустно, грустно!... Она садилась вдалекѣ отъ другихъ и неподвижно смотрѣла на Фадѣева.

— Счастливица Александрина! какой онъ хорошенькій! говорила она тихо, но такъ тихо, что губы ея почти не шевелились.

Однако эти неслышныя слова откликались въ ея сердцѣ и оно вздрагивало, сотрясенное ими, и принималось сильно биться.

Съ какимъ наслажденіемъ она слушала Александрину, когда та, наединѣ съ ней, высказывала чудное увлеченіе этого чувства, раскрывала его поэтическія стороны, возвышала его, рисовала передъ взорами своей слушательницы граціозныя, плѣнительныя картины. Лиза не прерывала ея, но глаза ея сыпали искры, дрожащій лучь выливался изъ нихъ; разгорѣвшіяся щочки и полуоткрытыя губки показывали, что каждое слово находило отголосокъ въ ея сердцѣ, что каждое чувство ярко отражалось въ душѣ.

VII.

Oh! que ne puis-je oublier comme on m'oublie!

Lord Byron.

Въ Лизѣ стали проявляться странности. Случалось, что она безъ досады рѣшительно не могла видѣть Фадѣева, всѣ сужденія его находила несносными и шуткамъ не смѣялась. Не говоря ни слова, нахмуривъ брови, она садилась въ сторонѣ отъ всѣхъ. Лучше бы ей совсѣмъ уйти, но она, не знаю почему, всегда находила причину оставаться, только все время упорно молчала. Напрасно Александрина старалась помирить ее съ Фадѣевымъ, онъ тоже былъ порой не на шутку раздосадованъ, становился угрюмымъ, скучнымъ, то цаловалъ руки своей невѣсты, то говорилъ съ ней нетерпѣливо, сердился за ея заботливые вопросы и обижался замѣчаніями. Обыкновенно, повздоривъ съ Лизой, онъ раньше уходилъ въ свою комнату, а Лиза не показывалась нѣсколько дней у Александрины. Мало-по-малу обращеніе ея съ Фадѣевымъ сдѣлалось замѣтно принужденнымъ, веселость пріутихла. Отъ всего этого сердце Александрины сжималось, но она не добивалась отъ Лизы истолкованія такихъ внезапныхъ перемѣнъ. Только губы ея блѣднѣли, легкія морщины не замѣтно ложились подлѣ ея бровей.

Фадѣевъ, соскучась упрямой досадой Лизы и ея безпричиннымъ гнѣвомъ, взялся за фуражку.

— Куда это вы, Serge? сказала Александрина, ставъ въ дверяхъ и ласково взявъ его за обѣ руки. — Только-что подали свѣчи, а вы уже бѣжите. Вамъ жаль какого-нибудь получаса для меня.

— У меня голова болитъ., отвѣчалъ онъ съ досадой: — я приду попозже.

— То есть, когда меня не будетъ, сказала насмѣшливо Лиза.

— Вы отгадали.

Лиза вспыхнула.

— Я и теперь могу уйти!

— Какъ вамъ угодно.

Лиза расплакалась и схватила шляпу, Фадѣевъ, уходя, хлопнулъ дверью.

Вслѣдствіе этой сцены Лиза приходила къ Александринѣ только въ тѣ часы, когда Фадѣева не было дома. Фадѣевъ сталъ скучать, что ея давно не видно, шутилъ надъ ея гнѣвомъ, просилъ Александрину помирить ихъ. Лиза улыбалась, выслушивая разсказы и просьбы Александрины, и продолжала начатую роль. Эта ссора занимала ихъ сильно; Лиза разспрашивала о Фадѣевѣ. Фадѣевъ о Лизѣ, Александрина задумывалась. Вдругъ Фадѣевъ прекратилъ свои разспросы, рѣже приходилъ къ невѣстѣ; видимо измѣнялось его обращеніе; глаза приняли выраженіе грустное, улыбка безотчетная, разсѣянная, блуждала лѣниво по сжатымъ губамъ. Онъ тосковалъ; Александрина это понимала. Фадѣевъ окончилъ курсъ, сватьба была назначена черезъ два мѣсяца. Ласки Фадѣева дышали холодомъ, Александрина принимала ихъ съ грустной улыбкой. По цѣлымъ часамъ она не сводила съ него глубокого, долгаго взгляда. Уходилъ ли онъ, она съ любовью провожала далеко его взоромъ, на щекахъ вспыхивалъ перемѣнчивый румянецъ, губы слегка блѣднѣли и на густыхъ рѣсницахъ проблескивали слезы. Все это было мгновенно, но болѣзненно поражало душу.

Въ гостиной, подъ вечеръ, маленькая сестра Александрины наряжала куклу свою въ самый прихотливый чепецъ, какой только когда-либо существовалъ.

— Гдѣ Александрина? входя спросилъ Фадѣевъ.

Дѣвочка не отвѣчала.

— Маша, милочка, скажи, гдѣ Александрина, повторилъ онъ, цалуя ее въ пухленькую щочку.

— Пошла провожать Лизу.

— Лиза была здѣсь?

— Да, вотъ посмотрите, какъ растрепала мою бѣдную куклу. Не берите ея, она теперь не интересна и не хочетъ вамъ кланяться.

— Ты шалунья, Маша.

— Лиза хуже меня шалитъ.

— Такъ она весела сегодня?

— Очень, а Александрина такая скучная, глаза у ней красные, голова болитъ, что ли. Лиза играла на фортепьяно, смѣялась надъ вами.

— [illegible] играла?

— Такъ [illegible]

Фадѣевъ сѣлъ за фортепіано и сталъ играть съ [illegible]нымъ чувствомъ. Нѣсколько разъ [illegible] онъ [illegible] любимой [illegible] Анны. Грудь его сильно [illegible]. Съ послѣднимъ аккордомъ [illegible] грустный [illegible]. Александрина давно уже наблюдала выраженіе его лица, прислонясь къ дверямъ; она тихо подошла къ нему и [illegible] руки на его плечи.

— Serge, прошептала она, и [illegible] въ него [illegible] взоромъ.

Голосъ ея въ эту минуту былъ звукъ [illegible] капли, падающей съ высоты на желѣзо. Фадѣевъ вздрогнулъ и закрылъ инстинктивно глаза. Онъ рванулся встать со стула, но рука Александрины удержала его, крѣпче прижавшись къ его плечу. Умоляющій взоръ Фадѣева встрѣтилъ неподвижные глаза Александрины; сердце ея страшно билось. Онъ опустилъ голову и закрылъ пылающее лицо руками.

— Такъ это правда? прошептала Александрина. — Serge, отчего вы боитесь моего взгляда, сказала она черезъ минуту, осторожно отнявъ его руки отъ лица. — Ваши глаза еще вчера искали моего взора съ любовью; ахъ, какъ они лгали, Serge!.... Вы меня щадили, потому-что вы меня не знаете, это меня не оскорбляетъ. Я сама хотѣла обманываться, но не могла. Вы понимаете, что послѣ этого намъ надо разстаться.

— Вы должны презирать меня!

Она отошла молча.

— Я уѣду отсюда навсегда, клянусь, уѣду, проговорилъ Фадѣевъ.

— Зачѣмъ? спросила Александрина.

Онъ смутился, встрѣтивъ ея холодный, удивленный взоръ.

— О, непремѣнно уѣду, повторилъ онъ безсознательно.

Александрина подняла голову, голосъ ея принялъ гордое, повелительное выраженіе.

— А если она васъ любитъ, а если.... вы оба можете быть счастливы, понимаете ли? Чего вы боитесь? Въ свѣтѣ ничего не скажутъ; въ свѣтѣ меня не знаютъ, какое имъ дѣло, что со мной, и почему. Видите ли, бѣдность имѣетъ свои выгоды.

Александрина была уже на порогѣ, Фадѣевъ удержалъ ее. Онъ понималъ, что тутъ слова напрасны, объясненія неумѣст-

ны, мольбы смѣшны, — и губы его не шевелились. Но его самолюбіе было убито, подавлено этимъ неумолимымъ спокойствіемъ, этимъ холоднымъ величіемъ. Рука его протянулась съ робкой мольбой.

— Мы разстаемся друзьями, увѣряю васъ, сказала Александрина, ласково пожавъ ее. — То, что я вамъ сказала, monsieur Ѳадѣевъ, внушено мнѣ дружбой, и вы дурно сдѣлаете, если не послушаете меня.

Весь вечеръ просидѣла она подлѣ матери, дѣлая видъ, что читаетъ книгу. Утро застало ее передъ образомъ на колѣняхъ. Она не молилась и не плакала. Звѣзды гасли; за открытымъ окномъ трепетала осина, свѣжій вѣтеръ осторожно смѣталъ нѣсколько облетѣвшихъ листьевъ, Александрина думала о Ѳадѣевѣ. Но что она думала? что онъ ничтоженъ, что не стоитъ ея, что его прихоть оскорбила сердце полное любви и вырвала у него жизнь, и болѣе нежели жизнь – счастіе? Нѣтъ, она думала, что взглядъ его ясенъ и свѣтитъ тихой любовью, что волосы его съ нѣгой падаютъ вдоль оживленныхъ щокъ, что улыбка его губъ плѣнительна, что его голосъ полонъ мягкихъ, нѣжныхъ звуковъ.

Потомъ голова ея тяжело упала на сложенныя руки и горячія крупныя слезы молчаливо закапали на окно, — сердце ея разбилось!...

На слѣдующій день она была повидимому совершенно спокойна; глаза только утомлены и щоки блѣднѣе обыкновеннаго. Мать ничего не замѣтила, но Александрина заговаривала о Ѳадѣевѣ самымъ непріязненнымъ образомъ. На вопросъ: что это значитъ? она отвѣчала шутливо; но въ ея шуткѣ отозвалось горькое чувство. Александрина ушла изъ дому, Ѳадѣева попросили къ Варварѣ Степановнѣ.

— Объясните мнѣ, Сергѣй Сергѣичъ, что у васъ съ Александриной, сказала она. — Не можетъ быть ничего важнаго, я увѣрена.

— Напротивъ, Варвара Степановна....

— О, вѣрно вздоръ какой-нибудь, пустая размолвка, досада влюбленныхъ, неправда ли? Но она такъ упряма, отъ нея ничего не добьешься.

— А, такъ она вамъ не сказала?

— Ни слова.

Фадѣевъ вздохнулъ свободнѣе.

— Сергѣй Сергѣичъ, я васъ прошу все сказать, я даже требую, вы должны....

— Увольте меня, Варвара Степановна.

— Вы не хотите мнѣ сказать! Вѣдь я.... вѣдь я что-нибудь же значу для нея, если не для васъ еще....

Въ голосѣ ея прорывалось нетерпѣніе, досада, мольба.

— Я себя чувствую глубоко несчастнымъ, — вотъ все, что́ я могу сказать вамъ, сказалъ твердымъ голосомъ Фадѣевъ.

На него устремился взглядъ, исполненный боязливаго ожиданія и смертной тоски.

— Неужели это не можетъ перемѣниться? произнесла блѣднѣя Варвара Степановна.

Фадѣевъ молча потупилъ голову. Нѣсколько минутъ глубокаго молчанія. Подумавъ немного, Варвара Степановна проговорила съ усиліемъ:

— Если это такъ, то вамъ здѣсь нельзя болѣе оставаться, неправда ли?

— Я завтра же уѣду.

Онъ поклонился и вышелъ тихими, невѣрными шагами. Варвара Степановна проводила его взоромъ и, облокотившись на столъ обѣими руками, заплакала.

— Опять просиживай ночи за иглой, а утромъ смотри на блѣдныя щоки, на покраснѣвшіе глаза.... замѣчай, какъ съ каждымъ днемъ чахнетъ грудь отъ вздоховъ, исчезаетъ здоровье, гибнутъ силы отъ тоски.... Господи, Господи!... И зачѣмъ все это? Съ одной стороны прихоть, съ другой неумѣстная гордость, и вотъ ни за что портятъ будущность, уничтожаютъ счастіе. Она должна сказать мнѣ, они должны помириться!...

Варвара Степановна встала и сдѣлала шагъ къ дверямъ, но рѣшимость ее оставила, Александрина входила въ комнату. Увидѣвъ ледяное спокойствіе ея лица и твердость походки, Варвара Степановна поняла, что воля ея непреклонна, что ждать нечего, что надѣяться нельзя. Одинъ только разъ во всю долговременную жизнь она позволила себѣ надѣяться, ито не для себя, а для дочери. Чувство надежды вырвало ее у безотрадной покорности, зажгло погасавшіе глаза, раздвинуло неподвижныя морщины. И теперь, когда не стало вдругъ ея надеждъ, она только прижала платокъ къ глазамъ, чтобы отереть застывшую,

позабытую слезу, и снова впала въ обычное безчувствіе. Рѣзче прежняго легли неподвижныя, мертвыя морщины, глаза затеплились фосфорическимъ блескомъ, послѣдняя затаившаяся искра сердечной теплоты угасла навсегда. Черезъ день не стало Фадѣева въ домѣ Варвары Степановны.

Въ тотъ же годъ осенью была сватьба Лизы. Я нечаянно попала въ церковь и видѣла Фадѣева въ щегольскомъ фракѣ, съ улыбкой на устахъ и счастіемъ во взорѣ. Въ волосахъ его прекрасной невѣсты дрожалъ букетъ померанцовыхъ цвѣтовъ, бѣлый вуаль бѣжалъ по ея плечамъ, она шла, набожно опустивъ хорошенькую головку. За ней медленно переваливался Илья Ильичъ, далѣе два шафера: уланскій офицеръ и студентъ, окончившій курсъ вмѣстѣ съ Фадѣевымъ, а немного отдѣлясь, Коврылина, весело разговаривающая съ Силичемъ. Силичъ былъ интересенъ, Ольга прекрасна. Бархатная мантилья скользила съ ея плечъ, широкія складки шолковаго платья плѣнительно волновались при каждомъ ея движеніи. Она казалась разсѣянной и горделиво смотрѣла по сторонамъ. Уланъ не сводилъ съ нея глазъ: она это замѣтила, окинула его наблюдательнымъ взоромъ и стала такъ, чтобы онъ могъ ею любоваться безпрепятственно, а между тѣмъ дразнила Силича взглядами и словами. Когда Лиза ступила на коверъ, щоки ея слегка поблѣднѣли, Фадѣевъ глядѣлъ на нее съ восторгомъ. По окончаніи обряда я подошла поздравить новобрачныхъ. Кто-то толкнулъ меня, торопливо скользнувъ мимо; я обернулась, Александрина быстро удалялась, скрываясь въ толпѣ любопытныхъ. Она меня видно узнала, потому-что ужасно покраснѣла и удвоила шаги. Мнѣ было ее невыразимо жаль, и долго, долго потомъ мы не встрѣчались.

VIII.

Wszystko, mi wszystko niebiosa wydarty
Lecz veszty dumy nie moga odebrac!

Къ людямъ иногда непризнанное горе привязывается особенно упорно. Только оно имѣетъ самое разнородное вліяніе на своихъ жертвъ. Иныхъ оно подавляетъ, иныхъ вооружаетъ, въ иныхъ тушитъ навсегда способность чувствовать и мыслить,

въ другихъ настроиваетъ душу къ болѣзненной раздражительности, къ воспріимчивости страданій.

Недавно провела я лѣто въ деревнѣ у родныхъ. Черезъ пять дней послѣ моего пріѣзда мы всѣ были приглашены на вечеръ къ Авдотьѣ Ивановнѣ С.... Мы пріѣхали довольно поздно и застали всѣхъ за карточными столиками; общее молчаніе прерывалось отрывистыми: пасъ!... куплю!... я въ красныхъ!... Авдотья Ивановна усадила новоприбывшихъ за незанятый столъ, указала мнѣ мѣсто въ своей партіи, и мы принялись *за дѣло*. Я никогда не могла постичь искусства вистовать такъ, чтобъ обремизить играющаго, и старалась взять только необходимыя взятки. Судьба привела меня играть въ этотъ вечеръ съ дамой страстно любившей преферансъ, я же къ несчастію была разсѣяннѣе обыкновеннаго. Она нѣсколько разъ довольно крикливо замѣтила мнѣ, что я вѣроятно нарочно такъ дурно играю; къ концу пульки, ея черные локоны развились, какъ-будто послѣ самаго неистоваго галопа. Безпрерывные толки о томъ, какъ должно бы съиграть, претензіи за каждый вновь приписанный ремизъ такъ мнѣ надоѣли, что я, жалуясь на головную боль, попросила кого-то продолжать за меня партію. Странная картина представилась мнѣ. На семи столахъ дамы преусердно сражались: однѣ дѣйствовали съ глубокимъ соображеніемъ, другія горячо и нѣсколько опрометчиво вызывали на бой, многія даже съ нѣкоторой злобой смотрѣли другъ на друга. И сколько усмѣшекъ, язвительныхъ шуточекъ, перемигиваній, многозначащихъ гм, гм! — все это меня удивительно занимало. Изъ сосѣдней комнаты неслись мужескіе голоса. Не я одна прислушивалась къ голосамъ играющихъ, не я одна наблюдала выраженіе ихъ лицъ. Подлѣ единственнаго свободнаго стола сидѣла высокая, худощавая брюнетка. Закрывъ альбомъ каррикатуръ, который она разсматривала, сложивъ руки на колѣняхъ, она смотрѣла прилежно на играющихъ, и странная улыбка пробѣгала по ея губамъ. Холодно и презрительно смотрѣли ея глаза, сверкая сквозь синіе очки. Я гдѣ-то видѣла это лицо, только оно было прекраснѣе, добрѣе. Въ самомъ дѣлѣ, эти тонкія черты вовсе не согласовались съ выраженіемъ принужденности и жосткости, которая, Богъ знаетъ отчего, легла на нихъ; взглядъ этихъ глазъ былъ ярокъ и сухъ, и эта сухость, этотъ блескъ болѣзненно поражали меня. Я подошла къ столу, не сводя съ нея глазъ; она

посмотрѣла на меня, слегка пожала плечами и отвернулась. Замѣтивъ, что я не отхожу, она надменно подняла голову и сказала отрывисто:

— Что, вы изъ физіономистовъ?

Я смутилась и только отрицательно покачала головой.

— Такъ вы должны быть очень любопытны, продолжала она спокойно, снимая очки и вытирая стекла тонкимъ, вышитымъ платкомъ.

— Александрина, сказала я съ невыразимымъ волненіемъ, протягивая ей руку.

— Боже, это вы! произнесла она почти шопотомъ, усаживая меня подлѣ себя.-Какъ мы обѣ перемѣнились, я васъ не узнала.

— И васъ тоже трудно узнать, сказала я.

— Будто! произнесла она, насмѣшливо пожавъ плечами. Да мы обѣ, кажется, не похорошѣли, прибавила она, окинувъ меня взглядомъ. Въ голосѣ ея слышалось легкое волненіе.

— Что же дѣлать.

— Конечно насъ измѣняютъ годы!

— И горести, прибавила я.

Она торопливо оглянулась и сказала скороговоркой.

— Послѣднее не справедливо. Я теперь счастлива, мы разбогатѣли! Васъ это удивляетъ? да и для насъ было рѣшительно неожиданно. Дѣло вотъ въ чемъ: у меня была богатая и бездѣтная тетушка, передъ смертью поссорилась она съ падчерицей, которую хотѣла сдѣлать своей наслѣдницей, и написала духовную въ мою пользу.

— Она кстати о васъ вспомнила, сказала я, поддѣлываясь подъ ея шуточный тонъ, хотя мнѣ, Богъ знаетъ отчего, на сердцѣ становилось холодно.

— Да, кстати.

Она странно улыбнулась и провела рукой по волосамъ.

— Пріѣзжайте *ко мнѣ* въ деревню, сказала она, дѣлая удареніе на словѣ ко мнѣ. Вы сюда надолго?

— Мѣсяца на два.

— Такъ увидимся не разъ, неправда ли?... Какъ горячатся! И она указала на играющихъ.

— А вы не играете?

— Я безтолкова слишкомъ.... Что-то у меня голова болитъ, сказала она, протягивая мнѣ руку. Когда же ко мнѣ?

— Завтра.

— Нѣтъ лучше послѣзавтра. Извините, я съ вами поступаю по-дружески.

Уходя она обернулась и привѣтливо кивнула мнѣ головой. Мнѣ показалось, что лицо ея въ эту минуту просвѣтлѣло. Грустная улыбка пробѣжала по ея губамъ. Всю ночь я думала объ Александринѣ. Мой первый пріѣздъ къ ней не былъ ничѣмъ особенно замѣчателенъ. Я видѣла роскошь въ домѣ, изящество въ убранствѣ его. Варвара Степановна пополнѣла и сдѣлалась веселѣе и несравненно дѣятельнѣе прежняго. Она какъ-будто помолодѣла.

— Маменька поправилась, сказала Александрина, указавъ на нее и вздохнувъ едва замѣтно.

Подъ руку со мной она обошла всѣ комнаты, я любовалась. Спальня ея была убрана въ строгомъ вкусѣ, но прекрасно. Мебель безъ рѣзьбы и вся обита одинаковымъ голубымъ штофомъ съ широкими полосами въ тѣнь. Занавѣски у оконъ бѣлыя кисейныя съ голубой каймой; вмѣсто дверей тяжелая голубая занавѣсь, перехваченная въ нѣсколькихъ мѣстахъ массивными серебряными розетками. Бѣлый мраморный столъ, мраморный каминъ. Въ углубленіи между двумя окнами множество цвѣтовъ, которые распространяли во всей комнатѣ запахъ упоительный, но тяжелый. Я замѣтила это Александринѣ.

— Для меня это наслажденіе, отвѣчала она.

— Подобное наслажденіе убиваетъ.

— Меня не убьетъ. Постойте, я вамъ покажу мой кабинетъ. У меня нѣтъ будуара, а вмѣсто его кабинетъ. Неправда ли, это что-то значительное, важное...

Она посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Вѣрно въ лицѣ моемъ было въ эту минуту выраженіе болѣзненно-грустнаго чувства, которое мной овладѣло, потому-что черты ея вдругъ измѣнились, взоръ смягчился. Грудь высоко поднялась, но вздоха я не слышала. Трепещущая рука торопливо пожала ручку двери, мы очутились въ кабинетѣ. Глазамъ моимъ представилась небольшая, квадратная и свѣтлая комната. Огромное окно было вовсе безъ занавѣсокъ, но вдоль стѣнъ бѣжалъ и вился плющь. Мебель, вся низкая и удивительно покойная, обита темно-фіолетовымъ

бархатомъ. Письменный столъ со всѣми своими принадлежностями; статуэтки Байрона и Гёте, портреты Пушкина и Лермонтова, Бетговена и Листа, нѣсколько греведоновыхъ головокъ и какой-то большой темный пейзажъ. Въ переднемъ углу комнаты, небольшой образъ Спасителя въ терновомъ вѣнкѣ съ окровавленнымъ челомъ. Передъ образомъ горѣла синяя хрустальная лампада. Къ столу придвинуто мягкое кресло, гораздо выше всей прочей мебели, къ креслу бархатная скамеечка; спинка кресла и его правая ручка были нѣсколько потерты, вѣроятно отъ частаго употребленія; скамеечка хранила отпечатокъ ногъ. Взоръ мой былъ пораженъ свѣжей столиственной розой, будто нарочно брошенной на скамеечку. Глаза Александрины остановились на ней же; она поспѣшно схватила ее и покраснѣла.

Ея смятеніе меня удивило, потому-что на окнѣ въ двухъ фарфоровыхъ вазахъ стояли огромные букеты такихъ же самыхъ розъ, и тотъ, кто перемѣнялъ воду для цвѣтовъ, могъ легко уронить одну изъ нихъ. Александрина видно не то думала, она позвонила въ колокольчикъ.

— Здѣсь кто-нибудь былъ? спросила она у вбѣжавшаго лакея.

— Должно быть Михаилъ Григорьичъ входили-съ.

— Онъ былъ?

— Пріѣзжали верхомъ; сказали, что вечеромъ будутъ-съ.

— Хорошо.

— Кто этотъ Михаилъ Григорьичъ?

— Это Миша Клоковъ; вы, я думаю, его помните, отвѣчала Александрина очень равнодушно.

Я вспомнила. Миша ходилъ къ моимъ двоюроднымъ братьямъ и часто игралъ въ горѣлки со мной и Александриной, когда не доставало пары.

— Я бы хотѣла видѣть Клокова.

— О, это не прежній Миша, а Monsieur Michel, или, просто, Michel, высокій, стройный юноша, который ненашутку меччаетъ о поѣздкѣ за границу....

Вечеромъ я увидѣла Клокова. Точно, это былъ высокій, стройный юноша, какъ сказала мнѣ о немъ Александрина, но кромѣ того въ немъ я встрѣтила превосходно образованнаго человѣка, о чемъ Александрина и не упомянула. Онъ меня съ тру-

переставая, въ каминѣ вспыхивали голубоватымъ огнемъ погасающіе уголья. Александрина развернула статью о сельскомъ хозяйствѣ, но не читала ея, а смотрѣла задумчиво въ окно. Я не смѣла слѣдить за нею, не смѣла даже смотрѣть на нее. Невольно я засмотрѣлась на каминъ и уронила книгу, которую принялась было читать.

Александрина обернулась.

— Вы не читаете?

— Не могу, сегодня не читается.

— Да, сегодня не читается. Осень!...

— Пока только прелюдія осени, сказала я.

— Чтó, вы въ городъ на зиму?

— Непремѣнно, а вы?

— Нельзя, осенью есть занятія въ деревнѣ, посѣвы нѣкоторые....

— Прикащикъ лучше васъ все сдѣлаетъ.

— А мнѣ же чтó прикажете дѣлать? Оплакивать прошедшее, надѣяться, мечтать!...

— Такъ прошлое не стоитъ воспоминаній?

— Нѣтъ.

— Незавидная же меня ждетъ доля.

— Васъ я буду помнить, но другихъ.... И она отвернулась снова къ окну, брови ея сдвинулись.

Лицо ея выразило сильное волненіе, мнѣ хотѣлось хотя разъ довести это гордое сердце до изліяній, и я продолжала:

— Такъ никто не живетъ болѣе въ вашей памяти? Ольга.... Силичъ.... Фадѣевъ?...

Я взглянула на нее: Александрина плакала, закрывъ лицо руками. Я не видала подобныхъ слезъ. Она дрожала всѣмъ тѣломъ, губы были горько сжаты, крупныя слезы быстро катились по лицу; ни вздоха, ни стона не вырвалось изъ ея груди. Мнѣ было страшно и жаль ее. Я схватила ея за руку.

— Александрина, простите меня и успокойтесь.

— Оставьте, я такъ давно ни при комъ не плакала! Эти слезы, чтò порой выступятъ украдкой, съ кòторыми прячешься отъ всѣхъ, тяжелы невыразимо.

— Неужели вы его до сихъ поръ любите?

— Нѣтъ. Я его еще долго любила, но теперь уже не люблю. Но эти воспоминанія, эти имена, эти лица, которыя знали меня,

когда еще въ сердцѣ моемъ была благородная способность любить и.... обманываться! Ахъ, чего бы я не дала, чтобы увидѣть ихъ снова, чтобы взглянуть на нихъ, но только теперь, въ эту минуту. Теперь сердце мягко, въ немъ шевелятся добро. Но послѣ опять холодъ, опять безчувственное спокойствіе, опять внутреннее негодованіе на себя, борьба съ людьми, которые и не понимаютъ борьбы, и не стоютъ ея.

— Зачѣмъ бороться съ ними?

— Развѣ я начинаю борьбу? Свѣтъ въ безпрерывныхъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ старой дѣвушкѣ. Большая часть изъ насъ молчаливо нагнетъ голову и приметъ безропотно на свое бѣдное сердце горечь насмѣшекъ, несправедливыхъ, дикихъ, странныхъ. Въ другихъ душа озлобится, возстанутъ онѣ безсильной злобой на жестокій свѣтъ и тѣмъ сами дадутъ ему оружіе на себя. Клеймо смѣшного ляжетъ почти заслуженно на бѣдныхъ паріевъ нашего вѣка. Но нѣкоторыя вступаютъ въ молчаливую борьбу и гордо сложивъ руки смотрятъ на бѣснующійся свѣтъ, бросаютъ произвольно пищу его мелочности, тѣшатъ его злобу, пугаютъ его воображеніе и иногда заставляютъ молчать. Идетъ одиноко старая дѣвушка до гроба, безъ привязанностей, безъ сожалѣній, а если иначе — она смѣшна. Être ridicule c'est pire que d'être infâme, сказалъ кто-то изъ новѣйшихъ романистовъ, и это совершенно справедливо въ отношеніи къ старой дѣвушкѣ. Къ сожалѣнію, немногія изъ нихъ это поняли, но я поняла. У меня нѣтъ привязанностей, нѣтъ воспоминаній.

— А между тѣмъ сознайтесь, вамъ отрадно вспомнить, какъ вы любили. Фадѣевъ васъ любилъ, какъ могъ.

— Въ самомъ дѣлѣ любилъ сколько могъ, долѣе любовь его не могла продолжаться, Лиза могла скорѣе его сдѣлать счастливымъ, нежели я; все это вы и я знаемъ. Но вы не знаете, до какой степени я его любила, вы не знаете, что послѣ я сдѣлалась его тѣнью, что я могла смотрѣть безъ горькаго чувства на него, гуляющаго объ руку съ женой. Я его видѣла и была этимъ довольна. И было бы это до тѣхъ поръ, пока душа сама бы не утомилась безотвѣтной и восторженной любовью. Сердце не остыло бы, а успокоилось и безъ труда покорилось бы разсудку. Конечно я не могла не чувствовать въ себѣ болѣе духовнаго богатства, нежели въ Фадѣевѣ, не могла не сознавать въ себѣ

крѣпости и могущества, которыхъ въ немъ не было. Это дало невыразимую нѣжность чувствамъ моимъ къ нему и очистило ихъ отъ эгоизма. И когда онъ какъ своевольное дитя уничтожилъ все мое счастіе, я его простила. Вообразите, я даже жалѣла о немъ. Мнѣ казалось, что онъ, отрекаясь отъ правъ на мою любовь, на мою преданность, горько заблуждается, что безъ меня жизнь будетъ трудна ему. Идеи самоотверженія бродили въ больномъ воображеніи, жажда благородной цѣли для моей жизни, отлученной отъ всѣхъ радостей, волновала мою душу. Пойметъ ли онъ все благородство, всю безукоризненность моей любви? Впрочемъ къ чему? Я не прихожу оспоривать его измѣнчиваго сердца у Лизы. Пусть будетъ онъ счастливъ. Незримо для него я буду любоваться ненарушимой ясностью его юнаго лица, его свѣтлаго взгляда. Я отучу свое сердце отъ любви, я сотру съ своей памяти картины прошлаго. Вотъ мечты, прилетавшія ко мнѣ въ мои свѣтлыя минуты. Но были минуты, въ которыя язвительно отзывалось жгучее горе. О, тогда я съ негодованіемъ смотрѣла на безмятежную улыбку Фадѣева, на его беззаботный взглядъ, весело скользящій по пестрой толпѣ. Неужели онъ совершенно забылъ, что любилъ, что былъ любимъ? Не понялъ онъ меня, измѣнилъ, привязался къ другой непостояннымъ сердцемъ — пусть такъ: онъ пылокъ, онъ юнъ, онъ слабъ волей. Но забыть такъ спокойно, такъ хладнокровно! не спросить даже, жива ли я, не вздрогнуть, не покраснѣть никогда при моемъ имени!... нѣтъ, онъ не любилъ меня!...

Александрина закрыла глаза и опустила голову. Черезъ нѣсколько минутъ она приподнялась со стула и крѣпко схватила меня за руку. Лицо ея пылало.

— Да, онъ не любилъ меня, сказала она съ волненіемъ: — онъ никогда меня не любилъ. Я сама слышала, какъ оскорбительно онъ отрекся даже отъ возможности любить меня. Послушайте, когда вы меня видѣли во время вѣнчальнаго обряда, который отнималъ у меня право любви, я была несчастна; но я была невыразимо несчастнѣй, выслушавъ слова, которыя убили самую любовь. Этотъ мигъ изгналъ навсегда изъ моего сердца способность любить, острая боль откликнулась въ моей груди. Мнѣ сдѣлалось страшно, а потомъ будто отрадно. Кровь медленно застывала въ жилахъ. Я умерла душой, до сихъ поръ я никого не любила.

— Такъ вы счастливы? спросила я, вперивъ въ нее испытующій взоръ.

— А! вы хотите полной исповѣди? прошептала она блѣднѣя. — Бываютъ ужасныя минуты. Жадно хочешь обманываться, и жадно зовешь любовь. Но я искусно вылечила себя отъ нея. тайный холодъ разоблачаетъ неумолимо мгновенное очарованіе. Не разъ кипитъ негодованіе на это душевное безсиліе, сознаніе его горько и обидно ложится на сердце. Да, были минуты, въ которыя я хотѣла любить и не могла. Тогда я имѣла еще право быть взаимно любимой. А нынѣ, посмотрите, гдѣ это чудное увлеченіе, гдѣ сердечная теплота, гдѣ вся поэзія молодости? Нѣтъ, я не хочу любить. Умъ отяжелѣлъ въ серьёзныхъ заботахъ вседневной жизни, жизнь разоблачилась, — смѣшна, смѣшна любовь старой дѣвушки!

Все это она говорила съ необыкновенной горечью и горячностью; на блѣдныхъ щекахъ горѣли два яркія пятна, изъ неподвижно устремленныхъ на меня глазъ лилось пламя. Въ эту минуту Александрина была обаятельна вдохновенной красотой, красотой жизни духовной. Я ей подвинула маленькое зеркальце, стоявшее на столѣ.

— Льстите или смѣетесь? сказала она, презрительно пожавъ плечами.

— Нѣтъ, Александрина, вы чудно хороши теперь.

— Да, теперь, возразила она, бросивъ быстрый взглядъ на зеркало: — пока этотъ румянецъ жжетъ щоки и обманчивымъ своимъ пламенемъ напоминаетъ вамъ свѣжій цвѣтъ безвозвратной молодости. Только молодость истинно прекрасна. Черезъ минуту погаснетъ этотъ летучій румянецъ, тускло станутъ смотрѣть эти пламенные глаза. И тогда пусть любитъ старая дѣвушка! Пусть любитъ она, пусть ждетъ любви безъ другихъ правъ на нее, кромѣ дѣтски-слабаго сердца, пусть дастъ волю этому сердцу, этому больному воображенію, этому пылкому уму! Кто пойметъ ее и кто ей отвѣтитъ? Испытанный жизнію съ ужасомъ отвернется: въ душѣ его довольно холоду, довольно горькаго презрѣнія; онъ имѣетъ свои страсти и свои сомнѣнія. Ему хочется отдохнуть, ему нужна дѣвственная свѣжесть юной души, чтобы снова жить, увлечься и забыться. Юноша быть можетъ и обоготворитъ ее и опоэтизируетъ, потому-что въ немъ самомъ живой источникъ поэзіи. Но развѣ язвительныя насмѣ-

шки судей свѣта не разоблачатъ его идеала, не повергнутъ его кумира? Смѣшна, смѣшна любовь старой дѣвушки!

— Такъ вы никогда уже не будете любить?

— Я не должна любить.

— Чтó же ждетъ васъ въ будущемъ?

— Чтò! совершенная смерть души, теперь полумертвой.

Я взяла ея руку.

— Александрина, душа ваша живетъ еще полной, хотя горькой жизнію.

— Можетъ быть, отвѣчала она, выдернувъ свою руку изъ моихъ и быстро обернувшись къ окну. — Кто-то пріѣхалъ, сказала она вставая: — пойдемъ въ гостиную.

Въ гостиной мы застали Клокова, который объявилъ, что уѣзжаетъ черезъ недѣлю.

X.

Ma troppo tardi....

Norma.

— Я вамъ завидую, Michel, говорила Александрина: — цѣлый міръ наслажденій готовится вашей юной душѣ. *Завтра* унесетъ васъ далеко отсюда; еще дня два вы будете видѣть нашу величественно-дикую Россію. Въ эти два дня раскинутся предъ вами безбрежныя степи, надоѣдятъ и утомятъ васъ своимъ однообразіемъ. А тамъ нога ваша ступитъ на обѣтованную землю; сердце ваше будетъ ее привѣтствовать съ восторгомъ. Неправда ли?

Клоковъ не отвѣчалъ; онъ печально смотрѣлъ на мрачный, обнаженный садъ. Холодный вѣтеръ гнулъ чуть не до земли молоденькія деревья, поднималъ жолтые листья и бѣшено кружилъ ихъ.

— Да, Michel, я вамъ завидую, продолжала Александрина. — Чего бы я не дала, чтобы тоже подышать вѣчно-цвѣтущимъ югомъ, упоительнымъ запахомъ померанцовыхъ деревьевъ. Когда будете въ Пармѣ, сорвите нѣсколько фіялокъ въ мое воспоминанье; говорятъ, Парма славится фіялками. Можетъ быть и я когда-нибудь буду рвать ихъ своей рукой, и даже можетъ быть

скоро. Я все мечтаю о путешествіи. Быть можетъ я васъ тамъ еще застану.

Онъ обернулся.

— Говорите мнѣ это всегда, безпрерывно, чтобы я наконецъ вамъ повѣрилъ, сказалъ онъ съ живостію, складывая на груди руки.

— Боюсь говорить съ увѣренностію, потому-что сама хочу вѣрить въ возможность моего скораго путешествія—и не вѣрю.

— Я зналъ, что вы меня обманываете: вы не будете за-границей.

— Я болѣе себя стараюсь обманывать, нежели васъ. Возвратитесь вы, и снова увидимся; я только рискую не увидѣть ни чуднаго Рейна, ни пламенной Италіи.

— Богъ съ ними! сказалъ Клоковъ съ досадой. Я увѣренъ, что Рейнъ вовсе не чудный и не прекрасный, какимъ создаетъ его ваше воображеніе, а въ Италіи, какъ и вездѣ, скука отчужденія, тоска! По-крайней-мѣрѣ со мной такъ будетъ; я это чувствую. Вездѣ меня будетъ мучить негодованіе на себя и на другихъ. Я былъ глупъ, когда желалъ видѣть Рейнъ и Италію. Зачѣмъ я ѣду, куда? чего я хочу? для чего я себя добровольно изгоняю? чѣмъ я искуплю потомъ всѣ муки этого изгнанія? Я не поѣду!

Александрина остановила на немъ проницательный взоръ.

— Michel, вы сами хотѣли за-границу, вы сами рвались туда душой.

— Но если бы кто сказалъ мнѣ, что я безразсуденъ, что я себя не понимаю! Ахъ, Александрина, вы могли мнѣ это сказать — и не сказали.

— Вы, право, странны. Подумайте, вы жаждали путешествія, и это такъ натурально въ ваши годы; было бы смѣшно, скажу болѣе, было бы грѣшно вамъ отсовѣтывать. Вашимъ глазамъ готовится міръ наслажденій, и я вамъ завидую.

— Вы меня мучите.

— Скажите, чѣмъ? Капризное дитя, избалованное дитя!...

— Я не поѣду, я не поѣду! твердилъ Клоковъ, почти бѣгая по комнатѣ.

— Вы смѣшны! Молодъ, богатъ, свободенъ, безъ привязанностей, жаждалъ путешествія — и теперь....

Онъ взялъ ее за руку.

— Я не поѣду, сказалъ онъ чуть слышно, медленно и боязливо.

Она поблѣднѣла и выдернула руку изъ его горячихъ ладоней.

— Я васъ люблю, прошепталъ онъ, закрывая лицо руками и съ утомленіемъ опускаясь на диванъ.

Неподвижно и грустно глядѣла на него Александрина.

— Васъ обманываетъ ваше молодое, теплое сердце, произнесла она съ усиліемъ.

— Не отталкивайте моего бѣднаго сердца, Александрина; любовь моя не утомитъ вашей души, она чужда ревнивой досады, она—чистое, святое чувство; она не столкнется со свѣтомъ и его условіями.

— И вы думаете, что свѣтъ позволитъ безнаказанно любить старую дѣвушку, что не укажетъ вамъ со смѣхомъ незамѣтныя для васъ морщины, безцвѣтное лицо, тусклый взоръ? не скажетъ вамъ, что все это слѣды неумолимаго времени, а не душевныхъ страданій? Мнѣ тридцать два года! Вы не можете явно, открыто признать свою любовь: для этого душѣ вашей нужна желѣзная воля.

— Я буду ждать, чтобы вы меня лучше узнали, сказалъ онъ грустно.

— Я васъ знаю и цѣню. — Голосъ ея задрожалъ. - Но я знаю тоже и сердце человѣческое и знаю, чтó можетъ разбить, чтó можетъ уничтожить, смять его самыя святыя убѣжденія. Посмотрите: вѣдь я не такова была въ шестнадцать лѣтъ; теперь слѣды прошлой красоты замѣтны бываютъ толькоповременамъ, только мимолетомъ; тогда и я могла любить какъ вы безвозмездно, самоотверженно.

— Вы не могли быть лучше въ шестнадцать лѣтъ, Александрина, сказалъ онъ, страстно сжимая ея руки: — страданіе развило въ васъ горькую способность анализировать себя и другихъ, но оно васъ возвысило и облагородило.

— Поѣзжайте путешествовать, проговорила она печально.

— Вы правы, Александрина, сказавъ, что я люблю безвозмездно, произнесъ онъ съ твердостью. — Выслушайте меня, я останусь на два года; если въ это время найдется тотъ, кто болѣе васъ будетъ любить, кто пойметъ васъ лучше нежели я, — я уѣду безъ жалобъ, безъ отчаянія. Я могу вамъ дать счастіе; я это

чувствую, мнѣ нужно ваше счастіе. Вы не созданы для жизни безотрадно одинокой.

— Конечно, Michel, я не была для ней создана, но годы насъ измѣняютъ.

— Васъ они не могли измѣнить. Боже мой! вы такъ хорошо знаете человѣческое сердце, вы не можете не видѣть, что я дѣйствую не по увлеченію фантазіи, не по минутному обману сердца.

— Да, я понимаю, что у васъ мужественное сердце, сказала съ глубокимъ чувствомъ Александрина.

Оба съ минуту молчали. Глаза Клокова выражали томительное ожиданіе, Александрина была спокойна и тверда, но напряженнымъ, страшнымъ образомъ. Она глядѣла на него съ холоднымъ отчаяніемъ, обидно и горько было ея душѣ. Она сдѣлала нерѣшительно шагъ къ нему и произнесла почти шопотомъ:

— Лицо наше всегда носитъ отпечатокъ нашихъ чувствъ; сердце мое остыло, оно не можетъ любить.

— Вы на себя клевещете, сказалъ Клоковъ, невольно содрогаясь.

— Нѣтъ, возразила она съ твердостью, взявъ его за руку. Поѣзжайте, Michel, я не люблю васъ.

Клоковъ съ трудомъ поднялся съ дивана и медленно, пронзительно посмотрѣлъ на нее. Ея блѣдныя губы улыбались. Могильный холодъ сжалъ его сердце.

— Я ошибался. Прощайте, сказалъ онъ, почтительно наклонивъ голову.

И нетвердыми шагами онъ вышелъ изъ комнаты, не бросивъ назадъ ни одного прощальнаго взгляда. На другой день, подъ вечеръ, несся шибко дорожный тарантасъ черезъ имѣніе Александрины. Почтовый колокольчикъ звенѣлъ, переливался — и вдругъ затихъ. Тарантасъ остановился въ восьмидесяти шагахъ отъ дому, на горѣ. Ямщикъ соскочилъ, изъ тарантаса высунулся рукавъ теплой шинели. Александрина смотрѣла изъ окна съ сердечнымъ замираніемъ. Ямщикъ оправилъ сбрую, подставилъ тормозъ, взлѣзъ проворно на свое мѣсто, повелъ медленно кнутомъ надъ лошадьми, и тарантасъ тихо покатился по дорогѣ, поднимая за собой густую пыль. Вотъ онъ снова остановился, перепрыгнулъ черезъ мостикъ и помчался на гору. Александрина тоскливо смотрѣла ему вслѣдъ. На горизонтѣ

поднялось легкое облачко пыли, просвѣтлѣло, разсѣялось, вдали умиралъ колокольчикъ, терялась пѣсня ямщика....

— Зачѣмъ такъ поздно хотѣла меня за все вознаградить эта жизнь? произнесла Александрина, поднявъ помертвѣлый взоръ къ небу: – зачѣмъ такъ поздно? повторила она съ отчаяніемъ, сжавъ руками голову. — И долго, долго стояла она. За отворенпымъ окномъ было грустно, темно, безотвѣтно. Горячія слезы падали медленно на окно, и со свистомъ осенняго вѣтра сливались слова: «поздно!.., поздно!...»

Т. Ч.

БЕЗОБРАЗНЫЙ МУЖЪ.

ПОВѢСТЬ ВЪ ПИСЬМАХЪ.

I.

Москва. Май, 25.

Я дома.... Ахъ, какъ мнѣ скучно, если бы ты знала!... Я всю дорогу проплакала. Папà страшно серьёзенъ, удивлялся моимъ слезамъ и преравнодушно спросилъ: скажи мнѣ, Eugènie, о чемъ ты такъ горько плачешь?... О чемъ?.. вотъ что́ значитъ отецъ! если бы у меня была мать, о! она не сдѣлала бы мнѣ такого вопроса!... она поцаловала бы меня, прижала къ своей груди, и, я увѣрена, мнѣ стало бы легче.

Москва мнѣ рѣшительно не нравится; улицы пусты, военныхъ почти не видать, мужчины странные такіе. Впрочемъ мнѣ такъ грустно, что я ни на кого и ни на что не обращаю вниманія. Недаромъ я безъ отвращенія не могла вспомнить о своемъ отъѣздѣ. Я безъ слезъ не могу подумать о Петербургѣ. Какъ весело мы провели съ тобою полгода! Зачѣмъ нужно было папà взять меня отъ твоей maman? Она такая строгая: я не могла бы у ней избаловаться. Папà мнѣ все твердитъ о хозяйствѣ, вчера заставилъ меня разливать чай и нахмурилъ брови, когда я ему подала стаканъ: чай былъ точно вода! Мнѣ странно: неужели папà хочетъ меня сдѣлать ключницей? Впрочемъ у насъ живетъ

старушка, нѣмка Амалія Ѳедоровна, которая занимается хозяйствомъ; папа, кажется, думаетъ, что она также можетъ быть и подругой мнѣ. Смѣшно, но въ тоже время и грустно. Разливая чай, я вспомнила о тебѣ; думаю: она теперь можетъ быть сидитъ въ театрѣ или танцуетъ. Мнѣ сдѣлалось такъ скучно, такъ скучно, что я расплакалась. А папà подумалъ, что я плачу о томъ, что не умѣю чай разливать, и сказалъ: «Eugènie, ты дитя; какъ можно о всякой бездѣлицѣ плакать; ты еще выучишься разливать чай».... Каковъ? какъ онъ обо мнѣ думаетъ? я стану плакать о такомъ вздорѣ! да я нарочно никогда не выучусь разливать чай: очень мнѣ весело походить на нашу экономку! Ахъ, какъ досадно мнѣ, зачѣмъ я поѣхала въ Москву. Впрочемъ папà такъ страшно нахмурилъ брови, когда я его попросила остаться съ тобой, что я чуть не упала отъ страху. Онъ мнѣ сказалъ: «неужели, Eugènie, ты чужой домъ промѣняешь на отцовскій?» мнѣ сдѣлалось совѣстно, не знаю какъ тогда я рѣшилась кинуться къ нему на шею и крѣпко поцаловать его. Съ тѣхъ поръ я его ни разу такъ не цаловала, мнѣ даже какъ-то неловко здороваться и прощаться съ нимъ. Онъ всегда такъ спѣшитъ, что я едва прикоснусь къ его щекѣ. Домъ у насъ небольшой, мебель странная такая. Моя комната... нѣтъ, лучше я не буду тебѣ описывать ее... мнѣ кажется, что мы сейчасъ уѣдемъ: такъ все напоминаетъ мнѣ тѣ дома на дорогѣ, гдѣ мы останавливались ночевать, какъ ѣхали изъ Петербурга. — Однимъ словомъ, я предчувствую одну скуку у папá!.. А помнишь ли наши мечты: мы воображали жить богато и весело.... Твои исполнились; а мои?... страшно думать! Впрочемъ я надѣюсь, что папà все устроитъ, у меня будетъ своя половина, и я буду выѣзжать въ театры и на балы. Я тебѣ надоѣла своими глупостями, ты лучше пиши ко мнѣ... Ахъ, Петербургъ, Петербургъ! на что я не готова рѣшиться, чтобъ жить въ немъ? Цалую тебя; пиши ко мнѣ несчастной.

II.

Іюнь, 30.

Спасибо тебѣ: ты меня любишь, ты жалѣешь меня? Письмо твое подкрѣпило меня, ты моя спасительница... У меня съ

папà было объясненіе, то есть онъ читалъ мнѣ мораль, зачѣмъ я скучаю дома. Онъ мнѣ говоритъ: «сперва привыкни къ дому, и помни, что я не могу тебѣ доставлять такихъ удовольствій, какія видѣла ты у княгини: она богата, а я бѣденъ. Ты должна принаровляться къ образу жизни своего отца, а не думать о большихъ удовольствіяхъ!... Я хотѣла ему много сказать, но вдругъ заплакала. Папà нахмурилъ брови и сухо сказалъ мнѣ: «Eugènie, съ тобой ни о чемъ нельзя говорить». Я такую почувствовала тоску, что не могла сдержать своихъ рыданій, побѣжала къ себѣ въ комнату и кинулась на диванъ. Въ ту минуту мнѣ подала дѣвушка твое письмо. Съ какою жадностью я читала его, какъ завидовала тебѣ! Ты не знаешь, что такое бѣдность; ты богата, у тебя есть мать! она строга – говоришь ты – и не позволяетъ тебѣ читать книгъ. Это ничего; мой папà на это не строгъ: я беру книги какія хочу и журналы толстые, онъ ни слова не говоритъ; но что толку? онъ такъ равнодушенъ ко мнѣ! хоть бы спросилъ, о чемъ я плакала! Мнѣ хочется жить: зачѣмъ мнѣ папа не писалъ раньше, чтобъ я готовилась къ такой жизни, какую онъ заставляетъ меня вести?... Я тебѣ еще ничего не говорила о подругѣ, которую мнѣ папà выбралъ, т. е. объ экономкѣ.... неправда ли, это смѣшно? она ходитъ со мной гулять, и я заранѣе знаю, о чемъ она будетъ говорить: какъ ея мужъ умеръ за обѣдомъ черезъ недѣлю послѣ ихъ свадьбы и сколько у папà выходитъ сахару и чаю въ мѣсяцъ. Это хоть кому надоѣстъ! Знакомые папà все такіе странные, даже молодые люди похожи на стариковъ, чистыхъ перчатокъ я въ Москвѣ еще не видала. Нѣкоторые ходятъ совсѣмъ безъ перчатокъ. Я съ ними ничего не говорю, зато папà, какъ начнетъ, и все о политической экономіи. Я думаю, что это онъ все въ–пику мнѣ говоритъ, но я рѣшительно ничего не понимаю, и надѣюсь, что папà и Амалія Ѳедоровна устанутъ наконецъ говорить объ экономіи, и оставятъ меня въ покоѣ. Чего они отъ меня хотятъ, желала бы я знать? Если экономіи и умѣнья разливать чай: никогда! Любите меня и не требуйте отъ меня ничего; я устала исполнять чужія приказанія.... я ждала, и какъ еще радостно ждала, быть дома, любить папà, всѣхъ, всѣхъ!.. а меня принимаютъ холодно, читаютъ мнѣ мораль, приказываютъ мнѣ не имѣть своихъ желаній. Да вы еще ни одного моего желанія не исполнили.

Однако я виновата передъ тобою: увлекаюсь своими интересами и ничего не говорю о Москвѣ. Я была съ визитами у всѣхъ бабушекъ троюродныхъ и тетушекъ; кузинъ и кузеновъ у меня гибель, и ни одинъ мнѣ не нравится. Представь, въ Москвѣ считаютъ удовольствіемъ ѣздить въ университетъ и слушать, какъ профессора спорятъ. Студенты угрюмые серьёзно смотрятъ на дамъ, дамы лорнируютъ профессоровъ. Въ Москвѣ читаютъ лекціи, и зала всегда полна, дамы и старики — всѣ слушаютъ... Такъ смѣшно! точно мы, бывало, сидимъ въ классѣ, только та разница, что мы по неволѣ, а они по охотѣ... И это удовольствіе въ Москвѣ!... что это за городъ!... Папа совершенно покоенъ; онъ думаетъ, что мнѣ это все нравится. Вотъ какъ я живу! пожалѣй хоть ты меня.... ты меня любишь, я это знаю, зато я никого такъ не люблю какъ тебя! Прощай; извини, что я такъ мало пишу.

III.

Іюль, 25.

Успокойся: моя болѣзнь была не опасна. Причина ея Богъ знаетъ откуда взялась; я испугалась, и какъ смѣшно. Вечеромъ я сидѣла въ залѣ, — рояль тамъ стоитъ, неправда ли, у мѣста? — и играла; двѣ свѣчи стояли на столѣ; Амалія Өедоровна вязала чулокъ у стола и тихо считала петли. Часы монотонно постукивали; тишина страшная: такъ у насъ всегда бываетъ по вечерамъ до чаю, пока папа спитъ послѣ обѣда; люди также въ передней отдыхаютъ. Я почти одна; Амалія Өедоровна иногда также дремлетъ сидя. Въ такія-то минуты я сильнѣе чувствую свое положеніе и одиночество. Это страшная картина всей моей жизни: окружающіе не замѣчаютъ меня; они понимаютъ меня столько же, сколько можетъ понять сонный бодрствующаго человѣка.... Чтобъ развеселить себя, я начала играть нашъ любимый вальсъ, по которому мы въ первый разъ съ тобой вальсировали, въ бальныхъ платьяхъ. Все тогда блестѣло. Ваши парадныя комнаты, ярко освѣщенныя, блескъ эполетъ и эксельбантовъ, — все жгло мнѣ глаза. Какъ легко я летѣла съ своимъ кавалеромъ, какъ онъ ловко поддерживалъ меня! У меня голова въ минуту закружилась, а прежде мы съ тобой вертѣлись по полу-

часу. Мнѣ казалось, вмѣсто его руки на мою талію положено раскаленное желѣзо, которое жгло меня. Его тихіе вопросы, смѣшанные съ музыкой, звучали въ ушахъ моихъ до того мелодично, что я невольно все больше и больше склонялась на его руку. Ахъ, какъ было хорошо тогда!... Я такъ замечталась, мнѣ такъ живо представилась та минута, что наша мрачная зала освѣтилась для меня вдругъ тысячами огней, мнѣ слышался говоръ веселыхъ людей, звуки оркестра покрывали мой рояль, и я вскочила и начала вальсировать. Я вертѣлась все скорѣе и скорѣе. Амалія Өедоровна, со сна, чтó ли, испугалась и, вѣрно, боясь, что я разбужу папà, начала бѣгать за мною и уговаривать меня... Я еще сильнѣе стала кружиться и ловко увертывалась отъ нея; она протянула руки и хотѣла удержать меня.... тутъ не знаю почему, мнѣ показалось, что за мной гонится не Амалія Өедоровна, а огромный ракъ, который своими клешнями хочетъ схватить меня. Я страшно вскрикнула, побѣжала, но голова у меня закружилась, и я безъ чувствъ упала на полъ. Въ то утро я въ первый разъ увидала живого рака и ужасно испугалась его.... узнавъ это, папà велѣлъ принести рака къ себѣ и приказалъ мнѣ разсмотрѣть его... «Стыдно тебѣ, Eugènie», говорилъ онъ, — «бояться маленькаго рака, котораго мы будемъ за обѣдомъ ѣсть». И только тогда я узнала, что раки не родятся красными. Оттого ли, что я долго смотрѣла на рака, мнѣ онъ и вообразился, когда Амалія Өедоровна вздумала ловить меня.... Я была больна нѣсколько дней, папà сталъ нѣжнѣе со мной; онъ въ первый разъ пришелъ въ мою комнату и немного посидѣлъ у меня.... Я теперь совершенно здорова; мнѣ нужно новое платье къ балу, но папà не догадывается, а я лучше не поѣду на балъ, чѣмъ просить у него. Какъ ты счастлива! твоя maman всякой день смотритъ, хорошо ли ты зашнурована, а я, еслибъ хотѣла, то могла бы и совсѣмъ не надѣвать корсета, — никто не обращаетъ на меня вниманія. Я иногда въ цѣлый день ничего не скажу, папà все равно, лишь бы я сидѣла за обѣдомъ и за чаемъ и слушала внимательно его наставленія. Прощай; жду съ нетерпѣніемъ твоего письма; твои письма такъ веселы, что я начинаю не шутя завидовать тебѣ....

IV.

Августъ, 1.

Боже мой, какъ я рада! желаю тебѣ счастья, всего, всего! О, вы будете счастливы: оба молоды, оба богаты и влюблены. Лучшаго мужа ни тебѣ, ни мнѣ желать нельзя. Забудь все, что я тебѣ говорила о немъ. Мы обѣ были тогда влюблены въ него и не ревновали другъ друга, а еще радовались, если онъ былъ любезенъ съ кѣмъ-нибудь изъ насъ. Но теперь ты любишь его, неправда ли? Ахъ, какъ я желала бы полюбить кого-нибудь. Только не въ Москвѣ и не изъ знакомыхъ папа́.... Времени до бала осталось очень не много, а папа даже не спрашиваетъ, въ чемъ я намѣрена ѣхать. Отчего у меня нѣтъ матери? Съ каждымъ днемъ мнѣ становится скучнѣе.... Я читала романъ, въ которомъ дѣвушка противится вытти за-мужъ за богатаго старика. Я бы готова сейчасъ вытти даже за старика, только бы ѣхать въ Петербургъ и жить съ тобою. Мы задавали бы балы, выѣзжали бы вмѣстѣ....

Мнѣ скучно слушать все одно и тоже: то дорого, того нельзя, опять-таки потому, что дорого; папа приказалъ, папа не приказалъ; а я какъ кукла все должна исполнять. Если бы я вышла за богатаго старика, я хоть бы жила веселѣе....

Когда я сказала папа о твоей помолвкѣ, онъ очень серьёзно сказалъ: «вотъ, Eugènie, княжна выдетъ за-мужъ, тебѣ нѣзачѣмъ ѣхать въ Петербургъ....» Папа, кажется, вообразилъ, что мы еще въ первомъ классѣ, гдѣ дружатся на день....

Вечеромъ я подсѣла къ Амаліи Өедоровнѣ, дала ей наговориться, какъ ея мужъ умеръ за обѣдомъ, а потомъ спросила, какъ она вышла за-мужъ. Она мнѣ разсказала, что они были влюблены другъ въ друга десять лѣтъ: онъ ей далъ слово жениться на ней, какъ получитъ чинъ, такъ и сдѣлалъ, но черезъ недѣлю послѣ сватьбы онъ умеръ.... Помнишь, когда мы были въ среднемъ классѣ, намъ разсказывала Sophie B, какъ ея сестру выдавали за-мужъ, мы всѣ тогда смѣялись и не вѣрили. Я спросила у Амаліи Өедоровны, правду ли она намъ говорила, она ничего не отвѣчала, а сказала, когда выду замужъ, такъ сама узнаю. Я спросила свою дѣвушку: она мнѣ разсказала, какъ у

нихъ въ деревнѣ бываетъ свадьба. Ужасно смѣшно, но такъ вѣрно дѣлается только въ деревняхъ. Тебѣ, я думаю, maman не позволяетъ оставаться одной съ нимъ.... Ну, а скажи мнѣ откровенно, онъ.... или.... ты?... видишь, я хочу знать: maman тебѣ позволила его поцаловать, то есть она ему позволила тебя поцаловать? Помнишь, какъ я разъ вскрикнула во снѣ, тебя даже разбудила: мнѣ тогда приснилось, что какой-то военный поцаловалъ меня. И я въ тотъ день получила дурные балы, потому-что все мечтала о немъ. Я такъ много наговорила тебѣ о немъ, что и ты также увидала во снѣ, что онъ тебя поцаловалъ. Съ тѣхъ поръ мы все чаще видали его во снѣ.

Скажи отъ меня своему жениху, что я его люблю какъ брата и прошу его тебя беречь и баловать.... Къ тебѣ должны пойти чепцы. Помнишь, мы разъ тихонько утащили у гувернантки чепчикъ: намъ нужно было представлять молодыхъ. И онъ къ тебѣ очень шелъ, а вѣдь еще Богъ знаетъ кѣмъ шитъ.... Прощай, не разлюби меня, слова папà иногда меня пугаютъ. Но нѣтъ! ты не можешь разлюбить меня. Нарушить клятву страшно, мнѣ кажется, только одни злодѣи способны это сдѣлать, ито въ романахъ. Цалую тебя; не забывай преданнаго тебѣ друга.

V.

Августъ, 6.

Какъ я несчастна! вообрази себѣ, что папá отказалъ мнѣ, и велѣлъ ѣхать въ старомъ платьѣ.

— Какая ты странная, Eugenie, говорилъ онъ: — могу ли я удовлетворять всѣ твои прихоти? на это нужно имѣть много денегъ, а у меня ихъ нѣтъ.

Вздоръ! я сама видѣла, какъ онъ даетъ деньги Амаліи Ѳедоровнѣ и повару. Мнѣ было такъ обидно, что я даже не заплакала, только почувствовала стѣсненіе въ груди и дрожь. Папà обрадовался и началъ читать мораль, длинную, предлинную, гдѣ долгъ, любовь къ отцу, недостатокъ играли важную роль. Я молча слушала его и, когда онъ кончилъ, ушла къ себѣ въ комнату.

Долго я думала, любитъ ли меня папà.... Я его холодной любви не понимаю. Мнѣ нужно любить горячо кого-нибудь, а меня даже никто не приласкалъ еще!... Я страшно худѣю не только въ таліи, но и въ плечахъ. Мнѣ кажется, я не рѣшилась бы теперь показаться съ открытой шеей въ Петербургѣ... Папà утромъ спросилъ меня: «Eugènie, ты ѣдешь на балъ?» я твердо отвѣчала, что я нездорова. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, ахъ, какъ я не люблю такихъ взглядовъ!... и сказалъ: «Eugènie, я стараюсь увѣрить себя, что это не капризъ, и что не бальное платье причиной!...»

Какъ мнѣ хотѣлось высказать ему все! но я чувствовала, что я расплачусь, а мнѣ не хотѣлось показаться передъ нимъ ребенкомъ. Я молчала, онъ продолжалъ: «откуда мнѣ взять денегъ? ты должна свои прихоти соображать съ моими средствами. Выбей изъ своей головы мысль, что твой отецъ можетъ жить такъ, какъ живетъ княжна К***, твоя подруга; я нищій передъ ней...» Вотъ что̀ я слышу каждый день.... Я рѣшилась попроситься у него къ тебѣ на свадьбу. Онъ мнѣ сказалъ: «не будешь ли ты лишняя тамъ?» Я горячо сказала ему, что я увѣрена въ твоей дружбѣ. «А на чемъ основана твоя увѣренность? ты ни о чемъ кромѣ баловъ и нарядовъ не думаешь».... Упреки! этого еще недоставало къ довершенію моего счастія! Теперь никто не услышитъ отъ меня ничего, пусть папà воображаетъ, что у меня въ головѣ одни бали и наряды. Ему стало бы страшно, если бы онъ могъ знать мои мысли!... Цалую тебя горячо, горячо, какъ мы цаловались въ классахъ. Помнишь, насъ, бывало, никто не могъ рознять.

VI.

Сентабрь. 6.

Какъ мнѣ было стыдно, когда я читала реестръ твоего приданаго!... какая роскошь, какъ я завидую тебѣ! Представь, у меня есть сундукъ, въ которомъ тоже лежитъ приданое: ни одной батистовой рубашки, все бѣлье такое странное, множество салфетокъ. Скажи, что̀ я буду дѣлать съ салфетками? очень онѣ нужны мнѣ!

Не знаю отчего, но мнѣ еще стало скучнѣе съ тѣхъ поръ, какъ ты невѣста, — я бы все плакала и сердилась. Теперь у насъ часто бываетъ страшный уродъ, пріѣзжій изъ Петербурга. Его фамилія С*. Я его безъ отвращенія не могу видѣть, впрочемъ у него хорошая коляска, онъ всегда одѣтъ порядочно и хорошо гантированъ. Онъ говоритъ, что тебя знаетъ, ты вѣрно его не замѣтила, потому-что непремѣнно заинтересовалась бы имъ какъ страннымъ какимъ-нибудь звѣремъ и написала бы мнѣ. Вотъ его фигура: низенькой и толстой, лицо больше туловища, легкія рябины и складки по всему лицу, носъ большой и толстый, глаза сѣрые и въ нихъ вѣчно слезы, — будто онъ все плачетъ о своемъ безобразіи, — ротъ большой и рядъ гнилыхъ зубовъ; волосъ на головѣ мало, и тѣ вѣчно мокрые.... Я боюсь тебя испугать моимъ описаніемъ!... Суди, я его вижу всякой день. Папа очень ласкаетъ его. Онъ было хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, но опять отложилъ свой отъѣздъ.

Я у папа просилась учиться ѣздить верхомъ. Онъ отказалъ: дорого будетъ стоить! замѣть, онъ знаетъ, что докторъ нашелъ не лишнимъ для меня такой моціонъ; вотъ его любовь ко мнѣ! онъ не хочетъ замѣчать, что я худѣю; полное равнодушіе ко мнѣ! Ахъ, какъ тяжело, тяжело мнѣ! я слабѣю, и бываютъ минуты, въ которыя я согласна умереть. Извини меня за мои письма, но у меня ничего нѣтъ веселаго сказать тебѣ.... Я потеряла даже надежду видѣть тебя когда-нибудь.... Прощай.

VII.

Ноябрь, 2.

Я рѣшительно умираю съ тоски. Папа требуетъ, чтобъ я занималась всѣмъ хозяйствомъ, потому-что Амалія Ѳедоровна захворала, сердится на меня, что я не умѣю разливать чаю; брови его ни на одну минуту не сглаживаются. Какова моя жизнь? я готова иногда разбить себѣ голову объ стѣну!... все одна, да одна, папа сердитый, гости гадкіе! Ахъ, я тебѣ забыла сказать, но мнѣ совѣстно.... я ужь такъ не счастлива, что даже позволяю ухаживать за мной противному С*. Иногда мнѣ дѣлается стыдно и гадко, и я плачу съ досады, сравнивая себя съ тобой.... Ахъ, если бы я была богата, я бы ожила! Теперь же я

[illegible]

мнѣ, кàкъ и чтó я должна дѣлать.... Ахъ, страшно быть сиротой! Выше несчастья нѣтъ на свѣтѣ; я это чувствую вполнѣ, въ теперешнемъ моемъ положеніи. Спѣши мнѣ дать совѣтъ, я выбиваюсь изъ силъ. Мысли мои въ страшномъ хаосѣ. Я даже ни о чемъ долго не могу думать. Вѣрь мнѣ, что твой совѣтъ, какой бы ни былъ, поддержитъ меня. Жду твоего письма еще съ бòльшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ мы ждали надѣть бальное платье.

IX.

Январь, 4.

Поздравь меня: я тоже невѣста! Папà началъ собираться въ деревню съ тѣмъ, чтобъ остаться тамъ до той зимы, для поправленія своихъ обстоятельствъ, какъ онъ говоритъ. Чтó мнѣ было дѣлать? жить въ деревнѣ или имѣть безобразнаго мужа?... Я выбрала послѣднее. Не брани меня, я боюсь даже думать объ этомъ. Впрочемъ я ему сказала, что не люблю его, а выхожу за-мужъ потому, что мнѣ все равно всѣ мужчины, и что я хочу жить съ тобой.... С* влюбленъ въ меня: онъ будетъ исполнять всѣ мои прихоти. Я поѣду въ Петербургъ, буду жить съ тобой, и мнѣ легко будетъ выносить его присутствіе: я буду мало видѣть его... Утромъ буду занята визитами, вечеромъ на балъ или въ театръ, только за обѣдомъ я его буду видѣть. Ну, на этомъ еще можно помириться. Я же теперь обѣдаю съ папá, который вѣчно сердитъ, да еще все читаетъ мораль, — а онъ не посмѣетъ: то отецъ, а онъ только будетъ мужъ.

Впрочемъ я чувствую себя не очень здоровою, цѣлый день проплакала, потому-что вообразила себя уже за-мужемъ за С*. Докторъ, видя мои слезы, сказалъ, что это разстройство нервъ, и велѣлъ быть покойнѣе. Ахъ, какъ они смѣшны! развѣ это въ нашей власти? Пусть онъ вылечитъ отъ безобразія моего жениха, я не буду плакать, я буду покойна. Впрочемъ бѣдной дѣвушкѣ нельзя разбирать наружности: онъ богатъ, а ты нищая, потому ты не имѣешь никакого права быть требовательной!... С* подарилъ мнѣ браслетъ и всякой день возитъ разныхъ игрушекъ. Папà пожимаетъ плечами и хмуритъ брови. Онъ, кажется, недоволенъ, что нашелся хоть одинъ человѣкъ, который же-

лаетъ угодить мнѣ. Онъ хотѣлъ дѣлать мнѣ еще приданое, но
отказалась, предчувствуя, что кромѣ салфетокъ ничего мнѣ н
купитъ. Я дала С* твой реестръ, и онъ по немъ мнѣ сдѣлаетъ
все приданое въ Петербургѣ. Въ день свадьбы моей я выѣд
изъ Москвы. Я хочу, чтобъ все скорѣе кончилось.... Я страст
но хочу видѣть тебя; боюсь, откровенно сказать, за себя. Я
чувствую что-то непріятное, когда онъ смотритъ на меня. Он
сердится, что я ему не позволяю цаловать свою руку. Мнѣ про-
сто противно! Когда онъ будетъ мужемъ, то вѣрно не будетъ
ко мнѣ приставать?... Прощай, до свиданія, — эта мысль меня
оживляетъ.

X.

Москва. Февраль, 13.

Я не вѣрю! я ничего не хочу слышать!... ты ѣдешь за-гр
ницу, не подождавъ меня? Я отъ тебя этого не ожидала. До
тора велятъ твоему мужу ѣхать? да ты скажи имъ, что тебѣ
нужно меня видѣть! Я гораздо прежде любила тебя, чѣмъ твой
мужъ. А ты все забыла?!.. Но Богъ съ тобой, я пріѣду сама за-
границу, и очень скоро; когда я прочла твое письмо, я нача-
ла плакать, мнѣ сдѣлалось такъ скучно, что я готова была сей-
часъ же бѣжать къ тебѣ. С* уговаривалъ и обѣщалъ повезти
меня за-границу. Папа́ вмѣшался въ нашъ разговоръ и сказалъ
ему: «вамъ съ ней много будетъ хлопотъ: она жизнь пони-
маетъ по-своему....» Какъ хорошо выставлять всѣмъ свою доч
за какое-то чудовище!... Мнѣ было такъ досадно, что я, когда
мы остались одни, сказала С*, что онъ можетъ взять слово на-
задъ, что я тоже боюсь ему доставить много хлопотъ, потому-
что не намѣрена ни для кого измѣнять своего характера. Онъ
страшно поблѣднѣлъ, и я нашла, что ему блѣдность гораздо
лучше: черты не такъ рѣзко выдаются.... Я беру уроки въ
верховой ѣздѣ и ужь очень порядочно ѣзжу. Въ Петербургѣ
буду ѣздить въ Лѣтнемъ саду. Я тихонько отъ папа̀ отдала свое
приданое моей горничной.... Какъ она была рада, точно я ей
золото дала!

Я захотѣла имѣть попугая и собачку, — С* мнѣ подарилъ
ихъ, и я все съ ними играю. Онъ даже сердится и разъ спро-

силъ меня: «неужели мнѣ пріятнѣе болтать съ животными, чѣмъ съ нимъ?» Я прямо отвѣчала ему, что я ихъ очень люблю и мнѣ съ ними веселѣе.

— А ко мнѣ вы не чувствуете никакой привязанности? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчала я и начала бѣгать по комнатѣ съ собачкой, а сама тихонько смотрѣла на него. Онъ хотѣлъ, кажется, нахмурить брови какъ папа́, но къ счастью у него ихъ совсѣмъ нѣтъ. Я этому рада, потому-что мнѣ страшно надоѣли густыя брови папа̀, я даже ихъ боюсь. Ты теперь не жди отъ меня часто писемъ. Я должна писать къ нему: онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобъ все устроить. Я дала слово писать къ нему всякой день, съ однимъ условіемъ, чтобъ у меня была лучше всѣхъ въ Петербургѣ верховая лошадь.... Не знаю, что̀ я ему буду писать. А! да я буду описывать ему своего попугая и собачку. Если онъ пойметъ и разсердится, я скажу, что потому ихъ такъ люблю, что онъ мнѣ ихъ подарилъ. Впрочемъ я могу притвориться больной или скажу, что палецъ обрѣзала. Мы съ тобой часто такъ дѣлали въ классахъ. Когда я буду жить домомъ, я заведу цѣлый звѣринецъ, чтобъ мнѣ меньше съ нимъ говорить. Я ужасно сержу папа̀ своими прихотями, — пускай онъ видитъ, что есть же люди, которые сжалились надо мной и балуютъ меня. Прощай.

XI.

Петербургъ. Апрѣль, 20.

Наконецъ вотъ и я за-мужемъ, я дышу свободно, я въ Петербургѣ, у меня бездна комнатъ, моя половина убрана точно какъ у графини Д. Приданое мнѣ шили въ Петербургѣ, но я хочу выписать еще нѣсколько бѣлья изъ-за-границы. Мнѣ ужасно было весело, когда я сѣла въ первый разъ въ маленькую карету. У папа̀ были такія кареты, что точно въ четвертый этажъ войдешь: столько ступенекъ! Бывало, выйдешь изъ церкви — ждешь, ждешь, пока лакей хлопаетъ подножками.... Однимъ словомъ, мнѣ нельзя разскаяваться, я теперь покойна.... Обо мнѣ всѣ говорятъ въ Петербургѣ! Скажи, что̀ бы я дѣлала въ

Москвѣ? Мужъ мой исполняетъ всѣ мои прихоти; иногда на меня находятъ дни страшныхъ капризовъ, онъ ухаживаетъ за мной, а я еще больше сержусь на него.... Совѣстно ѣхать куда-нибудь въ такіе дни, а дома скучно, я и безъ того много сидѣла въ Москвѣ. Мужъ подарилъ мнѣ брильянтовъ къ балу княгинѣ Б***. Я почти всякой день на балу или на вечерѣ. Мнѣ ужь успѣли изъясниться въ любви двое молодыхъ людей. Мнѣ было очень страшно ихъ слушать, я чувствовала какое-то волненіе.... Мой мужъ ревнивъ, — онъ все слѣдилъ за мной, — впрочемъ не ко всѣмъ! Иногда самъ какъ-будто нарочно оставляетъ меня съ княземъ Г***, который считается теперь первымъ кавалеромъ въ Петербургѣ, даже дѣлалъ мнѣ выговоръ, что я не умѣю себя вести, мало за мной ухаживаютъ, а вотъ графиня Д*** — говорилъ онъ — потому и имѣетъ такой успѣхъ въ свѣтѣ, что умѣетъ окружать себя молодыми людьми. Странно! читаетъ ли тебѣ твой мужъ такія наставленія?... Папа́ все еще продолжаетъ меня мучить своей моралью. Онъ пишетъ, что «благоразумная жёна должна соображаться съ доходами своего мужа....» Неужели я вышла за-мужъ, чтобъ отказывать себѣ въ чемъ-нибудь? Я хочу жить весело и богато. Я не знаю доходовъ своего мужа, но по всему видно, что у него много денегъ: онъ поминутно дѣлаетъ обѣды. Правда, онъ очень много ѣстъ самъ... Не могу понять, отчего онъ сталъ такъ много ѣсть, какъ женился?... Сначала мнѣ было трудно выдерживать: утромъ съ визитами, потомъ обѣдъ, театръ, потомъ вечеръ, а теперь нахожу, что еще много времени лишняго. Не знаю, какъ тебѣ, но мнѣ скучно дома сидѣть.... На-дняхъ у насъ балъ, и князь Г*** будетъ распоряжаться танцами. Мужъ мнѣ безпрестанно твердитъ: «Eugènie. князь Г*** опасный человѣкъ, его надо ласкать; онъ можетъ женщинѣ придать вѣсъ въ свѣтѣ: его мнѣніе о женщинѣ очень уважается....» — Также и о лошадяхъ? спросила я, желая уколоть его: я хотѣла имѣть сѣрыхъ лошадей, а мужъ увѣрялъ, что вороныя лучше, потому-что князь Г*** похвалилъ ихъ. «А ты знаешь, Eugènie, сказалъ мнѣ тогда мужъ: – какъ уважаютъ его мнѣніе о лошадяхъ?...» Мой мужъ разсердился, и мы серьёзно поссорились. Эта ссора произвела на меня дурное впечатлѣніе. Неужели онъ станетъ дѣлать мнѣ такія сцены?... Нѣтъ, я не позволю! ему не должно спорить со мной.... я не люблю даже съ нимъ просто говорить, а онъ ссо-

рится! Впрочемъ я проучила его хорошо: дня три ничего съ нимъ не говорила! Отчего я не богата сама? я бы ему никогда не простила, ато мнѣ принесли счетъ изъ англійскаго магазина.... нужно заплатить, я и должна была начать съ нимъ говорить. Не сердись, что я мало пишу: мнѣ некогда. Прощай!

XII.

Іюнь, 6.

Извини, я не понимаю тебя: что̀ ты хочешь, чтобъ я писала тебѣ о своемъ мужѣ? Ты любишь своего мужа, а я еще не привыкла къ своему!

Что̀ же мнѣ дѣлать? Я сама думала, что это гораздо легче дѣлается, теперь вижу, что это трудно. Онъ добръ ко мнѣ, но мнѣ скучно съ нимъ. Чѣмъ же я виновата? я итакъ принуждаю себя на многое.... Ахъ, я забыла тебѣ сказать, что князь Г*** преслѣдуетъ меня своими объясненіями и все увѣряетъ меня, что я не люблю своего мужа. Почемъ могутъ другіе знать, люблю ли я, или не люблю своего мужа? кому какое дѣло? я вышла за-мужъ не изъ любви, а чтобъ жить весело и свободно. Знаешь ли? я вижу по всему, что живя въ свѣтѣ надо быть очень осторожной, — какое злословіе! ахъ, какъ страшно быть женщиной въ свѣтѣ! Вотъ почему мнѣ князь не нравится: онъ часто дурно говоритъ о женщинахъ. А мужу моему, — я вижу, очень хочется, чтобъ князь волочился за мной. Но я его боюсь: мнѣ все кажется, что онъ смѣется надо мной, надъ нашимъ домомъ. Какъ тяжело поддерживать связи! я иногда бываю больна отъ визита къ какой-нибудь графинѣ-старушкѣ, которая въ пятой разъ васъ видитъ и все забываетъ вашу фамилію или такъ произнесетъ ее, что покраснѣешь. Я очень желала бы ѣхать за-границу, но мужъ говоритъ, что нужно сперва стать на хорошую ногу въ свѣтѣ, ато будто были примѣры, что молодые, проживъ за-границей нѣсколько мѣсяцовъ, по пріѣздѣ рѣшительно не были узнаваемы прежними знакомыми, которые не отвѣчали на ихъ поклоны.

Мнѣ на балахъ бываетъ очень весело, только не пріятно входить: мужъ пугаетъ всѣхъ, или мнѣ только самой такъ кажется? право, не знаю! ну, да что объ этомъ говорить, этого нель-

зя поправить!... Я была на вечерѣ у княгини Б*** (къ ней очень трудно попасть), и мой туалетъ привелъ всѣхъ въ восторгъ. Я очень люблю, когда бываю замѣчена на такихъ балахъ, это сидишь, никто ничего не говоритъ, дамы странно осматриваютъ съ ногъ до головы и поминутно слышишь: «кто это? какъ попала?» и снова на васъ глядятъ. Если есть знакомые молодые люди, то не жди ихъ: они прячутся и ни за что не рѣшатся пригласить тебѣ даже на туръ вальса; они сами новички и боятся себя компрометировать. Вотъ почему такой человѣкъ, какъ князь, непремѣнно нуженъ для молодой женщины, начинающей выѣзжать въ свѣтъ. Это ея защита, по его милости она не будетъ нигдѣ послѣдняя. Онъ не боится себя компрометировать, танцуя не съ графиней и не съ княгиней. Онъ, кажется, очень хорошо понимаетъ свое значенье для такихъ женщинъ, какъ я, и пользуется имъ: онъ такъ гордо навязываетъ мнѣ свою любовь. Остановить его страшно! онъ станетъ мстить — и вы погибнете во мнѣніи свѣта. Одного анекдота, пущеннаго имъ между молодыми людьми, довольно, чтобъ женщину погубить.... Я со слезами на глазахъ выношу иногда его наглое пожатіе руки или его взгляды. Но какъ же быть? неужели сдѣлаться предметомъ свѣтскаго злословія? Если бы я любила мужа какъ ты, я перестала бы ѣздить въ свѣтъ. Какое счастье тамъ?.. Чтобъ быть замѣченной, нужно на многое рѣшиться, сколько ловкости и ума нужно на это! Не желать этого — надо умереть со скуки и еще со стыда въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Однимъ словомъ, свѣтская женщина связана по рукамъ и по ногамъ. Она должна веселиться, скучать по принужденію, говорить совершенно не то, чтó думаетъ, и быть всегда на-сторожѣ своихъ словъ, любить кого велятъ; а никто лучше меня не знаетъ, какъ трудно полюбить по расчету. Ты удивляешься моей перемѣнѣ, но надо же когда-нибудь очнуться, не все же себя обманывать! Впрочемъ кто по неопытности забрелъ въ болото, тому трудно спастись: вытаскивая одну ногу, вы чувствуете, какъ другая вязнетъ глубже; всякое усиліе къ освобожденію показываетъ вамъ, что вы осуждены погибнуть. Вы озираетесь кругомъ, чтобъ попросить помощи: никого не видать! страшное равнодушіе природы окружаетъ васъ, вы одни въ болотѣ! Вы ждете своей медленной гибели.... никто даже не замѣтитъ ея... все исчезнетъ въ густомъ туманѣ!... Что-то я замечталась? съ

нѣкотораго времени я Богъ знаетъ о чемъ думаю, даже мнѣ самой страшно! Въ такія минуты у меня дѣлается сильное біеніе сердца. Боюсь, ужь не больна ли я? Напиши мнѣ, какъ вы проводите время съ мужемъ? Нѣтъ, впрочемъ не надо. Мнѣ что-то грустно читать о вашемъ счастьи. Ты знаешь, я всегда была завистлива, а теперь еще завистливѣй стала. Ты не подумай, что я не счастлива. Нѣтъ, я больна не много. Это все пройдетъ, я снова буду весела.

XIII.

Августъ, 10.

За что такіе упреки, такое безпокойство обо мнѣ? Я здорова, — не писала потому, что мнѣ нечего писать. Я только нѣсколько дней была больна, что соскучилась дома. Ѣхать тоже никуда не хочется. Впрочемъ я выѣзжаю, но интереснаго мало: все одно и тоже, только жертвы злословія мѣняются. Не описывать же мнѣ, какъ за мной ухаживаютъ. Я держу себя очень осторожно, но этихъ людей поощряетъ фигура моего мужа. Никто не вѣритъ, чтобъ женщина могла любить его, а прежде я воображала, что никто не пойметъ нашихъ отношеній!... Ахъ, какъ я часто проклинаю мои прежнія мечты. У насъ, несчастныхъ дѣвушекъ, бываютъ какія-то особенныя понятія о людяхъ, о жизни, о замужствѣ. Я напримѣръ думала, что буду любить мужа — и онъ будетъ меня ласкать, а если не полюблю, такъ онъ не посмѣетъ докучать мнѣ своими ласками и требовать ихъ. Какъ опасно, когда дѣвушка, незная совершенно жизни, строитъ зданіе своего счастія по своимъ понятіямъ. Одно неловкое движеніе — и она чувствуетъ, что хрупкое зданіе, выстроенное ея неопытной рукой, рушится, и ей грозитъ гибель. Ей трудно удержаться за острые обломки.... она не удержится! она падетъ и разобьется!... Кто станетъ жертвовать жизнью для ея спасенія? Да еще можно ли и спасти ее? Не ускоришь ли только ея гибель? Нѣтъ, не въ эту минуту оказывайте ей помощь, а подайте ей руку тогда, какъ только она начала класть фундаментъ своего зданія.... Укажите ей на непрочность его... Выберите ей матеріялы крѣпкіе, чтобъ ни огонь, ни вода немогли коснуться ея, чтобъ она была увѣрена въ своей силѣ и

могла объявить войну всѣмъ чувствамъ, всѣмъ волненіямъ, неизбѣжнымъ въ жизни!

Наше супружество.... кому принесло оно счастье? Ни мнѣ, ни ему! Сама не знаю, какъ вкрались въ нашу семейную жизнь ссоры, одна другой ядовитѣе... Развѣ я желала быть въ такихъ отношеніяхъ къ мужу? Впрочемъ ты не поймешь меня, тебѣ дико слушать меня! Одинъ только человѣкъ изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ понимаетъ мое положеніе, но я не могу и съ нимъ говорить откровенно.... мнѣ неловко.... Онъ давно любитъ меня: моя откровенность можетъ обнадежить его, — и я бѣгу отъ новыхъ чувствъ; мнѣ силъ и такъ не достаетъ бороться съ жизнью. Мой мужъ сердится, зачѣмъ я дружна съ нимъ, и, какъ на зло, безпрестанно твердитъ ему, какъ я за него выходила за-мужъ, какъ письма ему писала каждый день. Еще недоставало, чтобъ онъ всѣхъ увѣрялъ, что я была въ него влюблена.... Это слишкомъ! Я сказала ему:

— Что же вы не говорите объ условіи? вы должны были купить мнѣ отличную верховую лошадь.

— Ты, Eugènie, такимъ тономъ говоришь, будто мы торговались съ тобой!...

Я чуть не задохнулась отъ злости: онъ думаетъ, что я выходила за него по любви! Я ему сказала:

— Еслибъ вы обратили должное вниманіе на мои слова и на мое тогдашнее положеніе, вѣрно бы теперь слово — условіе, васъ не испугало?

— Такъ ты хочешь дать мнѣ замѣтить, что между нами есть какія-то условія? Но извини меня, Eugènie, я ихъ не знаю!

— Есть разнаго рода условія: одни заключаются письменно или словесно, а другія однимъ здравымъ смысломъ понимаются.

— Какія же условія желаете вы заключить съ вашимъ мужемъ?

И онъ торжественно поглядѣлъ на меня и на К***, который уткнулся въ книгу.

Я горѣла отъ стыда и злобы. Я забылась и сказала своему мужу:

— Мое условіе очень коротко: я желаю, чтобъ вы меня оставили въ покоѣ и не заботились ни о моей репутаціи, ни о моемъ счастьи, — оно не возможно въ моемъ положеніи!

— Чтò ты говоришь? помилуй! Monsieur K*** можетъ подумать, что ты несчастна, что я тебѣ дѣлаю невѣрности!

И онъ засмѣялся.

— Я не боюсь вашихъ невѣрностей.... я слишкомъ къ вамъ равнодушна. Если я теперь недовольна, то сама виновата, что не умѣла раньше заключить съ вами условій. Но и вы не правы! Вы видѣли мою неопытность и слишкомъ много надѣялись.... Я до сихъ поръ не могу понять, на чтó вы могли такъ надѣяться?

— Я вижу, что ты сегодня капризна. Тебѣ вѣрно испортили платье.... Не сердись, я сдѣлаю тебѣ новое!

Вотъ сцены, которыя каждый день повторяются. Виновата ли я, что онъ не хочетъ понять, что я вышла за него по необходимости и не понимая всего значенія быть женой? Досадно, что я не могу говорить съ нимъ спокойно: я ему даю много перевѣсу надъ собой своей горячностью. И послѣ такихъ сценъ онъ приходитъ ко мнѣ, сидитъ по три часа у моей кровати, проситъ прощенья или увѣряетъ меня въ своей любви.... Какъ тяжело бываетъ мнѣ въ такія минуты! Но чтó дѣлать? Я сама во всемъ виновата, или, лучше сказать, всѣ виноваты! Прощай, пожалуйста не очень разспрашивай меня о моихъ отношеніяхъ къ мужу; я боюсь ихъ сама опредѣлить!

XIV.

Октябрь, 20.

Зачѣмъ ты требовала моей откровенности?... Я старалась обманывать себя, но когда разъ опредѣлила свое положеніе, мнѣ дѣлается страшно.... Я хотѣла сказать тебѣ только нѣсколько словъ о моемъ мужѣ — и, сама не знаю какъ, высказала тебѣ все мое отвращеніе къ нему. Не бойся! онъ слишкомъ увѣренъ въ своихъ достоинствахъ, чтобъ замѣтить его. Не жалѣй обо мнѣ: я сама виновата! Есть женщины, которыя лишеніями покупаютъ себѣ счастье. Я же продала себя для счастья

и кромѣ презрѣнія людей и своего собственнаго я ничего не купила! Зачѣмъ же мнѣ никто не растолковалъ правъ мужа? Я думала, что я буду свободна. Въ нарядахъ, въ балахъ я старалась заглушить голосъ стыда, который мнѣ поминутно твердилъ: «Ты продала себя». Каждая вещь, которой я владѣю, дорого куплена мною. Иногда я забываюсь; на балу я весела и безпечна, — но пріѣзжаю домой, мужъ приходитъ ко мнѣ, съ своей ревностью или ласками, отъ которыхъ я содрогаюсь. Но я обязана отвѣчать на его ласки или по-крайней-мѣрѣ не оскорбляться ими.... Онъ правъ: я его принадлежность, я продала себя ему.... Когда я бываю въ обществѣ, окруженная молодыми людьми, я весела; но стоитъ появиться моему мужу — я дѣлаюсь истуканомъ, глаза мои не могутъ оторваться отъ его лица, онъ мнѣ кажется въ такую минуту чудовищемъ. Мнѣ кажется, всѣ гнушаются его безобразіемъ, но онъ гордо идетъ ко мнѣ, какъ къ живому доказательству, что есть же женщина, которая не замѣчаетъ его уродства.... Онъ старается быть со мной какъ можно фамильярнѣе, онъ поминутно говоритъ: «*моя жена!... моя жена....*» И мнѣ кажется, тогда глаза всѣхъ устремляются ко мнѣ съ удивленіемъ и вопросомъ: «что̀ могло заставить эту женщину быть его женой?...» Деньги, деньги! у васъ онѣ есть, и вы не можете понять, что̀ значитъ не имѣть ихъ!... Но однѣ деньги также не могутъ доставить счастья женщинѣ. Есть вещи, которыя не покупаются и не продаются. Женщина должна беречь свою свободу, чтобъ любить кого она захочетъ. Я это говорю не о себѣ. Мнѣ кажется, что я даже и любить никого не могу. Мнѣ жаль К***: онъ страдаетъ, онъ любитъ меня. Но что̀ мнѣ дѣлать? неужели обманывать своего мужа, съ которымъ я связала свою судьбу добровольно? Будь я богата, я сейчасъ уѣхала бы къ тебѣ. Я отдохнула бы немного.... Доктора совѣтуютъ мнѣ ѣхать, но мужъ говоритъ, что у него нѣтъ денегъ ѣхать со мной.... А одну меня онъ боится отпустить: подумаютъ, что я отъ него бѣжала! Бѣжать?... На это нужна сила характера, а я пока боролась съ своими чувствами, пока поняла свое страшное положеніе, — я измучилась.... Я чувствую себя какъ послѣ страшной пытки: ни одинъ членъ не на своемъ мѣстѣ. Куда же я пойду изувѣченная? слѣды пытки останутся навсегда. Гдѣ же мнѣ скрыть свои страданія? чѣмъ вылечить боль, которую я чувствую?... Какъ мнѣ бываетъ скучно, ты

вообразить не можешь! Моей беззаботности достало мнѣ только на годъ. Пиши ко мнѣ чаще; мнѣ, какъ ты видишь, трудно писать. Все одно и тоже! но все потому, что оно слишкомъ ужасно! Если кто-нибудь попроситъ у тебя совѣта, какъ я нѣкогда, — о, скажи той несчастной, что нѣтъ мучительнѣе страданія, какъ продажа своихъ чувствъ и своей гордости! Я раздражительна стала, боль въ сердцѣ все усиливается, но мнѣ все-равно, пусть тѣло терпитъ столько же, какъ моя душа!

XV.

Декабрь, 7.

Когда женщина начнетъ понимать жизнь и свое значеніе въ обществѣ, она должна быть готова на все. Представь себѣ: мой мужъ очень близокъ съ одной актрисой, француженкой! Скажи, зачѣмъ же онъ купилъ меня?... Чтобъ легче попасть въ нѣкоторые дома, куда доступъ труденъ? Но я не долго могу вести такую жизнь. Я все брошу, я запрусь въ одной комнатѣ, чтобъ до меня не долетали никакіе слухи. Надо тебѣ сказать, что я поѣхала въ маскарадъ. Мужъ не пускалъ меня прежде въ маскарады, и я теперь вижу причину его страха. Я сидѣла съ К***. Подъ маской легче говорить, и я, сама не замѣчая какъ, высказала ему свое положеніе. Ахъ, сколько участья прочла я въ его глазахъ къ моимъ страданіямъ! Я ему также жаловалась на навязчивость князя Г***. Въ это время князь бѣжалъ по залѣ за маской и, увидѣвъ К***, кинулся къ намъ. — «Кто? съ кѣмъ ты сидишь?» И онъ началъ меня оглядывать...., К*** мнѣ заранѣе сказалъ, какъ нужно вести себя, чтобъ не узнали: какъ можно больше дѣлать восклицаній и ничего не говорить.... Въ отвѣтъ К*** шепнулъ ему что-то на ухо; князь презрительно посмотрѣлъ на меня.

— А я думалъ, сказалъ онъ: — что ты съ мадамъ С*. А скажи, правда ли, будто она чего-то такъ испугалась, что лишила своего мужа наслѣдника? Впрочемъ она благоразумно сдѣлала: зачѣмъ размножать такихъ уродовъ!

К*** поблѣднѣлъ.

— Вздоръ! сказалъ онъ.

— Мнѣ самъ мужъ говорилъ: кажется, ему можно повѣрить?... А я думалъ, продолжалъ князь: - что она женщина умная и порядочная.... Какъ не замѣтить, что этому уроду только и недостаетъ, что роговъ?... А знаешь, за кѣмъ я бѣжалъ?... за возлюбленной С*!

Я думала, что я равнодушна къ мужу: нѣтъ, къ униженію нельзя быть равнодушной!... К*** хотѣлъ замять разговоръ, но князь, какъ на зло, продолжалъ.

— Я все ее увѣрялъ, что она любитъ и ревнуетъ его.... онъ такъ хорошъ! Она отвѣчала мнѣ: — «Qu'il a pour ces bêtises là une femme». Не правда ли, она очень жива?

— Я задыхалась отъ стыда, К*** также едва держался на ногахъ... Князь обратился ко мнѣ и началъ говорить престрашныя вещи....

Я боялась произнесть слово.

К*** сказалъ ему: — Она нѣмка!

— Ха, ха, вотъ хорошо, а я-то ей говорю! — Жаль, что ты не знаешь по-русски, продолжалъ князь, опять обратясь ко мнѣ: — я бы много сказалъ тебѣ.... какъ онъ влюбленъ въ одну даму....

К*** вздрогнулъ и быстро сказалъ ему: — Князь, чтó за глупости?

— Чего же ты сердишься? Ея тутъ нѣтъ.... а впрочемъ она очень хорошо все понимаетъ, и только, я думаю, ждетъ удобнаго случая.... А можетъ быть она насъ обоихъ обманываетъ.

Я сидѣла неподвижно. Мнѣ казалось, что князь тотчасъ узнаетъ меня, — и я погибла: онъ завтра же всюду разскажетъ свою встрѣчу, и я въ свою очередь сдѣлаюсь предметомъ презрительныхъ улыбокъ и взглядовъ этихъ холодныхъ женщинъ, закованныхъ въ ложь, лицемѣрство и злобу ко всему страждущему, — этихъ молодыхъ людей, которые за бокаломъ вина разскажутъ вамъ свое тайное свиданіе съ какой-нибудь бѣдной женщиной, которая пожертвовала собой, послѣ страшныхъ страданій и бореній съ своей совѣстью, долгомъ и честью, — и завтра каждый изъ нихъ при встрѣчѣ съ ней нагло смотритъ на нее и нагло ухаживаетъ, думая добиться того же....

Я встала и взяла руку К***. Мы оставили князя, который заговорилъ о другой женщинѣ; но она счастлива, что не слышала его словъ....

Съ того дня мнѣ еще больше опротивѣло общество. Мнѣ вездѣ скучно, я даже не замѣчаю, какъ меня принимаютъ. Иногда слышу — что-то говорятъ мнѣ, но я не понимаю; мою разсѣянность уже успѣли приписать тому, что я влюблена въ К***. Въ молодыхъ людяхъ я замѣчаю странную холодность ко мнѣ; вѣрно князь К*** сказалъ обо мнѣ что-нибудь невыгодное: его мнѣніе о женщинахъ и о лошадяхъ такъ уважаютъ въ свѣтѣ!... Я теперь почти сижу дома, читаю или занимаюсь музыкой съ К***. Мой мужъ сталъ сердитъ и скупъ.... Вѣрно его сердитъ мое равнодушіе къ баламъ и выѣздамъ.... Нѣтъ, я поняла, что женщинѣ нужно родиться съ правами, чтобъ свободно дышать въ томъ обществѣ, куда завело меня честолюбіе мужа и моя вѣтренность! Мы, пришельцы, жалкую роль играемъ посреди ихъ. Да и скажите мнѣ, ослѣпленныя женщины, чего желаете вы, что̀ хотите вы найти тамъ? Развѣ въ балахъ и роскоши вы найдете себѣ счастье?... Жалкое заблужденіе женщинъ, непонимающихъ еще себя и неотдающихъ себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ! Внѣшнимъ блескомъ можно удовлетворить дикаря, а не мыслящаго человѣка...

Я пишу къ тебѣ ночью. Вотъ уже сколько ночей, какъ я не могу глазъ сомкнуть. Какъ только лягу, со мной сдѣлается тоска, страшное волненіе! какой-то неопредѣленный страхъ преслѣдуетъ меня. Какъ-будто сейчасъ потолокъ обрушится на меня или комнату обхватитъ пламя, и я не успѣю спастись. Разумѣется, я больна, но какія бы ни были страданія — тѣлесныя или душевныя, — они равно мучительны.... Если долго не получишь отъ меня письма, не безпокойся. Можетъ быть я страдаю оттого, что много думаю о своемъ положеніи. Я постараюсь забыться. Прощай....

XVI.

Мартъ, 7.

Я имѣла твердое намѣреніе не думать о своемъ положеніи, но обстоятельства невольно снова приводятъ меня въ ужасъ. Представь себѣ, что мой мужъ, кажется, запутался въ дѣлахъ. Онъ не расчелъ своихъ доходовъ и хотѣлъ держать свой домъ какъ графъ Д.... Какъ же я-то могла знать, какъ мнѣ жить?

Отецъ, отдавая меня мужу, не растолковалъ мнѣ, сколько нужно денегъ, чтобъ жить богато, какъ цѣнить деньги.... Но Богъ съ ними! я готова все перенести. Одного боюсь, что мужъ не пойметъ своего положенія и станетъ продолжать поддерживать связи, которыя стоятъ страшно дорого и кромѣ насмѣшекъ ничего намъ не приносятъ! Если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело.... не то, что я опять подвергаюсь бѣдности, — видно это мое предопредѣленіе, — но я боюсь!... Мнѣ жаль К***: онъ любитъ меня, онъ страдаетъ вдвойнѣ.... Мое положеніе такъ страшно, что погибнетъ и тотъ, кто принимаетъ во мнѣ участіе. Сколько силы мнѣ нужно, чтобъ не забыться.... Теперь я имѣю право винить мужа, но когда я его обману? Нѣтъ, я не могу этого сдѣлать: я не такъ же низка! Неужели, продавъ себя разъ, я своими страданіями не выкупила дорогой цѣной свой позоръ?... Я скажу мужу, что люблю К***?... но куда мы дѣнемся, куда бѣжимъ, гдѣ укроемся отъ людского злословія?... Мой мужъ, кажется, скорѣе способенъ простить мнѣ обманъ, нежели гласность такихъ отношеній. И онъ правъ.... я сама не рѣшусь такъ поступить: люди отравили бы и немногія минуты моего счастья!... Мнѣ даже бѣжать нельзя отъ К***. Мужъ самъ мнѣ сказалъ, что у него нѣтъ денегъ, и надо умѣрить расходы. Я ничего не хочу знать, пусть дѣлаютъ что́ хотятъ, я буду все исполнять!... Прощай, хоть бы ты пріѣхала скорѣе: я могла бы на твоей груди выплакать свое горе, которое разрываетъ мнѣ грудь, душитъ меня!

XVII.

Апрѣль, 20.

Мой мужъ окончательно запутался въ дѣлахъ. Должники каждый день аттакуютъ переднія. Сроки заемныхъ писемъ на большія суммы наступили, а платить нечѣмъ. О, я черезъ горькій опытъ теперь понимаю дѣла! Каково мое положеніе?... Все, для чего я погубила себя, — всего я лишена. Боже! отчего деньги имѣютъ такую власть надъ женщиной? Впрочемъ я все забываю, что я исключеніе. Я должна погибнуть за слабость характера. Есть же на свѣтѣ женщины, которыя не богаты, а живутъ счастливо! я потому вѣрю въ это, что дайте мнѣ теперь

свободу, я буду жить съ человѣкомъ, котораго люблю, и мнѣ не нужно вашихъ денегъ. Пусть онѣ достанутся на долю тѣхъ, которыя не способны ни къ какимъ чувствамъ!...

Я никакъ не ожидала, чтобъ послѣ такого короткаго промежутка роскоши было такъ трудно возвращаться къ лишеніямъ. Мнѣ кажется, будто я никогда не жила такъ бѣдно. Квартиру мы наняли въ пять тысячъ, людей распустили, и у меня всего двѣ дѣвушки. Мнѣ теперь рѣшительно не нужно больше: я никуда не выѣзжаю. Мужъ сердится, но я объяснилась съ нимъ: я сказала, что я не намѣрена никуда выѣзжать кромѣ близкихъ знакомыхъ. К*** больше всѣхъ страдаетъ; его всѣ спрашиваютъ: «правда ли, что моего мужа хотятъ посадить въ тюрьму должники? что я причиной его раззоренія?...» Пусть приписываютъ мнѣ все, что̀ хотятъ: я стала нечувствительна къ ихъ ударамъ!... Всѣ знакомые насъ оставили, а тѣ, которые изъ сожалѣнія бываютъ у насъ.... какъ тяжело принимать ихъ великодушіе! Вы сперва выучитесь такъ приносить жертвы, чтобъ тотъ, кого вы хотите осчастливить вашимъ великодушіемъ, не оскорбился имъ: вмѣсто участія выказываете вы ему сожалѣніе и снисхожденіе, которое растравляетъ только рану и боль становится невыносимѣе.... Вотъ до чего я дожила, что мы ѣздимъ на наемныхъ лошадяхъ! Хорошо, что оттепель и можно говорить, что жаль своихъ лошадей. Настанетъ же время хорошее: что̀ тогда сказать? Да такой хитрости никто и не вѣритъ, ею только мой мужъ утѣшаетъ себя. Ахъ, какъ бы я желала чѣмъ-нибудь также утѣшать себѣ! Ты не взыщи, если я темно говорю: право, голова кружится иногда отъ мрачныхъ мыслей... Да и не стоитъ вникать въ смыслъ моихъ словъ: мнѣ кажется, что все это какой-то страшный сонъ, и я брежу. Боль въ сердцѣ у меня до того усилилась, что я должна писать къ тебѣ съ большими разстановками. А то, что̀ я написала, мнѣ не достаетъ духу перечитать. Желаю тебѣ вѣчнаго спокойствія.

XVIII.

Май, 16.

Спаси меня! я окончательно гибну!... Недоставало мнѣ еще такого несчастья: я люблю К***. Вчера мы сидѣли одни и чи-

[illegible] чтенiе, я [illegible] его [illegible] [illegible] «[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]-нибудь!» [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible]: [illegible] [illegible] бы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Мнѣ стало грустно. Г— единственный человѣкъ, который [illegible] мнѣ [illegible] [illegible], и я [illegible] его обманула! Мнѣ стало такъ его жаль, что я [illegible]. Съ тѣхъ поръ, какъ я вышла за-мужъ, ни-одной слезы не было пролито мною, зато какiя рыданiя теперь вырвались изъ моей груди! Все, все отозвалось въ нихъ, — и [illegible] мое, и мои [illegible] къ мужу; вѣрно выразилась въ нихъ и моя тайная любовь къ Г—, потому-что онъ сталъ передо мной на колѣни, — блѣдный, скрестивъ на груди руки, — и съ какимъ-то благоговѣнiемъ вслушивался въ мои разрывающiя рыданiя. Я позволила ему скрыть свои слезы на моихъ колѣняхъ. Я сама первая поцаловала его, чтобъ утѣшить его сколько-нибудь; но я не знала, что дѣлала, я думала облегчить его.... но я испугалась: глаза его горѣли, лицо его все дергалось; мнѣ стало такъ страшно, что я почувствовала сильную боль въ сердцѣ, слабо вскрикнула и упала.... Почти цѣлый день я лежала.... доктора и теперь еще покачиваютъ головой, вѣрно, плохо? скорѣй бы одинъ конецъ!... Не [illegible] меня заранѣе: я никому не буду принадлежать — ни безобразному мужу, ни ему! Я прiѣду къ тебѣ, брошу всѣхъ. Я ничего не хочу. Оставьте меня въ покоѣ! Я не вѣрю ни въ какое счастье: его нѣтъ на свѣтѣ. Есть одно пустое слово — счастье.... Имъ-то насъ, бѣдныхъ женщинъ, и обманываютъ! Мы губимъ, продаемъ себя для него, — и кромѣ униженiя ничего не находимъ... До свиданiя. Мысль уѣхать къ тебѣ придаетъ мнѣ силы. Я ѣду, я ѣду, даже если бы мнѣ стоило это жизни. Впрочемъ мнѣ теперь легко ею жертвовать, потому-что для меня все равно — жить или умереть....

XIX.

Iюль, 13.

Я ѣду къ тебѣ, я переговорила съ мужемъ: онъ что-то говорилъ мнѣ о долгѣ.... но я рѣшительно объявила, что не могу жить въ Петербургѣ.

— Чтó же подумаютъ, когда вдругъ ты уѣдешь одна? спросилъ онъ меня.

— Мнѣ все равно, отвѣчала я ему.

— Будутъ говорить, что ты поссорилась со мною.

— Мнѣ все равно, пусть говорятъ!

— Скажутъ, что бросила мужа, когда онъ запутался въ долгахъ.

Какъ жалокъ и какъ ничтоженъ мой мужъ! Я знаю, онъ боится моего отъѣзда только потому, чтó скажутъ другіе. Ему жена была нужна какъ ширмы, какъ приманка! Скажи онъ мнѣ раньше свои виды на меня, у меня еще достало бы силъ на роль его жены въ обществѣ.... Нѣтъ, ты не захотѣлъ ограничиться этимъ, но ты забылъ свое безобразіе!

Когда я сказала К***, что я ѣду, онъ чуть не вскрикнулъ. Я поспѣшила его успокоить, что я ѣду на время, отдохнуть хоть сколько-нибудь.

— Поѣзжайте; можетъ быть вамъ будетъ легче.

— Я не хочу, чтобъ вы ѣхали за мной.

— Я и не надѣялся этого, но мнѣ тяжело будетъ исполнить ваше желаніе. Я думалъ тоже разсѣять вояжемъ свою грусть.

— Я вамъ буду писать.

— Благодарю.

Ты видишь, онъ любитъ меня.... сколько кротости, сколько любви въ его тихой грусти! Онъ знаетъ, что можетъ своимъ отъѣздомъ подать поводъ къ непріятнымъ толкамъ обо мнѣ, и онъ готовъ на все рѣшиться для меня.

Зато мой мужъ сердитъ, дѣлаетъ мнѣ сцены или надоѣдаетъ своими ласками.... Эти ласки стали теперь чаще и чаще.... Неужели такъ и должно быть? неужели люди не видятъ невозможности жить съ такимъ мужемъ? Впрочемъ на чтó мнѣ ихъ участье! я слишкомъ много презираю ихъ! Я вырвусь наконецъ изъ своего дома, я не буду видѣть своего мужа, не буду видѣть никого изъ тѣхъ, кто знаетъ мой позоръ. Напиши, гдѣ мы встрѣтимся.

XX.

Іюль, 25.

День отъѣзда назначенъ.... Я не знаю, достанетъ ли у меня силъ проститься съ К***, впрочемъ мнѣ кажется, что онъ меня скоро забудетъ.... Можетъ быть, у него одна жалость ко мнѣ... Я дѣлала прощальные визиты къ нѣкоторымъ знакомымъ. Я была въ такомъ положеніи, что мнѣ самой пришло въ голову, будто мой мужъ возитъ меня мертвую ко всѣмъ за послѣднимъ поцалуемъ. Я не увижу васъ больше, гордыя женщины, осыпающія презрѣніемъ вашихъ страждущихъ сестеръ, и васъ, молодые люди, безжалостно злословящіе своихъ жертвъ. Живите счастливо, если только счастье для васъ существуетъ!

Прощай; мы теперь скоро съ тобой увидимся, если не случится какого-нибудь несчастья. Но мнѣ кажется, для меня не осталось ни одного! Что̀ меня ожидаетъ?... О, пощадите, пощадите меня!...»

Н. СТАНИЦКІЙ.

СЕНЕГАЛЬСКІЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

I.

Видъ Сенъ-Луи съ моря. — Лоцманъ Фара и его товарищи. — Высадка.

Фрегатъ, на которомъ мы отправлялись въ Сенегалъ, прибылъ къ Сенъ-Луи спустя пятдесятъ шесть дней послѣ отплытія изъ Тулона. Было около полуночи, когда мы стали на дрейфъ. Якорная стоянка въ открытомъ морѣ хоть и не опасна, однакожь представляетъ случаи, если не ужасающіе, то довольно торжественные. Небо было мрачное; только нѣсколько фонариковъ, развѣшенныхъ по концамъ рей, бросали слабый блескъ на палубу. Покамѣстъ капитанъ, почтительно окруженный офицерами, измѣрялъ циркулемъ морскую карту, разложенную на столѣ, матросы стояли группами по своимъ мѣстамъ и разговаривали вполголоса. Прошло съ четверть часа въ такомъ неопредѣленномъ положеніи; наконецъ капитанъ поднялся на вахту. Пассажиры ждутъ въ безмолвіи. Вдругъ повелитель фрегата подалъ знакъ, лейтенантъ повторилъ въ рупоръ приказаніе, квартирмейстеръ свиснулъ, главный плотникъ обрубилъ канатъ, соединявшій якорь съ крамболомъ, и огромный дрекъ запрыгалъ въ волнахъ. Вскорѣ разговоръ сдѣлался живѣе, будто каждый считалъ себя теперь внѣ опасности.

«Не прыгать ей больше въ волнахъ, не гнуться ей нѣжно по вѣтру, рѣзвой *Дидонѣ*», поэтически говорили трусы, радуясь, что приближаются къ концу плаванья.

Послѣ стоянки, я оставилъ свою койку свободно качаться въ пустой каютѣ и взошелъ на палубу. Ночь была жаркая, совершенно какъ лѣтній день въ Парижѣ. Впивая въ себя ночной вѣтерокъ, чтобы прохладить свою грудь, я съ нетерпѣніемъ желалъ увидѣть дикую землю, въ которой мнѣ приходилось поселиться, и начиналъ думать, не ошибся ли нашъ старый капитанъ мѣстоположеніемъ Сенъ-Луи, обманутый своими вычисленіями, единственными путеводителями въ ночной темнотѣ.

Около четырехъ часовъ подулъ восточный вѣтеръ и погналъ навстрѣчу намъ песокъ и кузнечиковъ. Не много спустя, явились чайки, которыя, какъ извѣстно, не удаляются отъ береговъ, и, скользя крыльями по свинцовой поверхности моря, быстро слѣдовали за движеніемъ волнъ. Наконецъ встало солнце, и вдругъ сдѣлалось свѣтло какъ въ полдень, потому-что, какъ я уже имѣлъ случай убѣдиться, между тропиками не бываетъ ни разсвѣта, ни сумерекъ. Между тѣмъ густой туманъ еще обливалъ землю, и только въ десять часовъ мы могли различить берегъ. Капитанъ фрегата не обманулся: мы стояли передъ Сенъ-Луи; я подивился искусству нашихъ моряковъ.

Разстояніе около пяти миль отдѣляло насъ отъ города. На палубѣ разставили зрительныя трубы, и пассажиры бросились къ нимъ съ любопытствомъ. Сенъ-Луи представлялся въ видѣ Аѳинъ или Коринѳа: красивыя террасы возвышались однѣ надъ другими, огромныя колоннады блестѣли отъ солнца, какъ-будто сдѣланныя изъ алебастра и порфира. Я считалъ себя счастливѣйшимъ изъ людей, что увижу такой прекрасный городъ, и во мнѣ удвоилось нетерпѣніе ступить на чудную землю.

Скоро появилось на берегу множество рыбаковъ, и картина сдѣлалась еще живописнѣе. Мы видѣли, какъ они сталкивали свои лодки въ море, распускали трехугольный парусъ, мало-помалу отдалялись отъ земли и исчезали въ океанѣ. Многія изъ этихъ лодокъ проходили очень близко нашего фрегата, и пассажиры, – все здѣсь было новостью,— наклонялись черезъ сѣтки и съ любопытствомъ смотрѣли, какъ эти черные и обнаженные люди управляли съ совершенною самоувѣренностью хрупкими челноками, въ которыхъ не удержался бы, не опрокинувъ ихъ, даже несравненный нашъ эквилибристъ Оріоль.

Пирога, посланная губернаторомъ Сенъ-Луи, вскорѣ пристала къ фрегату, и три негра, которые управляли ею, ловко

вскарабкались на палубу, гдѣ, какъ водится, были тотчасъ же окружены толпою; каждому хотѣлось взглянуть на нихъ и послушать ихъ странное нарѣчіе. Вся одежда ихъ состояла изъ коротенькихъ панталонъ, какіе употребляются для купанья. Одинъ изъ негровъ отличался гордою поступью и умнымъ лицомъ; это былъ начальникъ; его звали — Фара. Онъ былъ посланъ для того, чтобы провести фрегатъ вдоль берега. Фара выказалъ себя большимъ аристократомъ: онъ отвѣчалъ только на вопросы офицеровъ. Онъ принесъ палтуса и хотѣлъ предложить его капитану; кто-то сказалъ гордому негру, что отъ этой рыбы отрѣзанъ кусокъ, и, значитъ, она не годится для подарка.

— Я не продалъ того, чего недостаетъ, отвѣчалъ Фара: — сынъ мой былъ голоденъ; я долженъ былъ дать ему кусокъ. Надѣюсь, что командиръ приметъ остальное: это не оборыши съ рынка.

Капитанъ учтиво принялъ подарокъ отъ лоцмана и велѣлъ дать ему полный матросскій костюмъ. Фара тотчасъ же одѣлся въ него, и гордость его удвоилась. Онъ старательно разложилъ концы краснаго пояса, не переставалъ любоваться блестящими пуговицами камзола, ежеминутно снималъ у себя съ головы маленькую лакированную шляпу и съ видимою радостью посматривалъ на ленту, на которой было написано розовыми буквами имя фрегата. Лоцману и двумъ другимъ неграмъ подали ѣсть, но Фара распорядился по-львиному: одинъ выпилъ все вино и оставилъ своимъ товарищамъ гомеопатическую порцію кушаньевъ. Мы замѣтили ему, что такой дѣлежъ не отличается особенною справедливостью....

— А развѣ у васъ капитанъ фрегата живетъ также, какъ матросы?... вскричалъ лоцманъ. — Развѣ я не долженъ кормить себя лучше, нежели этихъ двухъ работниковъ, находящихся подъ моимъ начальствомъ?...

Возраженіе было такого рода, что отвѣчать на него оказалось не совсѣмъ удобнымъ; экипажъ ограничился тѣмъ, что накормилъ Фару до-сыта; послѣ того онъ уже не мѣшалъ ѣсть своимъ товарищамъ.

Окончивъ завтракъ, негры и лоцманъ рѣшили, что пора воротиться на берегъ. Капитанъ, съ нетерпѣніемъ желавшій прибыть въ Сенъ-Луи, попросилъ позволенія сойти въ ихъ пирогу;

негры обратились за совѣтомъ къ Фарѣ. Лоцманъ довольно долго смотрѣлъ на океанъ и на небо и наконецъ рѣшилъ, что они могутъ безъ опасенія взять офицера. Негры такъ хорошо понимаютъ состояніе моря, что можно положиться на нихъ съ полною увѣренностью. Притомъ преданность ихъ безграничная; они не задумаются, еслибъ имъ пришлось пожертвовать своею жизнію за европейца. Офицеръ, отправлявшійся съ товарищами Фары, сѣлъ на кресло, и его спустили на блокахъ въ пирогу, въ которой онъ легъ и долженъ былъ не шевелиться до самой высадки.

Потомъ фрегатъ началъ лавировать вдоль берега навстрѣчу пароходу, назначенному для принятія пассажировъ. Фара, стоя на ютѣ рядомъ съ капитаномъ, гордо указывалъ направленіе, которому должно было слѣдовать.

Въ Сенъ-Луи надо было высадить пятьсотъ человѣкъ; подъ вечеръ море сдѣлалось качко и перегрузка оказалась очень затруднительною; потому ее кончили только ночью, и пароходъ долженъ былъ ждать утра для вступленія въ Сенъ-Луи.

Боковая качка маленькаго судна такъ отличалась отъ качки фрегата, что мы чуть не испытали снова морской болѣзни. Мы провели нестерпимую ночь. На другой день, когда пароходъ хотѣлъ войти въ рѣку, мель оказалась опасною, и мы принуждены были ждать благопріятнаго сигнала телеграфовъ, устроенныхъ отъ устья Сенегала до Сенъ-Луи.

Устье Сенегала постоянно бываетъ очень взволновано. Опытные негры, служащіе при брандвахтѣ, обозначили бакенами линію, по которой должно было слѣдовать, и мы прошли безъ всякихъ непріятныхъ случаевъ. Какъ только вода стихла, пароходъ быстро двинулся впередъ.

Сенъ-Луи отстоитъ отъ устья Сенегала миль на семь. На западѣ рѣка отдѣляется отъ моря узкою полосой земли, или вѣрнѣе, безплоднаго песку, на которомъ видны только стаи морскихъ птицъ. Всѣ строенья, какъ туземцевъ, такъ и европейцевъ, ограничиваются нѣсколькими башнями береговыхъ телеграфовъ. Другой берегъ рѣки почти совершенно пустынный. Однакожь, въ двухъ миляхъ отъ устья, мы замѣтили зеленѣющій оазисъ, посреди котораго находится, въ пріятномъ мѣстоположеніи, деревня, называемая Гандіоль.

Миновавъ мель, черезъ три часа мы прибыли къ Сенъ-Луи, который съ такимъ нетерпѣніемъ хотѣлось мнѣ разсмотрѣть вблизи.

II.

БАРОНЪ И БАРОНЕССА ДЕ С***. — НРАВЫ И ОБЫЧАИ СТРАНЫ. СЕНЕГАЛЬСКІЙ БАЛЪ.

Прибывъ къ Сенъ-Луи, пароходъ пошелъ медленнѣе, и, значитъ, я могъ свободно разсматривать часть города, мимо котораго мы плыли. Я искалъ огромныхъ памятниковъ, удивлявшихъ меня наканунѣ.... На южномъ пунктѣ острова была видна жалкая баттарея; пушки ея лежали надъ развалинами бастіоновъ. Въ тоже время я примѣтилъ нѣсколько тростниковыхъ хижинъ, похожихъ на ульи. Многіе изъ этихъ шалашей были разломаны, опрокинуты или сожжены пожаромъ. На остроконечныхъ и закоптѣлыхъ кровляхъ хижинъ, казавшихся обитаемыми, висѣли грязныя лохмотья и остатки рыбы и говядины. Берегъ рѣки вдоль этихъ построекъ осыпался и былъ покрытъ глыбами сору. Нѣсколько старыхъ негритянокъ, отвратительныхъ своею наготою, тамъ и сямъ сидѣли на корточкахъ, въ тинѣ, покуривая трубку и посматривая на насъ. Картина, развернувшаяся предъ моими глазами, вселила въ меня страшное отвращеніе; грезы мои разсѣялись. Въ утѣшеніе себѣ, я говорилъ, что это можетъ быть кварталъ города, предоставленный дикарямъ, что, вѣроятно, я найду прекрасныя террасы и богатыя колоннады со стороны моря. Скоро показались кирпичныя стѣны, и пароходъ подошелъ къ пристани, сдѣланной изъ камня, которой видъ нѣсколько оживилъ мои надежды. Толпа негровъ и негритянокъ веселилась на площади порта, въ честь нашего прибытія. Нагота ихъ, дикіе крики, странныя пляски и музыка могли скорѣе привести въ ужасъ, нежели внушать отрадное чувство. Я, съ своей стороны, готовъ былъ бѣжать съ съ этой земли, казавшейся мнѣ проклятою. Однакожь должно было выйти на берегъ. Едва только я поставилъ ногу на землю, какъ окружала меня толпа негровъ, оглушила мои уши дикими звуками, сопровождая слова самыми невѣроятными жестами.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] была [illegible] в [illegible] комнату, слу[illegible] и столовой. Стѣны ея были [illegible] и [illegible]. Большой продолгова[illegible]; къ стѣнамъ были прислонены [illegible], безъ пружинъ, сдѣланные просто изъ [illegible] и [illegible], плетеными въ видѣ [illegible] туфли, шляпа съ широ[illegible] листковъ, и трубки. Изъ [illegible] въ комнату госпожи С***. Баронесса си[illegible], [illegible] подъ себя ноги какъ портные въ на[illegible]

Только въ присутствіи этой женщины я вздумалъ разсмотрѣть особу барона. Онъ былъ маленькаго росту, сложенъ дурно, съ огромною головой на маленькомъ тѣлѣ; волосы у него были курчавые, носъ сплющенный, губы толстыя и отвислыя; прибавьте къ этому, что у него недоставало одного глаза, — и вы получите полный характеръ барона, который гордо величалъ себя титуломъ «бѣлаго», хотя грязное лицо приближало его къ породѣ негровъ. Госпожа С***, напротивъ, была женщина замѣчательной красоты. Она не принадлежала ни къ какому изъ сенегальскихъ племенъ; баронъ увезъ ее изъ лагеря арабовъ, кочевавшихъ на сѣверѣ Африки. Греческія черты ея лица, блѣднаго и отчасти смуглаго, какъ у андалузянокъ, были обрамлены черными волосами, граціозно спадавшими на обнаженныя плечи. Тонкіе, ровные зубы блестѣли какъ жемчугъ между розовыми губами. Особенно обратили мое вниманіе большіе глаза, сверкавшіе, какъ двѣ звѣзды, изъ-за длинныхъ шолковыхъ рѣсницъ. Ей было, повидимому, лѣтъ двадцать. Полосатый платокъ, свернутый въ трубку, кокетливо обхватывалъ прелестную головку баронессы. Длинныя и густыя золотистыя букли висѣли у ней за ушами; кисейная шемизетка едва прикрывала грудь, и нижняя часть ея тѣла была обернута нѣсколькими передниками. Баронесса пряла бумагу и съ милою ловкостію заставляла прыгать легкое веретено. Я замѣтилъ, съ какою предосторожностью она часто натирала себѣ пальцы мѣломъ, чтобы не замарать нитки. Баронъ уже извѣстилъ жену о моемъ появленіи; она съ улыбкой кивнула мнѣ и сказала нѣсколько словъ, которыя перевелъ услужливый господинъ С***: баронесса желала, чтобъ я познакомился съ хорошенькой женщиной во время своего пребыванія въ Сенъ-Луи. Я душевно поблагодарилъ ее, и, чтобы кончить нашъ разговоръ, она расхохоталась, что́ показалось мнѣ довольно страннымъ.

Послѣ этого короткаго визита, баронъ увелъ меня въ залу и предложилъ выкурить сигару, въ ожиданіи обѣда, который не замедлилъ явиться. Двѣ молодыя негритянки накрыли столъ цыновкой, вмѣсто скатерти, и мы сѣли. На тарелкѣ барона лежала наполненная до половины жидкостью колбаса, какой ни разу не случалось мнѣ видѣть.

— Вы еще не знакомы съ этимъ кушаньемъ? сказалъ мнѣ

баронъ: — если останетесь въ Сенъ-Луи, оно сдѣлается очень обыкновеннымъ для васъ, потому-что здѣсь всѣ ѣдятъ его.

— Что же это?

— Чортъ возьми! знаменитый *кускусъ*, о которомъ вѣроятно вы слышали. Это любимое блюдо африканцевъ! Я съ своей стороны такъ привыкъ къ нему, что, даже въ вашемъ присутствіи, извините, я не могу начать безъ него своего обѣда.

— Прошу васъ не стѣсняться; въ каждой сторонѣ свой обычай.

— По-крайней-мѣрѣ вамъ покажется удивительнымъ, что я ѣмъ эту жидкость пальцами: кускусъ много теряетъ, когда ѣшь его ложкой. Не угодно ли отвѣдать, прежде, чѣмъ я примусь за него.

— Съ удовольствіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ я положилъ на губы нѣсколько кускуса, но тотчасъ же долженъ былъ выплюнуть: отъ роду не случалось мнѣ ѣсть такой гадости: представьте себѣ тѣсто, сдѣланное изъ пыли. Хозяинъ очень смѣялся надъ моими гримасами.

Прочія кушанья показались мнѣ не вкуснѣе кускуса; но, страдая голодомъ на пароходѣ, я поѣлъ порядочно, несмотря на то, что соусы, приправленные перцемъ и олоэсомъ, подвергли мое горло трудному испытанію. Зато я вознаградилъ себя бананами, кокосовымъ молокомъ и ананасами, поданными за десертомъ. Желудокъ мой сдѣлался снисходительнѣе, можетъ быть оттого, что блюда переходили ко мнѣ изъ прекрасныхъ ручекъ госпожи С***. Надо вамъ сказать, что при самомъ началѣ обѣда она стала позади мужа, чтобы намъ прислуживать. Обстоятельство это показалось мнѣ страннѣе всего остальнаго. Нѣсколько разъ я просилъ баронессу сѣсть за столъ и приказать, чтобы намъ прислуживали невольницы. Она не отвѣчала на мои приглашенія; баронъ тоже молчалъ. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія моею настойчивостію, онъ сказалъ:

— Не обращайте на это вниманія; въ нашей сторонѣ жоны прислуживаютъ мужьямъ за столомъ. Я знаю, что французы гораздо учтивѣе, но, чтобы не показаться варварами, мы, сенегальцы, предпочитаемъ держать своихъ жонъ на такой ногѣ: это единственное средство избѣжать большихъ опасностей.

Госпожу С***, казалось, нисколько не трогали оскорбленія, какія испытывала она отъ мужа. Послѣ обѣда она угостила

насъ музыкой. Инструментъ, на которомъ играла баронесса, возбудилъ мое любопытство. Это былъ простой ящикъ, дурно сколоченный изъ грубыхъ досокъ, и въ немъ были расположены тоненькія дощечки какъ стеклянныя пластинки въ нашихъ гармоникахъ; подъ этими клавишами висѣли гири. Я рѣшительно не могъ добиться, какимъ образомъ выходили нѣжные звуки, которые извлекала баронесса, ударяя молоточкомъ по деревяннымъ полоскамъ. Этотъ инструментъ, неизвѣстный у береговыхъ народовъ, встрѣчается у банберовъ, живущихъ по берегамъ Нигера. Аббатъ Марейль, апостолическій экс-префектъ, доставилъ одинъ такой инструментъ морскому музею Парижа.

Граціозная баронесса не переставала восхищать насъ пѣньемъ и музыкой; мы пошли прохладиться къ окну, выходившему на улицу; тамъ раздавались веселые крики и стукъ въ барабанъ. Я спросилъ у барона, что́ значитъ это веселье? Мнѣ отвѣчали, что въ сосѣднемъ домѣ балъ, и предложили итти туда. Сначала я отговаривался, но, уступая настоятельнымъ просьбамъ, согласился. Мы быстро прошли небольшое разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ жилища, въ которомъ былъ праздникъ. Господинъ С*** вошелъ туда и безъ всякихъ церемоній ввелъ меня въ танцовальную залу. Невозможно европейцу, не бывшему въ Сенегалѣ, представить себѣ зрѣлище, странное и отвратительное, которое открылось передо мною. Взоръ мой прежде всего обратился на негритянокъ, сидѣвшихъ, поджавши ноги, на полу Потомъ я замѣтилъ въ углу залы пять или шесть человѣкъ, почти обнаженныхъ: это были знаменитые туземные музыканты; они походили скорѣе на сатировъ, нежели на человѣческія существа. Наконецъ синьяры, эти жемчужины праздника, были не лучше окружавшаго ихъ. Смотря на пирамидальные прически этихъ существъ, на ихъ жолтыя лица, на ихъ выраженіе печальное и таинственное, я думалъ, что попалъ на ша́башъ вѣдьмъ и волшебницъ. Я хотѣлъ было уйти, но хозяйка дома, здоровая мулатка, схватила меня за воротникъ и заставила остаться. Господинъ С***, желавшій блеснуть передо мной талантомъ, немедленно ангажировалъ синьяру и пустился плясать. Музыканты удвоенными ударами стучали въ барабаны, негритянки пѣли, или, вѣрнѣе, выли, хлопая въ ладоши, и баронъ съ танцовщицей принялись выдѣлывать гримасы и коверкаться самымъ невѣроятнымъ образомъ.

Зрители надрывались отъ рукоплесканій. Танцоры оживлялись все болѣе и болѣе и переставали тогда только, когда потъ лилъ съ нихъ въ три ручья.

— Ну, что̀, каковъ нашъ танецъ? спросилъ меня баронъ съ торжествующимъ видомъ.

— Просто прелесть! Вы отличались не на-шутку! Однакожь пора и домой; мнѣ надо отдохнуть.

— Да, мы сейчасъ уйдемъ; только напередъ протанцуйте съ хозяйкой дома.

— Полно-те шутить.... Вы знаете, я ровно ничего не смыслю въ этой пляскѣ.

— Пляшите, какъ умѣется; отказъ отъ танцевъ почитается у насъ крайнею неучтивостью.

— По-крайней-мѣрѣ вы должны были предупредить меня: въ такомъ случаѣ я навѣрно бы не пришелъ сюда.

— Виноватъ; мнѣ не пришло въ голову! Ангажируйте поскорѣе.

Несмотря на всѣ свои отговорки, я долженъ былъ протанцовать съ мулаткой, которая такъ грубо обошлась со мной при входѣ моемъ въ залу. Танцовщица уже нѣсколько разъ вертѣлась около меня, но я все еще стоялъ неподвижно. Вдругъ меня осѣнило вдохновеніе; я былъ очень молодъ и не могъ совершенно позабыть непринужденные и размашистые танцы, составляющіе прелесть нашихъ публичныхъ баловъ. Я пустился въ-плясъ, и зрители, подпрыгивая на своихъ стульяхъ и стуча отъ удовольствія, засыпали меня аплодисманами.

Заплативъ такимъ образомъ дань удовольствію, я могъ уйти и предаться покою.

III.

МОЯ НАСЛѢДСТВЕННАЯ ЖЕНА. — СЕНЕГАЛЬСКІЯ МЕНАДЫ.

Хотя меня уложили на диванѣ, однакожь я всталъ очень поздно, и еслибъ не разбудилъ меня негръ, съ исполинскою силой покачавъ меня за голову, вѣроятно, что я проспалъ бы еще очень долго; тѣло мое еще чувствовало усталость отъ путешествія.

— Да будешь ты проклятъ, неугомонный! вскричалъ я, раскрывая глаза.

— Не сердись, бѣлокожій, отвѣчалъ негръ: — та, у которой я служу, прелестная и щедрая Мина, кланяется тебѣ и проситъ, чтобы ты немедленно пришелъ къ ней.

— Чего она хочетъ отъ меня, твоя госпожа?

— Хочетъ сказать, какъ она счастлива, что ты пріѣхалъ, и съ какимъ нетерпѣніемъ она ждала тебя.

— Этого не можетъ быть; она не знаетъ меня; я въ первый разъ въ Сенегалѣ.

— О, повѣрь, она хорошо тебя знаетъ! Она много молилась, чтобъ ты не испыталъ кораблекрушенія, а еслибъ знала, что ты пріѣдешь вчера, она послала бы меня, чтобы ждать тебя у пристани.

— Но, еще разъ спрашиваю, какъ можетъ знать меня твоя госпожа, и чего она хочетъ отъ меня?

— Не знаю, почему она знаетъ тебя, но могу тебя увѣрить, что она любитъ тебя и съ нетерпѣньемъ ждетъ того дня, когда назоветъ тебя своимъ мужемъ. Все приготовлено къ празднику; когда все будетъ готово, я приду за тобой, и ты увидишь, какъ Мина прекрасна и благородна!

Я болѣе и болѣе удивлялся славамъ негра. Ужь не была ли эта синьяра на вчерашнемъ балу? думалъ я: — неужели такъ скоро зажегъ я въ ней эту таинственную страсть? Я не вѣрилъ этому, но такое предположеніе было самое вѣроятное. Я сказалъ негру, что пойду къ его госпожѣ вечеромъ, когда солнце начнетъ закатываться. На всякой случай, я хотѣлъ посовѣтоваться съ господиномъ С***, но не засталъ его дома, и, предоставленный въ жертву своей неопытности, послѣдовалъ за негромъ.

Скоро мы подошли къ дому довольно-приличной наружности. Черный чичероне провелъ меня по большому двору. Когда мы дошли до конца широкой и длинной галлереи, выходившей на море, передъ нами распахнулась дверь, и я очутился въ обширной комнатѣ.

Сердце мое билось. Что́-то будетъ со мной? думалъ я, припоминая чудеса *Тысяча и одной ночи.* Отъ времени до времени, казалось мнѣ, будто все это дѣлается во снѣ, и я не былъ увѣренъ, въ здѣшнемъ ли я мірѣ, или въ другомъ. Я съ нетерпѣ-

ніемъ ждалъ появленія Мины; наконецъ молодая мулатка показалась въ глубинѣ комнаты.

— Это *она* самая? спросилъ я негра.

— Нѣтъ, отвѣчалъ чернокожій: — *она* скоро выйдетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ величественно выступила ко мнѣ старуха, съ морщинами по всему лицу, въ прическѣ, чуть не упиравшейся въ потолокъ; изъ-подъ дюжины передниковъ, вздутыхъ необыкновенной толщиной желудка, выглядывали обнаженныя ноги, но какія!... Ужасъ!

— Преклони голову, сказалъ мнѣ негръ: — вотъ прелестная Мина, моя высокая повелительница, твоя будущая супруга.

Нѣтъ, это была мистификація! Я рѣшительно не зналъ, какое мнѣ принять положеніе предъ чудовищемъ, приближавшимся ко мнѣ съ распростертыми объятьями.

— Извините, сударыня, вскричалъ я, остановивъ ее на почтительномъ разстояніи: — кажется, вы ошиблись; я не тотъ, кого вы ожидаете.

— Нѣтъ, нѣтъ отвѣчала она, испустивъ нѣжные вздохи: — я не ошибаюсь.... Ты наслѣдникъ Д***?

Совершенно такъ, но вы не знаете меня.

— Не знаю, но я твоя наслѣдственная жена.

— Какъ?

— Боже мой! но вѣдь Д*** обѣщалъ объяснить все и прислать тебя прямо ко мнѣ, чтобъ ты женился на мнѣ.

— Но я не знаю никакого Д*** ; я ни разу не видалъ его: мнѣ извѣстно только, что я пріѣхалъ сюда, чтобы занять его мѣсто. Растолкуйте мнѣ, чтó такое значитъ наслѣдственная жена, и почему я долженъ жениться на васъ?

— Ты долженъ жениться на мнѣ, потому-что въ продолженіи тридцати-пяти лѣтъ я была жена всѣхъ твоихъ предшественниковъ. Всѣхъ ихъ было двѣнадцать, и отъ каждаго осталось у меня по ребенку.

Я началъ понимать настоящій смыслъ приключенія. Сенегальскіе чиновники передаютъ одинъ другому жену, какъ передаютъ столъ, коверъ, счетную книгу. Я былъ тринадцатымъ въ ихъ роду! Меня крайне удивляло, что двѣнадцатый чиновникъ не вступилъ во второй бракъ. При всемъ уваженіи къ учрежденіямъ своихъ товарищей, я рѣшился держать себя на благородномъ разстояніи отъ старухи. Однакожь я хотѣлъ выйти учти-

во изъ дому, въ которомъ мои предшественники, безъ сомнѣнія, были приняты съ совершенною попечительностью.

— Очень радъ, отвѣчалъ я синьярѣ : — только я попрошу у васъ нѣсколько дней отсрочки... и постараюсь послѣдовать примѣру своихъ товарищей.

Уловка моя была не совсѣмъ хитра, впрочемъ годилась для сенегальской невѣсты.

Думая, что комедія уже кончилась, я собрался было уйти, но старая синьяра пригласила меня остаться у ней отобѣдать. Сначала я отговаривался, но, боясь оскорбить Мину, уступилъ ея просьбамъ, давъ себѣ однакожь честное слово не являться болѣе на подобный праздникъ. Я помѣстился за столомъ между молодою дѣвушкой, дочерью синьяры, и самою синьярою, и легко убѣдился, что она постарѣла съ европейцами, потому-что всѣ кушанья были у ней приготовлены по-французски и не напоминали сенегальской гастрономіи, которая такъ льстила вкусу барона С***.

Старая мулатка разсказала мнѣ исторію своихъ двѣнадцати мужей.... Вдругъ, въ половинѣ обѣда, я услышалъ странное пѣнье и дикіе крики на дворѣ.

— Это что́ за шумъ? спросилъ я синьяру.

— Это мои негритянки; онѣ веселятся въ честь нашей сватьбы.

— Да онѣ, кажется, просто пьяны и дерутся.

— Не бойся; завтра всѣ будутъ цѣлы.

Въ ту же минуту шумъ сдѣлался еще страшнѣе и приблизился къ намъ. Негритянки буянили на лѣстницѣ.

— Загородки къ двери и къ окнамъ! закричала Мина слугѣ, служившему намъ за столомъ.

— Къ чему такія предосторожности? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Когда эти женщины пьяны, отвѣчала синьяра : — онѣ бываютъ очень опасны, и я слышу слова, заставляющія безпокоиться.

— Неужели онѣ посмѣютъ оскорбить насъ?

Мина еще не успѣла отвѣтить, какъ негритянки начали ломиться въ дверь и окна.

— Онѣ рѣшительно осаждаютъ насъ, вскричалъ я, вскакивая изъ-за стола. — Чего имъ надо?

Синьяра подошла къ двери и начала переговоры съ негритянками; но, вмѣсто того, чтобъ утихнуть, онѣ подняли крикъ и суматоху сильнѣе прежняго. Мина топала ногами отъ гнѣва, но всѣ ея убѣжденія и угрозы не произвели никакого дѣйствія. Дверь и окна трещали такъ, что съ каждымъ ударомъ надо было опасаться за ихъ существованіе.

— Я покажусь имъ, сказалъ я мулаткѣ: — можетъ быть онѣ уймутся.

— Если выйдешь, тебѣ же будетъ худо: онѣ требуютъ, чтобъ я выдала тебя....

Между тѣмъ время приближалось къ ночи. Я разсудилъ за лучшее послѣдовать совѣту синьяры: остался въ ея домѣ, застраховалъ дверь всякою мебелью, какая только была въ комнатѣ, и заснулъ сидя на стулѣ.

Утромъ, когда утомленныя вакханки еще спали, кто на ступеняхъ лѣстницы, кто на дворѣ въ песку, я выбрался изъ засады и осторожно отправился домой.

IV.

БРАКЪ ЕВРОПЕЙЦА СЪ МУЛАТКОЙ. — ЦЕРЕМОНІИ. — ПѢСНИ ГРІОТОВЪ.

У господина С*** я нашелъ двухъ его знакомыхъ офицеровъ.

— Эге, любезный гость, сказалъ мнѣ баронъ, улыбаясь: — вотъ молодецъ! едва успѣлъ сойти съ корабля, и ужь пустился въ интриги. А я было еще хотѣлъ предложить вамъ услуги, вотъ этихъ двухъ моихъ пріятелей, прибавилъ онъ: — но теперь право боюсь помогать вашей безнравственности.

— Ради Бога, баронъ, не смѣйтесь надо мной, отвѣчалъ я: — напротивъ, вы должны бы пожалѣть меня....

— Вотъ еще! Да что? развѣ вы ночевали въ берлогѣ тигра?...

— Признаюсь, я провелъ ночь между женщинами.

— Такъ чтожь вы жалуетесь? Развѣ вы боитесь прекраснаго пола?

— Нѣтъ, баронъ, но если вакханки, которыхъ я видѣлъ нынѣшней ночью, служатъ представительницами сенегальскаго

прекраснаго пола, то, признаюсь, онъ внушаетъ мнѣ глубокое отвращеніе.

— О! такъ вы еще не совсѣмъ потерянный человѣкъ, вскричалъ баронъ, помирая со смѣху: — и я рѣшаюсь представить васъ г. С*** и г. П***. Рекомендую, это двое изъ любезнѣйшихъ французовъ, какихъ только я знаю.

Я обмѣнялся съ офицерами нѣсколькими вѣжливыми словами.

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ я имъ: — удостоиться вашей дружбы, и въ особенности воспользоваться вашими совѣтами. Право, я не знаю, до чего можетъ довести меня здѣсь моя неопытность.

— О да, отвѣчали они: — мы съ удовольствіемъ сообщимъ вамъ всѣ намъ извѣстныя тайны, какъ вести себя здѣсь. Однакожь намъ все-таки невозможно предостеречь васъ отъ нѣкоторыхъ приключеній, которыя необходимо должны случиться съ вами. Впрочемъ они очень интересны даже по своей странности, и конечно современемъ займутъ одну изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ вашихъ путевыхъ замѣткахъ. Если вы захотите сообщить намъ, что́ случилось съ вами нынѣшнюю ночь, то мы съ своей стороны разскажемъ вамъ нѣкоторыя наши приключенія, и вы увидите, что и мы, подобно вамъ, не могли отъ нихъ уберечься.

Я пересказалъ молодымъ людямъ несчастія, которыя испыталъ по милости старухи.

— Ну, скажите, пожалуйста, что́ бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? спросилъ я, окончивъ мое повѣствованіе.

— Я переколотилъ бы всѣхъ негритянокъ, отвѣчалъ капитанъ С***: — а потомъ остался бы отдохнуть посреди красавицъ Мины.

— Чортъ возьми! Не очень-то легко справиться съ цѣлымъ батальономъ негритянокъ, да притомъ же Мина и ея красавицы слишкомъ мало вознаградили бы меня за мои трагическія страданія!

— Не думаю, возразилъ капитанъ: — въ Сенегалѣ есть мулатки, которыя могутъ столько же нравиться, сколько и самыя прекраснѣйшія изъ парижанокъ.

— Сознаюсь, вамъ трудно было бы заставить меня согласиться съ вашимъ мнѣніемъ; по-крайней-мѣрѣ до сихъ поръ, я еще не встрѣтилъ ни одной хорошенькой.

— Полноте; вѣроятно и между тѣми, которыхъ вы уже видѣли, есть очень хорошенькія; впрочемъ впослѣдствіи вы сами тоже скажете. Пріѣхавъ въ Сенъ-Луи, я подобно вамъ приходилъ въ ужасъ отъ здѣшнихъ женщинъ, а теперь, напротивъ, очень радъ, что у меня есть одна изъ нихъ, и я нахожу ее вполнѣ достойною моей любви.

— Такъ вы женаты?

— Разумѣется, и это не исключеніе. Здѣсь всѣ французы, даже тѣ, которые занимаютъ важнѣйшія мѣста, обзаводятся женой.

— Вотъ странно! И уѣзжая отсюда, оставляютъ жену и дѣтей?...

— Да; таковъ обычай.

— Какія же соблюдаются церемоніи при подобныхъ бракахъ? ходятъ, какъ во Франціи, къ меру и въ церковь?

— О, нѣтъ; сенегальскія красавицы не простираютъ до такой степени своихъ требованій.... Впрочемъ, чтобы дать вамъ объ этомъ понятіе, я сообщу вамъ всѣ формальности моей женитьбы.

— Сдѣлайте милость.... Это такъ интересно!

— Надо вамъ замѣтить, что я пустился въ интриги вовсе не такъ скоро, какъ вы. По пріѣздѣ въ Сенъ-Луи, я провелъ около двухъ мѣсяцовъ въ совершенномъ бездѣйствіи по любовной части. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, ко мнѣ явился негръ и сказалъ, что я очень понравился его молодой госпожѣ, что, видя меня, она испытывала сильнѣйшее волненіе страсти, и....

— О, да это почти слово въ слово рѣчь посланника моей старой Мины.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ капитанъ: — здѣсь эти странныя объясненія въ любви произносятся почти всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Однакожь вы увидите, что продолженіе и слѣдствія моей интриги вовсе не походятъ на то, что̀ случилось съ вами. Хороша ли твоя госпожа? спросилъ я у негра.

— Это одна изъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ *синьяръ* въ Сенъ-Луи. Ее зовутъ Жорджіана.

— Тѣмъ лучше, что она хороша. Въ такомъ случаѣ я приду къ ней сегодня вечеромъ.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ негръ: — она этого не позволитъ.

— Да вѣдь она меня обожаетъ.

— Такъ чтóжь! Она и приметъ тебя, только не теперь. А сегодня, если ты хочешь доказать, что раздѣляешь ея любовь, такъ дай мнѣ твое платье.... Она положитъ его на ночь подъ подушку....

— Стало быть твоей госпожѣ прежде всего нужно мое платье? Хорошо, вотъ тебѣ платье!...

Вы конечно поймете, что изъ-за платья я не хотѣлъ бросить этой интриги, какъ ни забавно было ея начало!

На другой день негръ снова пришелъ ко мнѣ.

— Ну, что? спросилъ я у него.

— Госпожа моя прислала меня сказать тебѣ, что она все болѣе и болѣе любитъ тебя. Положа подъ подушку твое платье, она всю ночь видѣла прекрасные сны.

— Все это очень хорошо, отвѣчалъ я: — но твоя госпожа скоро надоѣстъ мнѣ, если будетъ только возиться съ моимъ платьемъ и не позволитъ мнѣ прійти къ ней. Надѣюсь, что наконецъ вечеромъ она приметъ меня.

— Потерпи! Многіе французы и по шести мѣсяцовъ ухаживали за мулатками, да и то еще не всегда удостоивались позволенія прійти къ нимъ. Но какъ госпожа моя очень любитъ тебя, то она не заставитъ тебя такъ долго страдать....

— Стало быть моя Мина не очень уважаетъ обычаи.... Она тотчасъ же хотѣла вступить въ бракъ со мною.

— Вовсе нѣтъ. Это обыкновеніе строго соблюдается только молодыми дѣвушками, которыя еще не были за-мужемъ. Минѣ позволительно выйти за васъ тотчасъ же, потому-что это было бы уже тринадцатое замужство. Но обратимся къ моей исторіи.... Я вовсе не такъ долго ждалъ, какъ сказалъ негръ. Онъ приходилъ ко мнѣ каждый день и разсказывалъ, какіе удивительные сны навѣвало мое платье на его молодую госпожу. Скоро я получилъ позволеніе посѣтить ее.

Молодая дѣвушка сидѣла на рогожкѣ. На ней былъ накинутъ легкій розоваго цвѣта пеньуаръ. Изъ-подъ вуаля блестѣли только два черные глаза. Въ ихъ жгучемъ взглядѣ, казалось, выражалась вся страстная натура мулатки. Она ничего не отвѣчала на мои любезности и робѣла передо мной какъ бѣдная пастушка передъ знатнымъ господиномъ. Я спросилъ, согласна ли она на нашъ немедленный союзъ. Мулатка хранила совершен-

ное безмолвіе. Я вышелъ отъ нея въ смущеніи, какъ вдругъ мать дѣвушки остановила меня въ дверяхъ и сказала, что я могу жениться на ея дочери завтра же, если мнѣ угодно.

Я поспѣшилъ пригласить моихъ друзей и приготовился къ брачной церемоніи.

На другой день, едва взошло солнце, толпы гріотовъ бѣгали по городу и пѣли пѣсни въ честь моей свадьбы. Они пѣли, что прадѣдъ дѣдушки моего отца былъ храбрѣйшій, благороднѣйшій и богатѣйшій изъ воиновъ, что я отваженъ какъ левъ, ловокъ и хитеръ какъ кошка, прекрасенъ какъ ангелъ, — что я вступаю въ бракъ съ очаровательной Жорджіаной, дочерью десятой внучки одного великолѣпнаго англійскаго милорда, — что она войдетъ въ мои чертоги въ ту минуту, когда солнце въ полномъ блескѣ зажжетъ палящіе лучи свои, чтобы ея ожерелье, браслеты и другія украшенія могли блистать еще ярче, еще золотистѣе. Гріоты кричали изо всѣхъ силъ, охвативъ обѣими руками голову и останавливались у всѣхъ воротъ, на каждомъ перекресткѣ, передъ всякимъ прохожимъ.

У воротъ дома моей невѣсты тоже стояло нѣсколько такихъ крикуновъ, которые объявляли прихожимъ, что можно видѣть невѣсту, что она уже одѣта какъ жена могущественнѣйшаго изъ щерифовъ.

У моего дому тоже столпилось нѣсколько гріотовъ, которые хотѣли воздать мнѣ такую же честь, но я заставилъ ихъ молчать.

Скоро я услыхалъ пѣніе и звуки там-тама. Моя невѣста ѣхала ко мнѣ, съ длинной свитой мулатокъ, негритянокъ и музыкантовъ. Жорджіану представила мнѣ ея крестная мать. О, какъ очаровательна была стыдливая робость дѣвушки! Она стала передо мной на колѣни и протянула ко мнѣ свои маленькія и бѣленькія какъ снѣгъ руки. Крестная мать благословила ее. Я поднялъ Жорджіану и страстно поцаловалъ ее. Едва тринадцатилѣтнее дитя, кроткое, невинное, она была удивительно граціозна. Одежда дѣвушки была чрезвычайно богата и отличалась необыкновеннымъ вкусомъ и изяществомъ. Коротенькая юбка, стягивая стройную талію дѣвушки, доходила только до колѣнъ. Драгоцѣнное ожерелье изъ жемчугу и коралловъ украшало шею красавицы; наконецъ три ряда золотыхъ проколотыхъ монетъ окружали ея голову и составляли какъ бы ея

дѣвственную корону. Чудно-прекрасно было это невинное, милое дитя, долженствовавшее раздѣлить со мною мое грустное уединеніе. Я не могъ не ласкать, не цаловать этой очаровательной малютки. Мои друзья, видя, что я такъ занятъ своей молодой женой, принялись за меня угощать моихъ гостей.

За обѣдомъ, вопреки обычаю, по которому молодая должна прислуживать мужу, я посадилъ Жорджіану рядомъ съ собой и сталъ учить ее ѣсть съ помощью ножа и вилки. Она поняла тотчасъ мои наставленія, но и ножикъ и вилка неловко дѣйствовали въ ея рукахъ, и все-таки даже въ этихъ неловкихъ движеніяхъ Жорджіаны видна была какая-то граціозность.

Въ восемь часовъ начался балъ. Я съ моей молодой женой долженъ былъ танцовать первый, подъ адскую музыку десяти гріотовъ, которые играли въ углу залы. До двадцати негритянокъ пѣли, хлопали руками и дѣлали множество самыхъ безобразныхъ гримасъ. Я и Жорджіана должны были волей или не волей подлаживаться подъ быстрый тактъ оглушительнаго тамтама. Сознаюсь, что мое достоинство здѣсь очень страдало, но отказаться было не возможно. Итакъ, мы двигались взадъ и впередъ, совершенно безсознательно. Къ счастью, зрительницы наши были очень великодушны. Онѣ скоро начали бросать Жорджіанѣ куски разныхъ богатыхъ матерій, въ знакъ своего удовольствія. Жорджіана совсѣмъ закрыла свою голову этими лоскутками, и ея движенія сдѣлались гораздо живѣе. Я тоже ободрился, потому-что уже не встрѣчалъ взглядовъ моей молодой жены, которые приводили меня въ крайнее смущеніе. Скоро мы кончили танецъ, и намъ позволено было удалиться въ брачную комнату. Друзья мои еще долго оставались у меня и танцовали, потому-что, по привычкѣ, не находили такихъ увеселеній столь странными, какъ они казались мнѣ, недавно пріѣхавшему въ Сенъ-Луи.

На другой день сватьбы, Жорджіана уже не надѣла своей коротенькой юбки. Ее замѣнило платье съ небольшимъ шлейфомъ, которое жена моя носила двѣнадцать дней, чего требуютъ здѣшніе обычаи.

— Вотъ, сударь, продолжалъ капитанъ: — всѣ церемоніи брака француза съ мулаткой. Подобные союзы считаются здѣсь законными, хотя и продолжаются только до отъѣзда европейца. Мулатка можетъ на другой же день своего вдовства выйти за

другого, и это не дѣлаетъ ей никакого безчестія. Дѣти, которыя остаются послѣ перваго мужа, нисколько ей не въ тягость, потому-что мужъ по здѣшнимъ обычаямъ не подверженъ большимъ издержкамъ. Впрочемъ, чтобы показать вамъ пріятную сторону подобныхъ браковъ, замѣчу, что я все болѣе и болѣе люблю мою Жорджіану, которая составляетъ мое счастіе въ этомъ грустномъ уединеніи.

— Признаюсь, капитанъ, отвѣчалъ я: — вашъ разсказъ пробуждаетъ и во мнѣ желаніе жениться, но не думаю, чтобы мнѣ удалось побѣдить мое отвращеніе къ мулаткамъ.

— Вы очень хорошо сдѣлаете, замѣтилъ лейтенантъ П***: — если не поддадитесь искушеніямъ капитана. Онъ слишкомъ преувеличиваетъ свое удивленіе къ мулаткамъ. Онъ не сказалъ вамъ, что у этихъ желтолицыхъ красавицъ въ головѣ царствуетъ совершенная пустота, что въ бесѣдѣ съ ними вы какъ-разъ заболѣете самымъ отчаяннымъ сплиномъ. Притомъ же мулатки слишкомъ пристрастны къ крѣпкимъ напиткамъ, особенно къ водкѣ, и наконецъ онѣ такъ любятъ роскошь, что могутъ раззорить самого Ротшильда.

— О, если вамъ болѣе нравятся чернокожія, сказалъ капитанъ, обращаясь ко мнѣ: — то я совѣтую послушаться П***. Онъ скоро васъ преобразуетъ въ совершеннаго негра. Вамъ стоитъ только поѣхать къ нему. У него работаетъ до сотни негритянокъ, которыя одна лучше другой, и очень могутъ очаровать васъ.

— Вы преувеличиваете, капитанъ, возразилъ лейтенантъ: — если нашъ новый пріятель захочетъ достать себѣ негритянку, такъ онъ можетъ найти ее не только у меня, но у кого-нибудь другого.... Впрочемъ дѣло не въ томъ; я доказываю только, что есть два рода женщинъ — бѣлыя и черныя; такъ какъ здѣсь не возможно найти бѣлыхъ, то надобно лучше выбирать невѣстъ изъ черныхъ.... и я не хочу знать вашихъ желтолицыхъ....

— Хороши ваши чернокожія венеры!

— У каждаго свой вкусъ, капитанъ; когда мнѣ удастся встрѣтить какую-нибудь негритянку, которая мнѣ понравится, я куплю ее и подарю ей свободу; по-крайней-мѣрѣ мнѣ будетъ пріятно осчастливить бѣдняжку....

— Вамъ точно также будетъ пріятно имѣть соперникомъ перваго встрѣчнаго негра, потому-что черные не любятъ бѣлыхъ.

— Извините, негритянки обожаютъ французовъ! съ восторгомъ вскричалъ лейтенантъ.

— Стало быть, по вашему, изъ любви къ нимъ негритянки говорятъ, что бѣлые безобразны и походятъ на негровъ, съ которыхъ содрали кожу, возразилъ капитанъ.

Впослѣдствіи мы увидимъ, былъ ли который-нибудь изъ офицеровъ правъ, или оба они ошибались.

V.

ОПИСАНІЕ СЕНЪ-ЛУИ. — ХОЗЯЙСТВО НЕГРА. — МАРАБУТЫ.

Островъ Сенъ-Луи есть нечто иное, какъ песчаная ель, простирающаяся на 2,000 метровъ въ длину и 500 въ ширину. Середина его занята европейцами, которые построили тутъ небольшіе каменные домики. Эти домики, одноэтажные, всѣ имѣютъ террасу, которая служитъ для хозяевъ небольшимъ садикомъ. Жилища чиновниковъ окружены каменными стѣнами. Только нѣсколько мелкихъ, некрасивыхъ лавочекъ выходятъ окнами прямо на улицу.

Къ замѣчательнѣйшимъ строеніямъ принадлежитъ дворецъ здѣшняго правительства, выстроенный почти весь изъ дерева, гошпиталь, церковь, въ родѣ нашихъ деревенскихъ, и казармы, называемыя Орлеанскими.

Сенегаль очень бѣденъ строительными матеріялами. Здѣшняя известь не имѣетъ почти никакой силы; кирпичи, выдѣлываемые изъ рѣчной глины, очень скоро разваливаются.

Настоящій камень привозятъ сюда изъ Галама, а дерево изъ Америки.

Улицы невымощены, и потому вѣтеръ, взвѣвая кверху песокъ, образуетъ часто непроницаемые столы песчаной пыли и во многихъ мѣстахъ производитъ страшныя рытвины.

Негры занимаютъ сѣверную и южную оконечности острова. Ихъ хижины протянуты ровною линіей по улицѣ и отдѣлены одна отъ другой палисадомъ, вышиною въ пять или шесть футовъ. Довольно заглянуть въ одну изъ этихъ лачужекъ, чтобъ судить о прочихъ. Онѣ совершенно походятъ одна на другую. Въ

центрѣ, то есть какъ разъ противъ входа, комнаты, или, скорѣе, клѣтки главы семейства и его жонъ. Въ боковыхъ отдѣленіяхъ живутъ невольники. Передъ каждой хижинкой есть пространный дворъ, на которомъ женщины толкутъ просо, для дневного существованія всего семейства.

— Отчего до сихъ поръ не выучили негровъ молоть зерна? спросилъ я у барона С***.

— Уже нѣсколько разъ привозили сюда изъ Франціи разныя машины, но негры не хотятъ употреблять ихъ. Они говорятъ, что ихъ жонамъ нечего было бы дѣлать, если ихъ не заставлять толочь зерна.

Между тѣмъ какъ негритянки заботятся о приготовленіи пищи для семейства, негры работаютъ, охотятся, ловятъ рыбу. Нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ ткать и выдѣлываютъ родъ бумажной матеріи, которую даже вывозятъ въ Индію.

Сенегальскіе ткачи работаютъ подъ открытымъ небомъ.

Неудобно устроенные станки и грубые инструменты не позволяютъ неграмъ очень разнообразить рисунка ихъ матерій. Бо́льшею частію весь рисунокъ состоитъ изъ простыхъ разноцвѣтныхъ полосъ или много много — изъ широкихъ клѣтокъ, тоже разноцвѣтныхъ. Этого достигаютъ только самые искуснѣйшіе изъ здѣшнихъ ткачей.

Хозяинъ той хижины, въ которую я вошелъ съ барономъ С***, назывался Замбой; онъ былъ стройный, высокій негръ съ простодушнымъ, веселымъ лицомъ.

— *Накаму́*, сказалъ баронъ, дружески протягивая ему руку.

— *Накампаче*, отвѣчалъ негръ.

— Если вы будете говорить этимъ языкомъ, такъ я не пойму ровно ничего, замѣтилъ я.

— Безъ этого привѣтствія нельзя обойтись, отвѣчалъ мнѣ баронъ: — это каламбуръ, или, лучше сказать, присловье, которое обыкновенно говорится при встрѣчѣ съ негромъ.

— Чтожь это значитъ?

По-французски нельзя передать этихъ словъ съ надлежащей вѣрностью. *Накаму* значитъ: ну, что́ новаго? *Накампаче* — отвѣтъ на этотъ вопросъ и значитъ: негры все еще ѣдятъ руками, то есть подъ этимъ разумѣется, что нѣтъ ничего новаго.

— Хорошъ каламбуръ!

— По-французски плохъ, но на языкѣ негровъ эти два слова рифмуются одно съ другимъ и очень остроумны....

Замба съ любезностью показалъ мнѣ все свое жилище. Клѣтки невольниковъ ничѣмъ не отличались отъ его собственной. Въ каждой изъ нихъ стояла деревянная скамья и по серединѣ печь, по стѣнамъ развѣшены были разные лоскутья и небольшіе кожаные мѣшечки, которые марабуты благословляютъ и продаютъ, какъ предохранительное средство отъ разнаго рода опасностей. Негры до такой степени вѣруютъ въ силу этихъ талисмановъ, что готовы стать передъ дуломъ пушки, съ твердымъ убѣжденіемъ, что ядро не сдѣлаетъ имъ никакого вреда, если только на нихъ будетъ надѣтъ этотъ талисманъ.

Замба показывалъ намъ каждый изъ этихъ мѣшечковъ и говорилъ:

— Вотъ этотъ спасъ меня отъ пасти крокодила, съ этимъ я побѣдилъ льва... Я совѣтую тебѣ носить этотъ талисманъ. Онъ предохранитъ тебя отъ хищныхъ звѣрей, которыхъ ты можешь встрѣтить.

На этихъ мѣшечкахъ обыкновенно написанъ стихъ изъ корана, и онъ-то имѣетъ эту силу спасать отъ опасностей.

Когда негръ умираетъ, въ могилу его кладутъ всѣ эти священныя для него вещи.

Нѣкоторые изъ подобныхъ талисмановъ, по мнѣнію негровъ и арабовъ, имѣютъ силу развивать умъ и другія способности человѣка. На этомъ основаніи, многіе изъ арабскихъ и негритянскихъ поэтовъ имѣютъ обыкновеніе носить эти талисманы, и увѣрены, что это они внушаютъ имъ всѣ счастливыя мысли.

Я былъ очень удивленъ, что у Замбы было шесть жонъ.

Я замѣтилъ ему, что европейцу было бы очень затруднительно жить съ шестью жонами.

— Вѣрно ваши бѣлыя жоны очень вѣтрены.... Наши, напротивъ, только и думаютъ о работѣ, отвѣчалъ мнѣ негръ.

Въ самомъ дѣлѣ негритянки чрезвычайно послушны своимъ мужьямъ.

Всегда счастливыя, веселыя, даже за самой работой, онѣ вовсе не знаютъ нашихъ семейныхъ непріятностей. Попробуйте соблазнять негритянку, она сейчасъ закричитъ вамъ *Аллатерре́* (т. е. Богъ накажетъ) и убѣжитъ отъ васъ.

Неграмъ не дозволяется имѣть болѣе шести женъ, одни марабуты могутъ имѣть ихъ безчисленное множество. Всѣ жены считаются законными, но первая все-таки бываетъ главною, и всѣ прочія ей повинуются. Мужъ долженъ каждую пятницу раздѣлять съ ней брачное ложе.

На сѣверной оконечности острова мое вниманіе остановилось на огромной мечети, которую негры называютъ *Бонн-дере*, то есть головою св. Людовика. Передъ мечетью сидѣло нѣсколько марабутовъ, которые приготовлялись къ службѣ. Это были большею частію старики, покрытые безобразнымъ лохмотьемъ, слѣпые, безрукіе, хромые.

Марабуты живутъ исключительно милостынею. Они постоянно ходятъ изъ селенія въ селеніе и не просятъ милостыни подъ окнами или у воротъ, но, остановясь посреди улицы, кричатъ какъ наши странствующіе купцы.

На площадяхъ, марабуты созываютъ правовѣрныхъ и, прочтя нѣсколько молитвъ, отправляются далѣе. Они путешествуютъ и днемъ и ночью, надѣясь, что талисманъ можетъ предохранить ихъ отъ опасности.

Стоявшіе и сидѣвшіе у дверей мечети старательно поправляли свою прическу, потому-что для входа въ храмъ требуется безукоризненная опрятность. Коранъ дозволяетъ имъ за недостаткомъ воды вытирать себѣ руки пескомъ.

Я послѣдовалъ въ мечеть за марабутами.

Расположившись въ два ряда, кто стоя, кто нагнувшись до полу, они пѣли, или, вѣрнѣе, кричали самыми странными голосами. Одни придавали своему голосу звукъ, подобный чревовѣщанію, такъ-что слыша его, можно было подумать, что это голосъ, выходящій изъ-подъ земли. Другіе вторили имъ гаммою, но такой рѣзкой, что съ перваго разу показалось мнѣ, будто ихъ пѣніе исходило откуда-то сверху.

Но самое странное обстоятельство въ этой религіозной церемоніи вѣроятно ускользнуло бы отъ меня, еслибъ баронъ не обратилъ на него моего вниманія.

— Вы конечно не угадываете, сказалъ онъ: — что̀ дѣлаютъ эти ребятишки, которые стоятъ за марабутами и держатъ въ рукахъ воду и бѣлье.

— Признаюсь, я тутъ ничего не понимаю. Я думаю, что это храмовые прислужники.

— Не угадали; вглядитесь въ нихъ, и вы скоро поймете, въ чемъ заключается ихъ должность.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ слабый шумъ.... Одинъ изъ мальчиковъ поднялъ одежду марабута и взялъ у него бѣлье.

— Коранъ повелѣваетъ, сказалъ баронъ: — чтобы марабуты были чисты; посмотрите же, съ какимъ усердіемъ исполняютъ они волю пророка.

— Это удивительно!

— Пророкъ предписалъ имъ соблюдать чистоту, продолжалъ баронъ. Такъ какъ они не могутъ прерывать своихъ молитвъ, то имъ, какъ видите, помогаютъ дѣти.

VI.

МОЯ ПЕРВАЯ КВАРТИРА. — ОБЕЗЬЯНЫ, НЕВОЛЬНИЦЫ И КУХНЯ Г. С***. — НЕГРЫ ВЪ СУДѢ. — КАКЪ СЕНЕГАЛЬЦЫ НАКАЗЫВАЮТЪ ЗА НАРУШЕНІЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВѢРНОСТИ.

— Я наконецъ нашелъ вамъ квартиру, сказалъ мнѣ черезъ нѣсколько дней баронъ: — очень недорогую: сорокъ франковъ въ мѣсяцъ. Двѣ премиленькія комнатки, съ паркетными полами, окнами на море.... Вамъ будетъ очень хорошо въ ней. Кромѣ всего этого, г. С***, хозяинъ дома, прекрасный человѣкъ.

Я былъ въ восхищеніи отъ находки барона, тотчасъ же велѣлъ отнести мои чемоданы, а вечеромъ отправился и самъ. Въ самомъ дѣлѣ, комнатки мои были довольно опрятны, но едва я успѣлъ заснуть, страшная боль въ лицѣ разбудила меня. Цѣлая дюжина обезьянъ напала на меня и намѣревалась съѣсть меня безъ всякаго милосердія. Уже одна изъ нихъ принялась было за мой носъ. На полу валялось мое платье и остатки сапоговъ, которые были почти съѣдены. Я схватилъ палку и бросился на непріятелей, но, увы! послѣдняя изъ убѣжавшихъ обезьянъ унесла мою шляпу.

Я полагалъ, что для полной безопасности мнѣ достаточно будетъ запереть окна; но опять бѣда. Въ Сенегалѣ почти вовсе не употребляютъ стеколъ, по причинѣ страшныхъ жаровъ. Ино-

гдѣ только завѣшиваютъ окна сторами, но у меня и того не было. Итакъ, я принужденъ былъ употребить въ дѣло простыни и одѣяло.

Я увидѣлъ, что квартира, рекомендованная барономъ, вовсе не такъ хороша, какъ онъ думалъ. Впрочемъ обезьяны не составляли главнѣйшаго ея неудобства. Мнѣ предстояло еще испытать и другія непріятности.

Утромъ, какъ разъ передъ моей дверью, я увидѣлъ множество попортившейся вонючей рыбы и нѣсколько кусковъ говядины такого же достоинства. Шесть отвратительныхъ негритяновъ бросали всю эту неопрятную и вонючую падаль въ котелъ и поставили его на огонь. Скоро закипѣла эта отвратительная похлебка, и заразительный запахъ пахнулъ прямо ко мнѣ въ комнату.

Я рѣшительно хотѣлъ тотчасъ же оставить мое скверное жилище и обратился къ хозяину. Господинъ С***, котораго я еще до сихъ поръ не видалъ, былъ еще молодой человѣкъ, но съ виду ему казалось около восьмидесяти лѣтъ. На лицѣ его, отъ болѣзни, образовалась какая-то странная, непріятная рана, изъ-подъ которой трудно было различить черты его.

— Милостивый государь, сказалъ я ему: — выхваляя вашу квартиру барону, вы должны были предупредить его, что я могу быть съѣденъ обезьянами.

— Потрудитесь выражаться нѣсколько деликатнѣе, отвѣчалъ онъ: — мои обезьяны всегда сыты....

— Однакожъ они съѣли мои сапоги и вѣроятно обглодали бы и меня, еслибъ я не проснулся... Притомъ же запахъ вашей адской кухни невыносимъ и заразителенъ.

— Повторяю вамъ, не говорите такъ рѣзко.... вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ правительство постоянно одобряетъ мое изобрѣтеніе....

— Очень можетъ быть.... Завтра я переѣзжаю отъ васъ....

— Но вы должны заплатить за весь мѣсяцъ.

— Очень хорошо-съ.... вотъ вамъ сорокъ франковъ.

Проклиная мою печальную жизнь, я съ грустью отправился къ барону.

Вдругъ я встрѣтилъ префекта, который сказалъ мнѣ:

— Поздравьте меня, я возвращаюсь во Францію, и сегодня же.... Не повѣрите, сколько хлопотъ надѣлалъ мнѣ мой внезап-

ный отъѣздъ.,.. Надо укладывать вещи.... И еще не знаю, куда дѣваться съ домомъ....

— Какъ? вы уступаете вашъ домъ?...

— Да! но не нахожу охотниковъ.

— Я къ вашимъ услугамъ.... Само провидѣніе устроило нашу встрѣчу.... Иначе мнѣ пришлось бы ночевать на улицѣ.

Переѣхавъ въ домъ бывшаго префекта, я совершенно позабылъ о господинѣ С*** и его обезьянахъ, какъ вдругъ, въ одно утро, ко мнѣ является полицейскій комиссаръ.

— Мнѣ очень непріятно безпокоить васъ, сказалъ онъ съ удивительно привѣтливой улыбкой. — Дѣло самое ничтожное. Судъ требуетъ васъ вслѣдствіе жалобы почтеннаго г. С***, который обвиняетъ васъ 1) за то, что вы ночью бѣжали съ его квартиры, и 2) за то, что вы оскорбили его личность по поводу съѣстныхъ припасовъ, которыми онъ снабжаетъ правительство.

— А! чтобъ чортъ его побралъ! вскричалъ я....

— Не безпокойтесь, это пустяки, которые вы съумѣете опровергнуть, возразилъ комиссаръ, поклонясь мнѣ съ очаровательной улыбкой.

Я было не хотѣлъ итти въ судъ, потому-что какъ ни правъ былъ я, но мнѣ непріятно было тягаться съ такимъ бездѣльникомъ, каковъ почтенный и честный г. С*** Однакожь я отправился въ первое засѣданіе суда, въ надеждѣ увидѣть тамъ негровъ.

Забавно смотрѣть, какъ простодушные сенегальцы, представъ предъ судей, стараются оправдаться, съ жаромъ машутъ руками и упорствуютъ въ правотѣ своего дѣла даже послѣ осужденія. Нѣкоторые говорятъ съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ.

Но всего страннѣе въ этихъ судилищахъ видѣть бѣдныхъ судей, которые напрасно силятся примѣнять къ полудикимъ обитателямъ Сенегала всѣ утонченности европейскаго судопроизводства.

— Который тебѣ годъ? спросилъ однажды президентъ у старухи негритянки.

— Три года! отвѣчала она.

— Подумай хорошенько. Тебѣ должно быть болѣе.

— Тысяча лѣтъ!

Какъ хотите вы, чтобы негритянка отвѣчала на этотъ вопросъ, когда у негровъ религія запрещаетъ считать года?

Конечно нельзя оставлять виновныхъ негровъ безъ наказанія, но не лучше ли было бы подвергать ихъ суду ихъ старѣйшинъ. Европейскіе законы не имѣютъ никакого отношенія къ ихъ нравамъ, а наши наказанія вовсе не огорчаютъ и не исправляютъ ихъ, потому-что негръ боится только презрѣнія себѣ подобныхъ.... Мы можемъ осудить страшнаго преступника, а негры воздадутъ ему, напротивъ, полное уваженіе....

У сенегальцевъ нѣтъ ни гильотинъ, ни тюремъ. Ихъ судилища чисто религіозныя. Каждую пятницу, день трижды святой по понятіямъ негровъ, марабуты судятъ виновныхъ. Наказаніе заключается въ запрещеніи жениться два, три, четыре, восемь, двадцать лѣтъ, смотря по важности преступленія. Иныхъ осуждаютъ на вѣчное безбрачіе или рабство. Смертная казнь существуетъ только за нарушеніе супружеской вѣрности.

Однажды мнѣ случилось быть въ землѣ траpзасовъ. Проходя между палатками, я увидалъ женщину, привязанную къ дереву. Около нея высокій мужчина точилъ старую саблю.

— Чтò это значитъ? спросилъ я у моего проводника-переводчика: — не хочетъ ли этотъ человѣкъ убить женщину?

— Нѣтъ, отвѣчалъ проводникъ: — это мужъ и жена.... Она измѣнила ему, и за это изъ уважаемой супруги сдѣлается низкой невольницей. Мужъ точитъ свою саблю затѣмъ, чтобы убить любовника жены, который нарушилъ спокойствіе ихъ жизни....

Въ эту минуту я услыхалъ звуки там-тама.

— Это ведутъ виновнаго, сказалъ мнѣ мой проводникъ: — его будутъ вести передъ палатками, чтобы онъ слышалъ проклятіе всѣхъ обитателей, потомъ отдадутъ оскорбленному мужу.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ преступникъ явился. Руки его были связаны назади.

Увидавъ его, оскорбленный мужъ началъ плевать ему въ лицо, потомъ ударилъ его ногой и, поваливъ, схватилъ за волосы. Придавивъ голову несчастнаго, онъ началъ сдирать съ него кожу. Мучительная казнь продолжалась съ полчаса, и во все это время никто изъ зрителей, ни палачъ, ни его беззащитная жер-

тва, не произнесли ни одного слова. Только одна преступница тихонько плакала и смотрѣла въ землю.

Когда голова бѣдняка отлетѣла отъ туловища, палачъ схватилъ ее и бросилъ съ презрѣніемъ на трупъ.

— Тѣло останется здѣсь, сказалъ мнѣ переводчикъ: — оно послужитъ пищей нечистымъ животнымъ.

— Какъ, развѣ его не похоронятъ?

— Нѣтъ, это было бы слишкомъ много чести для преступника. Похоронъ удостоиваются только тѣ, которые умираютъ по волѣ Божіей, естественною смертью.

Мщеніе оскорбленнаго мужа еще не было кончено.

Наступила очередь преступной жены.

Мужъ отвязалъ ее отъ дерева, повалилъ и обрѣзалъ волосы, потомъ сорвалъ съ нея всѣ украшенія, сдернулъ съ пальцевъ кольца, надѣлъ на нее полотняный поясъ и погналъ ее въ свою палатку какъ животное.

— Теперь она сдѣлалась невольницей! воскликнулъ мой проводникъ.

— Вы ужасны въ своемъ правосудіи, сказалъ я.

— Да развѣ нарушеніе супружеской вѣрности не величайшее изъ всѣхъ преступленій!... Человѣкъ, у котораго убьютъ отца, брата, друга, страдаетъ менѣе, нежели тотъ, которому измѣнитъ жена.

Магометъ сказалъ: «кто украдетъ барана или платье, можетъ возвратить и то и другое; но тотъ, кто разрушитъ брачныя связи, никогда не возвратитъ ихъ. Итакъ, онъ вполнѣ достоинъ смерти, потому-что все-таки будетъ страдать менѣе, нежели мужъ, переживщій свое безчестіе.»

Послѣ этого извольте по вашему кодексу судить преступленія полудикихъ сенегальцевъ!...

Судопроизводство негровъ заставило меня забыть мой процессъ: впрочемъ легко догадаться, чтó изъ него вышло. Какъ я и ожидалъ, много-уважаемый господинъ С*** и подкупленные имъ свидѣтели ясно доказали мою вину, и я долженъ былъ заплатить пеню.

VII.

ГУБЕРНАТОРЪ КОЛОНІЙ. — НАШЪ РАЗГОВОРЪ. — НЕГРИТЯНКИ ЗА РАБОТОЙ. — ИХЪ ПѢСНИ И ИГРЫ. — ПРОКАЗЫ НЕГРА БУБУ.

Губернаторъ сенегальскій почтенный и предобрый старикъ. Онъ принимаетъ у себя французовъ съ необыкновенной любезностью.

— Вы еще очень молоды, сказалъ онъ мнѣ, когда я явился къ нему: — я думаю вы грустите по Франціи.

— Еслибъ я не надѣялся снова увидать ее, конечно я очень бы горевалъ по ней.... здѣшняя страна кажется мнѣ очень любопытна для изученія.

— Нашли ли вы себѣ квартиру?

— Нѣтъ еще.

— Такъ старайтесь поискать поближе къ морю. Морской вѣтеръ очень здоровъ, а восточный заразителенъ. Когда устроитесь, ведите аккуратно свою жизнь.... Не выходите въ полдень: жаръ убьетъ васъ; не измѣняйте своихъ привычекъ ни въ питьѣ, ни въ пищѣ. Бойтесь скуки и особенно остерегайтесь женщинъ. Приходите почаще ко мнѣ играть на бильярдѣ. У меня вы встрѣтите вашихъ соотечественниковъ, общество которыхъ конечно будетъ вамъ пріятно.

Эти краткія, простыя наставленія опытнаго человѣка гораздо лучше помогали мнѣ, чѣмъ всѣ хитрые совѣты докторовъ, претендовавшихъ на знаніе всей глубины премудрости.

Вечеромъ, ласковый губернаторъ пригласилъ меня пойти гулять. Мы пошли на сѣверную оконечность острова и издали еще услыхали смѣхъ и пѣніе работавшихъ тамъ негритянокъ.

— Можно подумать, что онѣ веселятся, сказалъ я: — развѣ это часъ отдыха?

— Нѣтъ, отвѣчалъ губернаторъ: — но негритянки и работая веселятся. Смотря на этихъ полунагихъ женщинъ, съ утра до ночи обремененныхъ работой, можно подумать, что онѣ очень несчастны; а между тѣмъ онѣ гораздо счастливѣе европейскихъ

женщинъ. Онѣ всегда поютъ или смѣются. Ничтожнѣйшая вещь можетъ пробудить въ нихъ веселость. То онѣ придумаютъ новую пѣсню и поютъ ее нѣсколько дней сряду, то которая-нибудь изъ нихъ похвастается, что работаетъ скорѣй другихъ, и вотъ всѣ спѣшатъ одна передъ другой и забываютъ усталость и скуку.

Вечеромъ, по окончаніи работъ, онѣ всякой день купаются. Входя въ воду, обыкновенно бросаютъ какъ можно далѣе палку, и каждая спѣшитъ доплыть до цѣли.... Надо видѣть потомъ, какъ побѣдительница посмѣивается надъ своими подругами.

— Какая чудная простота нравовъ! сказалъ я: — но за то мужчины, кажется, вовсе не походятъ на женщинъ.... Они воры....

— Негры настоящія дѣти, возразилъ мой спутникъ: — большее число преступленій, совершаемыхъ ими, внушено имъ исключительно эксцентричностью ихъ характера. Въ Сенъ-Луи есть много негровъ, осужденныхъ на галеры, за разныя шутовскія штуки. Да вотъ вамъ примѣръ, и притомъ онъ нѣсколько касается и меня самого. Негръ Бубу въ первый разъ осужденъ былъ на галеры за то, что сталъ душить куръ, потому-что онѣ ему надоѣли. И въ самомъ дѣлѣ, онъ вовсе не хотѣлъ украсть ихъ. Едва освободившись отъ галеръ, онъ пришелъ къ одному французу, извѣстному своей ревностью, и сказалъ, что у его жены сидитъ любовникъ. Мужъ хотѣлъ броситься въ спальню жены, которая спала въ верхнемъ этажѣ. Бубу удержалъ его, говоря, что если ужь бѣдному любовнику суждено погибнуть, такъ пусть по-крайней-мѣрѣ онъ подолѣе насладится своимъ счастіемъ. Мужъ не могъ вырваться изъ сильныхъ рукъ негра и задыхался отъ гнѣва, а Бубу между тѣмъ, чтобы еще болѣе взбѣсить его, разсказывалъ ему соблазнительныя подробности бесѣды его жены съ любовникомъ. Эта комедія продолжалась съ полчаса. Наконецъ Бубу отпустилъ бѣдняка. Тотъ бросился къ женѣ и убѣдился, что у той никого не было и она нисколько не была виновата. Бубу еще разъ посадили въ тюрьму, но онъ не угомонился. Возвратясь изъ тюрьмы, онъ пробрался ко мнѣ въ комнату, надѣлъ мое форменное платье и долго любовался собой въ зеркалѣ.... Наконецъ въ головѣ его мелькнула мысль прогуляться въ костюмѣ губернатора по горо-

ду.... Бубу выбѣжалъ изъ комнаты и бросился на дворъ; но какъ пройти мимо часоваго? Бубу отвернулся отъ него и съ важностью прошелъ въ ворота. Часовой не узналъ плута и сдѣлалъ честь, на которую шутникъ отвѣчалъ. На улицѣ никого не было. Буду добѣжалъ до рѣки, сѣлъ въ лодку, переѣхалъ на другой берегъ и пошелъ разгуливать по сосѣднимъ деревнямъ. Я скоро замѣтилъ пропажу. Слѣды плута тотчасъ же были найдены. Между тѣмъ Бубу успѣлъ въ одномъ отдаленномъ племени провозгласить себя королемъ отъ имени французовъ, которые будто бы дали ему этотъ костюмъ затѣмъ, чтобы сдѣлать его правителемъ всей страны.

Однакожъ новаго правителя схватили и въ третій разъ отправили на галеры. По возвращеніи оттуда, онъ вѣроятно надѣлаетъ новыхъ проказъ.

Бóльшая часть негровъ похожа на проказника Бубу.

VIII.

ГЕНДАРЪ. — ПРИБРЕЖНЫЕ РЫБАКИ. — МОРСКІЯ ВАННЫ.

Противъ Сенъ-Луи лежитъ большая негритянская деревня, называемая *Гендаръ* (братъ св. Людовика).

Эта деревня, населенная рыбаками и лоцманами, служитъ ежедневно мѣстомъ свиданія европейцевъ и мулатовъ. Каждый находитъ здѣсь развлеченіе по своему вкусу. Охотники приходятъ сюда стрѣлять цѣлыя тучи *водорѣзовъ*, родъ ласточекъ, поэты мечтать на берегу моря.

И въ самомъ дѣлѣ, сколько здѣсь предметовъ для вдохновенія. Когда море тихо, густыя стаи чаекъ покачиваются на чуть движущихся волнахъ его. Одни только тюлени, всплывая на поверхность воды, нарушаютъ спокойствіе отдыхающихъ волнъ. Въ эту минуту жоны и дочери рыбаковъ пляшутъ и поютъ на берегу.

Но если вдругъ зашумитъ вѣтеръ, если на минуту задремавшія волны заколышатся, чайки быстро улетаютъ съ зловѣщими криками, тюлени прячутся на дно, рыбаки спѣшатъ пристать къ берегу. Волны встаютъ, надуваются и, подобно движущимся горамъ, подкатываются къ берегу.... Вѣтеръ почти

не облаковъ вздымаетъ бѣлую пѣну съ вершинъ этихъ водяныхъ горъ. Страхъ и ужасъ объемлютъ всѣхъ. Горе бѣдному рыбаку, неуспѣвшему достичь берега. Женщины въ отчаяніи мечутся во всѣ стороны, спѣша подать помощь отцу, мужу или брату.

Если ловля была благополучна и изобильна, негры начинаютъ плясать съ своими женами и дочерьми.

Въ особенности мужчины и женщины приходятъ въ Гендаръ купаться. Часто отливъ происходитъ съ такой быстротой, что купающіеся остаются на мели, между раковинъ, ходилловъ и полиповъ, которые прилипаютъ къ тѣлу. Эти ванны и пріятны и здоровы. Опасаться почти нечего, стоитъ только не подходить къ мѣстамъ, гдѣ волны сильнѣе бьются о берега.

Я часто ѣздилъ на охоту за дичью.

Обыкновенно выходятъ до разсвѣта, садятся въ лодки и спускаются вдоль рѣки. Едва роскошная здѣшняя природа начнетъ пробуждаться, высаживаются на берегъ, входятъ въ какую-либо долину и тамъ остается только выбирать птицъ по желанію. Милліоны ибисовъ, драхвъ, куропатокъ, тетеревей, зайцовъ и газелей какъ бы очарованіемъ тотчасъ представляются охотникамъ. Въ самый жаръ охотники отдыхаютъ, привязываютъ къ вѣтвямъ пальмъ гамакъ и преспокойно покачиваются въ немъ, колеблемые вѣтромъ. Вечеромъ возвращаются въ Сенъ-Луи съ пѣснями и смѣхомъ, счастливые, довольные.

Провидѣніе повидимому хотѣло вознаградить эту жаркую страну за недостатокъ растительности обиліемъ рыбы и дичи. Почти на каждомъ шагу встрѣчаешь здѣсь зайцовъ, которые спокойно грызутъ траву, почти не боясь человѣка; множество куропатокъ бѣгаютъ подъ ногами; перепела допускаютъ себя брать руками.... Вечеромъ можно ловить драхвъ, которые спокойно дремлютъ на вѣтвяхъ кустарниковъ, спрятавъ свой носикъ подъ крыло.

Въ Сенъ-Луи стоитъ только въ рѣкѣ, поближе къ берегу, воткнуть нѣсколько кольевъ, и тотчасъ на нихъ насядетъ множество утокъ и другихъ болотныхъ птицъ. Эти птицы до такой степени не боятся людей, что можно подойти къ нимъ очень близко. Любители стрѣльбы могутъ учиться стрѣлять по нимъ пулею; выстрѣлъ вовсе не пугаетъ ихъ, и онѣ по нѣскольку часовъ остаются неподвижны на верхушкахъ кольевъ.

Сенегалъ изобилуетъ рыбой въ такомъ огромномъ количествѣ, что она мѣшаетъ купающимся. Ее легко можно поймать рукою, и если бы въ здѣшней рѣкѣ разставить сѣть, такъ не достало бы силы ее вытащить: такъ наполнилась бы она въ нѣсколько минутъ.

Впрочемъ европейцы почти никогда не занимаются рыбной ловлей; охота служитъ имъ обыкновеннымъ и самымъ пріятнымъ развлеченіемъ.

IX.

МАГОМЕТАНСКІЯ ПРАЗДНЕСТВА ВЪ СЕНЪ-ЛУИ. — ИСТОРІЯ ОДНОГО ФРАНЦУЗА, СДѢЛАВШАГОСЯ ПРАВИТЕЛЕМЪ. — СИНЬЯРЫ И БУДУЩНОСТЬ ИХЪ ДОЧЕРЕЙ.

Множество здѣшнихъ мулатовъ и ихъ невольники уже обращены въ христіянство, но все еще отправляютъ и магометанскіе праздники. *Гаму* и *Табаски* — вотъ два важнѣйшія изъ этихъ торжествъ. Каждое изъ нихъ продолжается восемь дней.

Въ это время негры вполнѣ веселятся.

Въ особенности толпы любопытныхъ стекаются на площадь, на которой геркулесы пустыни состязаются въ борьбѣ.

Бойцы, совершенно нагіе, намазываютъ тѣло жиромъ. Долго они оба стоятъ другъ передъ другомъ неподвижно, соображая удары и расчитывая смутить противника внезапнымъ нападеніемъ. Наконецъ, вдругъ, они бросаются одинъ на другого, и горе тому, который не успѣетъ встрѣтить расчитаннаго удара своего противника. Онъ повергнутъ на землю, и громкія рукоплесканія и крики служатъ наградой побѣдителю. Любопытно смотрѣть, съ какимъ гордымъ видомъ торжествующій боецъ, подъ руку съ своей любезной, прохаживается посреди зрителей. Гріоты поютъ въ честь его пѣсни, музыка гремитъ, и цѣлыя толпы провожаютъ счастливца до его жилища.

Смотря на борьбу негровъ, я думалъ о томъ, сильнѣе ли они европейцевъ.

— Они конечно гораздо сильнѣе насъ, сказалъ мнѣ лейтенантъ П***, — но мы гораздо ловчѣе, и европеецъ съ посредственной силой почти навѣрное одолѣетъ самаго сильнаго изъ негровъ.

При этомъ лейтенантъ разсказалъ мнѣ чрезвычайно любопытную исторію.

Вотъ она:

Одинъ французъ, по имени Дюрантонъ, пріѣхалъ съ товарами въ Томбукту, къ начальнику одного весьма значительнаго племени. Ему такъ понравилась эта сторона, что онъ остался въ ней.

Въ самомъ дѣлѣ, средняя часть Африки настоящій эдемъ. Пріѣзжая въ селеніе какого-нибудь африканскаго племени, европеецъ долженъ раздѣлить ложе съ прекраснѣйшею изъ дочерей начальника племени. Влюбился ли Дюрантонъ въ молодую принцессу, или европейское общество надоѣло ему, только онъ не хотѣлъ болѣе возвращаться во Францію.

По смерти начальника, его мѣсто долженъ былъ занять или Дюрантонъ, или который-нибудь изъ его двухъ зятьевъ. По обычаю страны, сильнѣйшій получаетъ право начальства, и поэтому между тремя претендентами назначено было состязаніе.

Африканскіе принцы оба обладали геркулесовской силой, Дюрантонъ былъ довольно слабъ, но когда-то учившись бороться у одного парижскаго профессора гимнастики, онъ былъ почти увѣренъ, что ловкій ударъ подъ ногу доставитъ ему лестное право. Принцы первые начали борьбу. Почти равные силою, они долго оспоривали другъ у друга побѣду, наконецъ одинъ изъ нихъ, улучивъ минуту, повергъ соперника на землю.

— Несчастный бѣлый, сказалъ побѣдитель Дюрантону: — я боюсь раздавить тебя. Ты такъ малъ, такъ хилъ....

Борьба началась. Дюрантонъ не поддается, вертится около колоссальнаго противника и выискиваетъ удобной минуты подставить ему ногу.

— Смотрите, смотрите, закричали зрители: — это борьба льва и обезьяны.

Но каково же было всеобщее удивленіе! Дюрантонъ ловко подставилъ ногу, и огромный африканецъ полетѣлъ внизъ головой.

Дюрантонъ остался побѣдителемъ.

Сдѣлавшись правителемъ, онъ достигъ большой извѣстности въ странѣ, которою управлялъ, составилъ войско и завоевалъ множество сосѣднихъ владѣній. Онъ довольно часто пріѣзжалъ въ Сенъ-Луи повидаться съ своими соотечественниками; стран-

но было видѣть его въ костюмѣ дикарей, босого, съ длинной бородой. Дюрантонъ съ легкостью говорилъ на всѣхъ сенегальскихъ нарѣчіяхъ и прекрасно изъяснялся по-арабски.

Въ далекой пустынѣ, онъ однакожь глубоко любилъ Францію и заботился о ея благѣ, постоянно надзирая надъ здѣшнимъ французскимъ правительствомъ. Чуть только онъ узнавалъ о какой-нибудь ошибкѣ губернатора или плутняхъ другихъ чиновниковъ, внезапно являлся въ Сенъ-Луи и говорилъ губернатору:

— Если вы еще разъ будете такъ поступать, я овладѣю колоніей и выгоню всѣхъ васъ отсюда. Подъ моимъ владѣніемъ эта страна принесетъ болѣе пользы моей милой Франціи.

И дѣйствительно, здѣшнее правительство очень боялось Дюрантона, но къ несчастію Франціи онъ умеръ въ весьма молодыхъ лѣтахъ.

Дуэли у негровъ въ такомъ же употребленіи, какъ и въ Европѣ, только сенегальцы дерутся не на шпагахъ, а на кулакахъ. Подобно намъ, они берутъ съ собой свидѣтелей и уходятъ драться въ уединенныя мѣста.

Мнѣ удалось однажды случайно быть свидѣтелемъ одной изъ подобныхъ дуэлей. Противники стояли другъ противъ друга и повидимому боялись начать битву.

— Чтóжь вы не начинаете? сказалъ вдругъ одинъ посторонній.

— А тебѣ чтó за дѣло до нашего спора? отвѣчали трусы.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до вашей распри, возразилъ тотъ: — но мнѣ противна ваша подлая трусость, и я отколочу васъ обоихъ, если вы не начнете тотчасъ же.

— Ступай лучше своей дорогой.

— Начинайте, говорю вамъ, бездѣльники! вы безчестите собой наше племя передъ этимъ бѣлымъ.

Дуэлисты спорили, но все-таки держались на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга.

— Постойте же, вскричалъ незнакомецъ: — я васъ научу, какъ должно вести себя, и съ этими словами бросился на противниковъ.

Не прошло двухъ минутъ, дуэлисты и секунданты были опрокинуты на землю.

Незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Бѣлый, не суди по этимъ подлецамъ о мужествѣ и благо-

родствѣ негровъ. Эти два труса подлѣйшіе изъ всего нашего племени.

Но возвратимся къ праздникамъ въ Сенъ-Луи.

Различныя племена негровъ отличаются своими плясками. Пляски *бамбарасовъ* имѣютъ чисто воинственный характеръ. Пляшетъ обыкновенно одинъ мужчина, вертя вокругъ головы своей дубинкой. Пляска *тукулеровъ* и *мандинговъ* очень сложна и отличается необыкновенной живостью. *Іолофы*, обитатели Сенъ-Луи, пляшутъ, подъ звуки там-тама, утомительный танецъ, состоящій изъ самыхъ уродливыхъ кривляній.

Въ эти праздники синьяры соперничаютъ одна передъ другой въ роскоши. Каждая изъ нидъ надѣваетъ на своихъ невольницъ все, чтò есть у ней самаго драгоцѣннаго.

Странно смотрѣть на группы негритянокъ, обвѣшенныхъ украшеніями золотыми и изъ драгоцѣнныхъ камней. Не рѣдко эти движущіяся статуи такимъ образомъ носятъ на себѣ на нѣсколько милліоновъ драгоцѣнностей. Мулатка, побѣдившая своимъ богатствомъ всѣхъ соперницъ, дѣлается по обычаю царицею города и считается ею до тѣхъ поръ, пока другая синьяра не свергнетъ ея.

Сенегальскія синьяры всѣ очень богаты. Очень бережливыя, онѣ могли бы нажить себѣ несмѣтныя богатства, но ихъ дочери бросили древнюю простую и экономическую одежду и носятъ шляпки, шолковыя и кашемировыя платья, вещи чрезвычайно дорогія въ этой странѣ. Сыновья ихъ ѣздятъ въ Парижъ и проматываютъ тамъ множество денегъ. Сокровища синьяръ истощаются, а доходы очень малы. Положеніе молодыхъ мулатокъ очень жалко, потому-что ихъ соотечественники, уѣхавъ въ Парижъ, привыкаютъ къ бѣлымъ женщинамъ, и ихъ братья, очень щекотливые насчетъ чести, не позволяютъ имъ предаваться легкому поведенію, которое утѣшало нѣкогда ихъ матерей.

X.

ЖЕНА КАПИТАНА С***. — СРАЖЕНІЕ НЕГРОВЪ. — КОРОЛЬ ДАМЕЛЬ.

Завтра я отправляюсь въ Гарею, сказалъ мнѣ однажды баронъ: — хотите ѣхать со мной? Не далеко, всего тридцать миль. Это будетъ препріятная прогулка.

— Я тоже поѣду съ вами, вскричалъ лейтенантъ П*** : — мнѣ давно хочется побывать въ ней. Говорятъ, тамъ есть хорошенькія негритянки.... Я куплю себѣ одну....

— Я согласенъ ѣхать съ вами, сказалъ я: — лишь бы съ нами случилось какое-нибудь приключеніе....

— О, на этотъ счетъ не заботьтесь.... Итакъ, приготовьтесь къ завтрашнему вечеру. Мы спустимся въ лодкѣ по Сенегалу и будемъ ночевать въ Гандьолѣ.

— Надо предупредить капитана. Онъ не будетъ лишній.

— Это безполезно, возразилъ П***: — вы еще не знаете, что онъ ни подъ какимъ видомъ не можемъ оставить Жорджіану.

— Шутите....

— Ни мало.... Впрочемъ попробуйте.

Я отправился тотчасъ же къ капитану. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы онъ сопутствовалъ намъ. Капитанъ сидѣлъ у ногъ своей жены, которая лежала на роскошномъ диванѣ. Жорджіана была еще очень молода, высока, стройна и съ перваго взгляда казалась удивительно хорошенькой; но, вглядѣвшись въ нее пристальнѣй, вы сейчасъ бы замѣтили въ ея рѣзкихъ чертахъ какое-то лѣнивое равнодушіе и выраженіе злости, которое внушало къ ней глубокое отвращеніе. Она съ презрѣніемъ кивнула мнѣ головой и продолжала курить благоханную сигару. Отъ времени до времени, она подносила къ своимъ алымъ устамъ бокалъ съ ликеромъ и по каплѣ всасывала его съ такой ловкостью, которой позавидовали бы самыя отчаянныя парижскія львицы.

Одежда мулатки была необыкновенно роскошна. Изъ подъ парчевого платья, съ рукавами à la chinoise, видѣнъ былъ бѣлый атласный пеньуаръ; на шеѣ надѣто было нѣсколько нитокъ кораллов и жемчугу; на пальцахъ блистали драгоцѣнныя кольца; и наконецъ золотые часы висѣли на толстой золотой цѣпи, прикрѣпленной у пояса. Въ будуарѣ Жорджіаны все дышало роскошью. Я ужаснулся за капитана. Какъ могъ онъ, думалъ я, столько издерживать? Любитъ ли его по-крайней-мѣрѣ Жорджіана? Мнѣ хотѣлось этому вѣрить, но я скоро разубѣдился въ моей мысли. Капитанъ сталъ самъ откупоривать бутылку шампанскаго и сильно обрѣзалъ палецъ. Слуга-негръ бросился удерживать кровь, которая струилась изъ пальца капитана, но жена

его хладнокровно продолжала курить сигару, какъ-будто не замѣчала этого случая.

— С***, сказала она лѣниво и такъ тихо, что я едва могъ услыхать.

Капитанъ бросился къ ней.

— Что́ тебѣ угодно, моя милая?

— Вотъ ужь два раза я зову тебя, сказала она съ гнѣвомъ: — ты не отвѣчаешь....

— Прости меня, душа моя, я не слыхалъ. Ты вѣрно устала, не хочешь ли, я провожу тебя въ твою комнату.

Жорджіана не отвѣчала. Она дулась.

Капитанъ приподнялъ ее, и, опираясь на его плечо, мулатка медленно вышла изъ комнаты.

— Поѣдемте въ Гарею, сказалъ я капитану, когда онъ воротился ко мнѣ.

— Не могу, отвѣчалъ онъ: — я долженъ кончить работу и...

— И цаловать прекрасные глазки Жорджіаны.... не такъ ли?

— Сознаюсь....

— Понимаю, понимаю.... Жаль!

Я пошелъ приготовляться къ отъѣзду.

На другой день мы сѣли въ лодки и пустились по Сенегалу, вдругъ мы услыхали какой-то странный шумъ.

— Вы хотите приключеній, сказалъ мнѣ баронъ: — вотъ, кажется, мы можемъ сейчасъ доставить вамъ случай полюбоваться....

Въ эту минуту рыбакъ подъѣхалъ къ нашей лодкѣ.

— Что́ значитъ этотъ шумъ? спросилъ у него баронъ: — это, кажется, сраженіе?

— Да, отвѣчалъ рыбакъ: — страшная битва.... пятнадцать тысячъ человѣкъ сражаются, не подалеку отсюда, на берегу рѣки....

Мы наскоро пустились по рѣкѣ и черезъ нѣсколько минутъ очутились передъ сражающимися.

Сражались кинжалами, копьями, дубинами; раздавались страшные крики. Воображеніе перенесло меня за двадцать вѣковъ, и мнѣ казалось, что я вижу битву кимвровъ и тевтоновъ.

— Какія это племена? спросилъ баронъ.

— Браки, іолофы и мавры дерутся съ арріергардомъ нашего великаго правителя Дамеля.

— А онъ здѣсь?

— Къ несчастію, нѣтъ. Онъ не хотѣлъ проливать крови и удалился къ своему отцу Дакиру. Его арріергардъ, состоящій изъ 3,000 человѣкъ, преслѣдовали 12,000 непріятелей. Вдругъ наши остановились и сдѣлали отпоръ. Богъ знаетъ, кто останется побѣдителемъ.... Еслибъ Дамель самъ пришелъ сюда съ 5,000 воиновъ, такъ побѣда навѣрно осталась бы за нами. Иначе, наши воины погибнутъ передъ множествомъ враговъ... Смотрите, Боже мой, они уже отступаютъ...

Въ самомъ дѣлѣ, видно было, какъ сражающіеся нѣсколько подвинулись къ югу, но битва все еще продолжалась.

— Какъ же ты различаешь своихъ отъ непріятеля?

— У нашихъ бѣлые флаги, у непріятелей знамена съ лошадиными хвостами.

Теперь мы ясно могли отличить, какъ одни отступали, другіе торжествовали побѣду. Рыбакъ кричалъ, кусалъ себѣ руки въ совершенномъ отчаяніи. Вдругъ онъ вскричалъ въ восторгѣ:

— Побѣда! побѣда!... Вотъ Дамель....

Дѣйствительно, облако пыли разсѣялось, и мы увидали нѣсколько тысячъ всадниковъ, которые бросились въ самую средину битвы.

— Видите нашего храбраго правителя? говорилъ рыбакъ: — посмотрите, какъ непріятели будутъ валиться подъ его ударами.

При появленіи Дамеля, его отступавшіе воины ободрились и какъ тигры бросились на непріятеля, который въ свою очередь началъ отступать. Дамель, въ своей бѣлой мантіи, являлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Наконецъ нѣсколько непріятельскихъ воиновъ побѣжало, и скоро все непріятельское войско пустилось въ бѣгство. Дамель и его войска преслѣдовали враговъ съ страшными криками....

Мы подъѣхали къ берегу и вышли въ селеніе Грандіоль. Женщины, дѣти и старики плясали и пѣли побѣдныя пѣсни.

Солнце уже закатилось, когда Дамель явился въ Гандіоль съ своимъ войскомъ. Солдаты раскинули палатки, зажгли костры. Поселянки занимались приготовленіемъ пищи для утомленныхъ воиновъ.

Мы пошли поздравить Дамеля съ побѣдой. Баронъ видалъ его часто и особенно друженъ былъ съ его отцомъ Дакаромъ,

который, живя неподалеку отъ острова Горги, находится въ частыхъ сношеніяхъ съ нашими моряками.

Дамель сидѣлъ въ своей палаткѣ на рогожкѣ. Когда мы вошли, онъ всталъ. Дамель извѣстенъ своимъ умомъ, мужествомъ, и въ особенности своею красотою. Онъ высокаго росту, широкоплечь, съ выпуклой грудью. Руки его отличаются правильностью формъ и малы, почти какъ у женщины. Открытый высокій лобъ, яркіе, блестящіе глаза, орлиный носъ, маленькій ротъ, бѣлые какъ снѣгъ зубы, длинные кудрявые волосы и усы à la Henri IV: таковъ африканскій Аполлонъ. передъ которымъ останавливаешься въ невольномъ изумленіи.

Окутавшись въ свою бѣлую мантію, запятнанную непріятельской кровью, въ эту минуту онъ былъ необыкновенно прекрасенъ и величественъ. Онъ владѣетъ многочисленными племенами Кайора и еще долженъ наслѣдовать владѣнія своего отца. короля Дакара.

— Привѣтствую васъ, сказалъ онъ намъ: — если вы здоровы и ваши родственники и друзья тоже, то мое сердце наполнится радостью.

Мы отвѣчали ему подобною же вѣжливостью.

Въ продолженіи нашего разговора, воины Дамеля собирали раненыхъ и клали ихъ передъ зажженными кострами. Гріоты спѣшили перевязывать раны бѣдныхъ страдальцевъ.

— Меня болѣе всего огорчаетъ, сказалъ Дамель: — то, что многіе изъ раненыхъ сдѣлались калеками, лишась въ сраженіи ноги.... Теперь ихъ остается только убить.

— Зачѣмъ же? сказалъ я.

— Они уже не могутъ ходить, отвѣчалъ Дамель: — ужь лучше совсѣмъ окончить ихъ страданія.

— Можно придѣлать имъ деревянныя ноги....

— Не смѣйтесь надъ несчастіемъ, сказалъ Дамель: — развѣ возможно ходить на деревянной ногѣ?

— Очень возможно.... я докажу вамъ, что это не шутка. Не прикажите убивать раненыхъ.... Я постараюсь придѣлать имъ деревянныя ноги, и вы увидите, какъ они будутъ ходить.

XI.

ДЕРЕВЯННАЯ НОГА. — ГАРЕЯ. — П*** И ЕГО НЕГРИТЯНКА.

Казалось, само провидѣніе доставило мнѣ случай передать полудикимъ обитателямъ этой страны одно изъ неоцѣненнѣйшихъ открытій европейской образованности. Одушевленный благомъ, которое я могъ сдѣлать нѣсколькимъ племенамъ, я съ жаромъ принялся за работу. Хотя не красиво, но я сдѣлалъ ногу, нарочно придѣлавъ широкую ступню, потому-что иначе она входила бы глубоко въ песокъ. Негры обладаютъ переимчивостью обезьяны. Тамошніе плотники тотчасъ переняли мою работу и начали выдѣлывать ноги по образцу, который я сдѣлалъ.

— Такъ какъ вы рѣжете руки, сказалъ я гріотамъ-врачамъ: — то вамъ легко отрѣзать и ногу.

— Разумѣется, отвѣчали они.

— Ну, такъ начинайте скорѣе. Когда рана заживетъ, останется только прикрѣпить деревянную ногу, и можно будетъ ходить....

— Какіе же хитрецы эти бѣлые! вскричали въ одинъ голосъ гріоты.

Чтобы убѣдить ихъ еще болѣе, я согнулъ колѣно и, привязавъ деревяшку, сталъ ходить.

— Видите, что моя нога мнѣ ни къ чему не служитъ. И ваши раненые будутъ ходить съ такой же легкостью....

— Понимаемъ, понимаемъ! вскричали Дамель и гріоты: — да благословитъ тебя Богъ и пророкъ его.... воспоминаніе о тебѣ останется въ нашемъ сердцѣ.

Давъ должныя наставленія неграмъ, мы отправились въ Гарею.

Островъ Гарея, называемый неграми *Биръ*, есть огромная, черноватая скала, возвышающаяся на сорокъ метровъ надъ поверхностью моря. Нѣсколько дрянныхъ домиковъ стоятъ амфитеатромъ передъ самымъ портомъ. Впрочемъ вообще говорятъ, что воздухъ здѣсь гораздо здоровѣе, чѣмъ въ Сенъ-Луи. Притомъ же здѣсь болѣе средствъ къ жизни, потому-что французскіе корабли обыкновенно сначала бросаютъ якорь въ Гареѣ и продаютъ самые свѣжіе припасы.

Кромѣ того въ гавани ловится много устрицъ и въ Каяской долинѣ собираютъ сочные, вкусные лимоны.

Зелень въ Гареѣ также рѣдка, какъ и въ Сэнъ-Луи, и мулатки ухаживаютъ за капустой и петрушкой съ такой же заботливостью, какъ европейскія дамы за кактусомъ или гвоздикой.

Баронъ скоро кончилъ свои дѣла и мы уже начали было сбираться въ Сэнъ-Луи, но нашъ добрый П** упрашивалъ насъ подождать. Ему нравились равно три невольницы, и онъ не рѣшался, которую изъ нихъ выбрать. У Фатьмы былъ нѣсколько вздернутъ носъ; у Ндибеи были чудесныя формы, но она не такъ граціозна, какъ ея соперницы; наконецъ Мэнгитта была премиленькая, стройная, тоненькая негритянка, но цвѣтъ ея кожи отличался желтизной.

— Посовѣтуйте мнѣ, спросилъ меня П***: — которую купить?

— Купите Фатьму.

— Но я никакъ не могу забыть очаровательныхъ формъ Ндибеи.

— Купите Ндибею....

— Знаете ли, что̀? Мнѣ кажется, что Мэнгитта гораздо граціознѣе.

— Ну, такъ купите Мэнгитту.

П*** все еще не рѣшался. Наконецъ я вышелъ изъ терпѣнія.

— Рѣшитесь купить ту, на которую укажетъ сама судьба, сказалъ я: — напишите имена всѣхъ трехъ и бросьте въ шляпу....

— И прекрасно! замѣтилъ баронъ.

— Ну, такъ и быть! воскликнулъ лейтенантъ.

Я написалъ имена трехъ невольницъ, свернулъ каждую бумажку въ трубочку и положилъ ихъ въ шляпу. Баронъ вынулъ одну изъ бумажекъ и провозгласилъ имя Мэнгитты.

— Ну, довольны ли вы? спросилъ онъ.

— Сознаюсь, я предпочитаю ее двумъ другимъ, отвѣчалъ лейтенантъ.

— Такъ отнесите скорѣй 250 фр. ея хозяину, возмите ее и... ѣдемъ.

Наконецъ мы выѣхали. Мэнгитта была посажена на спину одного изъ верблюдовъ, которые везли нашу провизію. Она, казалось, съ горестью оставила Гарею. Во все время пути П*** за-

ботливо ухаживалъ за нею. Онъ далъ ей свой плащь, чтобы она не простудилась ночью, кормилъ ее всѣмъ, чтó было съ нами лучшаго.

— Вы увидите, говорилъ онъ: — что съ моей простой негритянкой я буду счастливѣе, чѣмъ г. С*** съ своей жолтой султаншей.

— Очень можетъ быть.

— Я дамъ ей свободу.

— Прежде надобно увѣриться въ ея привязанности.

— Она меня обожаетъ. С*** ошибается: негритянки очень любятъ бѣлыхъ.

— Желаю, чтобы ваши слова исполнились, но полагаю, что ни негритянки, ни синьяры не могутъ составить счастіе европейца.

— А вотъ подождите... сами захотите купить невольницу....

— Не знаю....

— Капитанъ С***, увѣдомленный о нашемъ возвращеніи, ожидалъ насъ на пристани.

— Наконецъ вы-таки осуществили свой капризъ, лейтенантъ, вскричалъ капитанъ, увидавъ П*** съ негритянкой.

— А вамъ досадно! отвѣчалъ лейтенантъ.

— Возьмите ее подъ ручку, сказалъ С***

— Напрасно, капитанъ, вы теряете по пустякамъ время.... Спѣшите домой, а то Жорджіана посадитъ васъ подъ арестъ.

Гордая Жорджіана, узнавъ о томъ, что лейтенантъ взялъ къ себѣ въ домъ негритянку, запретила мужу ходить къ нему, и съ тѣхъ поръ друзья перестали видѣться.

Сенегальскіе мулаты вообще очень надменны и презираютъ негровъ. Если ихъ мать негритянка, то они запираютъ ее въ какую-нибудь лачужку, запрещаютъ ей выходить, никогда не входятъ къ ней и едва даютъ ей чѣмъ жить.

Добрый П*** не мало тѣшилъ меня, разсказывая мнѣ о быстрыхъ успѣхахъ Мэнгитты и о счастливой будущности, на которую онъ вполнѣ надѣялся. Впрочемъ я самъ удивлялся привязанности, которую имѣла къ нему негритянка и думалъ, что онѣ дѣйствительно могутъ искренно любить европейцевъ.

Черезъ мѣсяцъ П*** далъ свободу своей милой невольницѣ, и мы собрались къ нему торжествовать это пріятное для него событіе. Шампанское лилось рѣкой.

— Да здравствуетъ негритянка! закричалъ Г*** поднимая кверху свой стаканъ.

— Да погибнутъ мулатки! кричали мы хоромъ.

Въ эту минуту капитанъ С***, въ парадномъ мундирѣ, вошелъ въ комнату.

— О, какъ я радъ вамъ, любезный капитанъ.

— Я зашелъ поздравить васъ съ благодѣяніемъ, которое вы оказали человѣчеству.

— Что́ такое, капитанъ?

— Вѣдь вы дали свободу вашей невольницѣ?

— Да....

— Я читалъ актъ.

— Читали?...

— Я охотился за рѣкой; вдругъ мимо меня пробѣгаетъ негритянка. Куда ты? спросилъ я. — Въ Горею. — Зачѣмъ такъ далеко? — Къ моему возлюбленному Амеди. Я теперь свободна. Вотъ мои бумаги. — Я прочелъ: негритянка называлась Маргиттой, освободитель былъ лейтенантъ П***. Понимаете теперь....

— Вы очень некстати шутите капитанъ: Маргитта была здѣсь сію минуту.

— Извините, я вовсе не шучу.... Я очень радъ этому событію, потому-что оно возвращаетъ мнѣ лучшаго изъ моихъ друзей, моего милаго П***.

Къ величайшему моему удивленію капитанъ вовсе не хотѣлъ шутить надъ бѣднымъ лейтенантомъ; напротивъ, онъ принялъ сильнѣйшее участіе въ его горѣ.

Впрочемъ въ это время характеръ С*** совершенно измѣнился. Его милая веселость исчезла, онъ сдѣлался задумчивъ, скученъ, даже какъ-то особенно набоженъ.

Однажды утромъ онъ въ смущеніи вошелъ ко мнѣ.

— Завтра я ѣду въ Дагану, сказалъ онъ

— Я тоже получилъ приказаніе отправиться туда, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ ѣдемте вмѣстѣ.

— Очень радъ. Вы зачѣмъ ѣдете въ Дагану?

— Везу жалованье гарнизону: вѣдь я казначей.

Капитанъ произнесъ эти слова такимъ печальнымъ тономъ, что я невольно вздрогнулъ.

— Вамъ вѣрно грустно разстаться съ женой?

— Я беру ее съ собою.

На утро мы сѣли на небольшой брикъ и пустились по Сенегалу, сопутствуемые благопріятнымъ вѣтромъ.

С*** говорилъ мало, а между тѣмъ казалось, что онъ очень хотѣлъ мнѣ сообщить какую-то тайну. За обѣдомъ капитанъ предложилъ намъ нѣсколько бутылокъ шампанскаго. Я думалъ, что вино развеселитъ его, но онъ сдѣлался еще пасмурнѣе. Долго ходили мы по палубѣ. Я хотѣлъ уже пойти въ каюту, какъ С*** удержалъ меня. Я остался, надѣясь, что наконецъ онъ выскажется, потому-что, по всему было видно, что ему хотѣлось говорить; но онъ молчалъ. Наконецъ я рѣшился оставить его. Онъ схватилъ меня за руки, сжалъ крѣпко, и я чувствовалъ, какъ его руки дрожали.

— Вы уходите, сказалъ онъ: — о, да, пора.... добрая ночь, другъ мой.... Я тоже пойду спать.... до свиданія....

Я оставилъ капитана съ страшнымъ безпокойствомъ, сонъ убѣгалъ отъ глазъ моихъ, какъ вдругъ я услыхалъ крики на палубѣ.

Я выбѣжалъ на верхъ.

— Что́ такое случилось?

— Тигръ

— Гдѣ?

— Былъ здѣсь и спрыгнулъ въ воду.

— С***! вскричалъ я: — вставайте, на насъ нападаютъ тигры!

Я нѣсколько разъ повторилъ мой зовъ. Капитанъ не отвѣчалъ; я бросился въ его каюту: мулатка одна лежала на постелѣ и спала глубокимъ сномъ. Я подбѣжалъ къ столу, на которомъ стояла зажженная лампа. На столѣ лежало письмо, адресованое на мое имя. Я съ безпокойствомъ сорвалъ печать и прочелъ слѣдующее:

«Любезный другъ,

«Я совершилъ великое преступленіе, котораго не могу пережить. Увлеченный любовью къ женщинѣ, которая быть можетъ была вовсе недостойна ея, я употребилъ во зло довѣріе ко мнѣ правительства и обезчестилъ мое офицерское званіе.

«Быть можетъ Богъ проститъ мнѣ, потому-что безумная страсть овладѣла моимъ разсудкомъ и заглушила во мнѣ совѣсть. Мнѣ такъ

стыдно было исполнять всѣ желанія, всѣ малѣйшія прихоти Жорджіаны! Конечно мои издержки удивляли васъ. Убѣжденные въ моей честности, вы не могли предполагать, что я обкрадывалъ ввѣренную мнѣ казну. Я все еще думалъ пополнить ее, но скоро увидалъ невозможность этого, и совѣсть во мнѣ проснулась. Я часто былъ готовъ повѣрить вамъ и моимъ друзьямъ страшную тайну и просить у васъ помощи, но не могъ побѣдить моего стыда и предпочелъ лучше умереть, чѣмъ жить обезчещеннымъ. Конечно, какъ преступникъ, я не заслуживаю никакого сожалѣнія, но надѣюсь, что для чести всей арміи вы спасете мое достоинство.

«Умоляю васъ, просите моихъ товарищей и покройте мое преступленіе. Убѣжденный въ вашемъ великодушіи, я умираю спокойно. Однакожь мнѣ жалко покинуть жизнь! Умереть, не увидавъ еще разъ Франціи, моей матери, сестеръ! о, какъ это ужасно.

«Простите, я не долженъ отступать передъ смертію; я заслужилъ эту казнь».

На другой день послѣ самоубійства капитана, мы нашли его тѣло, вырыли на берегу могилу и поставили надъ ней простой деревянный крестъ.

Жорджіана равнодушно смотрѣла на грустныя похороны несчастливца и не пролила ни одной слезы о человѣкѣ, который ею же самой доведенъ былъ до самоубійства. Друзья покойнаго помогли мнѣ, и преступленіе капитана было скрыто. Память его осталась чистой и уважаемой.

XII.

ПЛАВАНІЕ ПО СЕНЕГАЛУ. — МАВРСКІЙ ЛАГЕРЬ. — ЯЩЕРИЦЫ, ХАМЕЛЕОНЫ И КРОКОДИЛЫ.

Исполнивъ послѣднюю волю капитана С***, я продолжалъ мое путешествіе въ Дагану. Безпрерывныя развлеченія скоро разсѣяли мою грусть.

И трудно было не развлечься въ этой чудной, очаровательной странѣ, полной жизни, полной таинственности.

Утромъ васъ поражаютъ несмѣтныя тучи птицъ, которыя своимъ пѣніемъ привѣтствуютъ восхожденіе солнца. До разсвѣта всѣ онѣ покоятся на водѣ и почти совершенно покрываютъ собою поверхность рѣки, такъ-что наша шлюпка разсѣявала ихъ какъ пѣну....

Въ полдень путешественники выходятъ на берегъ, укрываются подъ густымъ пологомъ широколиственныхъ деревьевъ. Тысячи птичекъ съ золотистыми разноцвѣтными перьями порхаютъ надъ вашей головою, группы обезьянъ сбѣгаются со всѣхъ сторонъ и играютъ, не боясь путешественниковъ. Нѣкоторые храбрецы изъ нихъ стараются украсть у васъ что-нибудь изъ вещей и спасаются бѣгствомъ. Тогда всѣ другія начинаютъ кричать вслѣдъ убѣгающей, вѣроятно въ знакъ одобренія.

Ихъ поймать очень легко: стоитъ только сдѣлать небольшое отверстіе въ кокосовомъ орѣхѣ и насыпать въ него какихъ-нибудь зеренъ или положить нѣсколько кусочковъ хлѣба и привязать орѣхъ къ дереву. Обезьяна просовываетъ лапу въ отверстіе, захватываетъ въ горсть зерна и уже не можетъ вынуть назадъ лапы. Она начинаетъ вертѣться, визжать и никакъ не думаетъ опустить добычу, чтобы удобнѣе вынуть лапу.

Ночное плаваніе по Сенегалу не такъ пріятно. Едва только послѣдніе лучи солнца исчезнутъ, совы и другія ночныя птицы начинаютъ свой похоронный концертъ. Черезъ нѣсколько минутъ вы слышите мяуканье гіенъ и зловѣщіе крики голодныхъ тигровъ и другихъ кровожадныхъ животныхъ. Каждую минуту я прислушивался съ безпокойствомъ къ этому грустному вою. Мнѣ безпрестанно казалось, что волны зашумѣли и цѣлыя стаи хищныхъ звѣрей плывутъ къ нашей шлюпкѣ. Около полночи вдругъ все притихло.

— Что̀ значитъ это внезапное спокойствіе?

— Слушай! отвѣчали мнѣ гребцы.

Я дѣйствительно услыхалъ глухой отдаленный ревъ.

— Это *гунъ-дей* (левъ). *Буки* (гіены) боятся своего властелина, и потому замолчали.

Негры любятъ львовъ за ихъ мужественный нравъ и напротивъ презираютъ гіенъ, которыя вырываютъ трупы изъ могилъ.

Скоро ревъ льва умолкъ, и гіены снова начали свой концертъ.

На другой день мы остановились въ маврскомъ лагерѣ, который расположился на правомъ берегу Сенегала. Гостепріимство этого пастушескаго племени напомнило мнѣ времена Авраама. Когда я сошелъ на берегъ, меня встрѣтили молодыя дѣвушки; онѣ отерли своими длинными кудрями потъ съ лица моего и, взявъ меня подъ руки, повели какъ брата.

Въ лагерѣ все дышало какой-то дивной простотой древнихъ временъ. На вѣтвяхъ деревъ были прикрѣплены изъ древесной коры люльки, и вѣтеръ убаюкивалъ младенцевъ, которые въ нихъ покоились. Старики, собравшись въ кружокъ, читали коранъ, молодые люди упражнялись въ гимнастическихъ играхъ, боролись, бросали копья.

Я оставилъ лагерь съ сердцемъ, полнымъ самыхъ сладкихъ впечатлѣній, поцѣловавъ при прощаньи милыхъ дѣвушекъ, которыя ухаживали за мной какъ за роднымъ.

На другой день я остановился обѣдать въ одной деревенькѣ, населенной негритянскимъ племенемъ, совершенно похожимъ на негровъ Сенъ-Луи.

Едва только я расположился было утолить мой голодъ, какъ вдругъ изъ кустарниковъ выползло нѣсколько огромныхъ животныхъ, похожихъ на крокодиловъ, отъ четырехъ до пяти футовъ длиною. Я было бросился бѣжать, но негры со смѣхомъ остановили меня и сказали мнѣ, что ихъ нѣчего бояться. И въ самомъ дѣлѣ ребятишки тотчасъ же бросились на этихъ ящерицъ, стали играть съ ними, садились на нихъ верхомъ, таскали ихъ за хвостъ, съ той же смѣлостью, съ какой маленькіе европейцы таскаютъ самыхъ смирныхъ кошекъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ ящерицъ подползали ко мнѣ, слѣдили взглядомъ, какъ я клалъ въ ротъ пищу и какъ-будто просили удѣлить и имъ частицу моего обѣда. Нѣсколько успокоившись, я сталъ имъ бросать куски хлѣба, которые они ловили съ удивительной ловкостью.

— Отчего вы ихъ не убиваете? спросилъ я у негровъ: — они должны быть опасны.

— Нѣтъ, они вовсе не опасны, и притомъ Богъ любитъ ихъ, и они только и посѣщаютъ селенія, благословенныя Богомъ.

Послѣ этого мнѣ показалось страннымъ, что негры страшно боятся безобидныхъ хамелеоновъ. Эти животныя очень походятъ на нашихъ ящерицъ, но они имѣютъ способность перемѣнять свой цвѣтъ; надо очень близко подойти къ нимъ, чтобъ отличить ихъ отъ дерева, на которомъ они сидятъ. Движенія хамелеона чрезвычайно медленны, и потому его очень легко поймать; стоитъ только замѣтить. Натуралисты утверждаютъ, что эти животныя могутъ жить по нѣскольку лѣтъ безъ пищи.... Я очень уважаю мнѣнія ученыхъ, но не могу не соз-

наться, что изъ двухъ хамелеоновъ, которыхъ я посадилъ въ клѣтку и оставилъ безъ пищи, одинъ скоро околѣлъ, а другой послѣ двухъ недѣль сдѣлался очень худъ и едва двигался, такъ что мнѣ стало его жалко, и я посадилъ его на дерево, съ котораго снялъ.

Въ плаванie мое по Сенегалу, я коротко ознакомился съ крокодилами. То они выставляютъ свои головы на берегъ, то плещутся на поверхности рѣки. Эти животныя въ водѣ гораздо опаснѣе, чѣмъ на сушѣ. На землѣ крокодилъ движется медленно, и отъ него легко ускользнуть, если бѣжать не прямо. Напротивъ на водѣ, онъ плаваетъ съ удивительной быстротой. Сила ихъ чрезвычайна, и потому они не боятся нападать на самыхъ сильныхъ животныхъ, схватываютъ свою жертву за ногу и стараются втащить въ воду, чтобы утопить. Если животное слишкомъ тяжело или отважно защищается, крокодилъ тотчасъ бросаетъ свою добычу.

Негры однакожь не боятся крокодиловъ. Совершенно убѣжденные въ свои талисманы, они смѣло плаваютъ по Сенегалу. Мнѣ даже случалось видѣть женщинъ, которыя съ грудными младенцами переплывали рѣку безъ страха.

Тѣмъ не менѣе смѣльчаки не рѣдко дѣлаются жертвами своихъ фанатическихъ вѣрованiй.

XIII.

ДАГАНА. — КНЯЗЬ ФАРА И ЕГО ДОЧЬ. — СЛОНЪ. — КОРОЛЬ АМЕДУ. — ЛЬВИНАЯ ОХОТА.

Дагана — небольшая французская крѣпостца на берегу Сенегала, въ сорока пяти миляхъ отъ устья.

У самой Даганы лежитъ негритянское селенie, заключающее въ себѣ до трехъ тысячъ жителей. Въ мое пребыванie, тамъ начальствовалъ князь Фара, извѣстный своей мудростю и храбростью.

Я пошелъ навѣстить князя.

Онъ встрѣтилъ меня со всѣми церемонiями той страны и посадилъ на лавку, покрытую рогожей.

Черезъ нѣсколько минутъ около насъ раздались громкіе крики и звонкій женскій смѣхъ. Фара сказалъ мнѣ, что это была Гаисата, дочь его, возвращавшаяся съ прогулки.

Молодая, стройная, пылкая дѣвушка вдругъ вбѣжала къ отцу, но, увидавъ меня, робко остановилась.

По приказанію отца, Гаисата подошла ко мнѣ и привѣтствовала меня по тамошнему обычаю.

— Вотъ единственное дитя мое, сказалъ Фара: — всѣ сыновья мои убиты или попали въ плѣнъ.... Моя милая Гаисата тоже подвергала жизнь свою множеству опасностей, но, кажется, небо сжалилось надо мной и хранитъ ее для меня. Еще въ послѣднюю войну мою, когда непріятель вступилъ въ наше селеніе, Гаисата тоже бросилась въ ряды враговъ и своей слабой рукой положила на мѣстѣ ихъ начальника, который занесъ было на меня свою дубину.... Ей мы обязаны побѣдой.

Я часто приходилъ къ Фарѣ и отправлялся гулять съ Гаисатой.

Несмотря на превосходство моего оружія, она убивала гораздо болѣе дичи, чѣмъ я. Когда мнѣ случалось промахнуться по куропаткѣ или тетеркѣ, Гаисата бросала свое копье и пронзала насквозь бѣдную птицу.

Проходя по густымъ лѣсамъ, Гаисата обыкновенно подавала мнѣ руку. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на темныя норы, служившія жилищемъ гіенъ или пантеръ. Гаисата смѣялась надъ моимъ страхомъ, становилась на колѣни и просовывала свою голову въ нору и шевелила въ ней копьемъ.

Однажды изъ норы выскочилъ тигръ. Я испугался, однакожь мѣтко попалъ въ животное и положилъ его на мѣстѣ. Я хотѣлъ было побранить княжну, какъ вдругъ маленькій тигренокъ выбѣжалъ изъ норы и бросился въ кусты. Гаисата бросила ему птицу, и когда тотъ поймалъ свою добычу, она смѣло ухватила его за шею и принесла мнѣ.

Однажды почти къ самой крѣпостцѣ подошелъ слонъ. Часовой выстрѣлилъ въ него картечью и разбилъ ему ногу. Огромное животное повалилось какъ снопъ, потрясая землю страшнымъ ревомъ. Однакожь его взять было невозможно, надо было выстрѣлить еще разъ. Гаисата схватила нѣсколько копій, подошла довольно близко къ слону и вонзила ихъ одно за другимъ въ чудовище. Несчастное животное испустило послѣдній стонъ

и околѣло. Со множествомъ маленькихъ копій, которыя торчали въ спинѣ и въ правомъ боку его, оно походило на ежа....

Я уже хотѣлъ оставить Дагану, какъ вдругъ Амèду, король браковъ, прислалъ ко мнѣ трехъ посланниковъ просить меня къ себѣ въ гости.

Мы сѣли на коней и пустились въ галопъ, переѣхали вплавь широкій и быстрый Сенегалъ и къ вечеру явились въ лагерѣ Амèду. Трое невольниковъ подсадили меня на руки и принесли къ королю.

Палатка Амеду стояла на вершинѣ холма. Около нея зажженъ былъ огромный костеръ цѣлыхъ деревьевъ, брошенныхъ одно на другое. Великолѣпна была эта иллюминація дикихъ. Чудовищный костеръ освѣщалъ окружность на огромное разстояніе.

Амèду подалъ мнѣ пальмоваго вина и кусокъ жареной собачины. Вино развеселило насъ обоихъ. Король началъ плясать и пѣть. Подданные, счасливые его радостью тоже веселились. Пляскамъ и пѣснямъ не было конца.

На другой день, Амèду предложилъ мнѣ ѣхать на львиную охоту. Негры начали приготовляться, надѣвали на себя талисманы и прощались съ женами и дѣтьми.

Выѣхавъ изъ лагеря, охотники стали на колѣни и просили Магомета даровать побѣду.

Когда мы въѣхали въ лѣсъ, я вскарабкался на дерево и оттуда хотѣлъ наблюдать за страшной битвой, которая предстояла охотникамъ.

Дойдя до львиной пещеры, охотники раздѣлились на двѣ колонны и окружили кустарникъ, покрывающій берлогу. Услышавъ шумъ, левъ выскочилъ изъ берлоги, хотѣлъ опрокинуть живую стѣну охотниковъ, но былъ отраженъ. Борьба завязалась. Получивъ сильную рану, царь лѣсовъ страшно заревѣлъ, запрыгалъ и въ бѣшенствѣ опрокидывалъ охотниковъ. Люди кричали, левъ издавалъ глухое рыканіе. Наконецъ ловкій ударъ дубиной повергъ его замертво на землю.

Охотники запѣли побѣдную пѣснь.

Я подбѣжалъ поздравить побѣдителей. Дорого заплатили они за торжество свое. Болѣе пятидесяти человѣкъ погибло и многіе были сильно ранены.

Когда мы воротились въ лагерь, родственники погибшихъ громкими рыданіями стали ихъ оплакивать.

Амеду велѣлъ имъ молчать, и все притихло.

XIV.

НАВОДНЕНІЕ. — О ТОМЪ, КАКЪ ЖИЗНЬ МОЯ БЫЛА ВЪ ОПАСНОСТИ. — БИТВА НЕГРОВЪ СЪ ДИКИМИ ЗВѢРЯМИ. — ОТДЫХЪ. — Я ВОЗВРАТИЛСЯ ВЪ СЕНЪ-ЛУИ.

Во время моего пребыванія въ *Даганѣ*, я былъ свидѣтелемъ одного изъ тѣхъ наводненій, которыя совершенно измѣняютъ видъ страны.

Тотчасъ послѣ лѣтняго солнцестоянія, воды Сенегала подымаются и разливаются на разстояніи десяти миль. Все это огромное пространство кажется безмѣрно-водной равниной, усѣянной селеніями и букетами зелени, которая *образуется* изъ верхушекъ высокихъ деревъ, которые кой-гдѣ возвышаются надъ водою и изъ-дали кажутся эскадрой, плывущей на всѣхъ парусахъ.

Птицы и звѣри спѣшатъ скрыться, думая найти убѣжище около стѣнъ нашихъ постовъ. Тигры, гіены, кабаны, газели въ безпорядкѣ плаваютъ около стѣнъ, испуская страшные крики. Негры садятся въ пироги и убиваютъ беззащитныхъ животныхъ....

Въ это страшное время, я имѣлъ крайнюю необходимость переѣхать изъ одного поста въ другой. Съ шестью гребцами, въ легкой пирогѣ, я предался провидѣнію и пустился въ путь. Прошло около двухъ дней, но мы никакъ не могли *добраться до Даганы*. Съ нами не было съѣстныхъ припасовъ. Я *спокойно ожидалъ* смерти, но негры пришли въ *совершенное* отчаяніе: намъ приходилось умирать *отъ* утомленія и *отъ голоду*. *Несмотря на* мои увѣщанія, негры въ бѣшенствѣ *обнажили свои кинжалы*, и черезъ минуту одинъ изъ нихъ упалъ *мертвый*. *Убійцы принялись* было ѣсть его, какъ вдругъ *услыхали отдаленный гулъ*.

— Алла-Толль! *закричали они*.

Я уже зналъ, что значитъ *это слово*, и *ужаснулся*. Алла Толль означаетъ то мѣсто, *которое* дикіе звѣри *избираютъ себѣ*

убѣжищемъ во время наводненія. Я угадалъ, что̀ хотятъ предпринять мои гребцы.

Дѣйствительно, мы скоро пріѣхали къ Алла-Толль.

Трудно описать страшную картину, которая представилась глазамъ моимъ.

Кабаны, гіены, тигры, пантеры съ страшнымъ ревомъ нападали одни на другихъ. Тысячи огромныхъ змѣй ползали около нихъ, обвивались около деревьевъ.

Подъѣхавъ къ берегу; мои негры выскочили изъ лодки, оттолкнули ее отъ берега и бросились въ средину хищныхъ животныхъ.

Каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ, что звѣри побѣжали отъ людей. Негры бросились вслѣдъ за ними. Страшна была эта битва, но люди восторжествовали. Усталые, они сѣли на облитую кровью землю и начали съ жадностью пожирать, что̀ ни попало. Насытившись почти живымъ мясомъ, упившись кровью, мои гребцы въ безчувственности уснули, позабывъ объ угрожавшей опасности.

Я провелъ страшную ночь — одинъ, въ моей легкой пиро̀гѣ. Дикіе звѣри вплавь достигали до меня; я отгонялъ ихъ саблей.

Утромъ негры взяли и меня на берегъ. Я наконецъ могъ утолить свой голодъ, изжаривъ себѣ кусокъ газели.

Гребцы мои наполнили пиро̀гу мясомъ лучшихъ животныхъ и похоронили своего убитаго товарища. Надъ его могилой они поставили наскоро сдѣланную лѣстницу, по которой душа покойнаго могла бы войти на небо.

Окончивъ этотъ обрядъ, мы пустились снова въ путь.

На мое счастье мы скоро встрѣтили пароходъ, и черезъ нѣсколько дней я воротился въ Сенъ-Луи.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА IV.

ЛЖЕДИМИТРІЙ.

Еще прежде убіиства Годуновыхъ, едва только вѣсть объ ихъ низложеніи достигла Лжедимитрія, какъ уже во всѣ концы Московскаго государства разосланы были отъ него грамоты съ извѣщеніемъ, что сынъ Грознаго признанъ царемъ въ Москвѣ, и съ требованіемъ, чтобъ другіе города слѣдовали примѣру столицы, — и они послѣдовали этому примѣру, нигдѣ не оказалось ни малѣйшаго сопротивленія: таково было сосредоточеніе сѣверо-восточныхъ русскихъ областей, совершенное московскими князьями! Всѣ области *тянули* къ Москвѣ, въ полномъ значеніи этого стариннаго слова; Москва одна рѣшала судьбу государства, что̀ не было однако дѣломъ насилія: послѣ увидимъ, что когда враги овладѣли Москвою, области напрягли всѣ силы для ея освобожденія, и тѣмъ доказали, какъ необходима она была для нихъ. Лжедимитрій писалъ въ города, что Богъ поручилъ ему Московское государство, что патріархъ Іовъ, духовенство и люди всѣхъ чиновъ, «узнавъ прирожденнаго государя своего, въ своихъ винахъ добили челомъ. И вы бъ — заключаетъ грамота — о нашей матери и о нашемъ многолѣтнемъ здоровьѣ по всѣмъ церквамъ велѣли Бога молить, и намъ служили и прямили во всемъ и того берегли накрѣпко,

чтобъ въ людяхъ шатости и убійства и грабежу не было, а о всякихъ дѣлахъ писали бы къ намъ» ([1]). Изъ послѣднихъ словъ видно, что Димитрій опасался сопротивленія въ областяхъ, колебанія нѣкоторой части народонаселенія и необходимаго отсюда междоусобія. Новый царь опасался также, чтобы въ такое смутное время отдаленныя области не воспользовались случаемъ и не освободили себя отъ государственныхъ повинностей: вотъ почему вслѣдъ за первою грамотою онъ отправилъ другую съ предписаніемъ не выпускать денегъ изъ казны, беречь ее накрѣпко и не позволять никакого замедленія въ сборахъ ([2]). Потомъ былъ разосланъ приказъ приводить народъ къ присягѣ ([3]). Присяга бралась, по установленной уже формѣ, на имя царицы Мареы Феодоровны и сына ея Димитріа: указаніемъ на мать царицу скрѣплялось право сына на престолъ. Присяжная запись Лжедимитрію гораздо кратче, умѣреннѣе, благоразумнѣе годуновской: въ ней нѣтъ исчисленія всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ посягновеній на особу царя, какое видѣли мы въ послѣдней; о Годуновыхъ сказано: «Съ измѣнниками, съ Феодкою Борисовымъ сыномъ Годуновымъ, и съ его матерью, и съ ихъ родствомъ, и съ совѣтниками, не ссылаться письмомъ и никакими мѣрами».

Въ Серпуховѣ узналъ Димитрій о гибели Годуновыхъ и двинулся впередъ къ столицѣ; подойдя къ ней, онъ еще остановился на нѣсколько дней въ селѣ Коломенскомъ, дабы узнать вѣрнѣе расположеніе умовъ въ городѣ, и свѣдавъ, что въ Москвѣ съ торжествомъ готовятся принять прирожденнаго государя, вступилъ въ нее 20 іюня 1605 года. На Лобномъ мѣстѣ духовенство встрѣтило царя съ крестами; благовѣщенскій протопопъ Терентій, въ витіеватой рѣчи, умолялъ его о помилованіи народа, по невѣдѣнію преступившаго клятву. «Когда слышимъ похвалы нашему преславному царю, говорилъ ораторъ, то разгараемся любовію къ произносящему эти похвалы; мы были воспитаны во тмѣ, и привлекли къ себѣ свѣтъ. Уподобляясь Богу, подвигнись принимать, благочестивѣйшій царь, наши мольбы, и не слушай людей, влагающихъ въ уши твои слухи неподобные, подвигающихъ тебя на гнѣвъ: ибо если кто явится тебѣ врагомъ, то Богъ будетъ тебѣ другомъ, Богъ, который освятилъ тебя въ утробѣ матерней, сохранилъ невидимою силою отъ всѣхъ враговъ, и устроилъ на престолѣ царскомъ; Богъ укрѣпилъ тебя и утвердилъ и поставилъ ноги твои на камнѣ своего основанія: кто можетъ тебя поколебать? Воздвигни милостивыя очи свои на насъ, пощади насъ, отврати

([1]) Акты арх. эксп. II, № 35; Собр. гос. гр. и дог. II, № 89.
([2]) Акты арх. эксп. II, № 36.
([3]) Тамъ же, № 38.

отъ насъ праведный гнѣвъ свой» (1). Любопытно, что въ этой рѣчи ораторъ не одинъ разъ упоминаетъ о людяхъ, которые хотятъ поссорить царя съ его народомъ: вѣроятно онъ разумѣлъ подъ этими людьми поляковъ, окружавшихъ Димитрія. Народу, и особенно духовенству, не могло быть пріятно, что около новаго царя тѣснились давніе враги русскаго имени, враги русской вѣры, которые, въ самый день въѣзда, успѣли уже оскорбить москвитянъ презрѣніемъ къ ихъ обрядамъ религіознымъ: когда царь слушалъ молебенъ на Лобномъ мѣстѣ, польскіе музыканты не переставали играть. Лѣтописецъ говоритъ, что въ день въѣзда нѣкоторые граждане узнали въ царѣ чудовскаго монаха, но не смѣли объявить громко о своемъ открытіи (2); и въ самомъ дѣлѣ, кто бы послушалъ ихъ, когда въ тотъ же день Богданъ Бѣльскій, которому порученъ былъ надзоръ за младенцемъ Димитріемъ, и который слѣдовательно болѣе другихъ могъ знать истину, явился на Лобномъ мѣстѣ, славилъ Бога за спасеніе государя и убѣждалъ москвитянъ быть вѣрными новому царю (3). Послѣднему оставалось освятить свое торжество царскимъ вѣнчаніемъ, но русская церковь не имѣла тогда патріарха; на мѣсто свергнутаго Іова былъ возведенъ архіепископъ рязанскій Игнатій, родомъ грекъ, прежде бывшій архіепископъ кипрскій, пришедшій въ Россію при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ. Когда Димитрій былъ въ Тулѣ, Игнатій, къ епархіи котораго принадлежалъ этотъ городъ, встрѣтилъ царя, признаваемаго всѣми за истиннаго сына Ивана Грознаго: за это онъ получилъ сперва патріаршеское достоинство, за это же послѣ свергнутъ, какъ еретикъ, и осыпанъ укорами отъ современниковъ и потомковъ. Новый патріархъ разослалъ по всѣмъ областямъ грамоты съ извѣщеніемъ о восшествіи Димитрія на престолъ, о возведеніи его, Игнатія, въ патріаршеское достоинство, по царскому изволенію, при чемъ предписывалъ молиться за царя и царицу-мать, между прочимъ: «возвысилъ бы Господь Богъ ихъ царскую десницу надъ латинствомъ и бесерменствомъ» (4).

Но прежде еще царскаго вѣнчанія, Димитрію нужно было, для народнаго и собственнаго удостовѣренія, свидѣться съ матерью и возвратить ей царскія почести: мы видѣли, что присяга была взята на ея имя. Великій мечникъ (новое званіе, учрежденное Димитріемъ)

(1) Акты арх. эксп. II, № 224.

(2) Никон. VIII, 70, 71. Быть можетъ нѣкоторые спросятъ: почему Лжедимитрій не объявилъ прямо, что онъ извѣстное время скрывался подъ монашескою рясою? — Онъ не могъ этого сдѣлать, боясь соблазна: народъ не могъ бы съ удовольствіемъ видѣть на престолѣ разстригу, хотя и сына Грознаго.

(3) Москов. хрон. стр. 61.

(4) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 92.

князь Михайло Васильевичь Скопинъ-Шуйскій былъ посланъ за инокинею Мареою Федоровною и привезть ее въ Москву; царь встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ и имѣлъ съ нею свиданіе наединѣ, въ шатрѣ, раскинутомъ близь большой дороги. Мареа, по свидѣтельству одного иностранца (¹), очень искусно представляла нѣжную мать. Здѣсь мы должны сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія насчетъ этого явленія. По убіеніи Лжедимитрія, новый царь, Василій Ивановичь Шуйскій, разослалъ грамоты отъ имени царицы Мареы, въ которыхъ она отрекалась отъ Лжедимитрія: по словамъ грамоты, онъ «вѣдовствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя сыномъ Царя Ивана Васильевича, и омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшѣ и Литвѣ многихъ людей, и насъ самихъ (Мареу) и родителей нашихъ устрашилъ смертію; а язъ боярамъ и дворяномъ и всѣмъ людемъ о томъ объявляла прежъ сего тайно, а нынѣ всѣмъ явно, что онъ не нашъ сынъ царевичь Дмитрей, воръ, богоотступникъ, еретикъ.... а какъ онъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ пріѣхалъ изъ Путивля къ Москвѣ, и онъ, вѣдая свое воровство, по насъ не посылалъ многое время, а присылалъ къ намъ *своихъ совѣтниковъ, и велѣлъ того беречи накрѣпко, чтобы къ намъ никто не приходилъ, и съ нами бъ объ немъ никто не разговаривалъ*; а какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и иныхъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеньемъ, чтобъ мнѣ его не обличити, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убійствомъ, чтобъ намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злыя смерти не навести, и посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мнѣ потомужъ *своихъ совѣтниковъ*, и остерегати того велѣлъ накрѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я, для его пристрастья, объявити въ народѣ его воровство явно не смѣла» (²). — Мареа говоритъ, или за нее говорятъ, что Лжедимитрій присылалъ за нею своихъ совѣтниковъ, но кого именно, объ этомъ ни слова, тогда какъ это всего важнѣе: кто были именно совѣтники Лжедимитріевы, которые знали объ его самозванствѣ и между тѣмъ дѣйствовали въ его пользу? или этихъ совѣтниковъ не существовало вовсе, а если существовали, то теперь были такъ могущественны, что именъ ихъ нельзя было открыть народу; намъ извѣстно только то, что Димитрій посылалъ за Мареою князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго!!! Слѣдовательно, Скопинъ былъ главнымъ изъ этихъ совѣтниковъ Лжедимитрія, которому приказано было беречь накрѣпко, чтобъ къ Мареѣ никто не приходилъ и не разговаривалъ

(¹) Москов. хрон. стр. 6?.

(²) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 146.

съ нею о царѣ... Далѣе Мареа говоритъ, что по пріѣздѣ ея въ Москву Лжедимитрій посадилъ ее въ монастырь и приставилъ къ ней своихъ совѣтниковъ, и опять молчитъ, кто были эти совѣтники.

Черезъ три дня по пріѣздѣ матери, Лжедимитрій вѣнчался на царство; это торжество, по обыкновенію, было ознаменовано милостями: Нагіе — мнимые родственники царя, - Романовы и другіе вельможи, потерпѣвшіе гоненія отъ Бориса, были призваны ко двору; старецъ Филаретъ Никитичъ Романовъ посвященъ въ санъ ростовскаго митрополита, жена же его съ сыномъ остались жить въ костромскомъ ипатьевскомъ монастырѣ (построенномъ предками Годунова). Бывшій царь касимовскій и великій князь тверской, Симеонъ былъ также вызванъ изъ ссылки и явился при дворѣ съ прежнею честію: сынъ Ивана Грознаго не боялся его совмѣстничества, какъ боялся бояринъ Годуновъ; не боялся онъ и родственниковъ послѣдняго, и не хотѣлъ мстить имъ: Годуновы остались при воеводскихъ мѣстахъ. Думу новаго царя составили четыре разряда сановниковъ: 1) сановники духовные: патріархъ, четыре митрополита, семь архіепископовъ и три епископа; вѣроятно духовные члены думы должны были являться въ нее только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, потому-что нельзя же было навсегда отлучить ихъ отъ епархій. 2) Бояре; изъ нихъ первое мѣсто занималъ князь Өедоръ Ивановичъ Мстиславскій, за нимъ слѣдовали братья Василій и Димитрій Ивановичи Шуйскіе; четвертое мѣсто занималъ мнимый дядя царя, конюшій Михайла Өедоровичъ Нагой; восемнадцатое Петръ Өедоровичъ Басмановъ, двадцать пятое Иванъ Никитичъ Романовъ, двадцать девятое Бѣльскій и послѣднее князь Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. 3) Окольничіе, между которыми съ удивленіемъ видимъ дьяковъ — Василія Щелкалова и Аөанасія Власьева. 4) Думные дворяне (¹).

Не проходило дня, когда бы Димитрій не присутствовалъ въ думѣ. Иногда слушая долговременныя, безплодныя пренія членовъ, онъ смѣялся и говорилъ: «Столько часовъ вы разсуждаете, а все безъ толку! Такъ я вамъ скажу: дѣло вотъ въ чемъ'» — и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ такія дѣла, надъ которыми сановитые бояре сильно призадумывались. Онъ былъ краснорѣчивъ, любилъ приводить примѣры изъ исторіи разныхъ народовъ или разсказывать случаи собственной жизни; нерѣдко, впрочемъ всегда ласково, упрекалъ членовъ думы въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились; обѣщалъ дозволить имъ посѣщать чужія земли, гдѣ могли бы они хотя нѣсколько образоваться. Димитрій велѣлъ объявить народу, что два раза въ недѣлю, по середамъ и субботамъ,

(¹) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 93.

будетъ самъ принимать на крыльцѣ челобитья, а для облегченія бѣдныхъ, изнуряемыхъ долговременными и дорого стоющими тяжбами, предписалъ приказамъ рѣшать дѣла безъ всякихъ посуловъ; какъ русскимъ, такъ и чужеземцамъ, далъ свободу въ торговлѣ и промышленности (¹). Есть извѣстіе, будто на совѣтъ приближенныхъ къ себѣ поляковъ о предпринятіи строгихъ мѣръ противъ подозрительныхъ людей, Димитрій отвѣчалъ, что онъ прежде далъ обѣтъ Богу не проливать христіанской крови, что есть два средства удерживать подданныхъ въ повиновеніи: одно — быть мучителемъ, другое — расточать награды, не жалѣя ничего, и что онъ избралъ послѣднее. Такъ онъ велѣлъ заплатить всѣ тѣ суммы, которыя были взяты еще при Грозномъ въ видѣ государственнаго займа, и не отданы; жалованье служилымъ людямъ было удвоено (²); духовенству подтверждены старыя жалованныя грамоты и даны новыя (³); мало того, Димитрій послалъ на триста рублей соболей во Львовъ для сооруженія тамъ православной церкви, при чемъ въ грамотѣ къ тамошнему духовенству пишетъ: «Видя васъ несумнѣнныхъ и непоколебимыхъ въ нашей истинной правой христіанской вѣрѣ Греческаго закона, мы послали къ вамъ отъ нашей царской казны» и проч. (⁴). Касательно низшихъ состояній въ правленіе Димитрія сдѣланы два слѣдующія распоряженія: во первыхъ, запрещено брать кабалы на холопство отцу вмѣстѣ съ сыномъ, брату съ братомъ и дядѣ съ племянникомъ (⁵). Второй замѣчательный боярскій приговоръ касается бѣглыхъ крестьянъ (⁶) и состоитъ въ слѣдующемъ: если землевладѣлецъ будетъ бить челомъ на крестьянъ, сбѣжавшихъ съ его земли за годъ до бывшаго голода, то ихъ велѣно сыскивать и отдавать старымъ землевладѣльцамъ. Если крестьяне бѣжали къ другимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ въ голо-

(¹) [illegible] хрон. стр. 62, Акты ист. II, № 56.

(²) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 121.

(³) Акты истории. II, №№ 58, 59, 60, 64, 347; Акты арх. эксп. II, № 42; Собр. Мухан. № 118, 138, 139.

(⁴) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 130.

(⁵) Акты истор. II, № 63. «Приговорили бояре: которые дѣти боярскіе, и приказные люди, и гости и торговые всякіе люди, учнутъ имати на людей кабалы и на кабалахъ напишутъ, занялъ у него да у сына его денги в кабалу [illegible] отцу съ сыномъ, писати и въ книги записывати [illegible] писати кабалы порознь, отцу опрочная кабала, а сыну опрочная кабала, и сыну съ отцомъ, и брату съ братомъ, и дядѣ съ племянни[illegible] на одной кабалѣ писати и въ книги записывати не велѣти. А которые люди [illegible] съ сыномъ, или братъ съ братомъ, на которыхъ людей, по служилымъ кабаламъ, учнутъ холопства искати, и тѣмъ истцомъ по тѣмъ кабаламъ [illegible] и тѣхъ людей, на кого они кабалы положатъ, освободити отъ нихъ [illegible]

(⁶) Акты арх. эксп. II, № 40.

дные годы, но съ имуществомъ, которымъ прокормиться имъ было можно, такихъ велѣно было также сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Если крестьяне бѣжали далеко, напр. изъ подмосковныхъ городовъ на Украйну, и обратно, и пошли отъ старыхъ помѣщиковъ съ имѣніемъ, но растерали его дорогою и пришли къ другимъ помѣщикамъ въ бѣдности, про такихъ велѣно было спрашивать окольныхъ людей стараго помѣстья, и если окольные люди скажутъ, что крестьянинъ былъ прежде не бѣденъ и сбѣжалъ отъ помѣщика или вотчинника съ имѣніемъ, достаточнымъ для прокормленія, въ такомъ случаѣ бѣглеца отдать прежнему помѣщику или вотчиннику; если же окольные люди скажутъ, что крестьянинъ бѣжалъ отъ помѣщика въ голодные годы, отъ бѣдности, нѣчѣмъ было ему прокормиться, въ этомъ случаѣ бѣглецу жить за тѣмъ, кто кормилъ его въ голодные годы, а истцу отказать: «не умѣлъ онъ крестьянина своего кормить въ тѣ голодныя лѣта, а нынѣ его не пытай». — Если крестьяне, въ голодные годы, перешли въ холопы къ своимъ или стороннимъ помѣщикамъ или вотчинникамъ и дали на себя служилыя кабалы, а потомъ старые помѣщики или вотчинники станутъ ихъ опять вытягивать къ себѣ въ крестьяне, въ такомъ случаѣ сыскивать накрѣпко: «будетъ сошелъ отъ бѣдности и животовъ у него не было ничего, и тѣмъ истцамъ отказывать: въ голодныя лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокормить его не умѣлъ, а собою ему прокормиться не въ мочь, и отъ бѣдности, не хотя голодною смертью умереть, билъ челомъ въ холопи, а тотъ его принялъ, въ голодные годы прокормилъ и себя истощилъ, проча себѣ, и нынѣ того крестьянина изъ холопства въ крестьяне не отдавать, а быть ему у того, кто его въ голодныя лѣта прокормилъ, *а не отъ самыя бы нужи въ холопи онъ не пошелъ*». Это выраженіе показываетъ большую разницу, существовавшую между состояніемъ холопей и крестьянъ, при чемъ послѣднее было несравненно лучше, выгоднѣе перваго: крестьянинъ былъ относительно человѣкъ вольный и хозяинъ самостоятельный, онъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, но не былъ слугою помѣщика или вотчинника. Димитрію, при его положеніи, совершенно невозможно было возстановить по прежнему Юрьевъ день: это повело бы къ сильнымъ волненіямъ и безпорядкамъ, при чемъ военное, служилое сословіе, въ которомъ царь имѣлъ такую нужду, затѣвая борьбу съ турками, могло не явиться подъ знамена, отозвавшись опустѣніемъ помѣстій, покинутыхъ крестьянами; до новаго, лучшаго военнаго устройства нельзя было и думать о перемѣнѣ годуновскаго закона; правительство могло только убѣждать помѣщиковъ и вотчинниковъ въ томъ, что ихъ собственныя выгоды тѣсно связаны съ благосостояніемъ крестьянъ, у нихъ живущихъ, — что землевладѣ-

лецъ, отказавшійся помочь крестьянину въ нуждѣ, прокормить его во время голода, лишается всякаго на него права. — Далѣе въ приговорѣ сказано: если кабальный человѣкъ станетъ оттягиваться, будетъ говорить, что помѣщикъ взялъ его во дворъ съ пашни насильно, а ему прокормиться было нѣчѣмъ, въ такомъ случаѣ сыскивать по крѣпостямъ: если крѣпости будутъ записаны въ книги, въ Москвѣ или другихъ городахъ, то холопъ утверждается за господиномъ, потому-что если бы кабала была взята насильно, то крестьянинъ долженъ бить челомъ у записки: если же кабалы въ книги не записаны, то тѣмъ и вѣрить нечего. Если же крестьяне бѣжали за годъ до голоду или годъ спустя послѣ него, такихъ сыскивать и отдавать прежнимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, въ случаѣ же спора давать судъ; равно, если крестьяне пошли въ холопы до голода, то обращать ихъ снова въ крестьянство. Приговоръ заключается подтвержденіемъ стараго указа: на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ суда не давать. — Милости новаго царя достигли и отдаленныхъ остяковъ: притѣсненные верхотурскими сборщиками ясака, остяки просили царя, чтобъ велѣлъ сбирать съ нихъ ясакъ по-прежнему, изъ Перми Великой; Димитрій сдѣлалъ болѣе: онъ освободилъ ихъ совершенно отъ сборщиковъ, приказавъ самимъ отвозить ясакъ въ Верхотурье (¹).

Окончательно убѣжденный въ своемъ царственномъ происхожденіи радушнымъ пріемомъ и ликованіемъ народа, Димитрій отпустилъ польское войско, выдавъ должное ему за походъ жалованье; но этотъ сбродъ, привыкшій жить и у себя на чужой счетъ, хотѣлъ подолѣе повеселиться на счетъ царя московскаго: взявши деньги, поляки остались въ Москвѣ, начали держать по десяти слугъ, нашили имъ дорогого платья, а пропировавши и проигравши все, снова обратились къ царю съ просьбами; когда же тотъ отказалъ имъ, они возвратились въ отечество, громко жалуясь на неблагодарность Димитрія (²).

Но дѣйствуя такимъ образомъ на поприще правительственномъ, Димитрій хотѣлъ быть свободенъ въ своей частной жизни, слѣдовать привычкамъ, полученнымъ на чужбинѣ, во время жизни страннической, исполненной опасностями всякаго рода; съ такими привычками, и еще болѣе съ природою, склонною къ такимъ привычкамъ, природою пылкою, страстною, легко увлекающеюся и дѣятельною, Димитрій не могъ подчиняться обычаямъ тогдашняго московскаго двора; кромѣ того, при дворѣ Сигизмунда и при маленькихъ дворахъ польскихъ магнатовъ онъ не могъ не прельститься роскошными, привлечивы-

(¹) Акты истор II, № 62.
(²) Собр. гос. гр. и дог. II, № 121. Карамз. XI, примѣч. 372.

ми плодами внѣшней цивилизаціи : всё это разрознило его потребности съ потребностями людей, его окружавшихъ, отчудило его понятія отъ понятій народа, надъ которымъ судьба дала ему господство. За столомъ царскимъ Димитрій ввелъ музыку и пѣніе, отмѣнилъ древніе обряды, не молился иконамъ передъ обѣдомъ, не умывалъ рукъ при концѣ, послѣ стола не ложился спать, но употреблялъ это время для осмотра казны и для посѣщенія ремесленниковъ, при чемъ уходилъ изъ дворца самъ-другъ, безъ всякой пышности. Иностранцы отзывались о немъ, что это былъ герой, воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій и много испытавшій ([1]); не такъ думали москвитяне: то, что быть можетъ они терпѣливо снесли бы отъ истиннаго сына Грознаго, среди нихъ взросшаго и воспитаннаго, то самое теперь повело ихъ къ мысли, что человѣкъ, измѣнившій обычаямъ предковъ, не можетъ быть государемъ прирожденнымъ на царствѣ русскомъ. Для достиженія своихъ цѣлей принявши тайно католицизмъ, Димитрій, какъ мы видѣли уже и еще болѣе увидимъ впослѣдствіи, вовсе не хотѣлъ его распространенія въ Московскомъ государствѣ, какъ дѣла невозможнаго и безсмысленнаго: здѣсь онъ дѣйствовалъ болѣе по расчетамъ ума, потому-что, какъ видно, не былъ привязанъ сердечно къ православію; однако, съ другой стороны, считалъ вреднымъ разорвать вдругъ связь съ западомъ, навлечь непріязнь папы и Сигизмунда, преданнаго іезуитамъ: папа, и вообще пособіе запада были нужны Димитрію для замышленой войны съ Турціею; пріязнь Сигизмунда была нужна ему еще по другой причинѣ: онъ былъ влюбленъ въ его подданную, Марину Мнишекъ, которую хотѣлъ какъ можно скорѣе видѣть въ Москвѣ, при чемъ зналъ, что семейство Мнишекъ сильно предано католицизму; слѣдовательно, открытое нерасположеніе къ послѣднему могло помѣшать желанному браку. Всѣ эти причины могли заставить Димитрія не разрывать пока связи съ латинскимъ духовенствомъ, и іезуиты получили помѣщеніе въ Кремлѣ, гдѣ позволено было имъ служить латинскую обѣдню ([2]); говорятъ, что на вопросъ одного изъ русскихъ вельможъ, правда ли, что онъ хочетъ построить для поляковъ въ Москвѣ церковь? Димитрій отвѣчалъ: почему мнѣ этого не сдѣлать; они христіане и оказываютъ мнѣ вѣрныя услуги; вы позволяли же имѣть свою церковь и школу еретикамъ? ([3]). Какъ бы то ни было, презрѣніе къ народнымъ обычаямъ, и посылки въ Польшу за невѣстою, безбожною латинкою и луторкою, особенно же безразсудное поведеніе поляковъ въ Мос-

---

([1]) Москов. хрон. 63, 64, 65.
([2]) Demy, въ Скаж. Соврем. 147.
([3]) Adelung, Ubers. der Reis. II, стр. 168.

кихъ (1) возбудили негодованіе; имъ спѣшили воспользоваться, явились обличители: какой-то монахъ сказалъ всенародно, что Димитрій извѣстенъ ему съ дѣтства подъ именемъ Отрепьева, учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ одномъ монастырѣ (2); говорятъ, будто этого монаха умертвили тайно въ темницѣ. Тогда-то Шуйскіе съ товарищами, отдѣлавшись отъ Годунова посредствомъ Самозванца, начали думать, что пришло время отдѣлаться и отъ послѣдняго. Мы видѣли, что Шуйскіе всегда имѣли сильную сторону въ торговыхъ людяхъ московскихъ: и теперь старшій въ семьѣ, князь Василій Ивановичъ, съ братомъ Димитріемъ, начали распускать слухъ между купцами, что новый царь самозванецъ; эти слухи съ именемъ ихъ виновника дошли до Басманова, который донесъ о нихъ Димитрію; Шуйскихъ схватили (3). При этомъ случаѣ царь возобновилъ обычай мнимаго отца своего, Ивана Грознаго, и должно сказать, что обычай этотъ былъ употребленъ чрезвычайно умно и прилично. Димитрій созвалъ Соборъ (4) для суда надъ Шуйскимъ: т. е. отдалъ дѣло свое на судъ всего Московскаго государства: все государство признало его истиннымъ Димитріемъ, пусть же теперь подтвердитъ это избраніе и разсудитъ между нимъ и Шуйскимъ, который виновенъ не столько передъ царемъ, сколько передъ царствомъ, потому-что не Димитрій только обличенъ въ обманѣ, но вся земля, признавшая его истиннымъ сыномъ Грознаго. Соборъ единогласно осудилъ Шуйскаго на смертную казнь, которая однако не была исполнена: Шуйскаго помиловали при самой плахѣ и сослали, вмѣстѣ

---

(1) Объ этомъ свидѣтельствуютъ сами польскіе писатели: Io. Inno. Petricii — Historiae Moschoviticae, l. p. 84: Ea inter, orta ex otio et secundis rebus, in nostris militibus insolentia, propè res fortunamque Demetrii afflixit: Ut domi, ac inter suos cum formido abest, et vis tunc virtusque in injuria et lingua sita est, perinde premere et divexare suos hospites, quamquam aliquibus copiae familiares tenues aut nullae, quicquid tamen liberet indicere, praeter alimenta, vinum ac cupedias, aes quandoque extorquere, negantibus, in oculis carissima abducere, rapere, trahere. Neque in copia modestius se gerere, pecuniam profundere, per turpitudinem abuti, luxu consumere, potare, amare, nihil pensi aut moderati habere, mero turbidi per urbem vagari ac diffundi, lupanaria pererrare, obviis vulnera inferre, adversus laesos et conquerentes, arma velut ad proelia hostesque expedire. Queis vulgus concitatum, questus in Demetrium verterat transtuleratque tanquam juberet, quicquid auctoritate sua non vetaret.

(2) Карамз. XI, примѣч. 404.

(3) Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся. Въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1847 № 9, стр. 17.

(4) Никон. VIII, 71. — Ciampi, Bibliogr. Crit. Андрей Лавицкій, въ письмѣ al padre provinciale di Polonia, говоритъ, что Димитрій на Соборѣ обличилъ Шуйскаго въ клеветѣ, доказавши, что онъ, царь, никогда не думалъ объ истребленіи православія.

съ братьями, въ галицкіе пригороды, отобрано имѣніе въ казну; но не успѣли еще осужденные достигнуть мѣста своего заточенія, какъ онъ возвратилъ опять въ Москву, отдалъ имущество и прежнее значеніе при дворѣ и въ думѣ. Но такая милость не [illegible] обличенія продолжались: въ Галичѣ Отрепьевы, мать, братъ и дядя Лжедимитрія, объявляли гласно о настоящемъ происхожденіи [illegible] ихъ сослали въ Сибирь, мать и брата не тронули: (¹) [illegible] ли Димитрій жестоко поступить съ тою, которую долго называлъ своею матерью и которой странное для него упорство быть можетъ возбуждало въ немъ такія же подозрѣнія, какія возбуждало оно и въ его приближенныхъ. Изъ среды московскихъ гражданъ были схвачены и казнены еще двое обличителей: дворянинъ Петръ Тургеневъ и мѣщанинъ Ѳедоръ Калачникъ. Такія явленія не могли научить Димитрія довѣренности къ московскому народонаселенію, и потому онъ учредилъ стражу изъ нѣмцевъ. Несмотря однако на это, Димитрій не хотѣлъ приносить интересы своихъ подданныхъ въ жертву иноземцамъ. Такъ однажды поляки затѣяли ссору съ русскими; отъ насмѣшекъ и брани дѣло дошло до драки. Самозванецъ прислалъ сказать полякамъ, чтобы выдали зачинщиковъ; тѣ, вмѣсто послушанія, начали еще больше шумѣть, и дѣло грозило кончаться кровопролитіемъ; въ такой крайности Димитрій повѣстилъ полякамъ, что если они выдадутъ зачинщиковъ, то онъ обѣщается не казнить ихъ. Виновные были выданы и [illegible]жены въ тѣсную тюрьму, изъ которой послѣ отпущены къ своимъ (²).

Между тѣмъ какъ все это происходило въ Москвѣ, дѣятельно шли сношенія внѣшнія, преимущественно съ Польшею и Римомъ; двѣ были главныя цѣли этихъ сношеній: бракъ царя съ Маріною Мнишекъ и союзъ христіанскихъ державъ противъ Турокъ, котораго Димитрій хотѣлъ быть главою. Римъ и Польша преслѣдовали другія цѣли, болѣе интересныя; но Димитрій не думалъ уступить чуждымъ интересамъ, какъ будетъ видно изъ подробностей.

Скоро послѣ воцаренія Димитрія, нареченный тесть его Юрій Мнишекъ прислалъ къ боярамъ и всему московскому *рыцарству* надменное, оскорбительное письмо, въ которомъ называлъ *себя* началомъ и причиною возвращенія димитріева на престолъ предковъ и обѣщался, какъ скоро прибудетъ въ Москву, способствовать увеличенію правъ для бояръ и дворянъ (³). Бояре Мстиславскій и Воротынскій съ товарищами отвѣчали воеводѣ просто, но съ *соблюденіемъ* достоинства своего и государева: «Въ грамотѣ своей къ намъ

(¹) Палиц. 24.
(²) Petricii, Hist. Moschov. l. 1, p. 86.
(³) Собр. гос. гр. и дог. II, № 94.

писалъ ты и рѣчью приказывалъ съ посланцемъ своимъ, что ты великому государю нашему въ дохожденьи прирожденныхъ государствъ его служилъ и промышлялъ съ великимъ радѣньемъ, и впередъ служить и во всемъ добра хотѣть будешь: и мы тебя за то хвалимъ и благодаримъ» ([1]). Димитрій, какъ уже выше было замѣчено, влюбленный въ дочь Мнишка, не думалъ отказываться отъ своего обѣщанія и немедленно отправилъ прежняго дьяка, теперь окольничаго, Аѳанасія Власьева въ Краковъ испросить согласіе короля Сигизмунда на бракъ его подданной съ государемъ московскимъ. Любопытны два наказа, данные Димитріемъ секретарю своему Яну Бучинскому касательно переговоровъ со Мнишкомъ и встрѣчи невѣсты: изъ нихъ можно усмотрѣть уступчивость его требованіямъ и обычаямъ своего народа, неспособность его къ предпріятію крутыхъ, насильственныхъ мѣръ относительно послѣдняго; такъ, напримѣръ, Димитрій домогался у Мнишка, чтобъ тотъ выпросилъ у легата позволеніе Маринѣ причаститься у обѣдни изъ рукъ патріарха, безъ чего не будетъ коронована, — чтобъ ей позволено было ходить въ русскую церковь, хотя впрочемъ тайно можетъ удерживать прежній законъ, — чтобъ по субботамъ ѣла мясо, а по середамъ постилась, какъ велитъ церковь русская, — чтобъ въ головномъ уборѣ наконецъ сообразовалась также съ русскимъ обычаемъ ([2]).

Сигизмундъ согласился на бракъ Марины съ Димитріемъ; говорятъ однако, будто прежде, въ частной аудіенціи, онъ предложилъ Власьеву, что не лучше ли было бы царю не спѣшить бракомъ съ Мариною, а подождать невѣсты болѣе знаменитой, которую онъ, король, берется ему высватать; Власьевъ отвѣчалъ, что государь его принялъ крѣпкое намѣреніе сдержать данное слово. Увѣряли, что Сигизмундъ хотѣлъ женить Димитрія на одной изъ своихъ родственницъ ([3]). Но скоро король получилъ причину радоваться отказу Власьева: въ Краковъ явился какой-то шведъ и привезъ Сигизмунду извѣстіе отъ царицы Мареы, что Димитрій не есть ея сынъ; говорятъ, будто бы къ этому побудило Мареу намѣреніе Самозванца выкинуть тѣло царевича Димитрія изъ царской гробницы и похоронить на общемъ кладбищѣ ([4]); Сигизмундъ тотчасъ объявилъ Мнишку объ этомъ извѣстіи. Послѣдній хотя, повидимому, не обратилъ на него вниманія, однако необыкновенная медленность его въ сборахъ къ путешествію и въ самой дорогѣ, медленность, выводившая изъ

([1]) Тамъ же.

([2]) Собр. гос. гр. и дог. II, № 105.

([3]) Giraldi, Neri, Lettere al G. Duca di Toscana, y Ciampi — Bibliogr. Critica.

([4]) Рукопись Жолкѣвскаго, стр. 17 и 18.

терпѣнія Димитрія, свидѣтельствуетъ, что Мнишекъ чего-то опасался, ждалъ подтвержденія своихъ опасностей и, не видя его, рѣшился кончить дѣло, столь увлекательное для его честолюбія. Обрученіе совершено было въ Краковѣ, съ большою пышностію, въ присутствіи короля (1). Власьевъ, представитель Димитрія при обрученіи, повидимому не могъ понять своего положенія и смѣшилъ всѣхъ своими выходками: такъ, напримѣръ, на обыкновенный вопросъ кардинала, совершавшаго обрядъ обрученія, не давалъ ли царь обѣщанія другой невѣстѣ, Власьевъ отвѣчалъ: «А мнѣ какъ знать? о томъ мнѣ ничего не наказано!» и потомъ, когда настоятельно требовали рѣшительнаго отвѣта, сказалъ: «Если бы обѣщалъ другой невѣстѣ, то и не слалъ бы меня сюда.» Благоговѣя передъ особою будущей царицы, онъ никакъ не хотѣлъ взять Марину просто за руку, не обвертывалъ прежде свою руку въ чистый платокъ и всячески старался, чтобъ платье его никакъ не прикасалось къ платью Марины. Когда послѣ обѣда король приглашалъ его танцовать съ послѣднею, то онъ отказался, говоря, что недостоинъ дотронуться до царицы; за столомъ отказывался ѣсть, отвѣчая на приглашенія королевскія, что не годится ѣсть холопу съ монархами, довольно ему и смотрѣть на нихъ. Ясно послѣ того, съ какимъ негодованіемъ долженъ былъ смотрѣть Власьевъ, когда Марина стала на колѣни предъ королемъ, чтобъ благодарить его за всѣ милости: посланникъ громко жаловался на такое униженіе будущей царицы московской (2).

Исполняя желаніе Димитрія, Власьевъ требовалъ, чтобы Мнишекъ съ дочерью ѣхалъ немедленно въ Москву; но воевода медлилъ, отзываясь недостаткомъ въ деньгахъ для уплаты долговъ, хотя изъ Москвы пересланы къ нему огромныя суммы, и Димитрій просилъ спѣшить пріѣздомъ, несмотря на великіе расходы (3): мы замѣтили уже, что не одинъ недостатокъ въ деньгахъ могъ быть причиною медленности Мнишка; такъ въ письмѣ своемъ къ Димитрію онъ говоритъ, что въ Польшѣ много людей ему преданныхъ, но также много и злодѣевъ, которые распускаютъ о немъ разные нелѣпые слухи, и потомъ намекаетъ на одну изъ причинъ своего замедленія, именно на

---

(1) Чилли пишетъ, что Сигизмундъ не хотѣлъ совершить обрученія Марины съ Власьевымъ въ собственномъ дворцѣ — forse per degni rispetti da tutti non penetrati. Чьямпи доказываетъ при этомъ, что король и прежде предлагалъ Власьеву обождать обрученіемъ съ Мариною для того, чтобъ избавить послѣднюю отъ незавидной участи раздѣлять ложе съ Самозванцемъ; но слова Джиральди прямо противорѣчатъ этой догадкѣ. См. выше.

(2) Porradek, albo wypisanie Slubin Posla, W. K. Dimitra Iwanowicza, z Woiewodzianką Sandomirską. — У Нѣмцевича, т. II, стр. 361.

(3) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 110.

связь царя съ дочерью Годунова, Ксеніею, и проситъ ея удаленія (¹). Димитрій поспѣшилъ исполнить требованіе нареченнаго тестя, и Ксенія была пострижена, подъ именемъ Ольги (²). Несмотря на то однако, Мнишекъ медлилъ; Димитрій сердился; особенно досадовалъ онъ на невѣсту, которая не отвѣчала ему на письма, сердясь на него за связь съ Ксеніею; несчастный Власьевъ, который дожидался на границѣ пріѣзда Марины, писалъ къ отцу ея: «Сердцемъ и душею скорблю и плачу о томъ, что все дѣлается не потому, какъ вы сами договорились, и какъ къ цесарскому величеству, по вашему договору, писано; и великому государю нашему въ томъ великая кручина, и чаю, велитъ за то надо мною опалу свою и казнь учинить, что вы замешкались. А по цесарскаго величества указу, на рубежѣ для великой государыни нашей цесаревы и васъ присланы ближніе бояре и дворяне и многій дворъ царскій, и живучи со многими людьми и лошадьми, проѣдаются» (³). Самъ царь писалъ къ нареченному тестю, выговаривалъ ему, что онъ не только не даетъ о себѣ никакого извѣстія, но даже задерживаетъ гонцовъ московскихъ. Наконецъ Власьевъ, ждавшій понапрасну цѣлый мѣсяцъ Мнишковъ въ Слонимѣ, рѣшился самъ ѣхать къ нимъ въ Самборъ; его увѣщанія подѣйствовали, и Марина выбралась въ дорогу съ огромною свитою родныхъ и близкихъ знакомыхъ; по дорогѣ и въ Москвѣ встрѣчали ее съ необыкновенною пышностію; бракъ совершился по стариннымъ обрядамъ русскимъ, но къ нему присоединилась новость неслыханная: Марина была коронована.

Но вмѣстѣ съ переговорами относительно брака шли другіе, касающіеся дѣлъ государственныхъ. Еще до отъѣзда Власьева въ Краковъ прибылъ въ Москву посолъ Сигизмунда, Александръ Гонсѣвскій, поздравить Димитрія съ восшествіемъ на престолъ. Казалось, что Димитрій, въ благодарность за оказанныя услуги, будетъ сохранять вѣчную и тѣсную дружбу съ Польшею; но вышло иначе, и по самой естественной причинѣ: польское правительство, надѣясь на благодарность Димитрія, въ требованіяхъ своихъ переходило границы, что необходимо раздражало его. Неудовольствіе началось за тотъ же самый предметъ, который постоянно былъ источникомъ несогласій и споровъ между обоими дворами, именно за титулъ государя московскаго. Сигизмундъ хотѣлъ отнять у Димитрія царскій титулъ и въ грамотахъ своихъ къ нему велѣлъ надписывать просто: великому князю и господарю; притомъ, чтобъ испугать Димитрія и сдѣлать его

(¹) Тамъ же, № 110.

(²) Говорятъ, будто она имѣла сына отъ Димитрія. Pierre de Laville, у Аделунга, Uebersicht der Reis. II, 224.

(³) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 117.

уступчивѣе, Гонсѣвскій извѣстилъ его, что въ Польшѣ пронесся слухъ, будто Борисъ Годуновъ живъ и скрывается въ Англіи, и что на этомъ основаніи Сигизмундъ, какъ вѣрный другъ московскаго государя, велѣлъ пограничнымъ воеводамъ быть на-готовѣ и при первомъ движеніи непріятелей Димитрія спѣшить на помощь послѣднему. Далѣе посолъ требовалъ, чтобъ Димитрій не обходился съ Густавомъ шведскимъ, какъ съ сыномъ королевскимъ, но посадилъ бы его въ заключеніе, потому-что этотъ принцъ можетъ быть соперникомъ Сигизмунду относительно шведскаго престола; требовалъ также, чтообъ Димитрій отослалъ къ Сигизмунду шведскихъ пословъ, которые будутъ къ нему отъ Карла IX, — требовалъ отпуска посольскихъ военныхъ людей съ полнымъ вознагражденіемъ за ихъ услуги, — для польскихъ купцовъ свободной торговли въ Московскомъ государствѣ, — просилъ позволенія для Хрипуновыхъ, отъѣхавшихъ въ Польшу при Годуновѣ, возвратиться опять въ отечество, — наконецъ просилъ розыскать о сношеніяхъ виленскаго посадника Гольшанвицы съ Годуновымъ (¹).

Кротко, учтиво, съ полнымъ соблюденіемъ своего достоинства, но съ замѣтною холодностію отвѣчалъ Димитрій на каждый пунктъ рѣчи Гонсѣвскаго: «Хотя мы ни мало не сомнѣваемся въ смерти Бориса Годунова, и потому не боимся съ этой стороны никакой опасности, однако съ благодарностію принимаемъ предостереженіе королевское, потому-что всякій знакъ его расположенія для насъ пріятенъ; усердно благодаримъ также короля за приказъ, данный старостамъ украинскимъ. Карлу шведскому мы пошлемъ суровую отповѣдь, однако подождемъ еще, въ какихъ отношеніяхъ будемъ сами находиться съ королемъ, потому что сокращеніе нашихъ титуловъ, сдѣланное его величествомъ, возбуждаетъ въ душѣ нашей подозрѣніе на счетъ его искренней пріязни. Густава хотимъ держать у себя не какъ князя или королевича шведскаго, но просто какъ человѣка ученаго. Если Карлъ шведскій отправитъ пословъ въ Москву, то я дамъ знать королю, съ чѣмъ они къ намъ будутъ, а потомъ уже снесусь съ его величествомъ, что̀ должно будетъ предпринять далѣе. Воиновъ, которые намъ до сихъ поръ служили, какъ и прежде не задерживали, такъ и теперь всѣхъ отпускаемъ свободно. Свободную торговлю купцамъ польскимъ повсюду въ государствѣ нашемъ позволимъ (²) и отъ обидъ ихъ оборонимъ. Хрипуновымъ, по желанію

(¹) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 96. — Извѣстительное письмо Лжедимитрія къ Сигизмунду о своемъ восшествіи на престолъ, равно наказъ послу, какъ говорить съ королемъ насчетъ войны съ турками и брака царя съ Мариною см. у Niemcewicza, Dzieie panowania Zygmunta III, t. II. p. 357 et squ.

(²) Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, 17 числа, 1605 года смоленскій воевода, кн. Ромада-

королевскому, позволяемъ возвратиться на родину, и обѣщаемъ нашу благосклонность. О Гольшаницѣ прикажемъ развѣдать, и о томъ, что окажется, дадимъ знать королю съ гонцомъ нашимъ (1). Димитрій не только не хотѣлъ отказаться отъ титула своихъ предшественниковъ, но еще вздумалъ перевести русское *Царь* словомъ, понятнымъ всей Европѣ, именно словомъ Цесарь или Императоръ, да еще прибавилъ къ нему эпитетъ *непобѣдимый*. Ясно, что это новое требованіе могло повести только къ новымъ неудовольствіямъ. Однако Димитрій зналъ, что Сигизмунда еще нельзя раздражать, пока Марина въ Польшѣ, и потому просилъ папскаго посла графа Рангони сказать королю, что онъ очень удивляется сомнѣнію, обнаруженному Сигизмундомъ касательно его расположенія къ нему и ко всему королевству польскому,— что сильно оскорбляетъ его также и умаленіе его титуловъ, сдѣланное королевскою канцеляріею. Если онъ, Димитрій, обнаружилъ холодность къ королю и къ Польшѣ, то это единственно изъ опасенія возбудить нелюбье и измѣну подданныхъ своихъ, среди которыхъ уже идутъ слухи, что царь хочетъ отдать королю часть Московскаго государства и даже объявить себя вассаломъ Польши. Димитрій просилъ Рангони увѣрить Сигизмунда, что онъ не забылъ его благодѣяній, чтитъ его не столько братомъ, сколько отцомъ, и согласенъ исполнить всѣ его желанія; но что касательно титуловъ никогда не откажется отъ своихъ требованій, хотя впрочемъ за это и не начнетъ войны съ королемъ. Очень любопытны послѣднія слова наказа, даннаго Рангони Димитріемъ: изъ нихъ ясно видно, что послѣдній льститъ королю только для того, чтобъ какъ можно скорѣе выманить изъ Польши свою возлюбленную Марину: «Мы хотѣли, велѣлъ сказать Димитрій Сигизмунду, отправить нашихъ великихъ пословъ на большой сеймъ, но теперь отсрочили это посольство на иное время, потому что прежде хотимъ поговорить о вѣчномъ мирѣ съ вельможнымъ паномъ Юріемъ Мнишкомъ». Повѣренный царя Бучинскій объяснилъ королю, что нѣкоторые поляки задержаны Димитріемъ единственно изъ опасенія, что не выпустятъ Марины изъ Польши; Бучинскому былъ данъ наказъ — согласиться на все, лишь бы выпустили панну (2). Касательно Густава шведскаго Рангони долженъ былъ сказать королю, что царь держитъ его и ждетъ, что велитъ сдѣлать съ нимъ Сигизмундъ (3).

Но если Димитрій хитрилъ съ Сигизмундомъ, то около него нахо-

---

новскій писалъ оршинскому старостѣ Сапегѣ о свободной торговлѣ между обоими государствами. Акты Историч. т. II, № 56.

(1) Собр. гос. грам. и дог. т. II, № 97.

(2) Собр. гос. гр. и дог. II, № 121.

(3) Тамъ же, № 103.

вились люди, которые поступали еще хитрѣе: то были Шуйскіе и Голицыны съ товарищи, свергнувшіе Годунова вовсе не для того, чтобъ кланяться Отрепьеву. Видя, что интересы короля тѣсно связаны съ интересами Димитрія, бояре спѣшили разорвать эту связь. Когда Димитрій, узнавъ объ обрученіи Марины, выбиралъ человѣка, котораго бы могъ послать съ благодарственными письмами къ Мнишку и королю, Шуйскіе обратили его вниманіе на своего клеврета Ивана Безобразова, и Безобразовъ былъ отправленъ въ Краковъ съ письмами отъ Димитрія и съ тайнымъ порученіемъ отъ бояръ. Онъ требовалъ тайнаго свиданія съ литовскимъ канцлеромъ Сапѣгою; но король нашелъ, что важность сана Сапѣги обращала на него всеобщее вниманіе, и потому трудно бы было скрыть переговоры его съ Безобразовымъ отъ Бучинскаго и русскихъ, находившихся въ Краковѣ. Уговорились, чтобы вмѣсто Сапѣги Безобразовъ открылся возвратившемуся изъ Москвы Гонсѣвскому. Посланецъ объявилъ послѣднему, что Шуйскіе и Голицыны жалуются на короля, зачѣмъ онъ навязалъ имъ человѣка низкаго, легкомысленнаго, распутнаго тирана, ни въ какомъ отношеніи недостойнаго своего мѣста; объявилъ о намѣреніи бояръ свергнуть его и возвести на престолъ царскій королевича Владислава. Этимъ предложеніемъ бояре достигали своей цѣли какъ нельзя лучше: Сигизмундъ, который теперь въ низложеніи Димитрія видѣлъ не ущербъ, но выгоду для себя и для Польши, велѣлъ отвѣчать боярамъ, что онъ очень жалѣетъ, обманувшись насчетъ Димитрія, и не хочетъ препятствовать имъ промышлять о самихъ себѣ. Что же касается королевича Владислава, то король не увлекается властолюбіемъ, хочетъ внушить и сыну своему такую же умѣренность, предоставляя все дѣло волѣ Божіей (1). Между тѣмъ объявленіе бояръ подтверждалось дурными слухами изъ Москвы, которые все чаще и чаще доходили до Кракова; Бучинскій доносилъ царю, что дѣла его идутъ плохо въ Польшѣ, что требованія его касательно титула произвели всеобщее негодованіе между панами, что тѣ изъ нихъ, которые и прежде ему не благопріятствовали, подняли теперь снова головы и

(1) Рукопись Жолкѣвскаго, стр. 15, 16, 17. Это извѣстіе Жолкѣвскаго подтверждается письмомъ польскихъ пановъ московскимъ боярамъ отъ 9 іюня 1613 года; здѣсь читаемъ: «то намъ добрѣ вѣдомо, что еще при князѣ Димитріѣ Ивановичѣ, котораго вы зовете Гришкою Отрепьевымъ, Князь Василій Ивановичъ Шуйской съ браты и со многими бояры думными, въ ту пору, коли разстрига Гришка Отрепьевъ, какъ вы его зовете, на Государствѣ Московскомъ сидѣлъ, черезъ нѣкоторые Польскіе и Литовскіе и Московскіе люди всказывали и били челомъ Королю его милости Государю нашему, чтобъ его королевская милость пожаловалъ отъ разстриги Гришки Отрепьева ихъ самихъ и Государство Московское очистилъ, а на Государство Московское далъ сына своего Владислава Жигимонтовича». Собр. гос. грам. и дог. т. III, № 13.

голоса; такъ воевода познанскій упрекалъ короля въ неблагоразумномъ поведеніи касательно Димитрія, говорилъ, что, отказавши последнему въ помощи, можно было бы за то много выторговать у Годунова, а теперь отъ Димитрія вмѣсто благодарности однѣ только досады: требуетъ такого титула, какого не имѣетъ ни одинъ государь христіанскій; за это самое, продолжалъ воевода, Богъ лишитъ Димитрія престола, да и въ самомъ дѣлѣ пора уже показать всему свѣту, что это за человѣкъ, а подданные его должны и сами о томъ догадаться. Сюда присоединялись еще жалобы польскихъ ратниковъ, пріѣхавшихъ ни съ чѣмъ изъ Москвы, потому-что пропировали тамъ все жалованье (1). Въ заключеніе Бучинскій доносилъ о слухахъ изъ Москвы, что Димитрій не есть истинный царевичъ и не долго будетъ признаваться такимъ.

Несмотря на все это, вслѣдъ за Мнишками, Сигизмундъ отправилъ къ Лжедимитрію великихъ пословъ своихъ — Николая Олесницкаго и бывшаго уже въ Москвѣ Александра Гонсѣвскаго. При ихъ пріемѣ неудовольствія возобновились съ новою силою, несмотря на усердное посредничество стараго Мнишка, потому-что обѣ стороны доходили до крайности въ своихъ поступкахъ: Димитрій требовалъ новаго и страннаго титула, Сигизмундъ отказывалъ ему даже въ титулѣ предшественниковъ, называя просто княземъ. Это упорство со стороны Димитрія объясняется желаніемъ показать подданнымъ своимъ, что онъ не только не умалилъ чести Московскаго государства, не только не унижается передъ королемъ, но еще увеличилъ блескъ своего титула, слѣдовательно очень далекъ былъ отъ мысли признать себя вассаломъ Польши, какъ распускали о немъ слухъ люди неблагонамѣренные; упорство же со стороны короля объясняется извѣщеніемъ, полученнымъ отъ бояръ чрезъ Безобразова: король зналъ непрочность Димитрія на тронѣ, и потому не думалъ уступать ему ни въ чемъ; этимъ объясняется и поведеніе пословъ — Олесницкаго и Гонсѣвскаго (2). Когда Димитрій не хотѣлъ взять письма королевскаго, потому-что въ немъ не давалось ему цесарскаго титула, то Олесницкій твердо и гордо отвѣчалъ ему упрекомъ въ неблагодарности; онъ сказалъ: «Вы оскорбляете короля и республику, сидя на престолѣ, который достался вамъ дивнымъ промысломъ Божіимъ, милостію Королевскою, помощію польскаго народа; и вы скоро забыли это благодѣяніе». Димитрій не выдержалъ, по своей страстной природѣ, и, увлеченный словоохотливостію, которою могъ напоминать нѣкоторымъ мнимаго отца своего, самъ отвѣчалъ послу: «Мы не мо-

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 121.
(2) Histor. Russ. Monum. II, № LXXVII.

жемъ удовольствоваться ни титуломъ княжескимъ, ни господарскимъ, ни царскимъ, потому что мы Императоръ на своихъ обширныхъ государствахъ и пользуемся этимъ титуломъ не на словахъ только, *какъ то дѣлаютъ другіе*, но на самомъ дѣлѣ; ибо никакіе монархи, ни ассирійскіе, ни мидійскіе, ни цезари римскіе не имѣли на него большаго, чѣмъ мы, права. Намъ нѣтъ никого ровнаго въ полночныхъ краяхъ касательно власти: кромѣ Бога и насъ здѣсь никто не повелѣваетъ». Этими словами Димитрій намекалъ на неограниченную власть московскаго государя и на безвластіе короля польскаго, который именемъ былъ только государь. Олесницкій отговаривался тѣмъ, что царь не присылалъ къ королю особыхъ пословъ съ требованіемъ императорскаго титула, и что Сигизмундъ не можетъ уступить послѣдняго безъ согласія сейма. Димитрій возражалъ, что уже сеймъ конченъ и послы отправились съ сейма, но что нѣкоторые поляки совѣтуютъ королю не давать ему, Димитрію, должнаго титула. Олесницкій требовалъ отпуску и хотѣлъ удалиться; Димитрій, будучи хорошо знакомъ съ нимъ въ Польшѣ, звалъ его къ рукѣ, какъ частнаго человѣка и стараго пріятеля; посолъ отвѣчалъ, что не можетъ принять этой чести: «Какъ вы, сказалъ онъ царю, знали меня въ Польшѣ усерднымъ своимъ пріятелемъ и слугою, такъ теперь пусть король дознаетъ во мнѣ вѣрнаго подданнаго и добраго слугу». Тогда Димитрій не выдержалъ и уступилъ; онъ сказалъ Олесницкому: «подойди вельможный панъ, какъ посолъ»; Олесницкій отвѣчалъ: «подойду тогда, когда вы согласитесь взять письмо королевское»; и Димитрій согласился взять письмо. Послѣ этого оба посла подошли къ рукѣ царской; дьякъ взялъ грамоту и прочитавъ отвѣчалъ, что царь беретъ ее только для своей свадьбы, но что послѣ никогда ни отъ кого не приметъ грамоты, въ которой не будетъ прописано его полнаго титула. Но этимъ споры и неудовольствія не кончились: послы сперва отказались участвовать въ брачныхъ пирахъ Димитрія, потому-что онъ не хотѣлъ посадить ихъ за одинъ столъ съ собою; въ этомъ случаѣ уступили поляки, благодаря посредничеству Мнишка.

Гораздо серьёзнѣе шли дѣла съ римскимъ дворомъ. Кромѣ прямыхъ сношеній съ новымъ царемъ московскимъ, римскій дворъ внимательно слѣдовалъ за отношеніями Димитрія къ Польшѣ, потому-что отъ нихъ зависѣло, въ извѣстной степени, дѣло католицизма, введеніе котораго въ Московское государство обѣщалъ Димитрій папѣ: еслибъ царь вздумалъ разорвать пріязнь съ Польшею, то уже тѣмъ меньше обратилъ бы вниманіе на прежнія обязательства свои относительно двора римскаго. Вотъ почему кардиналъ Боргезе писалъ къ папскому нунцію въ Польшѣ, Рангони, что его святѣйшество очень безпокоится насчетъ неудовольствія московскаго посла Власьева на поляковъ,

хотя должно надѣяться, прибавляетъ кардиналъ, что в. князь не раздѣлитъ мнѣнія своего посла, и не забудетъ услугъ, оказанныхъ ему Сигизмундомъ ([1]). Вотъ почему нунцій Рангони писалъ къ Димитрію, что онъ всего болѣе старается объ усиленіи любви и укрѣпленіи союза между нимъ и Сигизмундомъ. Извѣщая Димитрія о восшествіи на престолъ Павла V, Рангони проситъ его, чтобъ онъ послалъ поздравить новоизбраннаго папу, къ которому уже отправленъ портретъ его. Посылая къ Димитрію, между прочими подарками, латинскую библію послѣдняго изданія, Рангони изъявляетъ желаніе, чтобъ царь особенно обратилъ вниманіе свое на глаголъ Божій къ израильтянамъ: «Нынѣ аще послушаніемъ послушаете гласа моего и снабдите завѣтъ мой, будете мои людіе суще отъ всѣхъ языкъ». Текстъ этотъ нунцій примѣняетъ къ Димитрію, намекая, что ему остается, въ благодарность за благодѣяніе Божіе, исполнить обѣщаніе свое, именно ввести католицизмъ въ Московское государство; но при этомъ Рангони совѣтуетъ, чтобы царь началъ это дѣло мудро и бережно, дабы, въ противномъ случаѣ, не потерпѣть какого-либо вреда ([2]). Димитрій немедленно исполнилъ просьбу нунція, отправилъ къ новому папѣ поздравительное письмо, въ которомъ съ признательностію упоминаетъ о расположеніи къ себѣ покойнаго папы Климента VIII; извѣщая о счастливомъ окончаніи борьбы своей съ Годуновымъ, Димитрій говоритъ, что въ надеждѣ на помощь и покровительство Божіе, столь явно ему оказанное, онъ не хочетъ проводить время въ праздности, но будетъ всѣми силами заботиться о благѣ христіанства; для этого онъ намѣренъ соединить свои войска съ императорскими противъ турокъ и проситъ папу убѣдить императора не заключать мира съ послѣдними ([3]). О введеніи католицизма между своими подданными ни слова, и хотя пишетъ, что о нѣкоторыхъ дѣлахъ сообщитъ папѣ посланный изъ Москвы іезуитъ Лавицкій, однако въ инструкціи, данной послѣднему, также ничего не говорится о введеніи католицизма ([4]). Новый папа отвѣчалъ Димитрію ([5]) также поздравленіемъ съ побѣдою надъ тираномъ Годуновымъ, при чемъ особенно благодарилъ Бога за то, что Димитрій взошелъ на престолъ предковъ, уже принявши католицизмъ: это обстоятельство, по словамъ папы, и было

([1]) Histor. Russ. Monum, II, № 36.
([2]) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 98.
([3]) Тамъ же, № 107.
([4]) Изъ нея узнаемъ только о желаніи царя, чтобъ папа склонилъ императора и короля польскаго къ войнѣ съ турками, чтобы папа склонилъ также Сигизмунда дать Димитрію императорскій титулъ, наконецъ, чтобы папа возвелъ въ кардиналы пріятеля димитріева, Рангони. — Adelung, Uebersicht der Reisenden. т. II, стр. 172.
([5]) Histor. Russ. Monum. II, № 37.

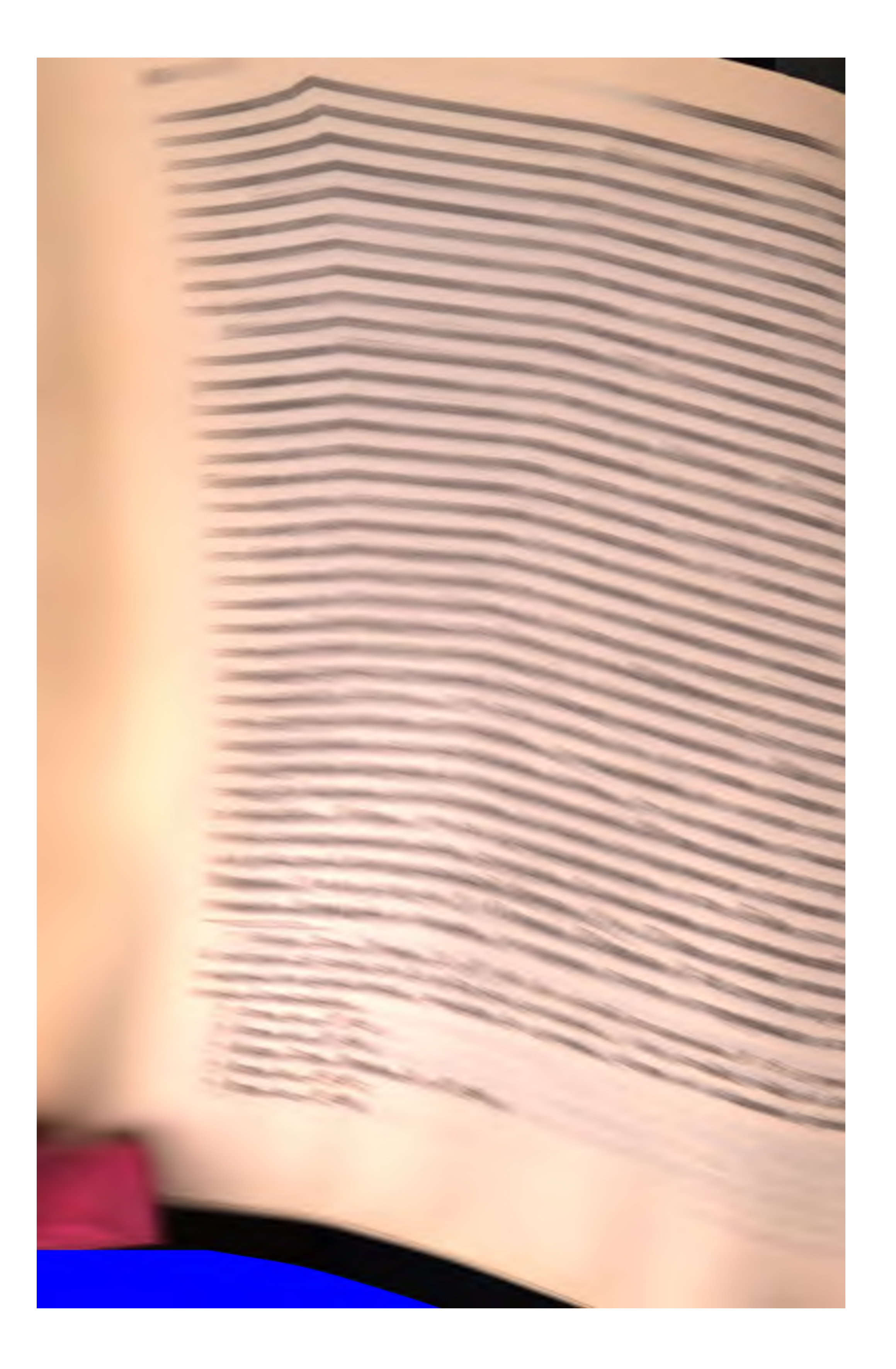
главною причиною его торжества; письмо заключается увѣщаніемъ сохранить принятое ученіе. Между тѣмъ кардиналъ Валенти писалъ къ нунцію въ Польшу, что должно розыскивать всѣми средствами и вести переписку со многими особами, чтобъ имѣть надлежащее свѣдѣніе о московскихъ событіяхъ, особенно нужно знать мнѣніе, какое имѣютъ о нихъ люди умные и опытные ([1]). Въ письмѣ къ Сигизмунду III папа благодаритъ короля за помощь, оказанную Димитрію, особенно потому, что эта помощь полезна церкви Божіей; ибо если Димитрій, принявши во время изгнанія своего католицизмъ, сохранитъ это ученіе и по возвращеніи къ своему народу, то нѣтъ сомнѣнія, что оно распространится современемъ и между москвитянами ([2]). О похожденіяхъ Димитрія папа знаетъ общеизвѣствую сказку, какъ онъ былъ спасенъ въ Угличѣ и малюткою отвезенъ въ Польшу, гдѣ и принялъ католицизмъ; вотъ почему папа пишетъ къ полякамъ, что Димитрій, изгнанный изъ отечества, изъ дѣтства у васъ былъ напитанъ католическою религіею ([3]). Папа писалъ къ кардиналу Мацеевскому, чтобъ тотъ уговорилъ Мнишка воспользоваться своимъ вліяніемъ на Димитрія и поддерживать въ немъ расположеніе къ католицизму; въ такомъ случаѣ, прибавляетъ папа, москвитяне современемъ приведены будутъ въ лоно римской церкви, потому-что народъ этотъ, какъ слышно, отличается необыкновенною привязанностію къ своимъ государямъ. Въ томъ же духѣ писалъ Павелъ V къ самому Мнишку, убѣждая его содѣйствовать всѣми силами въ трудномъ дѣлѣ обращенія москвитянъ. Кардиналъ Валенти наказывалъ, именемъ папы, нунцію Рангони, чтобъ тотъ обращался какъ можно ласковѣе съ московскимъ посломъ Власьевымъ, чтобъ послѣдній остался имъ вполнѣ доволенъ и расположенъ къ продолженію дружелюбныхъ сношеній ([4]). Вскорѣ послѣ тотъ же кардиналъ писалъ къ тому же нунцію, что папа въ восхищеніи отъ успѣшныхъ дѣлъ Димитрія, и воздаетъ благодарность Богу, который, среди трудовъ, предпринятыхъ для блага общаго, соблаговолилъ утѣшить его надеждою видѣть во время своего первосвященства обращеніе московскихъ отщепенцевъ къ религіи католической. Увѣдомляетъ также, что папа очень доволенъ обращеніемъ нунція съ московскимъ посломъ, который уласканъ учтивостями Рангони, и проситъ послѣдняго продолжать подобное обращеніе, могущее служить очень полезнымъ средствомъ для уловленія умовъ, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ

([1]) Histor Russ. Monum. II, № 39.

([2]) Тамъ же, № 41: Non dubitemus, quin etiam apud Moschovitas Catholicae religionis professio locum aliquando habitura sit.

([3]) Тамъ же, № 42, 43.

([4]) Тамъ же, № 45.

·ственнику его, Клименту VIII, 30 іюля 1604 года, съ извѣщеніемъ, что принялъ католицизмъ, и не только самъ сохранитъ это ученіе во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, но явно передъ всѣми будетъ исповѣдовать его и постарается обратить къ нему и народъ свой. Напомнивъ о письмѣ, папа повторяетъ увѣщанія свои просвѣтить свѣтомъ католическаго ученія народъ, до сихъ поръ сидѣвшій во мракѣ и сѣни смертной, причемъ снова обѣщается прислать благочестивыхъ мужей и даже епископовъ на помощь великому дѣлу, если царь признаетъ это нужнымъ ([1]). Польскій дворъ такъ спѣшилъ бракомъ Самозванца съ Мариною, что уполномочивалъ патера Савицкаго обвѣнчать ихъ тайно въ великій постъ ([2]). Папѣ была непріятна распря между Димитріемъ и Сигизмундомъ за титулъ; съ своей стороны онъ наказывалъ чрезъ кардинала Боргезе нунцію удовлетворять въ этомъ отношеніи московскаго посла и показывать готовность исполнять всѣ требованія Лжедимитрія касательно почетныхъ названій; въ самомъ дѣлѣ Рангони даетъ Димитрію требуемый титулъ: «Serenissimo et invictissimo Monarchae Demetrio Joannis, Caesari ac Magno Duci totius Russiae, atque universorum Tartariae regnorum aliorumque plurimorum dominiorum, Monarchiae Moscoviticae subjectorum, Domino et Regi.» — Не считая приличнымъ прямо требовать отъ Сигизмунда, чтобъ тотъ уступилъ желаніямъ Димитрія, папа косвеннымъ образомъ намекалъ королю, какъ бы важенъ былъ союзъ Москвы съ Польшею для дружнаго нападенія на общихъ враговъ — татаръ ([3]). Кардиналъ Боргезе, въ письмѣ своемъ къ нунцію, говоритъ, что такъ какъ великій князь московскій показываетъ сильное расположеніе къ союзу съ Польшею противъ татаръ, то на будущемъ сеймѣ не должно быть никакого затрудненія насчетъ предложеннаго союза; причемъ требуетъ отъ нунція, чтобъ тотъ устремилъ всѣ свои мысли для приведенія этого дѣла къ желанному концу. Въ тоже самое время кардиналъ писалъ другое письмо къ Рангони, въ которомъ отъ имени папы уполномочивалъ его убѣждать короля къ уступкѣ требованіямъ Димитрія, если только онъ, Рангони, думаетъ, что посредничество папы можетъ подѣйствовать на короля, и если уступка послѣдняго склонитъ царя къ союзу противъ татаръ ([4]); къ Сигизмунду же писалъ самъ папа, умоляя его поддержать и усилить союзъ съ Димитріемъ ([5]).

([1]) Тамъ же, № 62.
([2]) Тамъ же, № 63.
([3]) Histor. Russ. Monum. II, № LXVII.
([4]) Тамъ же, LXXIII.
([5]) Petimus a te etiam, atpue etiam, ac in visceribus Christi rogamus, ut totus in hoc incumbas, id mediteris, id cures, ut quotidie mutuus amor inter vos augeatur, et novis semper officiis charitatis et benevolentiae foveatur. Тамъ же, № LXXV.

Но въ то самое время, какъ [illegible] дворъ употреблялъ все уси-
лія для [illegible] между [illegible] и [illegible], [illegible] за-
трудненія въ [illegible] соглашенія его съ Димитріемъ: [illegible]
[illegible], что [illegible] будетъ [illegible] содѣйствовать
[illegible] латинства въ [illegible] областяхъ; но Димитрій
требовалъ, чтобъ Марина [illegible], наружно же
[illegible] закона греческаго, ходила въ греческую церковь,
[illegible]. Нунцій Рангони, къ
[illegible] Димитрій [illegible] съ [illegible] требованіями, отвѣчалъ, что,
[illegible] силу, онъ не имѣетъ никакой
[illegible] требованіямъ, ибо такое
[illegible] для [illegible] власти высшей
[illegible]. Не желая, чтобъ это дѣло пошло далѣе,
[illegible] Димитрія. [illegible], что когда [illegible]-
[illegible] мудростію и [illegible]-
[illegible] самодержавной власти, которой
[illegible], устранитъ все затрудненія. [illegible]
[illegible] неправильное истолкованіе, [illegible]
[illegible] въ столь [illegible]
[illegible] непріятности.
[illegible], что [illegible] гре-
[illegible] и наоборотъ, пре-
[illegible] прежнее исповѣданіе, прак-
[illegible] не только для частныхъ ли-
[illegible], что лишь въ [illegible] предѣлахъ
[illegible] предлагалъ, чтобъ
[illegible] Димитрій
[illegible] было [illegible] на разрѣшеніе
[illegible], что пункты,
[illegible] съ это [illegible], ибо
[illegible] послѣ [illegible] обсу-
[illegible], что престолъ апостольскій
[illegible] не [illegible], чтобъ
[illegible] по точно [illegible]
[illegible] когда [illegible] въ
[illegible] не [illegible] было сооб-
[illegible] — [illegible] дѣла знать въ
[illegible] не [illegible] тѣнь [illegible]
[illegible] съ [illegible] ста-
[illegible], что ходила въ гре-
[illegible]

ческія церкви, приняла причастіе изъ рукъ патріарха и постилась въ среду вмѣсто субботы.

Между тѣмъ прибылъ въ Римъ Лавицкій; папа извѣстилъ Димитрія о пріѣздѣ этого іезуита въ слѣдующихъ выраженіяхъ (1): «Мы съ такимъ нетерпѣніемъ ждали отъ тебя писемъ, что даже упрекали въ небрежности Андрея Лавицкаго, человѣка самаго тщательнаго: когда сильно чего-нибудь желаешь, то всякое замедленіе нестерпимо. Наконецъ онъ пришелъ, отдалъ намъ твои письма, разсказалъ о тебѣ вещи достойныя: мы жалѣли только объ одномъ, отчего онъ не могъ сказать намъ всего вдругъ, какъ бы намъ хотѣлось. Такое наслажденіе доставилъ онъ намъ своими рѣчами, что мы не могли удержать радостныхъ слезъ; мы твердо увѣрены теперь, что апостольскій престолъ сдѣлаетъ самыя великія пріобрѣтенія, когда ты будешь твердо и мудро управлять тѣми странами. Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, соблаговолившій утѣшить насъ въ безпокойствахъ! У тебя поле обширное, сади, сѣй, пожинай на немъ; повсюду проводи источники благочестія, строй зданія, которыхъ верхи касались бы небесъ; воспользуйся удобностію мѣста и, какъ второй Константинъ, первый утверди на немъ римскую церковь».—Мы и прежде видѣли, что римскій дворъ основывалъ успѣхъ своего дѣла на самодержавіи московскихъ царей; и теперь Павелъ V-й пишетъ къ Димитрію: «Такъ какъ ты можешь дѣлать въ землѣ своей все, что захочешь, то повелѣвай. Пусть народы твои услышатъ гласъ истиннаго пастыря, Христова на землѣ намѣстника! Несмотря однако на восторженный тонъ папскихъ писемъ, въ нихъ проглядываетъ безпокойство, видно, что Лавицкій принесъ папѣ не однѣ только утѣшительныя вѣсти; Павла V-го безпокоило то, что Димитрій составилъ гвардію изъ иностранцевъ, исповѣдывавшихъ протестантизмъ, и приблизилъ къ себѣ двоихъ поляковъ, братьевъ Бучинскихъ, которые не были католиками (2); вотъ почему онъ пишетъ въ заключеніе: «Посылаемъ къ тебѣ обратно Лавицкаго, который много кой-о-чемъ объявитъ тебѣ отъ нашего имени; особенно внемли увѣщаніямъ не ввѣрять себя и своихъ еретикамъ и не удаляться отъ совѣта мудрыхъ и благочестивыхъ людей». Подъ послѣдними папа разумѣетъ Мнишка съ товарищи, и особенно католическихъ духовныхъ; изъ этихъ же словъ видно, что царь не слишкомъ преклонялся къ совѣтамъ мудрыхъ и благочестивыхъ и нуждался въ увѣщаніяхъ по этому случаю. Гораздо болѣе могъ надѣяться папа отъ Марины; онъ писалъ къ ней: «Мы оросимъ тебя своими благословеніями, какъ новую лозу, посаженную въ виноградникѣ господнемъ; да будешь дщерь, Бо-

(1) Тамъ же, № LXXVI.
(2) Adelung — Uebersicht der Reisenden, II, 181.

гомъ благословенная, да родятся отъ тебя сыны благословенные, каковыхъ надѣется, каковыхъ желаетъ святая матерь наша церковь, каковыхъ обѣщаетъ благочестіе родительское, т. е. самыхъ ревностныхъ распространителей вѣры христовой». Потомъ папа увѣщеваетъ Марину воспитывать будущихъ дѣтей своихъ въ строгости и благочестіи, съ младенчества напитать ихъ мыслію, что на нихъ лежитъ обязанность распространять истинную религію. Въ заключеніе Павелъ V-й поручаетъ расположенію московской царицы Андрея Лавицкаго и весь орденъ іезуитовъ, полезный всему свѣту (¹). Къ воевоеводѣ Сендомирскому папа писалъ, что онъ всего болѣе полагается на его благочестіе и нуждается въ его совѣтѣ и помощи. Павелъ V-й изъявляетъ надежду, что народъ московскій легко обратится въ католицизмъ, потому-что отъ природы кротокъ и до сихъ поръ еще не былъ зараженъ ересями (²).

Несмотря однако на всю эту переписку, Димитрій не думалъ слушаться папскихъ увѣщаній и поддаваться вліянію іезуитовъ: какъ онъ уважалъ мнѣніе русскаго народа относительно латиновъ, доказательствомъ служитъ то, что онъ не пригласилъ папскаго посла Александра Рангони къ столу и прямо объявилъ ему самому, что онъ поступилъ такъ для русскихъ (³). Не ревность къ католицизму заставляла его поддерживать дружелюбныя сношенія съ папою и Польшею: и тотъ и другая нужны были ему, во-первыхъ, по его связи съ семействомъ Мнишекъ, во-вторыхъ, по сильному желанію его воевать съ турками. Страсть къ воинской дѣятельности питалась природою его, энергическою и безпокойною; сюда присоединялось еще естественное желаніе отличить себя, начать царствованіе блестящимъ дѣломъ, показать себя достойнымъ отцовскаго престола. Но Димитрій хорошо зналъ, что Московское государство одно не въ состояніи бороться съ Турціею, особенно при тогдашнемъ состояніи ратныхъ силъ у насъ: вотъ почему царь обратилъ вниманіе съ одной стороны на улучшеніе войска, съ другой стороны на укрѣпленіе себя союзомъ съ Польшею, Имперіею и Персіею. Пославъ приказы ратнымъ людямъ собираться отовсюду и, отправивъ уже огнестрѣльный снарядъ къ Ельцу, съ цѣлію похода на Азовъ, царь между тѣмъ хотѣлъ ознакомить воеводъ своихъ съ осаднымъ искусствомъ, для чего дѣлалъ примѣрныя осады ледяныхъ крѣпостей; этимъ упражненіямъ однако помѣшала взаимная ненависть между дворянами русскими и

(¹) Eumque, ejusque toti orbi terrarum utilem societatem tantum dilige nostra causa, quantum nos te amamus in Domino, hoc est summé. — Histor. Russ. Monum. № LXXVI.

(²) Тамъ же.

(³) Adelung — Uebersicht der Reisenden, II, 183.

нѣмецкими тѣлохранителями царя, ненависть, которая едва было не дала кровавой развязки воинскимъ потѣхамъ ([1]). Столь же неудачно кончились сношенія съ Польшею и римскимъ дворомъ по поводу войны турецкой. Нунцій Рангони писалъ къ Димитрію, что хотя онъ, по приказу папы, и говорилъ съ королемъ Сигизмундомъ о тройномъ союзѣ между Москвою, Польшею и Имперіею, однако къ заключенію этого союза встрѣчаются неодолимыя препятствія, а именно уже въ одной народной враждѣ между нѣмцами и поляками; король можетъ согласиться на союзъ съ Имперіею только съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ имперскіе князья на это согласились и дали клятву не оставлять поляковъ во все продолженіе войны съ невѣрными; но при тогдашнемъ состояніи дѣлъ въ Германіи отъ князей нельзя ожидать подобнаго обязательства. Поэтому папа хотѣлъ ограничиться союзомъ Москвы съ Польшею противъ однихъ крымскихъ татаръ, истребленіемъ которыхъ оба государства отняли бы у Порты сильное пособіе и дали бы императору съ большимъ успѣхомъ дѣйствовать противъ нея въ Венгріи ([2]). Но ясно, что война съ крымцами была вмѣстѣ и войною съ Турціею, которая не могла оставить безъ помощи своихъ подданныхъ, и если Сигизмундъ отговаривался отъ войны съ турками, то не могъ начать и похода на Крымъ. Это несогласіе на союзъ, равно какъ упорство дать требуемый титулъ, раздражили Димитрія, и когда послы—Олесницкій и Гонсѣвскій, въ переговорахъ съ боярами, подали бумагу, заключавшую вопросъ: когда и съ какими силами царь намѣренъ ополчиться противъ невѣрныхъ, то бояре грубо отвѣчали: «Нашъ цесарь намѣренъ воевать съ погаными единственно по ревности къ славѣ божіей и святой вѣрѣ, безо всякихъ другихъ видовъ. Если же король поручилъ вамъ только вывѣдать наши мысли, чтобы послѣ самому ничего не дѣлать, то это будетъ коварствомъ и обманомъ ([3])». На это послы отвѣчали: «Вамъ самимъ извѣстенъ порядокъ договоровъ: кто предлагаетъ какое-либо важное дѣло и требуетъ чего-либо отъ другого, тотъ самъ прежде объявляетъ свои способы и средства». Тогда бояре пошли переговорить съ царемъ и, возвратившись, отвѣчали, что самъ Димитрій скоро будетъ говорить съ послами въ присутствіи ближнихъ бояръ; но эти переговоры не могли уже имѣть мѣста. — Намъ можетъ показаться страннымъ, что во всѣхъ переговорахъ съ Польшею не было рѣчи объ исполненіи обѣщанія, даннаго Димитріемъ касательно земель Смоленской и Сѣверской, изъ которыхъ одну уступалъ онъ Сигизмунду,

---

([1]) Москов. хрон. 69, 70.
([2]) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 126.
([3]) Дневникъ пословъ, въ Сказ. Соврем. 167, 168.

Но въ то самое время, какъ римскій дворъ употреблялъ всѣ усилія для скрѣпленія союза между Москвою и Польшею, возникли затрудненія въ собственныхъ сношеніяхъ его съ Димитріемъ: папа надѣялся, что бракъ царя на католичкѣ будетъ сильно содѣйствовать распространенію латинства въ московскихъ областяхъ; но Димитрій требовалъ, чтобъ Марина содержала католицизмъ втайнѣ, наружно же исполняла обряды закона греческаго, ходила въ греческую церковь, постилась въ дни, предписанные православіемъ. Нунцій Рангони, къ которому Димитрій обратился съ этими требованіями, отвѣчалъ, что, несмотря на пламенное желаніе услужить ему, онъ не имѣетъ никакой возможности удовлетворить означеннымъ требованіямъ, ибо такое важное и трудное дѣло требуетъ для своего рѣшенія власти высшей и разсужденія болѣе зрѣлаго. Не желая, чтобъ это дѣло пошло далѣе, Рангони пишетъ къ Димитрію: «Я не сомнѣваюсь, что когда ваше величество разсмотрите это дѣло съ своею обычною мудростію и извѣстнымъ благочестіемъ, то, помощію самодержавной власти, которой никто противиться не долженъ, отстраните всѣ затрудненія, не потерпите, чтобъ закону дано было неприличное истолкованіе, и не сдѣлаете никакого принужденія вашей невѣстѣ въ столь важномъ дѣлѣ; въ противномъ случаѣ могутъ произойти большія непріятности. При томъ же это дѣло не новое: повсюду видимъ, что женщины греческаго закона выходятъ за-мужъ за латиновъ, и наоборотъ, причемъ каждый изъ супруговъ сохраняетъ прежнее исповѣданіе, прежніе обряды; этотъ обычай имѣетъ силу не только для частныхъ людей, но и для государей: говорятъ, что одинъ изъ вашихъ предковъ задумавъ жениться на королевнѣ польской, именно предлагалъ, чтобъ она удержала всѣ обряды церкви латинской (1).» — Однако Димитрій не склонился на увѣщанія нунція, и дѣло было отослано на рѣшеніе папы (2). 4 марта 1606 года Боргезе увѣдомилъ нунція, что пункты, предложенные царемъ, рѣшены не согласно съ его желаніемъ, ибо конгрегація изъ кардиналовъ и теологовъ, послѣ тщательнаго обсуженія предмета, произнесла приговоръ, что престолъ апостольскій не разрѣшаетъ въ подобныхъ случаяхъ, и не бывало примѣра, чтобъ когда-нибудь разрѣшалъ. Въ такихъ же точно обстоятельствахъ находился и нынѣ царствующій король польскій, когда отправился въ Швецію для принятія престола: однако ему не позволено было сообразоваться съ лютеранскими обычаями». — Но когда дали знать въ Москву объ этомъ рѣшеніи, то на него не обратили тамъ большого вниманія: послѣ долгихъ совѣщаній съ русскимъ духовенствомъ старый Мнишекъ уступилъ и согласился, чтобъ дочь его ходила въ гре-

(1) Соб. гос. гр. и дог. II, № 124.
(2) Histor. Russ. Monum. II, № LXXIV.

первой неудачѣ отдаваться въ покровительство какому бы то ни было обществу. Но скоро терскихъ казаковъ кто-то надоумилъ, что гораздо выгоднѣе, подъ знаменами сомозванца, пустошить Московское государство; триста самыхъ удалыхъ изъ нихъ, подъ начальствомъ атамана Ѳедора Бодырина, условились выставить искателя престола, для чего стали разглашать, что въ 1592 году царица Ирина родила сына Петра, котораго Годуновъ подмѣнилъ дѣвочкою Ѳедосіею, скоро послѣ того умершею: выдумка, по всѣмъ вѣроятіямъ, московская, а не терекская: кажется, тѣже самые бояре, свергнувшіе Годунова Отрепьевымъ, захотѣли испытать такое же средство и противъ послѣдняго, по-крайней-мѣрѣ появленіемъ новаго самозванца затруднить Димитрія, отвлечь его вниманіе отъ ихъ заговора. Какъ бы то ни было, для молодыхъ казаковъ астраханецъ Димитрій и муромецъ Илья признаны способными играть роль царевича; но первый отказался, говоря, что въ Москвѣ онъ никогда не бывалъ и не знаетъ тамошнихъ дѣлъ, ни царскихъ обычаевъ; тогда положили Ильѣ быть царевичемъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ побочный сынъ муромскаго жителя Ивана Коровина. По смерти отца и матери, Илью взялъ нижегородскій купецъ Грозильниковъ въ сидѣльцы, и сидѣлъ онъ въ лавкѣ съ яблоками да съ горшками. Оставаясь три года въ этой должности, Илья имѣлъ случай съѣздить въ Москву, гдѣ прожилъ пять мѣсяцовъ. Отъ Грозильникова нанимался онъ у разныхъ торговыхъ людей въ кормовыхъ казакахъ (для стряпни) и ходилъ съ судами по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ; въ 1603 году онъ является уже казакомъ при войскѣ, ходившемъ въ Тарки, здѣсь перешелъ изъ казаковъ въ стрѣльцы, а по возвращеніи изъ похода въ Терскій городъ, вступилъ въ услуженіе къ Григорію Елагину, у котораго и зимовалъ. Лѣтомъ 1604 года поѣхалъ въ Астрахань, тамъ опять вступилъ въ казаки и отправился на Терекъ въ отрядѣ казачьяго головы Аѳанасія Андреева (¹). Всѣ эти похожденія показываютъ, что Ильѣ не могло быть меньше двадцати лѣтъ отъ роду, тогда какъ царевичу Петру не могло быть болѣе четырнадцати; но такая несообразность не остановила казаковъ; они говорили: «Государь де насъ хотѣлъ пожаловать, да лихи де бояре, переводятъ де жалованье бояре, да не дадутъ жалованья (²)». Они твердо положили исполнить свое намѣреніе и отвезли Илью къ казачьему атаману Гаврилѣ Пану. Терскій воевода, Петръ Головинъ, узнавъ о появленіи Самозванца, послалъ къ казакамъ съ предложеніемъ отослать его къ нему въ городъ; но мятежники не послушались и спустились на стругахъ до моря, гдѣ остановились на островѣ, противъ устья Терека. Напрасно Головинъ уговаривалъ ихъ не

(¹) Акты арх. эксп. т. II, № 81.
(²) Тамъ же.

покидать границы беззащитною и оставить, по-крайней-мѣрѣ, половину казаковъ на Терекѣ: казаки не хотѣли ничего слушать и всѣ, въ числѣ 4,000, отправились къ Астрахани. Не будучи впущены въ городъ, они миновали его и поплыли вверхъ по Волгѣ, занимаясь разбойничествомъ. Димитрій, который по собственному опыту зналъ, какъ опасно высылать войска противъ прирожденныхъ государей, послалъ звать царевича Петра въ столицу, объявивъ, что приказано взять нужныя мѣры для обезпеченія его продовольствія на пути. Посланный засталъ его въ Самарѣ; казаки приняли предложеніе и двинулись съ Ильею къ Москвѣ; но дядя не могъ уже свидѣться съ племянникомъ.

Вовсе не желая, какъ мы видѣли, жертвовать интересами своего государства интересамъ дворовъ иностранныхъ, римскаго и польскаго, Димитрій вмѣстѣ съ тѣмъ однако не могъ, не умѣлъ показаться своему народу царемъ, сохраняющимъ его интересы, именно потому, что явно пренебрегалъ внѣшностію, которою всего болѣе руководствуется толпа въ своихъ сужденіяхъ, ибо внутренняго не знаетъ, и если знаетъ, то не разумѣетъ. Димитрій думалъ, что, удовлетворивъ низшимъ классамъ народонаселенія соблюденіемъ старыхъ обычаевъ, онъ можетъ позволить себѣ внутри дворца образъ жизни, который своими удобствами и разгульемъ обольстилъ его въ странѣ чуждой: но внутри дворца, около трона стояли заклятые враги царя, слѣдившіе за каждымъ его движеніемъ и проносившіе каждое движеніе его въ толпахъ народа, разумѣется съ преувеличеніями. Иногда впрочемъ Димитрій явно, передъ всѣми поступалъ необдуманно, оскорблялъ народъ: такъ онъ велѣлъ вывести арбатскихъ и чертольскихъ священниковъ изъ занимаемыхъ ими домовъ, въ которые перевелъ своихъ нѣмецкихъ тѣлохранителей. Говорятъ также, будто онъ велѣлъ осмотрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходамъ, оцѣнить ихъ вотчины, и, оставивъ только необходимое для содержанія монаховъ, все прочее отобралъ въ казну на жалованье войску, сбиравшемуся въ походъ противъ турокъ. Но мы не можемъ принять этого извѣстія, во-первыхъ потому, что, какъ мы видѣли, Димитрій подтверждалъ монастырямъ жалованныя грамоты и давалъ новыя; во-вторыхъ потому, что это извѣстіе находится только у троихъ иностранныхъ писателей — автора Московской Хроники, Гревенбруха и автора Легенды: еслибъ оно было справедливо, то какъ могло статься, что до насъ не дошло никакого акта объ этомъ важномъ событіи, что о немъ не было упомянуто ни въ какомъ позднѣйшемъ актѣ, наконецъ какъ могло случиться, что лѣтописцы русскіе, которые стараются всячески чернить память Димитрія, пропустили безъ вниманія такой важный поступокъ? Впрочемъ вѣроятно,

что, подобно Ивану Грозному, Димитрій потребовалъ у духовенства сильнаго вспоможенія для наступающей войны съ невѣрными, а это ревностнымъ протестантамъ показалось отобраніемъ имущества у монаховъ. Вообще надобно замѣтить, что хотя и были причины къ народному неудовольствію, которое иногда и обнаруживалось, однако это неудовольствіе далеко не было такъ сильно и всеобще, какъ обыкновенно представляютъ; увѣренность въ царскомъ происхожденіи Димитрія и усердіе къ его особѣ далеко не у всѣхъ были поколеблены. Такъ однажды Басмановъ донесъ царю, что нѣкоторые стрѣльцы распускаютъ о немъ дурные слухи; Димитрій какъ прежде отдалъ дѣло Шуйскаго на рѣшеніе всей земли, такъ теперь отдалъ дѣло семерыхъ обличенныхъ стрѣльцовъ на рѣшеніе ихъ товарищей; тогда голова стрѣлецкій, Григорій Микулинъ, грубо выразилъ свое усердіе: «освободи, государь, мнѣ — сказалъ онъ — я у тѣхъ твоихъ государевыхъ измѣнниковъ не только что головы поскусаю, и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю»; и тутъ же, по знаку Микулина, стрѣльцы бросились на обвиненныхъ товарищей и изрубили ихъ въ куски. Но зато гораздо поразительнѣе былъ въ противоположномъ смыслѣ поступокъ дьяка Тимоѳея Осипова: постившись и причастясь св. Таинъ, Осиповъ пришелъ во дворецъ и передъ всѣми началъ говорить Димитрію: «ты воистину Гришка Отрепьевъ, рострига, а не цесарь непобѣдимый, ни царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ» (1). Это вывело царя изъ терпѣнія: онъ велѣлъ немедленно казнить Осипова. Вольная, нарушавшая обычаи предковъ жизнь Димитрія также находила усердныхъ и явныхъ порицателей среди самыхъ царедворцевъ: такъ однажды, когда въ четвергъ на шестой недѣлѣ великаго поста за столомъ царскимъ подали жареную телятину, то князь Василій Шуйскій замѣтилъ Димитрію, что въ постъ русскіе не могутъ ѣсть мяса; послѣдній, охотникъ до споровъ, началъ возражать князю; тогда думный дворянинъ, извѣстный уже намъ Татищевъ, взялъ сторону Шуйскаго и наговорилъ царю такихъ вещей, что тотъ долженъ былъ выгнать его изъ-за стола и хотѣлъ было сослать въ Вятку, но былъ упрошенъ Басмановымъ. Неудовольствія усилились съ прибытіемъ Марины въ Москву. Димитрій, страстно влюбленный въ свою невѣсту, не хотѣлъ принуждать ее въ дѣлахъ вѣры, требуя только отъ нея наружнаго соблюденія православныхъ обрядовъ въ глазахъ народа; но этою уступкою онъ не могъ угодить послѣднему: знали царедворцы, слѣдовательно зналъ и народъ, что Марина остается латинкою. Грекъ Игнатій согласился совершить бракъ и вѣнчать Марину на

(1) Палиц. стр. 29

царство, но архіереи русскіе — Гермогенъ казанскій и Іоасафъ коломенскій, говорили, что если невѣста не перемѣнитъ исповѣданія, то бракъ не будетъ законнымъ; Гермогенъ былъ удаленъ въ свою епархію и тамъ заключенъ въ монастырь, Іоасафа оставили въ покоѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ. Бракъ и царское вѣнчаніе были совершены, и здѣсь новый соблазнъ, новая причина къ неудовольствію: свадьба была на девятое мая, на пятницу и на Николинъ день, что запрещено уставомъ православной церкви. Но не одни духовные интересы были затронуты съ прибытіемъ Марины: для помѣщенія родственниковъ невѣсты вывели изъ кремлевскихъ домовъ не только купцовъ и духовныхъ, но даже бояръ, и въ томъ числѣ мнимыхъ родственниковъ царя — Нагихъ; притомъ спутники Мнишекъ, поляки, вели себя въ Москвѣ съ безразсудною кичливостію (¹); вѣроятно Димитрію нарочно не доносили объ этомъ для бóльшаго раздраженія народа, ибо мы прежде видѣли, что Димитрій не потакалъ полякамъ, хотѣвшимъ насильничать въ Москвѣ. Народъ волновался; купцы исправно обирали расточительныхъ гостей, но въ душѣ скрывали тоску и злобу (²). Казаки, вѣрные союзники Димитрія, также не упускали случая ругаться надъ гражданами, называли ихъ жидами. Тогда Шуйскій съ товарищами увидѣли, что приспѣло время приступить къ дѣлу. Начальниками заговора были князья: Василій Ив. Шуйскій и Василій Вас. Голицынъ, оба хотѣвшіе престола для себя; князь Мстиславскій, первый въ думѣ, былъ послѣднимъ при каждомъ движеніи, по недостатку энергіи. Шуйскій и Голицынъ стояли теперь дружно, потому-что имѣли общую цѣль — сверженіе Самозванца; соперничество ихъ начиналось по ея достиженіи. Къ нимъ присоединилось много бояръ и людей думныхъ. Подозрительность сильно повредила Годунову, довѣрчивость погубила Димитрія: онъ не только простилъ Шуйскихъ, но снова далъ имъ прежнія мѣста, снова обходился съ ними какъ съ ближними и пріятелями. Мы упоминали, что Годуновъ не позволялъ жениться ни Шуйскому, ни Мстиславскому, думая, что безпотомственность положитъ преграду ихъ честолюбивымъ замысламъ: но сѣдины и старость уже преклонная не потушили въ Шуйскомъ ни честолюбія, ни желанія имѣть наслѣдника; вмѣстѣ съ Мстиславскимъ онъ просилъ у царя позволеніе жениться — и получилъ его: Мстиславскій женился на двоюродной сестрѣ царицы Марѳы, Шуйскій былъ помолвленъ на княжнѣ Буйносовой-Ростовской, также родственницѣ Нагихъ; но это не помѣшало ему дѣйствовать

(¹) Petricii, Histor. Moschov. l. II, p. 108: Nos certe non omiserim, securius corruptiusque, quam media in pace, et non in alieno et hostili solo; libidinem, insolentiam, cupidinem, avaritiam intendentes etc.

(²) Палиц. стр. 28.

противъ мнимаго родственника своей невѣсты. Еще прежде свадьбы царской между боярами было все улажено: для сохраненія единства между собою, столь необходимаго въ такомъ дѣлѣ, главные заговорщики — Шуйскіе, В. В. Голицынъ и Ив. Сем. Куракинъ, положили прежде всего убить Разстригу, «а по немъ изъ нихъ кому царемъ быти и никому за прежнія досады не мстити, но общимъ совѣтомъ россійское царство управляти» (1). Эти важныя слова лѣтописи объясняютъ намъ послѣдующія явленія въ царствованіе Шуйскаго, именно ограниченіе власти царя совѣтомъ боярскимъ. Условившись съ своею братьею, Шуйскій началъ дѣйствовать на народъ; мы уже упоминали прежде о расположеніи, какое питали къ нему торговые люди московскіе; кромѣ того онъ привлекъ на свою сторону восемьнадцатитысячный отрядъ войска, стоявшаго подлѣ Москвы и назначеннаго къ походу на Крымъ (2); и тутъ, когда дѣло доходило до народнаго возстанія, граждане старыхъ вѣчевыхъ городовъ, новгородцы и псковитяне заняли первое мѣсто (3); новгородцы не измѣнили и тутъ прежнимъ связямъ: Шуйскій былъ послѣднимъ воеводою вольныхъ людей, за Шуйскаго стояли новгородцы всѣмъ городомъ противъ Бѣльскаго въ малолѣтство Грознаго, и теперь первые пришли на призывъ Шуйскаго. Ночью собрались къ послѣднему бояре, купцы, сотники и пятидесятники. Шуйскій объявилъ имъ о страшной опасности, которая грозитъ Москвѣ отъ царя, преданнаго полякамъ (4), прямо открылся, что Самозванца признали истиннымъ Димитріемъ только для того, чтобы избавиться отъ Годунова и думая найти въ молодомъ человѣкѣ, одаренномъ блестящими качествами, защитника вѣры и отеческихъ обычаевъ, но что жестоко обманулись въ своей надеждѣ: новый царь любитъ только иноземцевъ, презираетъ святыню, оскверняетъ храмы, изгоняетъ священниковъ изъ домовъ, которые отдаетъ иновѣрцамъ, наконецъ женится на полькѣ поганой. «Если мы — продолжалъ Шуйскій — не возьмемъ заранѣе своихъ мѣръ, то испытаемъ еще большія бѣдствія. Я, съ своей стороны, для спасенія православной вѣры, снова готовъ рѣшиться на все, лишь бы вы помогли мнѣ усердно: каждый сотникъ долженъ объявить своимъ подчиненнымъ о самозванствѣ царя и злыхъ умыслахъ его съ поляками, пусть ратные люди совѣтуются съ гражданами о томъ, какъ отклонить бѣду; въ случаѣ единодушія успѣхъ несомнѣненъ: за насъ нѣсколько сотъ тысячъ, за Димитрія пять тысячъ поляковъ, и то разсѣянныхъ по разнымъ частямъ города». Нашлась

(1) Степ. кн. Латух.
(2) Histor. Russ. Monum. p. 173.
(3) Сказаніе еже содѣяся, въ Чтеніяхъ М. И. О. т. IX.
(4) Москов. Хрон. стр. 74.

толпа людей, готовыхъ стать орудіемъ для исполненія замысла; однако боялись приверженности многихъ гражданъ къ Димитрію, и потому условились по первому набату броситься во дворецъ съ крикомъ: «Поляки губятъ царя», чтобъ этимъ возбудить и доброжелателей послѣдняго, а потомъ уже, окруживъ Димитрія какъ будто для защиты, предать его смерти; положено было ворваться въ тоже время въ жилища поляковъ, означенныя наканунѣ русскими буквами, и перебить ненавистныхъ гостей; нѣмцевъ положено не трогать, потому-что знали уже равнодушіе этихъ честныхъ наемниковъ, которые храбро сражались за Годунова, вѣрны Димитрію до его смерти, и потомъ будутъ также вѣрны новому царю изъ бояръ. Если заговорщики условились разглашать въ народѣ о самозванствѣ Димитрія и вредныхъ его замыслахъ, то ясно, что эти слухи должны были немедленно обнаружиться: если трезвые были осторожны, зато пьяные громко проклинали царя еретика и поганую царицу. Нѣмецкіе алебардщики схватили одного изъ такихъ крикуновъ и привели во дворецъ; но бояре сказали Димитрію, что не слѣдуетъ обращать вниманія на бредни пьянаго человѣка и слушать доносы нѣмецкихъ наушниковъ, особенно когда у него столько силы, что легко задавитъ всякой мятежъ, еслибъ даже кто-нибудь и вздумалъ его затѣять. Такія рѣчи какъ нельзя лучше приходились по характеру Димитрія, который больше всего боялся показаться трусливымъ и недовѣрчивымъ. Вотъ почему, когда начальники иноземной стражи, съ нѣмецкою аккуратностію, на бумагѣ три дня сряду доносили ему о замышляемомъ возстаніи, то сначала Димитрій спряталъ ихъ донесеніе, сказавши: «все это вздоры»; наконецъ это ему такъ наскучило, что онъ велѣлъ наказывать доносчиковъ. Въ тоже время готовилась воинская потѣха: Димитрій хотѣлъ сдѣлать примѣрный приступъ къ деревянному городку, выстроенному за срѣтенскими воротами. Заговорщики воспользовались этими приготовленіями и распустили слухъ, что Димитрій, во время потѣхи, хочетъ истребить всѣхъ знаменитыхъ бояръ и потомъ уже безпрепятственно подѣлиться съ Польшею московскими областями и ввести латинство. Народъ, все сильнѣе и сильнѣе подстрекаемый, и не видя никакого препятствія, никакихъ мѣръ со стороны правительства, не могъ долѣе сдерживаться; по ночамъ многочисленныя толпы бродили по улицамъ, ругая поляковъ; доходило и до драки: квартира князя Вишневецкаго была разъ осаждена толпою, состоявшею тысячъ изъ четырехъ человѣкъ. Димитрій смотрѣлъ на все это, какъ на необходимое столкновеніе между двумя враждебными народами; ему донесли однажды, что одинъ полякъ обезчестилъ боярыню, ѣхавшую въ повозкѣ; Димитрій нарядилъ слѣдствіе во дворцѣ, изъ кото-

раго однако, по увѣренію поляковъ, ничего не оказалось ([1]). Поляки впрочемъ не раздѣляли безпечности Димитрія, который долженъ былъ двукратно посылать къ посламъ съ увѣреніемъ, что нечего бояться, ибо онъ такъ хорошо принялъ въ руки государство, что безъ воли его ничего произойти не можетъ. Несмотря на то, послы поставили у себя на дворѣ стражу, а Мнишки расположили на своихъ квартирахъ всю польскую пѣхоту, которую привели съ собою. Эти ратники донесли воеводѣ, что москвитяне не продаютъ имъ болѣе пороху и оружія; встревоженный Мнишекъ тотчасъ пошелъ сказать объ этомъ Димитрію, но тотъ отвѣчалъ ему смѣхомъ, удивляясь малодушію поляковъ; однако для успокоенія тестя велѣлъ разставить по улицамъ стрѣлецкую стражу. Въ ночь съ шестнадцатаго на семнадцатое мая вошелъ въ городъ восемьнадцатитысячный отрядъ, назначенный въ Елецъ противъ крымцевъ; между тѣмъ заговорщики заняли всѣ двѣнадцать воротъ и не пускали уже никого ни въ Кремль, ни изъ Кремля. Нѣмецкіе стражи, которыхъ обыкновенно находилось во дворцѣ по сту человѣкъ, получили именемъ царскимъ приказъ отъ бояръ разойтись по домамъ, такъ-что при дворцѣ осталось только тридцать алебардщиковъ. Поляки ничего не знали объ этихъ распоряженіяхъ, и спали спокойно, тѣмъ болѣе, что пятница, шестнадцатое число, прошла безъ всякаго шуму и приключенія; но не спали заговорщики, дожидаясь условленнаго знака. Около четырехъ часовъ утра ударили въ колоколъ у Ильи Пророка близь гостиннаго двора, и разомъ заговорили всѣ колокола московскіе. Толпы народу, между прочимъ и преступники, освобожденные изъ темницъ ([2]), вооруженные чѣмъ ни попало, хлынули на Красную площадь; тамъ уже сидѣли на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухъ сотъ, въ полномъ вооруженіи; на тревогу выбѣжали изъ домовъ и тѣ изъ москвитянъ, которые не знали о заговорѣ; на вопросы о причинѣ смятенія имъ отвѣчали, какъ было условлено, что Литва бьетъ бояръ, хочетъ умертвить и царя; тогда всѣ спѣшили на защиту своихъ. Понятно, что для бояръ было важно поскорѣе, безъ объясненій кончить дѣло съ Димитріемъ внутри Кремля и дворца, среди своихъ, безъ многочисленныхъ свидѣтелей изъ народа; вотъ почему Шуйскій, не дожидаясь, пока много народу соберется на площадь, въ сопровожденіи однихъ приближенныхъ заговорщиковъ въѣхалъ въ Кремль чрезъ Спасскія ворота, держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой мечь. Подъѣхавъ къ Успенскому собору, онъ сошелъ съ лошади, приложился къ образу владимірскія Богоматери и сказалъ

([1]) Histor. Russ. Monum. p. 173.
([2]) Petricii, Histor. Moschov. l. II, p. 111, 112.

ями спрашивали его: «кто ты, кто твой отецъ, откуда ты родомъ?» Онъ отвѣчалъ: «вы всѣ знаете, что я царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите обо мнѣ мать мою или выведите меня на лобное мѣсто и дайте объясниться». Но ясно, что бояре не могли допустить его до этого объясненія; о чемъ далѣе говорили они съ Димитріемъ, неизвѣстно, потому-что ливонецъ Фирстенбергъ, который изъ состраданія къ Димитрію прокрался было близко къ нему, былъ убитъ, какъ свидѣтель опасный; на трогательное обращеніе къ матери, князь Ив. Вас. Голицынъ отвѣчалъ, что онъ уже былъ у нея, спрашивалъ, и что она отрекается отъ мнимаго сына, утверждая, что истинный убитъ въ Угличѣ; тоже самое было повѣщено народу, съ прибавкою, что самъ Димитрій винится въ своемъ самозванствѣ, и что Нагіе подтверждаютъ показаніе Мареы; тогда отовсюду раздались крики: «бей его, руби его!» Изъ толпы выскочилъ сынъ боярскій, какой-то Григорій Валуевъ, и выстрѣлилъ въ Димитрія, сказавъ: «Что̀ толковать съ еретикомъ, я благословлю польскаго свистуна!» Другіе дорубили несчастнаго и бросили трупъ его съ крыльца на тѣло Басманова, приговаривая: «Ты любилъ его живого, не разставайся и съ мертвымъ». Тогда чернь овладѣла трупами и, обнаживъ ихъ, потащила черезъ Спасскія ворота на Красную площадь; поровнявшись съ Вознесенскимъ монастыремъ, толпа остановилась и спрашивала у Мареы: «твой ли это сынъ?» Старуха, одинаково притворная въ печали и радости, отвѣчала: «Вы бы спрашивали меня объ этомъ, когда онъ еще былъ живъ; теперь уже онъ, разумѣется, не мой (1)». На красной площади выставлены были оба трупа, при чемъ не пощадили никакого рода ругательствъ. Но въ то время, какъ однѣ толпы народа ругались надъ обезображеннымъ трупомъ того, кого незадолго величали краснымъ солнцемъ Руси, другія раздѣлывались съ ненавистными гостями польскими. Прежде всего были убиты польскіе музыканты, найденные во дворцѣ; потомъ бросились къ домамъ, занятымъ ихъ единоземцами: мужчинъ били, женщинъ уводили къ себѣ; но воевода Сендомирскій, сынъ его и князь Вишневецкій отражали силу силою до тѣхъ поръ, пока имъ на помощь не подоспѣли бояре, которые, имѣя только въ виду раздѣлаться съ Самозванцемъ, вовсе не хотѣли заводить войны съ Польшею безполезнымъ убійствомъ ея пановъ. Пословъ польскихъ не тронули; бояре послали сказать Олесницкому и Гонсѣвскому, что имъ, какъ посламъ, опасаться нечего: жизнь ихъ будутъ тщательно сберегать; но, съ своей стороны, послы и люди ихъ не должны мѣшаться съ другими поляками, которые пріѣхали съ воеводою сендо-

(1) Petricii, II, 116.

мирскимъ въ надеждѣ завладѣть Москвою и надѣлали много зла русскимъ». Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Вы сами признали Димитрія царевичемъ, сами посадили его на престолъ; теперь же, узнавъ, какъ говорите, о его самозванствѣ, убили его. Намъ нѣтъ до того никакого дѣла, и мы совершенно покойны насчетъ нашей безопасности, потому-что не только въ христіянскихъ государствахъ, но даже и въ бусурманскихъ особа пословъ неприкосновенна. Что же касается до остальныхъ поляковъ, то они пріѣхали не на войну, не для того, чтобъ овладѣть Москвою, но на свадьбу, по приглашенію вашего государя, и если кто-нибудь изъ людей ихъ обидѣлъ кого-нибудь изъ вашихъ, то на это есть судъ; и потому просимъ бояръ не допускать до пролитія крови подданныхъ королевскихъ, потому-что если станутъ бить ихъ передъ нашими глазами, то не только люди наши, но и мы сами не будемъ равнодушно смотрѣть на это, и согласимся лучше всѣ вмѣстѣ погибнуть; о слѣдствіяхъ же предоставимъ судить самимъ боярамъ думнымъ». Для охраненія пословъ было поставлено около дома ихъ пятьсотъ стрѣльцовъ. За часъ до полудня прекратилась рѣзня, продолжавшаяся семь часовъ; по однимъ извѣстіямъ (1) поляковъ было убито 1,200 человѣкъ, а русскихъ 400, по другимъ (2), однихъ поляковъ 2,135 человѣкъ; иные же полагаютъ 1,500 поляковъ и 2,000 москвитянъ (3).

Были однако люди, которые осмѣлились забыть прошедшее для честолюбивыхъ замысловъ о будущемъ, которые осмѣлились думать, что и другіе точно также забудутъ прошедшее. За Годунова было прошедшее: умъ и прежнее блистательное правленіе выдвигали его изъ толпы; по смерти Ѳедора онъ необходимо для каждаго являлся на первомъ планѣ, былъ царемъ, давно уже ознаменованнымъ; Годунова можно было свергнуть только Лжедимитріемъ, только тѣнью сына Іоаннова; но чѣмъ выдвигались изъ толпы Шуйскій и Голицынъ, какое прошедшее могли выставить за себя? Несмотря на то однако, Шуйскій и Голицынъ стояли въ челѣ заговора, имѣя ввиду престолъ; каждый изъ нихъ имѣлъ свою сторону; сторона Шуйскаго естественно была сильнѣе, во-первыхъ уже потому, что онъ болѣе выдавался изъ толпы чѣмъ Голицынъ, особенно въ послѣднее время; во-вторыхъ потому, что онъ имѣлъ сильную партію между жителями Москвы: тѣ, которые имѣли силу и отвагу свергнуть Лжедимитрія, не могли не воспользоваться этою силою и отвагою для возведенія на престолъ своего вождя, своего любимаго боярина. Противники Шуйскаго знали это, и потому хотѣли противопоставить голосу москов-

(1) Де Ту, въ Сказ. Соврем.
(2) Москов. Хрон., тамъ же.
(3) Petricii, l. II., p. 127, 129.

Предварительно замѣтимъ, что въ настоящее время патологи единогласно причисляютъ меланхолію къ нервнымъ болѣзнямъ (nervoses); и потому мы можемъ полагать, что, гдѣ бы ни зарождалась она первоначально, въ мозгу ли, или во внутренностяхъ живота, непремѣнно нервная система играетъ въ этомъ случаѣ важную роль и должна быть весьма предрасположена къ этой болѣзни. Въ чемъ же состоитъ это предрасположеніе? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, мы имѣемъ множество положительныхъ и неоспоримыхъ фактовъ. Факты эти показываютъ, что упомянутое предрасположеніе заключается въ организмѣ болѣе или менѣе нѣжномъ, но всегда наклонномъ къ спазмамъ и сильному напряженію фибръ (éréthisme), — въ нервной системѣ, легко приимающей впечатлѣнія, — въ живой, сильной и дѣятельной чувствительности, — въ пылкомъ, безпокойномъ и легко восторгающемся воображеніи, — въ сильномъ развитіи нравственной стороны человѣка и въ высшей степени изощренія его ума. Спрашивается, гдѣ врачь можетъ найти соединеніе столькихъ способностей, если не въ организмѣ людей, прославившихся на какомъ-либо поприщѣ? Такимъ образомъ, когда въ нихъ самихъ, въ этихъ людяхъ, заключается уже *предрасположеніе* къ болѣзни, можно сказать, врожденное имъ, тогда нужны только какіе-нибудь *случайные поводы*, которые рѣшаютъ все и обращаютъ предрасположеніе въ самую болѣзнь. Поводы эти многочисленны и сильны; мы встрѣчаемъ ихъ въ общественномъ быту, въ непрестанно развивающейся цивилизаціи, въ столкновеніи интересовъ и страстей, наконецъ въ различныхъ фазахъ и перемѣнахъ судьбы человѣка.

Человѣкъ, одаренный отъ природы высшими способностями, естественнымъ образомъ стремится дать имъ по возможности бо́льшее развитіе. Посвящаетъ ли онъ себя наукамъ, или искусствамъ, вдается ли въ треволненія государственной жизни, онъ жаждетъ возвыситься, прославиться, составить себѣ извѣстность; желаетъ, чтобы имя его блистало межь современниковъ и въ потомствѣ, мечтаетъ непрестанно о славѣ, — однимъ словомъ, «заботится всю жизнь», по выраженію одного великаго писателя, «о сооруженіи себѣ самому статуи». Но къ достиженію этой цѣли путь не гладокъ, труденъ, обильно усѣянъ терніемъ: сколько трудовъ, усилій, сколько препятствій со стороны людей и обстоятельствъ, и, вслѣдствіе того, сколько неизбѣжныхъ безпокойствъ, сердечныхъ мукъ и внутреннихъ волненій! сколько ощущеній и чувствованій, то тяжелыхъ и печальныхъ, то чистыхъ и сладкихъ, но всегда живыхъ, разнообразныхъ, доходящихъ до крайней степени и отдающихся въ глубинѣ души! Едва ли есть организмъ, который могъ бы вынести всѣ эти потрясенія безъ собственнаго разстройства. Высшая степень жизненности,

въ которую приводятся органы въ подобныхъ случаяхъ, и чрезмѣрное усиленіе отправленій животной экономіи необходимо разрушаютъ гармонію организма. Динамическія условія жизни, имѣющія мѣсто при здоровомъ состояніи организма, исчезаютъ. Слѣдствіемъ того бываютъ два результата: съ одной стороны, значительная часть нервной дѣятельности, по врожденному превосходству мозга, при томъ мозга всегда возбужденнаго, сосредоточивается въ этомъ органѣ, и это нарушаетъ равновѣсіе нервной дѣятельности (иннервація); съ другой стороны, нервная система надолго пріобрѣтаетъ усиленную чувствительность и впадаетъ въ какое-то *раздражительное разслабленіе*, что дѣлаетъ ее въ высшей степени способною къ впечатлѣніямъ. Послѣднее обстоятельство зависитъ отъ одного изъ важнѣйшихъ физіологическихъ законовъ,—закона, по которому *чѣмъ болѣе нервы бываютъ раздражаемы, тѣмъ болѣе становятся раздражительны*, чѣмъ болѣе возбуждаема бываетъ чувствительность, тѣмъ воспріимчивѣе становится она къ впечатлѣніямъ, такъ-что *расположеніе къ раздражительности* (*diathèse d'irritabilité*), составляющее основное начало организма великихъ людей, возрастаетъ и увеличивается всегда по мѣрѣ усиленнаго и постояннаго возбужденія умственныхъ и чувственныхъ способностей.

Изъ этого легко понять, что въ подобныхъ случаяхъ должна происходить реакція на организмъ вообще. И дѣйствительно, *расположеніе къ раздражительности*, о которомъ мы сказали, доведенное до крайняго предѣла, всегда глубоко разстроиваетъ жизненные органы. Весьма часто оно доходитъ до *болѣзненной нервной раздражительности*, болѣзни столько обыкновенной и такъ мало изслѣдованной. Эта нервная раздражительность, этотъ источникъ обыкновенной раздражительности, скоро переходитъ изъ физическаго нашего состава въ сферу нравственную, изъ органовъ въ мысли и чувства; а отъ такого расположенія до нервнаго разстройства, извѣстнаго подъ названіемъ *меланхоліи*, всего одинъ шагъ; многіе даже признавали ихъ тождественными.

Итакъ, мы видимъ, что органическое и матеріяльное предрасположеніе замѣчательныхъ людей къ меланхоліи обнаруживается въ ихъ дарованіяхъ, которыми надѣляетъ ихъ природа, въ ихъ высшей способности чувствовать, въ необыкновенной тонкости умозрѣнія и силѣ пониманія, которыми отличаются отъ другихъ такіе люди. И чѣмъ болѣе степень ихъ умственной эксцентричности, тѣмъ болѣе они, кажется, наклонны къ этой болѣзни. Замѣчено также, что чувство огорченія и скука, которыя преслѣдуютъ людей, долго и напряженно жившихъ умственною жизнію, являются только въ зрѣломъ возрастѣ. Дѣйствительно, въ этомъ періодѣ жизни организмъ далеко

[illegible] глубокія [illegible] что [illegible]

[illegible] что [illegible] Это [illegible]

торый говоритъ, что человѣку должно уносить свою душу изъ толпы:

«Retirer son âme de la presse.»

Въ немъ поселяются пресыщеніе и отвращеніе къ повседневной жизни, чувствуемыя возвышенными душами, которыя слишкомъ рано разочаровались въ людскихъ обѣщаніяхъ и обольщеніяхъ славы. Для него не существуетъ то невинное вѣрованіе, будто слава даетъ человѣку идеальное счастье. При словѣ: слава, юный меланхоликъ, увлеченный гордыми замыслами, вдругъ оживаетъ; молва и извѣстность получаютъ въ его глазахъ несказанную прелесть, военная труба и лавры составляютъ для него всѣ условія счастья. Человѣкъ, пріобрѣвшій славу, опредѣлилъ уже настоящую цѣну этихъ побрякушекъ и, отдавая имъ холодное уваженіе, всегда приходитъ къ грустнымъ словамъ Цезаря: «Неужели въ этомъ все заключается?» Юноша, хотя и подверженъ меланхоліи, полонъ силы и здоровья; имъ движетъ какое-то безуміе; въ немъ такъ много жизни, что онъ едва знаетъ о томъ, что она должна кончиться. Да и какъ ему понимать смерть, когда его органы такъ дѣятельны, его кровь обращается такъ быстро и правильно? У пожилого меланхолика организмъ измѣнился, и такой человѣкъ не только знаетъ, но уже чувствуетъ, что ему должно умереть: остальные безцвѣтные годы жизни, еще нѣсколько огорченій и затѣмъ могила, – все это не можетъ украсить и оживить его существованія; въ самомъ дѣлѣ оно вянетъ и со дня на день слабѣетъ; а мрачное расположеніе духа сушитъ кости, какъ выражается объ этомъ и Соломонъ въ своихъ притчахъ (*).

Мы видимъ теперь, какими путями въ жизнь физическую и нравственную входитъ меланхолія. Болѣе или менѣе всѣ люди подвержены этому недугу; но у людей высшей природы онъ гораздо разительнѣе, во-первыхъ потому, что чувство это у нихъ сильнѣе, во-вторыхъ потому, что дѣятельность ихъ мозга одарена особенною энергіею. Наблюдайте надъ геніальнымъ человѣкомъ, идущимъ по пути, который указанъ ему судьбою: онъ стремится полный душевнаго жара и надеждъ; но чѣмъ выше его душа, чѣмъ дѣятельнѣе сердце, чѣмъ возвышеннѣе умъ его, тѣмъ сильнѣе разбивается все это о преграды и нищету, которыми окружаютъ его предразсудки, рутина и зависть. Въ этой великой и нескончаемой борьбѣ того, что есть, съ тѣмъ, чему бы слѣдовало быть, онъ нетолько видитъ, но самъ даже иногда преувеличиваетъ безполезность своихъ усилій. Пріобрѣвъ слишкомъ рано страшную

(*) Сердце веселящееся благоимѣтися творитъ; мужу же печальну засышутъ кости. (Притчи Салом. гл. 17, стихъ 22).

[illegible] духъ его [illegible] ждеть [illegible] которой не [illegible] Тамъ [illegible]

[illegible]

торая, если еще не составляетъ меланхоліи, то весьма къ ней близка. Св. Августинъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, упоминая о желаніяхъ: «*eunt, ut non sint,* — они стремятся къ тому, чтобы не жить». Но для человѣка посредственныхъ способностей есть тысяча вещей, которыхъ онъ желаетъ и которыя не существуютъ для человѣка много мыслившаго. Въ геніяльности послѣдняго есть своя мѣра, подъ которую часто ничто не подходитъ; его разборчивость заставляетъ его пренебрегать многимъ; будучи отъ природы взыскательнымъ, онъ кажется холоднымъ, надменнымъ, и тѣмъ вооружаетъ противъ себя мелочные умы, которыхъ впрочемъ больше на свѣтѣ. Обращая на все свою микроскопическую проницательность, онъ уже впередъ оцѣнилъ и взвѣсилъ въ умѣ своемъ вещи, которыми еще дорожатъ другіе. Эта гибельная проницательность всегда разрушаетъ очарованіе и губитъ множество прельщеній, присутствіе которыхъ такъ важно. Замѣчено, что люди съ тонкимъ, проницательнымъ умомъ, очищеннымъ вкусомъ и изысканною разборчивостію бываютъ слишкомъ взыскательны, никогда не бываютъ довольны ни собою, ни другими, чувствуютъ малѣйшіе недостатки и принимаютъ ихъ близко къ сердцу. Подобная взыскательность составляетъ постоянное мученіе въ обыкновенной жизни. Спрашивается, какимъ образомъ въ такую пору внушить расположеніе и вкусъ къ простымъ привычкамъ человѣку съ обширнымъ геніемъ, съ воображеніемъ дѣятельнымъ, неспокойнымъ, если онъ всему предпочитаетъ шумъ и громъ, если онъ жаждетъ безпрестанно живыхъ ощущеній, то обманчивыхъ, то разрушаемыхъ суровымъ опытомъ. Но нельзя послѣ этого и удивляться, если глубокая и тайная тоска сокрушаетъ душу такого человѣка, если на пиру жизни ему достается пить горечь, межь тѣмъ какъ другіе, бывъ ниже его, упиваются изобильно сладкимъ напиткомъ.

Но мы должны строго различать меланхолію, которая составляетъ настоящую патологическую болѣзнь, отъ того неопредѣленнаго чувства, которое давитъ и мучитъ душу поэта или артиста, отъ той сладострастной мечтательности, которая производитъ пріятныя возбужденія умственныхъ способностей. Извѣстно каждому, что чувствительность души, живое и нѣжное воображеніе бываютъ глубокимъ источникомъ счастливыхъ вдохновеній. Но мы говоримъ здѣсь о болѣзни, о мизантропіи, порожденіи истомленнаго тѣла и духа дѣятельнаго, но потерявшаго бодрость. Когда подобное состояніе души водитъ перомъ писателя, изъ нея выливаются мрачныя мысли, печальныя картины, грустныя отрывистыя выраженія; въ словахъ его видна неумолимая, колкая, язвительная сила; на его лирѣ всегда есть одна мѣдная струна.

Мы выше сказали, сколько брюшныя внутренности дѣйствуютъ на мозгъ, предрасположенный уже къ болѣзненному состоянію; но не слѣдуетъ забывать также, что постоянная угрюмость и явная наклонность къ мрачнымъ идеямъ производятъ въ свою очередь невыгодное вліяніе на животную экономію, и именно на пищеварительный органъ. Доказано, что, въ подобныхъ случаяхъ, жизненныя силы сосредоточиваются во внутренностяхъ, пищевареніе растроивается, печень засоряется и приходитъ въ раздраженіе, кровообращеніе замедляется. Одинъ знаменитый физіологъ прошедшаго столѣтія замѣтилъ, что между пріятными идеями, рождающимися въ душѣ, и дѣйствіемъ фибръ во всемъ тѣлѣ, и особенно въ брюшныхъ органахъ, находится столь тѣсное соотношеніе, что эти оба проявленія нашей физической и нравственной жизни часто происходятъ одно изъ другаго. Случается, что съ развитіемъ меланхоліи воображеніе наполняется химерами, умъ раздражается, впадаетъ въ самыя жалкія заблужденія, производитъ безсмысленныя системы. Слишкомъ удаленный отъ дѣйствительности, человѣкъ вдается въ невозможное, непостижимое, фантастическое; и онъ погружается въ эту бездну съ удовольствіемъ; въ ней онъ находитъ нѣкоторый родъ убѣжища отъ соприкосновенія съ людьми, и доволенъ, если ни они къ нему не имѣютъ отношеній, ни онъ къ нимъ. Байронъ увѣралъ, что онъ трудит- [illegible] для того, чтобы оторвать свои мысли отъ дѣйстви- [illegible] и искать убѣжища въ собственномъ идеалѣ, *какъ бы ни* [illegible]. Но такъ какъ ничто не соот- [illegible] воображенія, то, несмотря на то, [illegible], оригинальны, они не [illegible] выраженію одного писателя, [illegible] собственному празднію. По- [illegible] говоритъ, что изъ всѣхъ [illegible] которому [illegible] въ об- [illegible] умъ и [illegible]

[illegible]

изъ людей обыкновенныхъ? Но медицина, ведущая лѣтопись всѣмъ болѣзнямъ человѣка, должна причислять къ нимъ и эту дѣйствительную болѣзнь, постигающую, конечно, не всякую душу. Спросите у человѣка высокихъ свойствъ, который способенъ сказать, подобно Микель-Анжу:

E vo'per vie, men calpestate e sole, —

спросите у него, вполнѣ ли онъ доволенъ тѣмъ, что послѣ долгаго размышленія, съ помощію своего генія, гордо несшагося въ сознаніи собственныхъ силъ, онъ понялъ и проникъ наконецъ нѣкоторые законы природы, уловилъ нѣсколько искръ истиннаго и прекраснаго? спросите, доволенъ ли онъ? и вы получите въ отвѣтъ, что онъ еще находится только на пути ко всему этому, что горизонтъ предъ нимъ расширяется, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигается далѣе, потому-что одинъ геній понимаетъ, сколько наши познанія ограничены. Слабость силъ нашихъ въ сферѣ познаній составляетъ своего рода пытку для людей съ высшими способностями, когда они съ тяжелымъ чувствомъ и отчаяніемъ представляютъ себѣ недостаточность наукъ въ сравненіи съ поражающимъ величіемъ природы. Ньютонъ сравнивалъ себя съ дитятею, которое собираетъ раковины на берегу великаго океана истины. Весьма часто случается также, что сердце такого человѣка не болѣе бываетъ удовлетворено, какъ и его разумъ. Грустя о ничтожествѣ человѣка, съ жаромъ стремясь къ блаженству, въ томъ смыслѣ, какъ онъ одинъ его понимаетъ, гоняясь непрестанно за фантастическою надеждою счастія, онъ чувствуетъ въ себѣ неодолимую потребность того порядка вещей, которому здѣшній міръ, кажется, противорѣчитъ, потребность той будущности, которой не даетъ ему земля. Онъ требуетъ отъ людей, чего они не въ состояніи дать ему: ангельскихъ свойствъ, вѣчной привязанности, чистѣйшей добродѣтели и истины безъ всякой примѣси. Его желанія, не принадлежа кругу матеріяльныхъ и органическихъ предметовъ, не обращаются къ нимъ или обращаются весьма слабо. Никогда не достигая такимъ образомъ цѣли своихъ стремленій, онъ остается какъ бы уничтоженный собственнымъ безсиліемъ. Не ищите гармоніи и соотвѣтствія между тѣмъ, что̀ онъ ежедневно видитъ и слышитъ, и тѣмъ, о чемъ онъ думаетъ, между идеями толпы его окружающей и тѣми, которыя пожираютъ его самого, между міромъ вещественнымъ и міромъ возможнымъ, который онъ созидаетъ и украшаетъ въ своемъ воображеніи. При помощи сильной нервной раздражительности, воображеніе его стремится и

ые однако не были признаны, были презрѣны, потерпѣли гоненія! колькимъ досталось испытать, что истину можно внести въ міръ и оставить утѣшеніе человѣку только цѣною ихъ собственнаго спокойствія и даже жизни! Вина же большей части изъ нихъ состояла ь томъ, что они слишкомъ рано явились, видѣли далѣе и лучше ругихъ. Почти можно сказать, что лучше было бы для нихъ не мѣть столько ума, потому-что часто опасно бываетъ имѣть его больше своихъ современниковъ и доказывать имъ это. Геніяльный человѣкъ, находя себѣ подпору въ собственномъ вѣкѣ, — хотя въ тѣсномъ глу своемъ и разрушаетъ иногда многія идеи этого вѣка, — подвигается а пути своемъ, провидитъ, открываетъ, схватываетъ наконецъ основную истину и восклицаетъ: *вотъ она!* но его никто не слушаетъ, ли же какой-нибудь невѣжда, мѣряющій возможное тѣмъ, что уже уществуетъ, называетъ его мечтателемъ, человѣкомъ гоняющимся а призраками. Онъ ждалъ славы, а между тѣмъ ему противорѣчатъ, го унижаютъ; доказываютъ ему, что цѣль его стремленій ничтожна и не стоитъ большихъ заботъ, что то, къ чему онъ стремится, уже открыто и высказано прежде его; и вотъ истина, которую онъ одинъ понялъ, осуждена современниками какъ преступленіе, осмѣяна какъ глупость. Легко представить себѣ, сколько этотъ ядъ равнодушія и злобы бросаетъ смущенія, печали, скорбнаго разочарованія въ неисполнившихся надеждахъ, наконецъ меланхоліи въ гордую и чувствительную душу. Скорбь и отчаяніе генія, который внутренно сознаетъ, что заслуживаетъ славы, а между тѣмъ долженъ угаснуть въ неизвѣстности, едва ли не величайшія изъ страданій, какія суждено терпѣть человѣку. Такъ было съ Христофоромъ Коломбомъ, Галилеемъ, Коперникомъ, Бэкономъ, Декартомъ (¹), Даніелемъ Фое, Вико. Ньютона едва поняли знаменитѣйшіе ученые его времени; сплетни Гука (*Hoocke*) и притязанія Лейбница сильно его огорчали. По части искусствъ Папенъ (²), Фультонъ (³), Амонтонсъ (⁴), аббатъ де л'Епе (⁵)

(¹) Гнусная и коварная клевета Фоета (*Voët*) причинила Декарту много безпокойствъ и огорченій. — Вотъ между прочимъ, что думалъ объ этомъ великомъ человѣкѣ его современникъ Нодѐ (*Naudé*): Декартъ умеръ 11 февраля 1650 года въ Стокгольмѣ. Онъ былъ человѣкъ некрасивой и непривлекательной наружности. Если кое-что и осталось послѣ него, годное для печати, то г. Пикъ займется этимъ. Въ головѣ его было много мечтаній, которыя однако вмѣстѣ съ нимъ и умерли». Такова апотеоза Декарта!

(²) Папенъ (*Denis Papin*) французскій физикъ, первый открывшій употребленіе паровъ для приведеніе въ движеніе машинъ.

(³) Фультонъ (*Robert Fulton*), извѣстный многими открытіями по инженерной части и въ особенности изобрѣтеніемъ пароходовъ.

(⁴) Амонтонсъ (*Guillaume Amontons*), прославившійся впослѣдствіи разными открытіями по части физики, а также изобрѣтеніемъ телеграфовъ.

(⁵) Аббатъ де л'Епе (*de l'Épée*) изобрѣвшій способъ обучать глухо-нѣмыхъ.

[illegible] отвращенія, о которыхъ много [illegible] [illegible] Въ исторіи поэзіи и [illegible] [illegible] примѣровъ. Да и въ [illegible] не хотѣлъ [illegible] мы также найдемъ [illegible] если исчи- [illegible] артистовъ, ученыхъ [illegible] участи живо- [illegible] въ мысль ди- [illegible] за похище- [illegible] что генi- [illegible] творенiе и [illegible] недовѣрiе, [illegible] его, однако [illegible] и результатомъ всегда бы- [illegible] меланхолія.

Всегдашнимъ слѣдствіемъ такой грусти бываетъ разстройство здоровья: [illegible] изъ врачей, пользующихъ въ большихъ городахъ, не достается видѣть подобныхъ несчастливцевъ. Съ нѣкоторыхъ [illegible] легко замѣтить, что тайны [illegible] [illegible] сердца, по выраженію Гиппократа, непремѣнно приводятъ къ разстройство (?) [illegible] Чтобы достигнуть исцѣленія подобныхъ недуговъ, врачъ долженъ [illegible] причины, а здѣсь-то необходимо умѣнье [illegible] правила врачебнаго искусства съ практическимъ знаніемъ [illegible] человѣческаго сердца, тѣмъ болѣе, что тайная болѣзнь значительныхъ [illegible] съ воспріятію физическихъ и пра- [illegible] меланхолія.

[illegible] можно видѣть, своими путями вхо- [illegible] Моисея Аристотеля до такой степени живо чувство- [illegible] какимъ образомъ, которые изъ [illegible] справед- [illegible] которыхъ такъ нѣкоторые изъ [illegible] до моей наружности — избѣгаютъ бо- [illegible] беззаботенъ и веселъ, многіе ду- [illegible] сердце [illegible] Замѣтить слѣдуетъ, что всѣ [illegible] говорилъ [illegible] одинъ Богъ знаетъ, [illegible] меланхоліи, которыя нарочно не всѣ

[illegible] Ришелье: «Я казался совершенно [illegible] веселъ, то же было притворно!

здѣсь исчислены, дѣйствуютъ на людей въ высшей степени раздражительныхъ; но вообще не на нихъ однихъ слѣдуетъ наблюдать, до чего доходятъ страданія человѣка. Болѣзненная нервная раздражительность, которую можно считать чѣмъ-то роковымъ въ сложеніи такихъ людей, обнаруживается здѣсь во всей своей ужасной дѣятельности и распространяется столько же на важные, сколько и на мелкіе предметы въ жизни. Въ физическомъ отношеніи, малѣйшія разстройства здоровья, временныя поврежденія животной экономіи возбуждаютъ сильныя опасенія. Въ моральномъ отношеніи, небольшія несчастія, какія-нибудь помѣхи или колкости, встрѣчаемыя такъ часто, сильно чувствуются человѣкомъ, имѣющимъ высшія способности и необыкновенно раздражительнымъ. При малѣйшемъ толчкѣ судьбы, сердце его сильно сжимается; онъ стонетъ отъ укола булавки. Понятно, что могутъ производить на организмъ такого человѣка ухищренія зависти, болѣе или менѣе справедливая критика его сочиненій, мысль, что его молодые соперники стали выше его, что его идеи, мнѣнія, труды устарѣли, что онъ пересталъ быть авторитетомъ,—однимъ словомъ, что слава забываетъ, кажется, и его имя и его произведенія. Эта горячка, этотъ ядъ, вливаемый въ его кровь, или, лучше сказать, эта смертоносная меланхолія сушитъ и губитъ остальные дни его жизни. Молли сознавался подъ старость, что онъ готовъ былъ убить на мѣстѣ человѣка, который бы осмѣлился сказать ему прямо въ лицо, что его музыка никуда не годна. До такой степени доходитъ иногда раздражительность нѣкоторыхъ людей. Часто случается также, что эта раздражительность, не проявляясь наружу, сосредоточивается въ человѣкѣ, точитъ и тайно подрываетъ его животную экономію (*). Если къ первокласному таланту присоединяется слабый и нетвердый характеръ, то воображеніе пугается всего; робость и дѣтскій страхъ преслѣдуютъ его непрестанно. Такіе люди сами создаютъ себѣ тысячу небывалыхъ преслѣдованій; имъ кажется, что они предчувствуютъ несчастія, которыхъ съ ними никогда не случится послѣ; совершенно противоположно съ людьми, одаренными веселымъ воображеніемъ, которые предаются пріятнымъ мечтамъ, они во всемъ видятъ худое. Самая ничтожная степень ихъ дурного расположенія, величиною въ зерно, точно какъ закваска, весьма скоро приходитъ въ броженіе и своею острою кислотою про-

(*) 17 марта 1821 года, за два мѣсяца до своей смерти, Наполеонъ томился отъ грусти и скуки и однажды сказалъ одному изъ присутствовавшихъ: «Здѣсь! здѣсь!» при этомъ онъ указалъ доктору Автомарки на свою грудь. Автомарки подалъ ему стклянку съ лекарствомъ. «О нѣтъ», отвѣчалъ больной:- «это не отъ слабости; меня гнететъ сила, меня убиваетъ жизнь». (Записки генерала Монтолона).

никаетъ всю массу мыслей. И это случается иногда съ превосходными людьми. Слѣдствіемъ того бываетъ, что эти властительные умы, эти вожди людей сами бываютъ водимы и порабощаемы ничтожнѣйшими побужденіями, вовсе недостойными ихъ генія. Эта странная дисгармонія объясняется болѣзненнымъ состояніемъ ихъ воображенія. Возьмемъ напримѣръ въ физіологическомъ отношеніи Руссо, удрученнаго лѣтами, пораженнаго несчастіями и мизантропіею; не жалко ли видѣть, какъ онъ терзался до спазмовъ отъ причинъ самыхъ странныхъ и ничтожныхъ? Аббатъ Сен-Сиранъ *(Saint-Cyran, Jean Duvergier de Hauranne)*, угрюмый, печальный, не попадая въ окно косточками изъ вишенъ, горько жаловался на то, что провидѣніе всегда противится его намѣреніямъ. Свифтъ, кончившій дни свои въ помѣшательствѣ, въ продолженіи жизни извѣстенъ былъ необъяснимыми странностями. Мольеръ, впавшій въ меланхолію, терзался отъ самыхъ пустыхъ причинъ. Въ наше время писатель повѣстей Гофманъ, несмотря на свою наружную веселость, утверждалъ, что подъ добромъ всегда скрывается зло, что «дьяволъ на все кладетъ свой хвостъ». Тоже было съ Бетговеномъ: отъ природы странный, щекотливый, раздражительный до высшей степени, онъ потерялъ слухъ, и это ужасное для музыканта лишеніе было причиною глубокой меланхоліи, продолжавшейся до преждевременной его смерти. «Мой организмъ такъ нервозенъ и раздражителенъ», говаривалъ онъ, «что самыя пустыя вещи повергаютъ меня изъ блаженнѣйшаго состоянія въ жестокія страданія».

Всѣ эти явленія не удивительны для врача, изучавшаго человѣка въ физіологически-моральномъ отношеніи. Ему извѣстно, что у нѣкоторыхъ людей, имѣющихъ слишкомъ подвижную и раздражительную нервную систему, понятія такъ живы и тонки, что воображеніе ихъ, приходя въ состояніе восторженности, съ невѣроятною силою представляетъ имъ какъ бы дѣйствительно существующими собственныя свои чудовищныя порожденія. Умы глубокіе, сосредоточенные, мыслящіе болѣе подвержены такимъ галлюцинаціямъ, составляющимъ родъ умственнаго опьяненія. Они олицетворяютъ, воплощаютъ мысленныя существа. Меланхолики весьма часто видятъ то, о чемъ они думаютъ и мечтаютъ. Отсюда тѣ образы неслыханнаго, невыразимаго счастія или же тѣ ужасы и чудовищная бездна несчастій, которыя волнуютъ и пугаютъ ихъ ежеминутно.

Отыскивая причину столь странныхъ явленій, мы всегда найдемъ ее въ разныхъ уклоненіяхъ и поврежденіи живой чувствительности. Такимъ образомъ внутри собственнаго нашего состава скрывается

причина почти всѣхъ влеченій и отвращеній, испытываемыхъ въ различныя минуты жизни; въ насъ самихъ заключается этотъ источникъ счастія и несчастія, котораго мы ищемъ внѣ насъ самихъ, въ таинственномъ вліяніи судьбы и разныхъ событій. Не состоитъ ли въ самомъ *дѣлѣ* эта судьба, этотъ *fatum*, въ разнообразныхъ и произвольныхъ проявленіяхъ чувствительности, которая ускользаетъ отъ проницательности и дѣятельности нашего ума? Нѣтъ, не отъ воли зависитъ создать какое-нибудь изъ тѣхъ пріятныхъ ощущеній, которыя дѣлаютъ столь сладкимъ непосредственное чувство жизни; не отъ воли зависитъ также измѣнить тѣ пагубныя расположенія, которыя дѣлаютъ жизнь тяжкою и подъ-часъ несносною. Но то, что̀ имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ нѣкоторымъ лицамъ, пріобрѣтаетъ бо̀льшую степень развитія у людей съ сильнымъ воображеніемъ, которое непрестанно мѣняетъ у нихъ и искажаетъ настоящій видъ предметовъ.

Вольфъ опредѣляетъ воображеніе «способностью представлять себѣ понятія и образы отсутсвующихъ предметовъ». Такое опредѣленіе съ давнихъ поръ признается въ медицинѣ совершенно вѣрнымъ.

Воображеніе, эта необыкновенная способность воспроизводить силою нашего *я* то, что̀ не составляетъ нашего *я*, какъ бы ни было возвышенна, не можетъ служить орудіемъ нашего счастія столько же совершеннымъ, какъ холодный и вѣрный разсудокъ, какъ строгій и отчетливый здравый смыслъ. Еще если бы человѣкъ, съ высшими свойствами и прожившій много, могъ сохранить свои мечты; но не въ его власти облекать чувство жизни идеальною славою, разоблачивъ его однажды. Не могши возстановить разбитаго имъ идола, онъ во всемъ видитъ ложь, заблужденіе, обманъ. Въ его глазахъ, природа человѣка осуждена на вѣчную борьбу, на фатализмъ и отчаяніе. Въ немъ разстройство органическихъ отправленій отражается на идеяхъ, и безпорядокъ собственныхъ идей онъ видитъ въ обществѣ, въ цѣломъ мірѣ. Что̀ такое *для* него красота?—роза, цвѣтущая одно утро; здоровье? — благо, которое можно потерять ежеминутно; юность и сила? — сокровища, пожираемыя ежедневно временемъ; слава? — небольшой шумъ въ какомъ-нибудь углу земного шара, шумъ немногихъ минутъ, ибо «вѣчность», говоритъ Паскаль въ своей меланхоліи, «уничтожаетъ всякую мѣру и всякое сравненіе».

Дошедши до этой точки угрюмой мудрости, результата физическихъ и нравственныхъ страданій, геніяльному человѣку трудно не впасть въ самую мрачную меланхолію. Еще онъ съ жадностію выпиваетъ нѣсколько капель жгучаго напитка, но вообще жизнь состав-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

въ томъ тревожномъ, дурномъ расположеніи духа, которое происходитъ отъ недовольства всѣмъ на свѣтѣ, въ томъ состояніи души, которое сосредоточиваетъ и устремляетъ на одну точку все, что есть раздирающаго въ жизни. Нѣкоторые полагали, будто бы ученые меньше подвержены этому недугу, нежели поэты и артисты; но это рѣшительно несправедливо. Біографіи и обозрѣнія клиническихъ наблюденій могутъ въ этомъ случаѣ доставить безчисленное множество примѣровъ противнаго. Да и отчего могло бы происходить различіе между тѣми и другими? Развѣ для того, чтобы углубляться и изучать законы природы, нужно меньше умственнаго труда, нежели для того, чтобы написать поэму? Меньше ли нужно воображенія, чтобы создать системы, подобныя тѣмъ, какія построили Мальбраншъ, Лейбницъ, или создать теорію, подобную теоріи Бюффона, нежели для того, чтобы рисовать и нарисовать картину? Нельзя предполагать этого, да и самые факты, неподлежащіе сомнѣнію, опровергаютъ такое предположеніе. Ученый Галлеръ мучился религіознымъ ужасомъ и считалъ себя осужденнымъ на вѣчный огонь *за безобразіе своей души*, какъ онъ выражался. Пристли (*Pristley*), извѣстный открытіемъ кислорода, впадалъ по временамъ въ мрачную меланхолію. Шваммердамъ (*Swammerdam*) вдругъ оставилъ свои занятія по части естественной исторіи и предался мистицизму. Извѣстно, что меланхолія Шваммердама усилилась до такой степени, что онъ бросилъ въ огонь плоды двадцатилѣтнихъ трудовъ своихъ надъ изученіемъ животныхъ и насѣкомыхъ, даже самую «Исторію эфемеридъ», это великое произведеніе по части естественной исторіи, говоря, что считаетъ святотатствомъ открывать тайны Божіи. Циммерманъ и Бордю (*Bordeu*) равнымъ образомъ были отъявленными меланхоликами.

Мы можемъ сказать утвердительно, что не многіе изъ ученыхъ, артистовъ, поэтовъ, философовъ и государственныхъ людей не испытываютъ въ извѣстные годы чувства постоянной грусти, котораго не могутъ ни одолѣть, ни опредѣлить. Скажемъ болѣе: перейдя за сорокъ лѣтъ, всякой человѣкъ, съ сильнымъ и пылкимъ воображеніемъ, много мыслившій, рѣдко уже испытываетъ ту живую и проникающую все тѣло радость, то высшее и истинное удовольствіе, которое, разливаясь въ нашемъ тѣлѣ постепенно, кажется, расширяетъ и улетучиваетъ нашъ составъ (*). Прекрасной юности принадлежитъ это рас-

(*) Это мнѣніе принадлежитъ Шамфору *(Champfort)*; но Шенье (*M. I. Chenier)* пошелъ далѣе: онъ полагаетъ, «что всякой человѣкъ, достигшій 25 лѣтъ, не будучи мизантропомъ, входитъ въ свѣтъ безъ сердца». Нѣтъ надобности доказывать, что такое мнѣніе преувеличено.

пространяющееся на весь міръ сіяніе жизни, это полное довольство собою и другими. Въ зрѣломъ возрастѣ, напротивъ того, жизнь болѣе и болѣе входитъ во внутренніе органы, и только *гнетущія* страсти чувствуются глубоко. Въ это время душа напитывается какою-то суровою грустію, которая въ ней господствуетъ и ее давитъ; жизнь, по выраженію Боссюэта, представляется сцѣпленіемъ *обманутыхъ надеждъ*. Самая мысль, этотъ главный двигатель жизненной экономіи, у нѣкоторыхъ людей перестаетъ поддерживать ихъ существованіе, томится и только изрѣдка бросаетъ еще слабые отблески, показывающіе ея угасаніе. Чего можно желать при такомъ состояніи? Мы уже прежде сказали, что въ такихъ случаяхъ является желаніе спокойствія, уединенія и здоровья, и въ особенности здоровья, въ которомъ столько счастія, если даже не то самое счастіе, которымъ хотѣлось бы насладиться, во что бы ни стало. Но часто такое желаніе бываетъ напраснымъ: гармоническая связь отправленій давно и навсегда разрушена, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ средствъ возстановить ее, точно также какъ нѣтъ средствъ возвратить душѣ, погруженной въ глубокую меланхолію, ощущенія живой, чистой радости и безпримѣснаго счастія.

Какъ часто достается врачамъ видѣть несчастныхъ меланхоликовъ, людей съ умомъ и познаніями, которые задумываются надъ гнетущею ихъ грустію, преувеличиваютъ ее и усиливаютъ своими упорными разсужденіями. Умѣя мучить самихъ себя и воплощать преслѣдующія ихъ химеры, они непрестанно въ воображеніи своемъ обращаются къ тому, чтобы расширить зло и сдѣлать изъ него отраву; въ самихъ радостяхъ они ищутъ чего-нибудь грустнаго. Затѣмъ имъ кажется, что природа лишена законовъ; далѣе въ нихъ рождается горькое сожалѣніе къ судьбѣ человѣка, къ философіи и ея источникамъ. Особенно они нападаютъ на врачебное искусство, обвиняютъ его въ безсиліи и обманѣ. Но что могла бы сдѣлать геркулесова сила противу силы вещей? Не легко возстановить крѣпость ослабленнаго организма; жизнь, проведенная въ кризисахъ разнаго рода, не можетъ съ-изнова пойти по пути, усѣянному цвѣтами. Имъ нужна была бы простота нравовъ, невинность сердца, которыхъ нѣтъ въ нихъ больше; а когда, вмѣстѣ съ тѣлесными силами, утрачены надежда и довѣренность къ жизни, эти двѣ душевныя опоры, тогда медицина и философія почти не дѣйствуютъ на человѣка, какъ это доказываютъ намъ очень ясно врачебная практика и ежедневный опытъ. Такова участь многихъ геніяльныхъ людей подъ конецъ ихъ жизни. Одна остается имъ надежда и одно утѣшеніе — что отдаленное потомство ихъ оцѣнитъ. Дѣйствительно, только это потомство, сокрытое въ

вѣкахъ, можетъ произносить свой верховный судъ и назначать вѣнки безъ терній. Въ этомъ случаѣ можно бы сказать вмѣстѣ съ философомъ Гемстергисомъ *(Hemsterhuis)*, что «великіе умы, являющіеся по временамъ среди людей, творятся провидѣніемъ и предназначаются для цѣлей не здѣшняго міра; они суть сѣмена, прозябающія въ вѣчность».

простирающееся на весь міръ сіяніе жизни, это полное довольство собою и другими. Въ зрѣломъ возрастѣ, напротивъ того, жизнь болѣе и болѣе входитъ во внутренніе органы, и только *гнетущія* страсти чувствуются глубоко. Въ это время душа напитывается какою-то суровою грустію, которая въ ней господствуетъ и ее давитъ; жизнь, по выраженію Боссюэта, представляется скопленіемъ *обманутыхъ надеждъ*. Самая мысль, этотъ главный двигатель жизненной экономіи, у нѣкоторыхъ людей перестаетъ поддерживать ихъ существованіе, тощится и только изрѣдка бросаетъ еще слабые отблески, показывающіе ея угасаніе. Чего можно желать при такомъ состояніи? Мы уже прежде сказали, что въ такихъ случаяхъ является желаніе спокойствія, уединенія и здоровья, и въ особенности здоровья, въ которомъ столько счастія, если даже не то самое счастіе, которымъ хотѣлось бы насладиться, во что̀ бы ни стало. Но часто такое желаніе бываетъ напраснымъ: гармоническая связь отправленій давно и навсегда разрушена, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ средствъ возстановить ее, точно также какъ нѣтъ средствъ возвратить душѣ, погруженной въ глубокую меланхолію, ощущенія живой, чистой радости и безпримѣснаго счастія.

Какъ часто достается врачамъ видѣть несчастныхъ меланхоликовъ, людей съ умомъ и познаніями, которые задушываются надъ гнетущею ихъ грустію, преувеличиваютъ ее и усиливаютъ своими упорными разсужденіями. Умѣя мучить самихъ себя и воплощать преслѣдующія ихъ химеры, они непрестанно въ воображеніи своемъ обращаются къ тому, чтобы расширять зло и сдѣлать изъ него отраву; въ самихъ радостяхъ они ищутъ чего-нибудь грустнаго. Затѣмъ имъ кажется, что природа лишена законовъ; далѣе въ нихъ рождается горькое сожалѣніе къ судьбѣ человѣка, къ философіи и ея источникамъ. Особенно они нападаютъ на врачебное искусство, обвиняютъ его въ безсиліи и обманѣ. Но что̀ могла бы сдѣлать геркулесова сила противу силы вещей? Не легко возстановить крѣпость ослабленнаго организма; жизнь, проведенная въ кризисахъ разнаго рода, не можетъ съ-изнова пойти по пути, усѣянному цвѣтами. Имъ нужна была бы простота нравовъ, невинность сердца, которыхъ нѣтъ въ нихъ больше; а когда, вмѣстѣ съ тѣлесными силами, утрачены надежда и довѣренность къ жизни, эти двѣ душевныя опоры, тогда медицина и философія почти не дѣйствуютъ на человѣка, какъ это доказываютъ намъ очень ясно врачебная практика и ежедневный опытъ. Такова участь многихъ геніальныхъ людей подъ конецъ ихъ жизни. Одна остается имъ надежда и одно утѣшеніе — что отдаленное потомство ихъ оцѣнитъ. Дѣйствительно, только это потомство, сокрытое въ

вѣкахъ, можетъ произносить свой верховный судъ и назначать вѣнки безъ терній. Въ этомъ случаѣ можно бы сказать вмѣстѣ съ философомъ Гемстергисомъ *(Hemsterhuis)*, что «великіе умы, являющіеся по временамъ среди людей, творятся провидѣніемъ и предназначаются для цѣлей не здѣшняго міра; они суть сѣмена, прозябающія въ вѣчность».

ИСПАНСКАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Статья первая.

Происхожденіе испанской драмы. — Характеръ ея содержанія. — Кальдеронъ — Три рода драмъ Кальдерона. — Обзоръ замѣчательнѣйшихъ его произведеній.

Испанскій характеръ великъ и наивенъ, но слишкомъ самонадѣянъ и слишкомъ рѣшителенъ. Его несчастіе — гордость. Испанія все почерпала изъ самой себя, и наконецъ истощила силу свою, на которую слишкомъ надѣялась.

Довольный настоящимъ, испанецъ не помышлялъ о будущемъ. Недоступный никакому иноземному вліянію, онъ пѣлъ, рисовалъ, писалъ исторію, романъ, драму, не стараясь также и о распространеніи своихъ собственныхъ литературныхъ системъ. Онъ заключался въ себѣ. То былъ ясный день испанской литературы; но за нимъ настала темная ночь Оригинальность въ жизни и литературѣ исчезла; ее замѣнило подражаніе французскимъ нравамъ. Такое явленіе безспорно — залогъ будущаго участія Испаніи въ успѣхахъ европейской цивилизаціи. Національная особенность не можетъ стереться чужеземнымъ вліяніемъ; съ нея спадетъ только исключительность, — сильнѣйшее препятствіе развитія; національный характеръ сдѣлается шире, воспріимчивѣй....

Испанская литература, проникнутая католическими и рыцарскими идеями, возведенными до фанатизма, подверглась живѣйшимъ упре-

камъ въ концѣ XVIII столѣтія. Вольтеръ и Сисмонди, осмѣивая все старое, осмѣяли и испанскую литературу, испанскіе нравы. Они смотрѣли на испанскую драму XVI и XVII столѣтій съ точки зрѣнія, имъ современной: вотъ въ чемъ ошибка. Но испанская драма такая же древность, какъ драма греческая; ее надо изучать, какъ памятникъ искусства, нѣкогда великій. Иначе она не имѣетъ смысла: такъ она далека отъ насъ....

Испанія создала свою оригинальную драму гораздо прежде Франціи и Англіи. *Селестина* — старая мать кастильскихъ драмъ. Когда Гейводъ представлялъ въ Англіи свои безсвязныя, лишенныя интереса шутки, когда Парижъ не имѣлъ еще ничего кромѣ очень плоскихъ мистерій, испанецъ Лопъ де Руида уже въ Мадритѣ игралъ комедіи въ полномъ смыслѣ слова. Съ 1510 года Жуанъ де Енцина и Торресъ Нагарро положили превосходное начало изображенію дѣйствительной жизни. Прошло столѣтіе, и драма испанская блеснула такъ ярко, что освѣтила всю Европу. Италія, Франція и Англія стали подражать ей.

Отчего же испанскій театръ явился столь самостоятельнымъ и плодотворнымъ? отчего такъ рѣзко отдѣлился онъ отъ античнаго театра, у котораго брали уроки Италія, Англія и Франція?

Всѣ новые народы кромѣ испанскаго стояли въ такомъ отношеніи къ древнему міру, что все получили отъ него въ наслѣдіе. Непрерывная цѣпь сценическихъ игръ, то поощряемыхъ, то запрещаемыхъ христіанскимъ закономъ, связываетъ античный театръ съ новымъ. Но что̀ находимъ мы въ Испаніи вмѣсто этой прямой преемственности сценическаго искусства? Пробѣлъ цѣлыхъ четырехъ вѣковъ. Арабы овладѣваютъ страной; остатокъ націи скрывается въ горахъ и лѣсахъ; борьба возобновляется; поединокъ длится триста лѣтъ и кончается паденіемъ мавровъ. Христіанская Испанія дѣлается самостоятельной; она должна создать свой театръ изъ самой себя.... Ничто не связывало ее съ древнимъ міромъ. Провансальцы принесли ей свои прекрасные порывы негодованія и любви, свои лирическіе *chefs d'oeuvre;* ихъ отпечатокъ сохранила испанская драма. Испанія почерпнула свою драму изъ своихъ нравовъ, вскормленныхъ опасностями и случайностями; она спросилась своей страсти: та страсть была католическая. «Ненависть еретикамъ! — закричала новая драма: — да здравствуетъ Испанія! Торжество католической славы наполнитъ наши трагедіи; второстепеннымъ произведеніямъ оставляемъ мы торжество любви и волшебство случая!» Вотъ тема, на которую воскресшая національность создала тысячи драмъ, комедій, траги-комедій, даровитыхъ и бездарныхъ, въ стихахъ и прозѣ, въ шести, семи,

[illegible], съ аллегоріями и безъ аллегорій, съ музыкой и безъ музыки.

Кривлянье во всемъ — недостатокъ [illegible] такихъ образцовъ народнаго театра. Форма [illegible] блистательности; слова [illegible] и одъ въ драмѣ очень [illegible] лирически восторженному воображенію испанца. [illegible], интрига и [illegible] — вотъ недостатки первыхъ испанскихъ драмъ, драмъ Лопе де Веги, который представляетъ и силу и слабость первой эпохи испанскаго театра.... Явился геніальный человѣкъ, который не исправилъ національныхъ недостатковъ, но возвелъ ихъ до фанатизма и поставилъ католицизмъ альфой и омегой испанскаго театра. То былъ Кальдеронъ.

Въ XIX столѣтіи Германія съ жаромъ взялась за католическую поэзію, особенно за Кальдерона. Въ Лейпцигѣ вышло прекрасное изданіе его сочиненій съ портретомъ, сдѣланнымъ Морисомъ Ретшемъ. Его лицо задумчиво и вмѣстѣ разсѣянно; на немъ монашеская ряса и [illegible], онъ такъ строго и безстрастно спокоенъ, что его можно принять за человѣка, прожившаго вѣкъ свой въ монастырскихъ стѣнахъ. Онъ былъ великій поэтъ! Теперь испанцы мало понимаютъ его, одни предпочитаютъ ему Лопе де Вегу, другіе вовсе отказываются отъ своей литературы съ «Сида» до XVIII вѣка. Не понимаютъ его потому, что его драма слишкомъ тѣсно связана съ эпохой, уже давно исчезнувшей. Кальдеронъ не философъ и не гражданинъ всего міра, какъ Шекспиръ, передъ которымъ склоняются всѣ племена, вокругъ котораго группируются партіи и молчитъ ненависть; онъ не изъ тѣхъ, которые пробуждаютъ симпатію и любовь, но изъ тѣхъ великихъ умовъ, которые сосредоточиваютъ въ своемъ магическомъ кругу всѣ идеи, потому что всѣ понимаютъ, не изъ тѣхъ всеобщихъ геніевъ, которыхъ нельзя отрицать, какъ нельзя отрицать свѣтъ солнца. Кальдеронъ геній одного поколѣнія, одной эпохи, и теперь испанецъ [illegible] отъ него, чтобы вполнѣ понять его драму. Драма [illegible] націи, переведенная въ фактъ. Если она исключительна, драма [illegible] времени перестаетъ быть понятной и дѣлается [illegible].

Въ драмахъ [illegible] народовъ почти всегда есть лицо разсуждающее [illegible] Жакъ въ «Какъ вамъ будетъ угодно» и [illegible] «Ромео и Юліи». Въ испанской драмѣ такого лица нѣтъ. [illegible] ничего не боится, ни въ чемъ не сом[illegible] [illegible] открыто небо, поютъ ангелы, бле[illegible] [illegible], [illegible] избранниковъ. Кальде[illegible] [illegible]. Сегодня онъ пи[illegible] [illegible] «Отелло», а завтра

драму религіозную; сегодня король заказываетъ ему священнодѣйствіе, завтра комедію. Онъ не знаетъ грусти; меланхоліи нѣтъ въ его драмѣ; онъ веселъ и ясенъ; жизнь переходитъ черезъ край въ его произведеніяхъ. Онъ творитъ болѣе чувствуя, нежели размышляя; онъ поетъ и дѣйствуетъ, переходя отъ лирической восторженности и диѳирамбической страсти къ шумному столкновенію событій. Онъ пишетъ восьмисложнымъ стихомъ; васъ увлекаютъ безконечные періоды, длинныя описанія, лиризмъ. Онъ не заботится о риѳмѣ; ея мѣстами совсѣмъ нѣтъ; она только тамъ, гдѣ сама легла подъ перо. Такая неровность гармонируетъ съ хаотическимъ безпорядкомъ испанскихъ интригъ. Въ роковыя, страстныя и рѣшительныя минуты на сценѣ вдругъ воцаряется страшная тишина; восьмисложный стихъ оставленъ, раздается гимнъ, лирическое выраженіе скорби страждущаго лица. А тамъ драма идетъ попрежнему.

Однѣ драмы Кальдерона посвящены любви и мщенію, другія — вѣрѣ, третья драма — мистическая.

Изъ всѣхъ произведеній Кальдерона, посвященныхъ любви и мщенію, лучшее «За тайную обиду тайное мщеніе». Вотъ содержаніе драмы:

Молодая женщина вскорѣ послѣ своей свадьбы получаетъ письмо отъ молодого человѣка, котораго любила; она даже была его невѣстой, но думая, что онъ умеръ, должна была выйти за другого. Она борется съ желаніемъ снова увидѣть его, но страсть беретъ верхъ надъ разсудкомъ: страсть всегда находитъ причины оправдать себя.

— Я должна видѣться съ нимъ, говоритъ Леонора. — Я увижусь съ нимъ, чтобъ упросить его оставить городъ. Я буду настаивать, и онъ вѣрно послушается!

И вотъ она видится съ нимъ.

— Я невольница, говоритъ она ему: — на ногахъ моихъ цѣпи, на шеѣ роковая веревка. Я уже не принадлежу себѣ болѣе. Забудь меня.

Печальный разговоръ прерванъ приходомъ дона Жуана. Донъ Жуанъ другъ ея мужа дона Лопа, который великодушно далъ ему у себя убѣжище и укрылъ отъ преслѣдованій. Любовники видятся въ потьмахъ. Заставъ ихъ, донъ Жуанъ хочетъ мстить за честь друга. Молодой человѣкъ хочетъ бѣжать; донъ Жуанъ останавливаетъ его.

— Отвѣчай! говоритъ онъ: — или стальной языкъ — моя шпага, заговоритъ съ тобой!

Входитъ мужъ. Пользуясь общимъ замѣшательствомъ и темнотой, донъ Луисъ (любовникъ) бросается въ первую попавшуюся ему дверь.

— Твое имя! повторяетъ донъ Жуанъ, думая, что донъ Луисъ все еще передъ нимъ.

Да это я! говоритъ мужъ. — Опустите вашу шпагу!

Вы хорошо сдѣлали, что заговорили: остріе моей шпаги готово было пронзить вамъ грудь!

Объясняются. Донъ Жуанъ клянется, что кто-то былъ у жены его друга. Мужъ не вѣритъ и принуждаетъ своего друга молчать. Онъ не хочетъ, чтобы лучшій другъ подозрѣвалъ его безчестіе.

— Если я оскорбленъ, говоритъ онъ себѣ: — я буду благоразуменъ, и мое мщеніе послужитъ примѣромъ міру. Оно будетъ покрыто глубокой тайной.

Если хочешь мстить, умѣй ждать,
Молчать и поражать!

Эти два стиха безпрестанно повторяются въ драмѣ.

Другъ уходитъ. Мужъ беретъ у слуги свѣчу, входитъ въ кабинетъ и находитъ тамъ дона Луиса.

Донъ Луисъ не потерялся: набросивъ плащъ на плечо, онъ подходитъ къ нему съ обнаженной шпагой и говоритъ, что преслѣдованія [illegible] заставили его броситься въ первый попавшійся ему домъ, [illegible] Дону добровольно.

[illegible] прибавляетъ онъ: — предайте меня смерти. Я принесу [illegible] такому дворянину, какъ вы, если [illegible]: [illegible] и не погибну [illegible]

[illegible] даетъ убѣ[illegible] теперь пред[illegible]. Все спокой[illegible] . .

[illegible] — [illegible], молчи, [illegible] невольно содра[illegible]

[illegible] съ каждой сценою бьется сильнѣе. [illegible] спокойствіе [illegible]

[illegible] какъ онъ [illegible] хочется [illegible]. Но не [illegible] сво[illegible]

[illegible] — [illegible]. Я [illegible] въ [illegible].

[illegible]

И, прикрывая дѣйствующія лица ложными именами, донъ Жуанъ разсказываетъ ему и свою борьбу и настоящее положеніе семейства, которое приняло его подъ свой кровъ. Превосходно переданы страданія дона Лопа во все время разсказа друга, его скрытность, его рѣшительное намѣреніе мстить, получившее новыя силы.... Они поняли другъ друга и разстались.

Донъ Лопъ встрѣчаетъ короля, который спрашиваетъ его, останется ли онъ съ своей женой, или послѣдуетъ за нимъ на войну въ Африку.

— Я послѣдую за вами, ваше величество!

— Остерегайтесь, говоритъ донъ Себастьянъ: — у отсутствующаго мужа часто важныя дѣла совершаются дома.

Слова короля укололи дона Лопа. Его гордость поднимается. Ему кажется, что онъ открытъ. Стало быть угадали движенія его души! Испанскій поэтъ влагаетъ ему въ уста превосходный монологъ. Изъ груди его не вырывается ни слова любви, ни слова сожалѣнія о потерянномъ. Нѣтъ, слова короля какъ огонь запали ему въ душу.... Развѣ я не былъ хорошъ съ бѣднымъ, справедливъ съ солдатомъ, сострадателенъ къ слабому и ласковъ со всѣми? и я такъ глубоко пораженъ! Неужели жалѣть, что жена моя любитъ другого? Нѣтъ, я живу не для того, чтобы исправлять міръ и женщинъ: я живу для мщенія. Донъ Жуанъ узнаетъ, и міръ узнаетъ, и вѣка узнаютъ, какъ мститъ испанецъ!

Если хочешь мстить, умѣй ждать
Молчать и поражать!

Мщеніе въ самомъ дѣлѣ приближается.... Міръ Кальдерона — міръ полу-африканскій. Его легко узнать. Леонора хочетъ еще разъ видѣться съ дономъ Луисомъ. Поэтъ превосходно рисуетъ естественное развитіе страсти, усиленной препятствіями и опасностью. Леонора назначаетъ дону Луису свиданіе въ загородномъ домѣ, на островѣ. Въ ту минуту, какъ донъ Луисъ ищетъ перевощика, показывается донъ Лопъ. Онъ учтиво подходитъ къ любовнику своей жены, осыпаетъ его ласками и спрашиваетъ, чего онъ ищетъ.

— Перевощика въ королевскую *Quinta.*

— Я провожу васъ, учтиво отвѣчаетъ донъ Лопъ, уже сговорившійся съ другимъ перевощикомъ. — Я обѣщалъ одному изъ друзей моихъ посѣтить его въ его *Quinta* ... А! говоритъ онъ про себя: — и такъ пришло время моему мщенію!

Донъ Луисъ внутренно радуется любезности мужа. Но донъ Лопъ говоритъ про себя:

— Онъ въ моихъ рукахъ! Онъ умретъ въ нихъ!

— Кто повѣритъ, думаетъ донъ Луисъ: — что мужъ самъ провожаетъ меня къ своей женѣ!

Является перевощикъ. Но донъ Лопъ вызывается править лодкой самъ, приказавъ перевощику остаться на берегу: «ты подождешь здѣсь моего слугу и скажешь ему, что я скоро возвращусь», говоритъ онъ.

— Не входите въ лодку, кричитъ перевощикъ: — въ ней еще нужно поправить кой-что, ато она наполнится водой!

— Вздоръ! лодка прекрасная, возражаетъ донъ Лопъ. — Ѣдемъ! не забудь же сказать человѣку, чтобъ онъ подождалъ насъ.

Лодка отчаливаетъ.

— Боже! говоритъ перевощикъ: — что-то странно, никто не приходитъ. Когда же придетъ слуга?... Что̀ такое? Лодка опрокидывается и тонетъ. Одинъ Богъ можетъ спасти ихъ! Море, я думаю, будетъ ихъ могилой.

Въ самомъ дѣлѣ Лопъ опрокинулъ лодку и спасается вплавь, въ то время, какъ донъ Луисъ бьется посреди волнъ.

Здѣсь много драматическаго, страшно-драматическаго!

Леонора ожидаетъ дона Луиса; послѣдній печальный гимнъ вырывается изъ глубины ея души, предчувствующей свою судьбу.... Трепещущая и взволнованная, вдругъ слышитъ она раздирающій крикъ: «Боже, спаси мою душу!» - Что̀ за печальный вопль, спрашиваетъ она: – заноситъ ко мнѣ ночной вѣтеръ? Она еще не узнала голоса дона Луиса, она была еще подъ впечатлѣніемъ ужаса, когда увидѣла своего мужа, который съ распущенными волосами, съ обнаженной шпагой вышелъ изъ моря....

— Я снова касаюсь тебя, воскликнулъ онъ: — о, земля! сладкая родина человѣка! Леонора моя! Небо осыпаетъ меня благодѣяніями! И тебя, другъ мой, я нахожу тебя снова?

Его слушаютъ донъ Жуанъ, только-что вошедшій, и Леонора. Онъ разсказываетъ, что ужасный случай едва не погубилъ его съ дономъ Луисомъ, тѣмъ, который вчера искалъ убѣжища въ его домѣ, что лодка ихъ опрокинулась и донъ Луисъ утонулъ! Леонора падаетъ въ безпамятствѣ, не произнося ни слова; мужъ поднимаетъ и осыпаетъ ее ласками, скрывая бѣшенство. Недвижное тѣло его жены выносятъ.

Хорошо, хорошо, говоритъ онъ: — я хорошо поступалъ! Я былъ благоразуменъ, я былъ силенъ, я молчалъ. А молодого человѣка надѣлилъ я кристальной гробницей и вѣчнымъ памятникомъ! По законамъ чести я убилъ одного; надѣюсь убить и другую. Уже не скажутъ мнѣ, что не надо пускаться въ путь, если женатъ!

Эта, эта же ночь рѣшитъ все! Леонора. Леонора [illegible] [illegible] какъ-будто человѣческое чувство пробудилось въ [illegible] [illegible] прекрасная, сколько преступная! несчастная [illegible] [illegible] прекрасная! Роковая развалина моей чести: Ты [illegible] [illegible] среди всего, что есть лучшаго въ мірѣ. Вся стихіи [illegible] [illegible] мщенію; вода и вѣтеръ уже помогли мнѣ: земля и [illegible] [illegible] еще. Въ эту, въ эту же ночь домъ мой погибнетъ въ [illegible] [illegible] рый зажжетъ рука моя, и я убью ее, пока пламя будетъ [illegible] замокъ отцовъ моихъ. Зажигайся, пламя! честь моя [illegible] [illegible] изъ этого пепла какъ золото изъ горнила!

Онъ приводитъ свой планъ въ исполненіе. [illegible] [illegible]. Король и дворъ, пробужденные шумомъ, являются на [illegible]. [illegible] средины горящихъ развалинъ показывается донъ Лопъ [illegible] пепломъ. Въ его рукахъ бездыханное тѣло жены.

— Вотъ она, говоритъ онъ королю: — вотъ [illegible] [illegible]. [illegible] блѣдна, какъ пепелъ, покрывающій мои [illegible] [illegible]. [illegible] токъ, поглощенный пожаромъ, блестящая искра, [illegible] [illegible] немъ! Смотрите, ваше величество! эта женщина была моей [illegible]: благородная и добродѣтельная женщина, съ [illegible] [illegible] и высокимъ умомъ; женщина честная, удивительная. Вотъ она [illegible] та, которую я такъ любилъ, которой я никогда больше не [illegible]. Теперь все сказано, и я слѣдую за вами на войну; я иду съ вами [illegible] величество; вы сказали мнѣ вчера: берегитесь отсутствія. [illegible] бѣдственно. Отсутствіе не можетъ болѣе внушать [illegible] [illegible]. Я охотно умру, потому-что умру безукоризненный.

Потомъ онъ обратился къ дону Жуану:

— А если кто-нибудь спроситъ васъ, другъ мой, донъ Жуанъ, какъ дворянинъ мститъ, вспомните обо мнѣ, вспомните о донѣ Лопѣ, который никогда не высказывалъ своей обиды, который никогда не высказывалъ своего мщенія....

Такова эта рыцарская драма — сильный эскизъ, полный [illegible] чія и страсти. Знатоки въ искусствѣ легко поймутъ его [illegible].

Мы познакомимъ читателей съ другимъ родомъ драмъ [illegible] на - съ католической драмой: чтобы понять ее, нужно забыть [illegible] надцатый вѣкъ; надо сдѣлаться испанцемъ семнадцатаго вѣка, католикомъ. Иначе религіозная драма Кальдерона не понятна.

Въ одномъ горномъ ущельи, посреди дикой пустыни, [illegible] отъ всѣхъ дорогъ, по которымъ движутся люди, посреди скалъ, [illegible] рованныхъ дождемъ, пожелтѣвшихъ отъ солнца, есть [illegible] [illegible] изъ двухъ обломковъ дуба, образовавшійся самъ собою. Это [illegible] изъ тѣхъ пейзажей, которые вполнѣ гармонируютъ съ [illegible] мыслями и душевными ужасами. Здѣсь должны скрываться *bandits*

ros; здѣсь должны садиться несчастные, усталые пастухи; здѣсь закаленные враги должны начать и кончить кровавую битву.

Здѣсь ставитъ Кальдеронъ дѣйствующихъ лицъ своей драмы.

Начало просто; бѣдный дровосѣкъ и его жена, соскучившись погонять свою клячу, приходятъ отдохнуть. Мужъ, какъ Санчо, очень любитъ свою клячу, заупрямившуюся и ставшую на дорогѣ.

— Ты ни съ мѣста, сказала ему Менга, его жена: — а я пойду искать товарищей, которые съумѣютъ помочь ей.

Крестьянину только того и хотѣлось; но, оставшись одинъ, онъ испугался: дикость и пустынность мѣста навела на него страхъ. Если *bandoleros* покажутся съ этой стороны, что̀ станется съ нимъ? Онъ трусоватъ.

Шумъ достигаетъ его слуха. Онъ встаетъ и смотритъ. Два кавалера сходятъ съ лошадей; оба идутъ къ нему. Отчасти изъ любопытства, отчасти отъ страху, Жиль скрывается за кустарникъ.

Одинъ кавалеръ былъ изъ тѣхъ неумолимыхъ кастильцевъ, которые всякую ошибку, даже тѣнь ошибки омывали кровью сестры, женщины, любовницы и любовника, конечно если дѣло шло о чести ихъ фамиліи. Сынъ Лизардо Курціо, раззорившійся аристократъ, братъ прекрасной и молодой Юліи, вызвалъ Эвсеба на поединокъ. Онъ не далъ ему никакого объясненія, онъ просилъ его только послѣдовать за нимъ; Эвсебъ повиновался: оба останавливаются здѣсь.

— Не пойдемъ далѣе, сказалъ Курціо: — вотъ пустынное мѣсто, далекое отъ дороги и очень удобное для того, чего я хочу отъ васъ. Вынимайте шпагу изъ ноженъ, Эвсебъ. Защищайтесь Вы, безъ сомнѣнія, дворянинъ; вы должны драться.

— Прекрасно! Чтобы я отвѣтилъ вамъ желѣзомъ, вамъ довольно было привести меня сюда; но на что вы жалуетесь, чего хотите отъ меня? Я долженъ знать это прежде, нежели мы станемъ драться.

— Жаловаться? Да, мнѣ есть на что жаловаться; но оскорбленіе слишкомъ велико для того, чтобы я могъ высказать его. Мой голосъ измѣняетъ мнѣ; я желалъ бы умолчать о немъ; я желалъ бы забыть его. Вы удвоиваете его, напоминая о немъ. Знакомы вамъ эти письма?

— Бросьте ихъ на землю. Я подниму ихъ.

— Вотъ они! А! вы поблѣднѣли, вы смѣшались!

— Жалокъ, сто разъ жалокъ тотъ, кто довѣряетъ свои тайны бумагѣ!

— Эти письма вамъ знакомы?

— Они всѣ отъ меня; я не отвергаю этого.

— Я, я сынъ Лизардо Курціо, дворянина. Вы были мнѣ другомъ. Вы соблазнили мою сестру Юлію. Вы бѣдны и никогда не получите

сестры моей. Чтобы чистота моего имени не была помрачена, она завтра же будетъ посвящена Богу; она поступитъ въ монастырь: волей или неволей, она будетъ монахиней. А вы, вы дайте мнѣ удовлетвореніе; защищайтесь, говорю я: пусть одинъ изъ васъ умретъ, и умретъ здѣсь. Если вы умрете, сестра моя не будетъ вашей любовницей; если я — я не буду свидѣтелемъ позора нашей чести.

— Я выслушалъ васъ, я остановилъ свои порывы, сказалъ Эвсебъ: — Лизардо, сдѣлайте тоже и выслушайте мой отвѣтъ. Надо, чтобъ одинъ изъ насъ палъ здѣсь мертвымъ. Хорошо; но узнайте прежде, кто передъ вами.... человѣкъ, который ничего не боится, который чувствуетъ, что его ведетъ невидимая рука. Жизнь моя протекла въ чудесахъ. Если я умру, повторите міру то, что я скажу вамъ, чтобы вѣчное забвеніе не покрыло столь странныя, великія, возвышенныя явленія. Я не знаю, кто мой отецъ; я никогда не зналъ его. Мнѣ сказали, что я родился у подножія одного креста; небо было моимъ шатромъ, камень моей колыбелью. Три дня я плакалъ, три дня хищные звѣри блуждали вокругъ меня, не трогая покинутаго младенца. Я не умеръ съ голоду, потому-что родился у подножія креста. Пастухъ, блуждавшій здѣсь за пропавшей овцей, взялъ меня изъ жалости; его звали Эвсебомъ. Онъ назвалъ меня Эвсебомъ *креста*. Онъ обходился со мной какъ съ сыномъ и выростилъ меня въ своей хижинѣ; у меня былъ жосткій, варварскій характеръ; звѣзда моего рожденія была ужасна, въ одно и тоже время гибельна и спасительна; этотъ крестъ всегда покровительствовалъ мнѣ. Трехъ лѣтъ я упалъ въ глубокую воду—и не утонулъ: маленькій *желѣзный крестъ* былъ въ слабыхъ рукахъ моихъ. Пожаръ поглотилъ разъ вечеромъ домъ пастуха. Этотъ *желѣзный крестикъ*, непокидавшій меня, помогъ мнѣ пройти посреди все пожиравшаго пламени. Я выбралъ военное ремесло по вкусу; я занимался поэзіей для удовольствія. Когда я сѣлъ на корабль съ войсками, я увидѣлъ, какъ онъ ударился о рифъ и разбился; доска, на которую я взлѣзъ, спасла меня; и опять чудесный символъ помогъ мнѣ: доска имѣла видъ креста. Въ битвахъ, при встрѣчѣ съ бандитами, въ бѣдности, въ порокахъ, преступленіяхъ, божественный знакъ всегда бодрствуетъ надо мною. Здѣсь, на груди моей, божественный крестъ напечатлѣнъ кровавыми чертами; я видѣлъ, какъ тотъ же знакъ блисталъ въ черныхъ тучахъ, которыя разрѣшались громомъ надъ моей головою, громъ, недостигавшій меня, въ волнахъ, которыя пугали, но не поглощали меня. Я таинственный избранникъ, Лизардо; не нападайте на меня! Смерть не захочетъ меня, говорю я. Монастырскія стѣны не укроютъ вашей сестры. Я готовъ удовлетворить васъ: знайте, что ни укого нѣтъ такихъ ужасныхъ страстей, никто такъ не жаждетъ крови, никто

наказываютъ меня, какъ-будто я измѣннически убилъ Лизардо; мое отечество преслѣдуетъ меня; я изгнанникъ; они отняли у меня все, что̀ я имѣлъ; друзья оставляютъ меня. Я не знаю, какъ поддержать свое существованіе. Я заслужу ихъ кару; кто пройдетъ черезъ горы, тотъ расплатится со мной кровью; несправедливость ихъ будетъ оправдана. Путешественникъ отдастъ мнѣ сначала свою жизнь, потомъ все, что̀ у него найдется.

Путешественникъ показывается и — падаетъ.

— Капитанъ, говоритъ одинъ *bandolero* Эвсебу: — свинецъ прошелъ черезъ его грудь.

— Похоронить его, поставить надъ нимъ крестъ, и да проститъ ему Богъ.

Священникъ проходитъ по этимъ страшнымъ пустынямъ, пищаль одного изъ разбойниковъ поражаетъ его. Но священникъ этотъ сочинилъ *Очеркъ чудесъ Креста*; рукопись лежитъ у него въ карманѣ; ядро касается манускрипта и не ранитъ священника. Удивленные *bandoleros* приводятъ его къ начальнику.

— Я счастливъ, тысячу разъ счастливъ, сказалъ онъ: — что пуля размягчилась какъ послушный воскъ. Я бы лучше умеръ въ пламени, нежели оскорбилъ святой крестъ. Священникъ, я дарю тебѣ жизнь; оставь при себѣ все, что̀ теперь съ тобой; я прошу только эту книгу. Оставьте ему свободу и проводите куда ему нужно!

— Я буду молиться Богу, говоритъ священникъ Альберто: — чтобы Онъ просвѣтилъ васъ въ вашемъ заблужденіи!

— Честное слово?

— Вотъ моя рука.

Отецъ Лизардо становится во главѣ войскъ, назначенныхъ противъ разбойника, войска окружаютъ гору, въ которой онъ укрылся. Между тѣмъ Эвсебъ, незабывшій своей Юліи и ея прощальной угрозы, получаетъ точныя свѣдѣнія о монастырѣ, куда ее заключили, о его обитателяхъ и средствахъ проникнуть туда. Онъ хочетъ опять найти Юлію. Онъ открылъ ея святое убѣжище.

Вотъ монастырскія стѣны. Къ нимъ приставляютъ лѣстницу. Спутники Эвсеба указываютъ ему на нее. Онъ содрогается; не останавливаетъ ли его нравственное чувство? Нѣтъ; крестъ, который онъ носитъ на груди, жжетъ его; пламя обдаетъ его глаза; ему кажется, что оно охватило и ступени лѣстницы, — но онъ все-таки идетъ впередъ. Ничто не можетъ удержать его.

Въ ту минуту, какъ Эвсебъ проникаетъ во внутренность монастыря, солдаты подъ предводительствомъ Курціо занимаютъ гору; отецъ, желающій отомстить за смерть Лизардо и безчестіе Юліи, садится у подножія креста. Онъ ужасается и отступаетъ при видѣ свя-

щеннаго символа; крестъ напоминаетъ ему страшное приключеніе его молодости. Вотъ оно: женясь онъ тотчасъ долженъ былъ разстаться съ женой на нѣсколько мѣсяцовъ; вдругъ получаетъ онъ отъ слуги ложныя извѣстія о невѣрности ея. Возвращается, — жена сдѣлалась беременна въ его отсутствіе. Курціо внѣ себя, онъ дышетъ однимъ мщеніемъ. Онъ велитъ несчастной слѣдовать за собой и приводитъ ее во внутренность этой роковой уединенной горы. Здѣсь усталая и испуганная жена напрасно просила у мужа пощады: она пала у подножія креста.

— Ради Бога, говорила она: — пощади! пощади!

— Нѣтъ; ты носишь во чревѣ ребенка, который теперь предастъ тебя смерти.

— Если такъ, крестъ, защити меня! О, Спаситель міра! спаси несчастную женщину!... О, Іисусъ! докажи, что я невинна.

Она говорила, а онъ учащалъ удары; но мечъ разрѣзалъ только воздухъ и дующій вѣтеръ. Защищенная чудеснымъ образомъ, она у подножія креста-покровителя и подъ немощнымъ кинжаломъ своего убійцы производитъ на свѣтъ двухъ удивительныхъ дѣтей. На крикъ ея сбѣгаются люди и во всеобщемъ смятеніи одинъ изъ новорожденныхъ унесенъ крестьяниномъ. Ребенокъ, котораго уносятъ и который находитъ убѣжище въ родительскомъ домѣ, и есть Юлія. Мать ея, выздоровѣвъ, посвящаетъ себя Богу. И Юлія, дочь чуда, также назначена на служеніе Богу; такова была воля отца ея. Надъ ней божественная десница; кровавый и огненный крестъ начертанъ у ней на груди.

Таковы приключенія, о которыхъ съ ужасомъ вспоминаетъ старикъ. Онъ узнаетъ роковой крестъ; онъ проситъ у Бога рѣшенія странной загадки....

Возвратимся къ Эвсебу. Наступаетъ ночь, луна свѣтитъ надъ высокими окнами монастыря. Эвсебъ проходитъ длинные коррядоры, гдѣ все спитъ; человѣкъ преступленія и убійствъ, человѣкъ предопредѣленія, онъ ищетъ своей добычи....

Онъ открываетъ одну за другою узкія кельи....

Читатель угадалъ, что Юлія сестра Эвсеба. Онъ находитъ ее и уже готовъ обнять ее.... но Кальдеронъ и здѣсь остался вѣренъ себѣ.

Эвсебъ поднимаетъ занавѣсъ, скрывающій спящую Юлію.

— Ахъ! вотъ она, говоритъ онъ, — и останавливается.

— Да, она! Заговорить съ ней? разбудить ее? Чего душа моя, всегда смѣлая, робѣетъ теперь? Скромное покрывало, ея простота, божественная грація останавливаютъ и трогаютъ меня противъ воли! Ея честь торжествуетъ надъ моимъ безуміемъ!...

Юлія просыпается. Соблазнъ взаимной любви охватываетъ ея непобѣдимою силою. Но вдругъ страстныя рѣчи Эвсеба прерваны движеніемъ ужаса; онъ отталкиваетъ Юлію. Онъ увидѣлъ божественный символъ, двойную черту пламени и крови, которою Всевышняя Десница съ колыбели отмѣтила дѣвушку.

— Я бѣгу! Я видѣлъ Бога, Бога — мстителя! Всякая слеза, пролитая тобой, жжетъ меня; всякое слово, сказанное тобою, мертвитъ меня; каждый взглядъ твой для меня казнь; всякой поцалуй твой — адъ для меня. А! крестъ, крестъ, который я видѣлъ на груди твоей, чудесный символъ, — небесный знакъ, страшная святая печать! Останься монахиней, Юлія! пусти меня!

Вотъ какъ высказывается всемогущество символа по мнѣнію Кальдерона, капеллана одной церкви въ Толедо. Эвсебъ бѣжитъ.... Что касается Юліи, поэтъ, вѣрный природѣ и страстнымъ увлеченіямъ, одушевляетъ ее повидимому странной рѣшимостью. Бѣгство Эвсеба и ужасъ, который она навела на него, запечатлѣлись въ ея памяти; недоумѣніе, любовь, досада, ожесточеніе внушаютъ ей мысль искать своего любовника. Она хочетъ отомстить за его презрѣніе. «Медъ и ядъ текутъ въ его жилахъ вмѣстѣ съ кровью», говоритъ она. Долго блуждая по горамъ, въ которыхъ укрылся глава *bandoleros*, она перемѣняетъ платье, характеръ, душу, убиваетъ пастуха, грозившаго ей насиліемъ, находитъ наконецъ Эвсеба и вызываетъ его на поединокъ. Она дерется: ея голова покрыта плащемъ. Эвсебъ легко ранитъ и узнаетъ ее. Вскорѣ войска, окружившія гору, вступаютъ съ разбойниками въ битву. Курціо узнаетъ умирающаго сына, которому священникъ Альбертъ отпускаетъ грѣхи. Отецъ, узнавъ бѣгство и преступленія Юліи, хочетъ убить ее.

— Пусть смерть твоя будетъ также ужасна, какъ и жизнь!

Но она цалуетъ крестъ и, опуская длинное черное покрывало на плечо, говоритъ:

— Божественный крестъ! спаси меня! я клянусь жить и умереть въ раскаяніи.

— Великое чудо! восклицаютъ всѣ убійцы.

И, по принятому въ испанской драмѣ обычаю, Курціо выходитъ на авансцену и говоритъ:

«Такъ оканчивается эта удивительная комедія. Да будетъ авторъ счастливъ. Простите ему его ошибки».

Только испанцы могли создать такую драму и дать новую форму искусству. Эта драма, вся построенная на религіозномъ чувствѣ, съ цѣлью усилить его, навсегда осталась бы памятникомъ вѣка и народа, еслибъ даже исчезли всѣ воспоминанія, всѣ книги Испаніи....

Перейдемъ къ третьему роду драмъ Кальдерона.

Въ эпоху борьбы возникавшаго христіанства съ язычествомъ, въ Антіохіи жилъ юноша, предавшійся наукѣ и размышленіямъ. Это одна изъ тѣхъ организацій, для которыхъ не существуетъ пора молодости, одинъ изъ тѣхъ тревожныхъ умовъ, которые съ жаромъ отдаются своей задушевной мысли. Кипріано не посѣщалъ ни собраній, ни цирка, ни площади. Богатъ, хорошъ собою, онъ не наслаждался ни богатствомъ своимъ, ни молодостью. Великое безпокойство, царствовавшее въ римскомъ мірѣ при императорѣ Деціи, — безпокойство мысли, желаніе додуматься до истины, недовольство дѣйствительностью, — нерѣшенная задача жизни людей и вѣковъ: вотъ вопросы, постоянно занимавшіе умъ его. Кипріано не былъ христіаниномъ, онъ ненавидѣлъ христіанство по примѣру Тацита, Плинія младшаго и др.

Умъ его находился въ такомъ же бореніи, въ какое средневѣковыя хроники ставятъ доктора Фауста; какъ Фаустъ онъ ищетъ истины и счастія, вѣритъ своимъ силамъ и мысли, жаждетъ въ одно время всѣхъ душевныхъ страстей, всѣхъ земныхъ благъ и всеобъемлющаго знанія.... Онъ не оставался, какъ нѣмецкій докторъ, одинъ въ своемъ кабинетѣ, у старой колоссальной печи, при слабомъ свѣтѣ стариннаго окна съ цвѣтными стеклами; онъ блуждалъ въ лѣсахъ чинаръ и смоковницъ, съ рукописью въ рукахъ, испрашивая вѣчную тайну у оживленной природы и книгъ, скрывающихъ вѣчно живую мысль.... Онъ читалъ у Плинія старшаго, этого энциклопедиста временъ М. Аврелія, изреченія о Богѣ, изреченія. полныя таинственности и величія, разрушающія язычество и возвышающія надъ созданными существами *«существо безъ конца, безъ начала, безъ причины, причину всего, начало, вѣчно творящее»*. То былъ мощный пророческій голосъ человѣка, видѣвшаго неминуемое паденіе язычества.

Размышляя о словахъ Плинія, Кипріано доходилъ до познанія Бога и тѣмъ возбудилъ противъ себя злого духа, демона. Началась борьба, борьба между свободною философскою мыслью и духомъ мрака, возмутившимъ въ Кипріано всѣ чувства и страсти ...

Женщина служитъ орудіемъ духа. Представить ее просто красавицей, кокеткой было бы очень пошло, — Кальдеронъ представилъ ее иначе. Она также чиста, благородна, какъ Кипріано; но она просвѣщеннѣй его; она христіанка, она дѣвственница; и она въ невинности своей отдаетъ предпочтеніе Кипріано.

Такова легенда, которую Кальдеронъ, поэтъ по преимуществу католическій выбралъ для драмы: *Magico prodigioso*.

Одинъ испанецъ, издавшій недавно нѣсколько драмъ Кальдерона, думаетъ, что *Magico prodigioso* нисколько не походитъ на Гётева

доктора Фауста. Конечно, нѣтъ; эти двѣ драмы столько же схожи между собою, сколько Испанія походитъ на Германію, миддлебургская крестьянка на андалузянку, стутгартскій студентъ на толедскаго *estudiante*, сколько XIX вѣкъ походитъ на XV. Геній Кальдерона принадлежитъ половинѣ XV столѣтія, несмотря на то, что онъ родился въ 1600 году. Геній Гёте принадлежитъ половинѣ XIX столѣтія, хотя онъ уже жилъ въ 1780 году.

Кальдеронъ – католическая теологія, безграничная вѣра. Гёте — спокойное сомнѣніе. Фаустомъ движетъ, Фауста увлекаетъ жажда знать, Фауста мучитъ мысль. Героя *Magico prodigioso* увлекаетъ потребность любить, нравственное стремленіе — любовь. Посмотримъ на самую драму.

Иностранецъ заблудился въ лѣсу, гдѣ Кипріано предается размышленіямъ объ изреченіяхъ Плинія; Кипріано только-что дошелъ до мысли о единствѣ Божіемъ, когда явился передъ нимъ иностранецъ. Онъ спрашиваетъ, какъ ему итти, потомъ садится подлѣ Кипріано и заговариваетъ съ нимъ. На травѣ лежатъ греческія книги. Ученый чужестранецъ начинаетъ разговоръ о вопросахъ самыхъ возвышенныхъ и темныхъ. Удивленный его умомъ, Кипріано разсказываетъ ему свои сомнѣнія; послѣ жаркаго спора съ демономъ (подъ видомъ чужестранца скрывался демонъ) онъ остался побѣдителемъ. Недовольный демонъ удаляется. Увѣрившись, что только страсть можетъ помрачить истину въ языческой душѣ Кипріано, готоваго просвѣтиться, демонъ очень искусно сплетаетъ интригу.

Оставшись одинъ, Кипріано слышитъ шумъ оружія за кустами; два дворянина (всѣ лица здѣсь испанцы; надо забыть Антіохію, Грецію, Малую Азію и императора Деція) хотятъ драться за Юстину. Кипріано ясно доказываетъ имъ, что очень дурное средство рѣшать споръ поединкомъ, что они только запятнаютъ честь любимой женщины, по ихъ же словамъ, безукоризненной, и совѣтуетъ имъ лучше положиться на ея выборъ. Влюбленные дѣлаютъ Кипріано своимъ посредникомъ. Онъ обѣщаетъ имъ исполнить свою обязанность съ полнымъ безпристрастіемъ. Но его стережетъ демонъ.

Юстина, равнодушная къ своимъ рьянымъ поклонникамъ, очаровала Кипріано.

— Прощайте, возвышенныя размышленія! благородная философія! я видѣлъ Юстину!

Сильная страсть овладѣваетъ имъ. Аскетическая жизнь дѣлается ему невыносима. Онъ забываетъ свои книги. Красота молодой христіянки овладѣваетъ всѣми его помышленіями.

— О! говоритъ онъ, блуждая въ своемъ прежнемъ убѣжищѣ: — за эту женщину я отдалъ бы душу!

— Хорошо, [illegible]

[illegible]

Небо [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

— [illegible] родки.

— [illegible]!

— [illegible]

[illegible]

[illegible] очередь [illegible] ми страсти.

Девять. [illegible] себѣ самой, [illegible] зительными [illegible] суются картины [illegible] есть [illegible] ко предметы, [illegible] вздохи [illegible]

Такъ [illegible] Какъ только [illegible] ются, [illegible] розы и [illegible] дила въ садъ. [illegible] ми аллеями; [illegible] высокимъ [illegible] синицами. [illegible] подушку арабскаго [illegible]

подъ густой тѣнью смоковницъ. Юстина, трепещущая,слушаетъ его, не снимая ни черной бархатной маски, ни кружевной вуали....

— О! прекрасная, безпредѣльно любимая! говоритъ ей Кипріано: — остановимся здѣсь, въ этомъ свѣжемъ, тѣнистомъ мѣстѣ, куда не проникаютъ лучи солнца, гдѣ не слышно даже дуновенія вѣтра! Богатая награда моихъ магическихъ усилій, — о моя Юстина, — будь моею! ничто не могло удержать моего желанія владѣть тобою, я ничѣмъ не дорожилъ, ни предъ чѣмъ не остановился! Я плачу за тебя моей душою. Да и справедливо дорого платить за величайшее блаженство! Царица моей души! Дай же мнѣ снова увидѣть тебя!

Мантилья падаетъ... Но не Юстина является глазамъ Кипріано, — она исчезла, на ея мѣстѣ безобразный скелетъ!

Отдаленные голоса проносятся надъ верхушками деревъ, произнося: «Кипріано! такъ проходятъ земныя страсти».

Потомъ онъ остается одинъ и падаетъ въ объятія слуги, котораго съ ужасомъ цалуетъ!

Внезапное превращеніе любимой женщины въ скелетъ мы находимъ во многихъ христіянскихъ легендахъ. Кальдеронъ не разъ употреблялъ его въ своихъ драмахъ. Во всей Европѣ одна испанская сцена терпѣла и осыпала рукоплесканіями такой непріятный символизмъ.

Драма однакожь не могла такъ кончится. Необходимо было полное обращеніе страстнаго языческаго философа.

Демонъ, непобѣдившій Юстины, требуетъ съ Кипріано платы, то есть души его. Кипріано противится. Произнося имя Божіе, онъ принуждаетъ демона признать божескую власть, и такимъ образомъ разрушаетъ надежды сатаны.

Кипріано. Ты не далъ мнѣ Юстины; я ничего тебѣ не долженъ.

Демонъ. Развѣ ты не держалъ ее въ своихъ объятіяхъ?

Кипріано. Нѣтъ! ты далъ мнѣ призракъ!

Демонъ. Чудо сдѣлалъ не я.

Кипріано. Кто же?

Демонъ. Ея покровитель.

Кипріано. Ктожь онъ?

Демонъ *(трясется)*. Не могу сказать.

Кипріано. Я употреблю противъ тебя твои же наставленія. Во имя моей магической власти, я приказываю тебѣ назвать мнѣ ея покровителя.

Демонъ. Одинъ богъ покровительствуетъ Юстинѣ.

Кипріано. Одинъ богъ!... Какъ, одинъ! при такомъ множествѣ боговъ!

Демонъ. У него одного больше власти, чѣмъ у всѣхъ другихъ.

Кипріано. Стало быть только онъ и Богъ?

Демонъ *(хочетъ уйти)*. Я ничего не знаю!

Кипріано. Это онъ, вотъ онъ, тотъ Богъ, котораго я такъ долго искалъ! Богъ, Всемогущій и Великій.... Это онъ, это онъ! Согласись! Признайся. .. говори!

Демонъ. Я ничего не знаю.

Кипріано. Его имя?

Демонъ. Его имя! Неужели надо сказать его? Съ ужасомъ произношу я. .. Это — христіянскій Богъ.

Кипріано. Зачѣмъ онъ возсталъ на меня?

Демонъ. Чтобы защитить Юстину.

Кипріано. Зачѣмъ?

Демонъ. Юстина — христіянка.

Кипріано. И такъ защищаетъ Онъ всѣхъ, кто отдается Ему?

Демонъ *(недовольный)*. Да; но тебѣ уже поздно думать о немъ: ты мой рабъ.

Кипріано. Я твой рабъ?

Демонъ. Ты мой. Вотъ твоя подпись.

Кипріано. Ты не исполнилъ своихъ обѣщаній; мы расчитались. Ты не доволенъ?

(Вынимаетъ шпагу).

Демонъ. Глупецъ! Бей тупымъ или острымъ концомъ шпаги, ты не коснешься меня. Узнай, кто твой господинъ! Я — демонъ.

Кипріано. Ты?

Демонъ. И ты мой.

Кипріано. Никогда! Освободившій Юстину безъ сомнѣнія поможетъ и мнѣ!

Демонъ. Не надѣйся, страстный, гордый человѣкъ; Онъ не поможетъ тебѣ.

Кипріано. Если Онъ Всемогущъ, Онъ проститъ меня: Его прощеніе будетъ мнѣ наградой.

Демонъ. Онъ справедливъ; ты получишь наказаніе въ награду!

Кипріано. Сдающагося плѣнника щадятъ.

Демонъ. Ты не можешь принадлежать Ему, потому-что ты мой.

Кипріано. Сомнѣваюсь.

Демонъ. Скоро ты не усомнишься въ этомъ.

Онъ окружаетъ Кипріано своими желѣзными руками.

— Христіянскій Богъ! восклицаетъ юноша: — призываю Тебя.

Побѣжденный демонъ удаляется.

— Ты обязанъ Ему жизнью! говоритъ онъ.

— Надѣюсь, что болѣе чѣмъ жизнью, отвѣчаетъ Кипріано: — потому-что я принадлежу ему!

Послѣднія слова этой религіозной драмы: вѣрить, любить, отдаваться вѣрѣ, ожидать всего отъ вѣры. Бракъ мученика, *nuptiae purpureae*, соединяетъ Кипріано съ Юстиной въ послѣдней сценѣ.

Великимъ лицомъ, протогонистомъ нѣмецкаго и испанскаго Фауста представляется у Гёте и Кальдерона демонъ. Но гётевъ демонъ не походитъ на испанскаго. Послѣдній, *dominio*, не смѣется; гётевъ Мефистофель всегда смѣется; испанскій демонъ дрожитъ отъ боязни, когда слышитъ имя Іеговы, гётевъ демонъ смѣется рѣшительно надъ всѣмъ. Первый сквозь зубы признаетъ единство Божіе, Его Всемогущество; послѣдній напротивъ.

Такова драма Кальдерона.

ИСТОРІЯ ФИНАНСОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ РОССІИ СО ВРЕМЕНИ ОСНОВАНІЯ ГОСУДАРСТВА ДО КОНЧИНЫ ЕКАТЕРИНЫ II. *Сочиненіе графа* Дм. Толстаго. *Спб. 1848.*

Финансовыя учрежденія, несмотря на ихъ важное значеніе въ русской исторіи, до сихъ поръ были весьма слабо, или почти вовсе не были разработаны. Нѣсколько несвязныхъ замѣтокъ, сказанныхъ мимоходомъ, не могли представить и въ легкомъ очеркѣ, какъ развивалась у насъ финансовая система, какимъ началамъ она подчинялась въ извѣстное время, и какое вліяніе имѣла на матеріяльный бытъ народа. Полная характеристика, правильное изложеніе постепеннаго движенія русскихъ финансовыхъ учрежденій требовали предварительной разработки многихъ другихъ сторонъ нашей жизни (администраціи, государственнаго хозяйства, торговли, поземельныхъ отношеній и проч.), съ которыми тѣсно связаны налоги и ихъ употребленіе. Вотъ почему эта важная отрасль управленія постоянно была предоставляема трудамъ будущихъ изслѣдователей. Появленіе сочиненія, заглавіе котораго мы выписали, возбудило въ насъ пріятныя надежды. Правда, зная, какія огромныя трудности ожидали автора въ изслѣдованіи нашихъ финансовъ, мы не могли думать, чтобъ сочиненіемъ его окончательно пополнялся большой и важный пробѣлъ въ изученіи нашего внутренняго быта: такой трудъ едва ли по силамъ одного человѣка.

Зато мы ожидали найти въ его трудѣ по-крайней-мѣрѣ строгую ученую обработку, систематическій взглядъ на предметъ, отсутствіе предубѣжденій и – главное – цѣльность, стройность, согласіе отдѣльныхъ частей сочиненія, съ какой бы точки зрѣнія авторъ ни смотрѣлъ на предметъ.

Справедливость однакожь требуетъ признаться, что, познакомившись ближе съ книгой, мы увидѣли, что и этимъ требованіямъ удовлетворяетъ она не совсѣмъ. «*Раздѣливъ сочиненіе мое на составныя*

«*части науки финансовъ*» — говоритъ онъ — «я излагалъ развитіе каж-«дой изъ этихъ частей въ отдѣльности, *избѣгая всякаго искусственна-«го дѣленія на періоды. Всѣ источники государственныхъ доходовъ «Россіи развивались самобытно, медленно*, не подвергаясь никакимъ «теоретическимъ началамъ, измѣняясь болѣе соотвѣтственно съ хо-«домъ народнаго просвѣщенія, чѣмъ предписаніями верховной власти. «Потому напрасно стали бы мы искать какихъ либо ученыхъ дѣленій «или періодовъ для исторія русскихъ финансовъ; ихъ быть не можетъ «тамъ, гдѣ развитіе происходитъ постепенно, гдѣ старое всегда тѣс-«но связано съ новымъ, гдѣ нѣтъ переворотовъ, но только частныя «и необходимыя улучшенія». (Предисл., стр. 17.). Всѣ эти разсужде-нія, несмотря на кажущуюся правильность, исполнены странныхъ противорѣчій. Что̀ болѣе искуственно, спросимъ мы автора: дѣ-леніе на періоды или дѣленіе, взятое изъ какого-нибудь учеб-ника и некстати перенесенное изъ догмы на историческій процессъ? Какъ бы ни было натянуто дѣленіе по періодамъ, хотя бы по періо-дамъ варяжскому, монгольскому и проч., все же оно лучше дѣленія по учебнику, излагающему науку догматически, лучше потому, что въ первомъ случаѣ живой цѣльный организмъ разрѣзанъ на меньшее чѝ-сло частей, чѣмъ въ послѣднемъ, гдѣ каждая рубрика имѣетъ свои рубрики, которыя въ свою очередь опять подраздѣляются, и т. д., и все это не имѣетъ между собой ни единства, ни связи. Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ на «Исторію финансовыхъ учрежденій» графа Толстаго: она имѣетъ слѣдующія дѣленія: I Подати, II Сборы, III Регаліи, IV Государственныя Имущества, V Банки. Все изложеніе распадается у автора на пять отдѣльныхъ, ничѣмъ между собою несвязанныхъ час-тей. Но этого мало: каждая часть опять дѣлится и подраздѣляется на новыя рубрики, точно также разъединенныя и чуждыя одна другой... Мы думаемъ, что правильное, разумное дѣленіе на періоды придало бы болѣе единства и жизни изслѣдованіямъ автора, потому-что оно, по нашему мнѣнію, вовсе не имѣетъ той искуственности, о которой онъ говоритъ; ибо главная задача всякаго историческаго изысканія состоитъ не только въ собраніи фактовъ, относящихся къ извѣстно-му опредѣленному предмету, но въ особенности въ уясненіи того об-щаго начала, которое лежитъ въ нихъ, ихъ вызвало, дало имъ жизнь и опредѣлило форму, въ которой они выразились. Такое нача-ло, съ чѣмъ конечно не станетъ спорить нашъ авторъ, непремѣнно должно лежать во всякомъ живомъ организмѣ, «гдѣ развитіе проис-ходитъ постепенно, гдѣ старое всегда тѣсно связано съ новымъ»; сначала оно является какъ зародышъ, потомъ мало-по-малу дости-гаетъ своего полнаго бытія, наконецъ постепенно вымираетъ и усту-паетъ мѣсто новому. Послѣднее точно-также вытекаетъ изъ самого

организма, но на сцену полнаго историческаго властительства выходитъ мало-по-малу болѣзненнымъ путемъ, потому-что старое переживается не вдругъ. Новѣйшіе историки до такой степени стараются избѣгать искуственности въ дѣленіяхъ на періоды, что не только опредѣляютъ эти періоды преобладающимъ властительствомъ того или другого начала, но еще принимаютъ и такъ называемыя *переходныя эпохи*, когда и старое и новое присущи жизни, когда первое еще не вполнѣ одряхлѣло, а второе не окрѣпло, и между тѣмъ и другимъ совершается борьба. Кажется, такое дѣленіе не можетъ быть названо неестественнымъ; напротивъ, оно потому и естественно, что опредѣлено самой жизнію, слѣдитъ за ея измѣненіями, а не выдумываетъ своихъ, и только при такихъ жизненныхъ измѣненіяхъ ставитъ свои путеводные знаки.

Возьмите исторію чего бы то ни было — она тогда только можетъ воспроизвести дѣйствительность, когда трудившійся высмотритъ въ глубинѣ разнообразныхъ и многочисленныхъ фактовъ начала, ихъ двигавшія, которыя дали этимъ фактамъ смыслъ и значеніе. А если онъ не уловитъ началъ, остается груда фактовъ, положимъ, прилично расположенныхъ по классамъ, но все-таки мертвыхъ. Ученый авторъ проститъ насъ, если мы сознаемся, что такое впечатлѣніе производитъ на насъ его книга.... она не высказываетъ ни одного начала, не указываетъ въ собранныхъ данныхъ органическаго процесса, и отсюда-то выводимъ мы причину, почему автору было все равно, какъ ни раздѣлить сочиненіе, — и онъ раздѣлилъ его, соображаясь съ легкостью работы.

Что же привело его къ такому странному взгляду на историческое движеніе финансовыхъ учрежденій въ Россіи? Сама книга разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Авторъ разсматриваетъ избранный имъ предметъ въ слишкомъ тѣсной, ограниченной рамкѣ, не принявъ въ расчетъ, что всѣ стороны жизни тѣсно между собою связаны, что онѣ взаимно вліяютъ другъ на друга и результаты ихъ часто перекрещиваются и переплетаются. Финансовыя учрежденія нельзя разсматривать отдѣльно отъ среды имъ родственной, въ которой они образовались. Управленіе, развитіе государственнаго хозяйства, поземельныя отношенія и проч. даютъ смыслъ и объясняютъ финансовыя учрежденія; это почва, на которой послѣднія выростаютъ и умираютъ. Разорвите эту связь — и непремѣнно мертво, безцвѣтно будетъ то, что въ связи съ другимъ было ярко, живо и обратило на себя испытующій умъ. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что авторъ вмѣсто одного труда о финансахъ въ Россіи долженъ былъ написать нѣсколько изслѣдованій и по другимъ отраслямъ русской исторіи. Нѣтъ, мы только желали бы, чтобъ онъ, слѣдя за развитіемъ даннаго пред-

мета, въ тоже время постоянно имѣлъ въ виду и развитіе другихъ сторонъ жизни и ихъ вліяніе на избранный имъ отдѣлъ внутренняго быта. Не споримъ, здѣсь опять являются огромныя трудности: такая работа требуетъ обширнаго и разнообразнаго изученія русской исторіи, чтò при новости ея, какъ науки, весьма трудно. Но чтòжь дѣлать! Безъ такого изученія книга непремѣнно будетъ носить печать незрѣлости или поспѣшности.

Со всѣмъ уваженіемъ къ автору и къ его полезному труду, мы всетаки вынуждены сказать, что онъ не воспользовался даже тѣмъ, чтò сдѣлано въ послѣднее время по части русской исторіи, изъ чего бы онъ могъ почерпнуть многое, и прежде всего — сравнительно болѣе вѣрный взглядъ на развитіе русскаго народа. Чтò авторъ дѣйствительно не воспользовался послѣдними результатами науки, мы сейчасъ увидимъ. Онъ, какъ видно изъ самого заглавія сочиненія, хотѣлъ развить читателямъ финансовыя учрежденія Россіи *со временъ основанія русскаго государства* до кончины Екатерины II. Мы долго не могли понять, съ какого времени именно онъ началъ свою исторію; начало русскаго государства разными изслѣдователями относилось къ разнымъ эпохамъ: къ Рюрику, Іоанну III и пр. И чтò же? исключая очень немногихъ мѣстъ, авторъ вовсе упустилъ изъ виду первоначальный періодъ русской исторіи; основываясь на этомъ, мы уже было начали думать, что основаніе государства, а съ нимъ и начало своего труда онъ относитъ къ позднѣйшему времени; но мы ошиблись. Немногія мѣста, въ которыхъ онъ обращается къ первоначальному быту русскихъ славянъ при первыхъ варяжскихъ князьяхъ, убѣдили насъ въ противномъ. На 129 стр. авторъ называетъ Владиміра «настоящимъ основателемъ Русскаго Государства», а на 225 стр. говоритъ: «начало сихъ (*государственныхъ*) имуществъ современно съ началомъ государства, т. е. съ приходомъ въ славянскія земли Варяго-Руссовъ». Итакъ, авторъ относитъ *начало русскаго государства* ко временамъ Рюрика. Еслибъ въ явленіяхъ первоначальной жизни народа онъ видѣлъ только невысказанную возможность государства, мы бы его поняли и съ нимъ согласились; но зато тамъ, гдѣ новѣйшія изслѣдованія указали на бытъ, построенный на отношеніяхъ родственныхъ, кровныхъ, онъ вѣрно не нашелъ бы и финансовъ съ государственнымъ значеніемъ и уже опредѣлившейся формой; онъ не увидѣлъ бы въ этотъ періодъ государственныхъ имуществъ и избѣжалъ бы многихъ ошибокъ, о которыхъ мы скажемъ теперь нѣсколько словъ.

Были ли у насъ собственно *государственные* налоги до московскаго періода? Конечно нѣтъ, потому-что не было государства стройно и твердо организованнаго. На всемъ бытѣ народа лежалъ одинъ ро-

дственный патріархальный типъ, съ теченіемъ времени конечно измѣнявшійся въ своихъ формахъ; такъ продолжалось почти до конца XV столѣтія, когда впервые появляются государственныя идеи. Варяго-руссы, призванные на такую патріархальную почву, принесли что-то новое; въ первыхъ князьяхъ замѣчаемъ воинственный духъ, склонность къ браннымъ опасностямъ. Они направляютъ свое оружіе наГрецію и сосѣднія племена и берутъ съ нихъ дань. Въ этомъ не могло быть ничего постояннаго и опредѣленнаго. Дружина княжеская говоритъ Игорю: «отроцы Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази: поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы», и Игорь идетъ на древлянъ; всѣмъ извѣстны его неумѣренныя требованія. Но небольшая толпа варяго-руссовъ должна была съ теченіемъ времени уступить сильному вліянію туземнаго элемента, погруженнаго въ патріархальныя отношенія. Такъ, скоро въ варяжскихъ князьяхъ замѣчаемъ характеръ прежнихъ родоначальниковъ; въ ихъ родѣ начинаются тѣже патріархальныя усобицы. Надъ всею жизнію господствовалъ одинъ типъ родового устройства, въ которомъ напрасно стали бы мы искать юридической опредѣленности и невозможно искать государственныхъ понятій. Все было нетвердо, неуловимо и измѣрялось скуднымъ, вовсе не государственнымъ, даже не гражданскимъ критеріемъ тогдашняго человѣка, выросшаго среди такихъ отношеній и незнавшаго другихъ. Вслѣдствіе этого, частной поземельной собственности быть не могло; была собственность, принадлежащая княжескому роду. Въ ея предѣлахъ князья безпрерывно двигаются, занятые своими собственными интересами и забывая о всемъ остальномъ. Налоги, взимаемые ими, носятъ тотъ же патріархальный характеръ и потому неопредѣленны. Управленіе и судъ считались чѣмъ-то второстепеннымъ; притомъ въ нихъ выражался тотъ же домашній типъ. Князь управлялъ и судилъ народъ преимущественно чрезъ своихъ мужей, посадниковъ и тіуновъ, при чемъ вниманіе исключительно было обращено на поборы. Въ отношеніи къ княжескимъ чиновникамъ управленіе носило характеръ *кормленія*. Все это давало большой просторъ произволу этихъ чиновниковъ. Право суда рѣдко отдѣлялось отъ управленія, что̀ давало суду тотъ же характеръ кормленія. Судьи, какъ и сборщики податей ([1]), объѣзжали землю, судили и сбирали пошлины; во все время такихъ разъѣздовъ они содержались на счетъ жителей. Въ самыхъ простыхъ случаяхъ обвиненный платилъ половину иска, что̀ называлось *виною*. Оттого въ лѣтописяхъ упоминается, что жители

([1]) Эти сборщики податей посылались отъ князей болѣе въ отдаленныя мѣста, самые же князья объѣзжали ближайшія области и собирали дань; объѣзды эти назывались *полюдьями*. Духовенство имѣло свои *поѣзды*.

часто разорялись отъ *винъ и продажей*. Мономахъ въ своемъ завѣщаніи говоритъ: «не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ (1).

Авторъ «Исторія финансовыхъ учрежденій» не обратилъ вниманія на эту начальную эпоху нашей исторіи; кромѣ двухъ, трехъ мѣстъ, онъ нигдѣ о ней не упоминаетъ, но и въ этихъ немногихъ мѣстахъ ссылается на Шлецера и Гагемейстера; лѣтописями онъ совсѣмъ не пользовался. Такимъ образомъ въ трудѣ его замѣчается большая неполнота; не видно, откуда возникли всѣ послѣдующія финансовыя явленія; почва, на которой они выростали, все ихъ прошедшее обойдено.

Отбросивъ лѣтописныя свидѣтельства и новѣйшія изслѣдованія, авторъ долженъ былъ прійти къ страннымъ заключеніямъ о финансахъ того времени. Вотъ нѣсколько доказательствъ:

Въ статьѣ о податяхъ въ собственномъ смыслѣ читаемъ (стр. 5—7): «предметы, съ которыхъ подать взимается, измѣняются съ из«мѣненіемъ состоянія государственнаго..... Когда государство нахо«дится на самой низкой степени образованности, подати платятся «обыкновенно по числу дворовъ или дымовъ; ибо счесть домы лег«че, чѣмъ счесть жителей, или измѣрить и оцѣнить землю и различ«ныя угодья. *Подать поголовная слѣдуетъ за первою....* третья сте«пень финансоваго развитія означается введеніемъ поземельной пода«ти: измѣреніе земли несравненно труднѣе исчисленія домовъ и жи«телей. *Русское государство перешло чрезъ всѣ эти степени фи«нансоваго развитія*». Далѣе говорится, что подати, собиравшіяся варяго-русскими князьями, взимались «по числу дымовъ или дворовъ, *также по числу лицъ или поголовно*». Не говоря уже о томъ, что все это разсужденіе не подкрѣплено никакими фактами, а послѣднее положеніе прямо опровергается ими, мы замѣчаемъ въ немъ противорѣчіе: или подать поголовная есть въ исторіи вторая ступень финансоваго развитія, или она существовала на ряду съ податью по числу дворовъ, и слѣдовательно высшей ступени въ ней нельзя видѣть.

Подати, по мнѣнію гр. Толстаго, взимались подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и участіемъ княжескихъ намѣстниковъ, потому-что князья не могли на столько полагаться на добросовѣстность побѣжденныхъ ими племенъ, чтобъ предоставить имъ назначеніе способа взиманія податей. При этомъ онъ опровергаетъ мнѣніе Гагемейстера, будто дань собиралась самимъ народомъ. Но, кажется, оба мнѣнія не совсѣмъ вѣрны, потому-что хотятъ подвести тогдашній бытъ

(1) Лавр. Лѣт. стр. 102.

подъ опредѣленную норму. Мы уже замѣтили, что неопредѣленность — характеристическая черта того времени. Разумѣется, взиманіе податей княжескими чиновниками имѣетъ за себя болѣе данныхъ, потому-что самыя подати взимались для князя и въ его интересахъ. Но если авторъ считалъ до того важнымъ свидѣтельство лѣтописи о мести Ольги, что опровергаетъ имъ мнѣніе Гагемейстера, выводившаго изъ выраженія: «се уже иду къ вамъ да пристройте меды многи», будто самъ народъ взималъ подати; то отчего же онъ не хотѣлъ прочитать дальнѣйшее повѣствованіе лѣтописи, гдѣ Ольга говоритъ Древлянамъ: «хощю *дань* имати по малу... дайте ми отъ дво-«ра по три голуби да по три воробьи». — «*Древляне* же ради бывше и *собраша* отъ двора по три голуби и по три воробьи, *и послаша к* «*Ользѣ* съ поклономъ (¹).

Потомъ авторъ говоритъ, что удѣльные князья, «*старались о введеніи большей правомѣрности* во взиманіи податей, и потому ввели поземельную подать», и тутъ же замѣчаетъ, что эта послѣдняя была введена не во всѣхъ удѣлахъ, а «гдѣ и была введена, старыя подати, по большей части, не переставали имѣть свою силу». Послѣ этого спрашивается: какое же было стараніе о правомѣрности, да и могло ли быть оно при отсутствіи всякой юридической опредѣленности?

Далѣе авторъ говоритъ нѣсколько словъ, также безъ доказательствъ, о судебныхъ сборахъ, о винной и звѣриной регаліяхъ въ первыя времена русской исторіи; на другія стороны финансовыхъ учрежденій онъ не обращаетъ вниманія въ эту эпоху. «По моему мнѣнію — говоритъ онъ на стр. 129 — Владиміръ былъ виновникомъ этого *нововведенія* (т. е. судебныхъ сборовъ). Ясно, что онъ не знакомъ съ лѣтописями; ибо у Нестора читаемъ, что Владиміръ, вслѣдствіе представленій духовенства, отвергъ виры и установилъ смертную казнь для прекращенія разбоевъ. Но потомъ само же духовенство принуждено было сказать ему: «рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди» и рече Володимеръ: «тако буди» *и живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню*. Слѣдовательно, виры не были нововведеніемъ Владиміра, а образовались гораздо раньше и, утвердительно можно сказать, обычаемъ. Еще примѣръ. Авторъ говоритъ: «Въ Ярославовой Русской Правдѣ о судебныхъ сборахъ не «упоминается, потому-что эта грамота *дана была Ярославомъ Новго-«родцамъ, какъ привилегія*, освобождающая ихъ отъ судебныхъ «сборовъ(¹). Дѣйствительность же существованія сихъ послѣднихъ въ «помянутое время (т. е. при Ярославѣ) подтверждается слѣдующимъ «изрѣченіемъ *позднѣйшей* правды: «вирьникоу взяти». Это позднѣй-

(¹) Лавр. Лѣт. стр. 35.

шее извѣстіе ничего не доказываетъ для предшествовавшаго времени. «Изъ Правды Ярославовой судебные сборы перешли и въ Правду «сыновей его.» Но какъ же они могли перейти изъ ярославовой Правды, когда ихъ тамъ не было, какъ говоритъ самъ же авторъ ([1]). Въ статьѣ о винной регаліи (стр. 135) сказано: «по дошедшимъ до насъ «отечественнымъ и чужеземнымъ памятникамъ, поясняющимъ вну-«треннее состояніе Россіи при первыхъ ея Князьяхъ, нельзя опредѣ-«лить, выдѣлывались ли въ ней виноградныя вина.... *Вѣроятно «древніе Руссы*, имѣвшіе такія частыя сношенія съ Греками, начи-«ная съ Аскольда и Дира, въ особенности во времена Олега и Игоря, «въ теченіе времени *заимствовали у нихъ способы производства ви-«ноградныхъ винъ*. Владиміръ уже говорилъ: «вино есть веселіе серд-«ца русскаго»». Мы не думаемъ, чтобъ на этихъ словахъ Владиміра можно было основывать производство виноградныхъ винъ въ Россіи въ древнѣйшія времена, особенно, когда этому противорѣчатъ всѣ извѣстія.

Гораздо лучше и полнѣе воспользовался авторъ актами, изданными Археографической Экспедиціей и Коммиссіей. Патріархальныя, кровныя отношенія, составлявшія норму нашего древняго быта, перешедши чрезъ всѣ фазисы развитія (племя, родъ, семья), начинаютъ мало-по-малу дряхлѣть и уступать мѣсто новымъ стремленіямъ. Съ конца XV вѣка начинаютъ пробиваться въ развитіи русской жизни государственныя идеи, сначала слабо, но потомъ пріобрѣтая болѣе и болѣе крѣпости и значенія. Потому въ Россіи до-петровской замѣчаемъ движеніе государственныхъ идей рядомъ съ патріархальными, семейными формами быта. Этотъ смѣшенный типъ лежалъ и на исторіи русскихъ финансовъ этой эпохи. Въ нихъ замѣчается и помѣщичій и государственный характеръ; чѣмъ ближе къ Петру, тѣмъ послѣднее начало пріобрѣтаетъ болѣе силы и значенія. Наконецъ Петръ окончательно установляетъ государство; съ нимъ рушится даже возможность патріархальныхъ отношеній въ публичной жизни и начинается финансовая система съ значеніемъ чисто государственнымъ. Такую двойственность началъ можно прослѣдить во всѣхъ сторонахъ финансовой организаціи до-петровской эпохи. Государственное начало высказывается въ появленіи особенной системы приказнаго управленія, въ стремленіи ограничить произволъ разныхъ правительственныхъ лицъ, въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ частныхъ сборовъ и проч. Но система финансоваго управленія не вдругъ могла

([1]) На 129 стр. читаемъ: «Русская Правда и Судебники имѣютъ чисто финансовой характеръ, *сохранившійся отчасти и въ Уложеніи* Ц. А. Мих.»; а на 252 «финансовый характеръ судопроизводства Русской Правды и Судебниковъ не оставилъ слѣдовъ въ Уложеніи.

установиться на этихъ началахъ: съ нимъ [illegible] предшедшаго удѣльнаго періода.

Графъ Толстой не обратилъ вниманія на эти начала въ исторіи финансовыхъ учрежденій до-петровской эпохи. Онъ хочетъ видѣть въ тогдашней системѣ почти совершенство. [illegible] дѣйствовавшее на матеріальное благосостояніе и промышленность народа. Разумѣется, онъ [illegible] въ видѣ дѣйствительное состояніе торговли, промышленности и народнаго богатства той эпохи, а [illegible] указываетъ въ [illegible], очень немногихъ мѣстахъ. Но недостатки тогдашней системы, не [illegible] имъ того значенія, какое они имѣли, говоритъ о нихъ мимоходомъ, какъ о чемъ-то случайномъ и вскорѣ исправленномъ.

Чтобъ спасти свои любимыя предубѣжденія, авторъ долженъ былъ освѣтить всѣ [illegible] явленія [illegible] своимъ [illegible]. Такъ въ постановленіи Іоанна Грознаго «во всѣхъ городахъ «и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кого между крестьянъ «управа чинити и [illegible] ... [illegible] «и къ нимъ на срокъ [illegible], [illegible] себѣ крестьяне межь «себя излюбятъ и выберутъ всею землею, отъ которыхъ бы имъ «продажъ и убытковъ и обиды не было», — въ этомъ постановленіи авторъ видитъ болѣе, нежели [illegible]. «Эти установленія — говоритъ онъ — [illegible] благосостояніе «народа, избавленнаго отъ притѣсненія и грабежа корыстныхъ чиновниковъ, принадлежатъ къ одному изъ славныхъ дѣлъ Іоанна «Вас. во внутреннемъ устройствѣ государства». (Стр. 45—46; 252). Дѣйствительно, никто не обращалъ въ до-петровской Руси такого сострадательнаго вниманія на [illegible] областей, какъ Іоаннъ IV: чтобы дать имъ средства къ лучшему матеріальному существованію, онъ хотѣлъ восстановить [illegible] быть и [illegible] ихъ въ жизни; но всѣ усилія его остались безполезными. Общины уже утратили свое прежнее родовое значеніе, а [illegible] были [illegible] возстановлены.

Также преувеличенъ взглядъ [illegible] на [illegible], о чемъ скажемъ подробнѣе ниже, и на другія финансовыя явленія этого времени: [illegible]; [illegible] авторъ упустилъ изъ виду многія [illegible] со всѣхъ сторонъ многія [illegible] тогдашнихъ финансовыхъ учрежденій: такъ, весьма слабо [illegible] подати [illegible] и [illegible] сословій, тарханныя грамоты, [illegible] государственныя [illegible], въ числѣ которыхъ авторъ [illegible] даже [illegible]. Удивительно ли послѣ этого, что исторія [illegible] финансоваго управленія вовсе не обратила на себя его вниманія?

рики, заводы, дороги, водяныя сообщенія и пр. и пр , а на все это требовались огромныя издержки. Для удовлетворенія имъ Петръ создалъ обширную финансовую систему, обратилъ многое изъ частной собственности въ регаліи и , несмотря на все разнообразіе постановленій, ввелъ въ эту систему порядокъ и смыслъ. Самъ авторъ (стр. 23) говоритъ, что Петръ до 1722 года признавалъ посошную подать и только въ этомъ году учредилъ на мѣсто ея *подушный сборъ*. Неужели этотъ фактъ въ его глазахъ не имѣетъ значенія?... Убѣдившись въ неприложимости поземельной подати въ тогдашнее время, по недостатку необходимыхъ условій для ея существованія, Петръ въ 1722 г. отвергъ ее и замѣнилъ болѣе простою и болѣе приложимою. Замѣтимъ при томъ, что при Петрѣ подушный сборъ имѣлъ за себя и внутреннюю справедливость. Въ это время мы застаемъ еще много *пустопорожнихъ* земель; знаемъ, что еще при Екатеринѣ II многія земли въ южномъ краю раздавались даромъ. При Петрѣ тѣмъ болѣе важны были руки, а не земли. А вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ первый указалъ на возможность правильнаго кадастра въ Россіи. Съ одной стороны наука, имъ водворенная у насъ, съ другой, развитіе источниковъ народнаго богатства (земледѣльческой промышленности и др.) положили прочное основаніе правомѣрныхъ финансовыхъ операцій. Для выполненія огромныхъ предпріятій своихъ Петръ обратилъ заботливое вниманіе на правильное развитіе государственнаго хозяйства; онъ открылъ для народа новые источники матеріальнаго благосостоянія и развилъ прежніе. Вслѣдствіе всего этого мы не понимаемъ, какъ можно примѣнить къ Петру слова Кольберта, сказанныя Людовику XIV: «Государство можетъ перенести много лишеній, но должно бросить милліоны, когда идетъ дѣло о вашей славѣ». Такое примѣненіе дѣлаетъ гр. Толстой по случаю рекрутскихъ наборовъ Петра; ясно, что онъ выпустилъ изъ виду причины его войнъ, то важное обстоятельство, что Петръ никогда не отдѣлялъ своей славы отъ славы своего народа. Доказывать это, думаемъ, было бы излишне.

Не одни указанные недостатки находимъ мы въ книгѣ автора. Есть и другіе, очень важные. Онъ ограничился изложеніемъ одних государственныхъ доходовъ, не сказавъ ни слова о расходахъ. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ полное право поступить такимъ образомъ; но зато онъ долженъ бы назвать свое сочиненіе «Исторіей государственныхъ, а не финансовыхъ учрежденій». Да и напрасно, по нашему мнѣнію, отдѣлилъ онъ доходъ отъ расходовъ; послѣдніе даютъ смыслъ первымъ. Наконецъ чисто догматическое изложеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ значительно лишаетъ сочиненіе историческаго интереса. Наприм.

Контарное.

«Контарное была пошлина съ продажи соли. Названіе это происходитъ отъ *Кантаря*, что значитъ вѣсы для соли».

Рукознобная пошлина.

«Рукознобная пошлина взималась за трудъ таможенныхъ чиновниковъ при взвѣшиваніи товаровъ и перенесеніи ихъ съ возовъ, саней или судовъ на гостинный дворъ. Иногда эта пошлина бралась съ купца и съ продавца, иногда съ одного купца. Величина ея опредѣлялась тяжестію товара».

Роговое.

«Роговымъ называлась пошлина съ продажи рогатаго скота. Но по большей части, такая пошлина носила родовое названіе тамги» и друг. (стр. 82 и 92).

Спрашивается когда же установились эти сборы и долго ли они существовали? Неужели они продолжались чрезъ весь длинный періодъ, принятый авторомъ? Каждый изъ этихъ сборовъ отзывается характеромъ извѣстной эпохи, и изслѣдованіе, оставивъ въ сторонѣ самое важное въ исторіи - хронологію, даетъ право думать, будто всѣ эти сборы удержались даже до половины XVIII вѣка. Отсюда видно, что авторъ не совсѣмъ отчетливо воспользовался и тѣми документами, которыми онъ дѣйствительно пользовался. Тѣмъ болѣе это странно, что сочинитель говоритъ въ предисловіи (стр. VI—VII), что при изданіи «Исторіи финансовыхъ учрежденій Россіи» имъ руководило сознаніе необходимости такого труда, и что ни одинъ фактъ, *сколько нибудь важный*, не ускользнулъ отъ его вниманія. Сколько же оказалось у него неважныхъ фактовъ!

Хорошая сторона сочиненія гр. Толстаго состоитъ въ томъ, что оно подробнѣе раскрыло нѣкоторыя финансовыя явленія (наприм. монетную регалію, банки и др.), и при отсутствіи другихъ сочиненій по этой части все-таки будетъ служить ученымъ пособіемъ, тѣмъ болѣе, что вѣроятно еще долго ожидать намъ другого сочиненія по этому предмету.

Цринн. *Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, сочиненіе* Кернера. *Переведена* В. Мордвиновымъ. *Спб. 1847.*

Изъ всѣхъ родовъ поэзіи, нѣмцамъ преимущественно дался лиризмъ. У нихъ есть великіе лирическіе поэты и великія лирическія произведенія, но нѣтъ ни романа, ни драмы, ни комедіи. Нѣсколько замѣчательныхъ произведеній въ послѣднихъ родахъ (только не въ комическомъ) представляются болѣе или менѣе прекрасными исключеніями изъ общаго характера нѣмецкой поэзіи. Въ нѣмецкой драмѣ люди не дѣйствуютъ, а только говорятъ, высказывая или свои мысли и воззрѣнія, или свои чувства, по поводу того, о чемъ идетъ дѣло въ драмѣ. Таковы трагедіи самого Шиллера: лучшая сторона ихъ — лирическій паѳосъ, обильными волнами льющійся въ стихахъ, какіе умѣютъ писать только великіе поэты. Если допустить существованіе лирическихъ драмъ, какъ особаго вида поэзіи, по формѣ относящагося къ драматургіи, а по сущности къ лирикѣ, — то конечно драмы Шиллера — великія созданія. Самыя страстныя, и потому наиболѣе лирическія изъ его драмъ — *Анна д'Аркъ и Мессинская невѣста.* Первокласное произведеніе нѣмецкой поэзіи — *Фаустъ*, есть по преимуществу лирическое произведеніе. Вообще нѣмецкая драма похожа на оперу: въ ней завязка, развязка,—словомъ, драматическое дѣйствіе есть тоже, что́ либретто въ оперѣ: предлогъ или средство высказывать внутренній міръ ощущеній, чувствъ и мыслей.

Но этотъ родъ лирической драмы требуетъ талантовъ великихъ и очень опасенъ для талантовъ обыкновенныхъ. Оно и понятно: нельзя очень долго читать мелкія лирическія пьесы, потому-что лирическая восторженность утомляетъ человѣка скорѣе всякой другой. Давно рѣшено, что черезчуръ длинное лирическое стихотвореніе можетъ быть хорошо лишь мѣстами, а не въ цѣломъ. Теперь, какой же надо имѣть поэту талантъ, чтобы держать читателя постоянно въ лирическомъ энтузіазмѣ, въ продолженіи можетъ быть двухъ, трехъ часовъ сряду? Поэтому самую лучшую лирическую драму едва

ли кто рѣшится прочесть вдругъ безъ отдыха и перемежекъ. Послѣ этого нечего говорить о лирическихъ драмахъ обыкновенныхъ, даже замѣчательныхъ, но не великихъ талантовъ. Лучшее доказательство этому — *Црини* Кернера. Конечно Кернеръ и не думалъ писать лирическую драму, принимаясь за Црини. Но вѣдь и самъ Шиллеръ вовсе не думалъ быть лирическимъ драматургомъ; напротивъ, онъ, всѣми силами своей воли, стремился сдѣлаться для Германіи тѣмъ же, чѣмъ Шекспиръ былъ для Англіи; однакожь, вопреки всѣмъ его усиліямъ, невольно покоряясь своей нѣмецкой натурѣ, онъ и въ своихъ драмахъ остался великимъ лирикомъ. Второстепенные же нѣмецкіе таланты всегда остаются въ своихъ драмахъ лириками, только никогда великими, мѣстами замѣчательными, но въ цѣломъ бо̀льшею частію скучными. Что̀ касается до Црини, эта драма, отъ первой страницы до послѣдней, показалась намъ очень скучною. Дѣйствія въ ней нѣтъ никакого, да и не могло быть, какъ это мы сейчасъ докажемъ, изложивши ея содержаніе, что̀ можно сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ. Солиманъ, предчувствуя, что ему недолго жить, хочетъ увѣковѣчить свою память послѣднимъ и самымъ великимъ подвигомъ, который превзошелъ бы всѣ его прежніе. Онъ рѣшается итти на Вѣну съ страшнымъ войскомъ; но, узнавши, что въ Сигетѣ заперся герой Црини, хочетъ сперва взять эту неприступную крѣпость. Напрасно представляютъ ему, что это только отниметъ у него войско и людей и дастъ германскому императору возможность собраться съ собственными силами и получить помощь со всей Европы. Войска двинулись къ Сигету. Жена и дочь Црини вмѣстѣ съ нимъ. Послѣдняя любитъ Лоренца Юранича; молодой человѣкъ клянется отцу заслужить руку его дочери подвигомъ и выходитъ изъ крѣпости съ отрядомъ на встрѣчу туркамъ. Отрядъ возвращается въ крѣпость съ богатою добычею, положивши на мѣстѣ 4,000 турокъ. Разумѣется, Юраничъ отличился больше всѣхъ и предсталъ къ своей невѣстѣ съ турецкимъ знаменемъ въ рукахъ, которое онъ добылъ въ бою. Дѣйствіе, какъ видите, происходитъ за сценой, а на сценѣ только говорятъ о немъ. Да ужь какъ говорятъ! Самъ Солиманъ не уступитъ въ болтовнѣ никакой кумѣ на свѣтѣ! Монологи Црини — сентиментальные. Герой этотъ является у Кернера добренькимъ нѣмецкимъ папашей, и семейныя сцены между имъ, женою, дочерью и ея женихомъ не столько умилительны, сколько приторно-сладки. Любовныя сцены между Юраничемъ и Еленою столько же длинны, сколько и скучны. Црини получилъ повелѣніе отъ императора погибнуть вмѣстѣ съ крѣпостью, но не сдаваться; онъ понялъ, что подкрѣпленія ему не будетъ, потому-что чѣмъ неудачнѣе и гибельнѣе для турокъ были попытки ихъ приступовъ къ крѣпости, тѣмъ болѣе

возрастали упорство и ярость Солимана. Это положеніе, въ связи съ любовью Елены и Лоренца, составляетъ трагическій фонъ драмы Кернера. Оканчивается тѣмъ, что турки берутъ крѣпость; Лоренцъ закалываетъ Елену по ея просьбѣ, и потомъ, подобно Цриніи, безъ латъ идетъ на вѣрную смерть въ послѣднемъ бою. Между тѣмъ Ева, жена Цриніи, сидитъ на главной башнѣ крѣпости съ зажженнымъ факеломъ; увидѣвши, что мужъ и сынъ ея пали, поджигаетъ порохъ,— и побѣдители вмѣстѣ съ побѣжденными взлетаютъ на воздухъ.

Окончаніе эффектное, но отнюдь не драматическое. Взрывъ крѣпости можно допустить за сценою, а не на сценѣ: иначе это будетъ не драма, а балетъ. Драма Кернера основана на героической рѣшимости Цриніи погибнуть съ семействомъ, исполняя свою обязанность. Чувство прекрасное и высокое, но одного его не достаточно для драмы, которая бы состояла изъ борьбы противоположныхъ страстей и враждебныхъ характеровъ и стремленій, а не изъ безпрестанныхъ повтореній одного и того же. Событіе, которое Кернеръ взялъ въ основаніе своей трагедіи, могло бы послужить прекраснымъ содержаніемъ для небольшой лирической поэмы или небольшой лирической драмы, но отнюдь не трагедіи, въ смыслѣ драмы для сцены, для театра.

Теперь о переводѣ. Онъ сильно отзывается первымъ опытомъ и ученичествомъ. Стихи г. Мордвинова превзойдутъ въ прозаичности всякую прозу; особенно не хороши они въ началѣ; читая ихъ, такъ и видишь потогонный процессъ, посредствомъ котораго они добыты. Въ серединѣ и въ концѣ стихи переводчика дѣлаются, какъ-будто бы, легче; видно, что онъ ужь понабилъ руку — разставлять слова въ размѣренныя строчки безъ рифмъ. Но въ началѣ онъ насилуетъ удареніе русскихъ словъ, да и не всегда справляется съ мѣрою стиха. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Ужь сорокъ лѣтъ мой зоркій глазъ слѣдитъ
Теченье *твоей* жизни неусыпно.

Здѣсь слово *твоей*, чтобы вышелъ стихъ, надо читать «твóей».

Въ глубь жизни я твоей проникъ(,)
Извѣдавъ *ея* силы и желанья.

Здѣсь опять надо читать вмѣсто ея, «éя».

До звѣздъ вознесъ я *мою* славу.

Вмѣсто мою, «мóю». Неужели нельзя было написать этотъ стихъ такъ: «До звѣздъ вознесъ мою я славу». Мы уже не говоримъ о томъ, что переводчикъ употребляетъ въ драматическомъ, слѣдова-

тельно разговорномъ по формѣ своей произведенія, слова вовсе не-употребляемыя въ разговорѣ, таковы: *драгой*, *глава*, *сей*, *вѣси* (*) (вм. *села*, *деревни*) и т. п. Но это все мелочи; укажемъ на что-ни-нибудь поважнѣе, напр.:

. . . . На первый зовъ
Любви даетъ дѣвичій откликъ дѣва;
А юноша поюношески любитъ.
Тогда отвагой грудь его кипитъ;
Онъ ищетъ подвига и жаждетъ битвы.
Но если дѣйствіе любви святое
Два существа, которыя въ разлукѣ
Сочувствію тайному насъ нѣжно учитъ,
Тогда прекрасною является любовь
И двухъ любящихся она перерождаетъ.

Какъ мы ни бились, но не могли понять стиховъ, напечатанныхъ въ нашей выпискѣ курсивомъ. Мы даже разлагали ихъ синтаксически; подлежащее - *дѣйствіе*, сказуемое — *учитъ;* теперь кого же она учитъ — *два существа* или *насъ*? Мы понимаемъ граматическій смыслъ слѣдующихъ стиховъ, но не совсѣмъ понимаемъ ихъ логическій смыслъ:

Дитя, ты не должна краснѣть. Любовь
Къ герою-юношѣ дѣвицу краситъ.
Грудь нѣжная въ мечтахъ своей весны
Уже лелѣетъ почки молодыя;
Онѣ являются цвѣткомъ прекраснымъ
Когда освѣтитъ нашу душу солнце,
Когда любовь своими сладкими устами
Коснется лишь завѣтной чаши сердца.

Очень фигурно — нечего сказать! Не поняли мы еще, о какомъ это Александрѣ говоритъ Солиманъ въ этихъ стихахъ:

Что сдѣлало великимъ Александра?—
Онъ цѣлый міръ Римлянамъ подчинилъ!

Самые лучшіе стихи, какіе мы могли только найти въ переводѣ г. Мордвинова, и которые дѣйствительно рѣзко выдаются изъ цѣлаго перевода, составляютъ слѣдующій монологъ Црини:

Итакъ, моей цвѣтъ жизни доцвѣтаетъ,
Грядущій часъ несетъ погибель мнѣ.

(*) Это ветхое слово употреблено юною героинею трагедіи, или, лучше сказать, примадонною этой оперы: Бѣда съ высокимъ слогомъ!

ствительно суть» *(Ч. I, стр. 136).* Въ этомъ періодѣ нѣтъ смысла: патагонцы высоки ростомъ, а испанцы поэтому сочли себя *великанскимъ* народомъ! Вмѣсто неуклюжей фразы: «выше, чѣмъ они дѣйствительно суть», не лучше ли было бы сказать просто: *выше обыкновеннаго роста.* «Но радость благородной царицы объ отрадномъ предсказаніи была скорымъ приходомъ жениховъ, которые, *занимаясь* до тѣхъ поръ играми вблизи дворца, теперь же ворвались въ залу, чтобы бражничать по обыкновенію». - «Послушай, дѣдъ, убирайся по добру по здорову, не то *бывать* расправѣ между нами». Какой же русскій скажетъ бывать, тамъ, гдѣ надо сказать быть? Равнымъ образомъ никакой русскій вмѣсто «сожжемъ» не скажетъ «сожгемъ», какъ это сдѣлалъ г. Экертъ на 123 стр. второй части своего перевода. «Это не мало оскорбило Ахеянъ, и Пеледей очень желалъ *помуштровать* крикуна». Это что за слово — помуштровать? «Вы можете себѣ представить, что работа идетъ *спорко*» На 79 стр. третьей части употреблено слово *извергство;* такого слова не бывало въ русскомъ языкѣ; переводчикъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать злодѣйство. «Лишенныя общества и покровительства мужчинъ, жизнь показалась имъ тяжкою мукою» (Ч. III, стр. 93). Сверхъ того переводчикъ очень любитъ нѣжныя уменьшительныя: «когда пирующіе отцы раздаютъ доли своимъ *сынкамъ,* никто не позоветъ сираго *дитятю,* и не надѣлитъ его. О боги, мой Астіанаксъ! На колѣнахъ отца получилъ самые сладкіе *кусочки,* и мягкая *постелька* ожидала его, утомленнаго дѣтскими забавами». (Ч. II, стр. 346—347). Кромѣ того, переводчикъ перелагаетъ Одиссею на наши современные нравы: старая нянька Одиссея (Улисса) называетъ *бариномъ*, и это слово употреблено не одинъ разъ въ первой части.

Изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ. И. Срезневскаго. *Спб. 1848.*

Сочиненіе г. Срезневскаго чисто-ученаго содержанія, написано и издано для людей, которые спеціяльно занимаются этими предметами. Это доказывается тѣмъ, что онъ ограничился только богослуженіемъ, почти не касаясь ни теогоніи, ни миѳологіи вообще; это же доказывается и тѣмъ, что авторъ вставляетъ въ свой текстъ отрывки въ нѣсколько строкъ на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, не прилагая къ нимъ перевода Несмотря на все это, равно какъ и на крайнюю скудость фактовъ, книга г. Срезневскаго написана такъ ясно, живо, увлекательно, такимъ прекраснымъ языкомъ, что ее съ удовольствіемъ прочтутъ даже люди, которые почти или вовсе не интересуются славянскими древностями Цѣль автора была, какъ это видно изъ его предисловія, соединить съ современными свидѣтельствами

о языческомъ славянскомъ богослуженіи все, что изъ остатковъ языческой обрядности удалось ему самому замѣтить въ народѣ. «Матеріяломъ, мною собраннымъ (говоритъ онъ), желаю посильно облегчить трудъ мѣстныхъ наблюденій, и издаю его не столько какъ пособіе для изученія языческаго славянскаго богослуженія, сколько какъ сборникъ для дополненій и поправокъ; чѣмъ болѣе тѣхъ и другихъ вызоветъ моя книга, тѣмъ лучше достигнетъ своей цѣли».

Намѣреніе скромное и прекрасно выполненное! По цитатамъ въ выноскахъ видно, что авторъ перечелъ и изучилъ все, что могло служить источникомъ для обработки этого предмета. О славянской миѳологіи и богослуженіи есть извѣстія у арабскихъ писателей и въ скандинавскихъ сагахъ; потомъ у нѣмецкихъ, польскихъ, богемскихъ и наконецъ у русскихъ лѣтописцевъ, отцовъ церкви и проповѣдниковъ. Но всѣ эти извѣстія, собранныя вмѣстѣ, представляютъ матеріялъ до крайности бѣдный и скудный. Оно и понятно: нѣмецкіе, польскіе и богемскіе лѣтописцы, говоря о славянской миѳологіи, вовсе не думали сохранить для потомства знанія объ этомъ предметѣ. Напротивъ, какъ новые и ревностные христіяне, упоминаютъ о славянскихъ храмахъ и идолахъ, когда дѣло идетъ о ихъ разрушеніи огнемъ и мечемъ. Несторъ, если гдѣ говоритъ о славянской миѳологіи, то не иначе, какъ съ точки зрѣнія торжества истины христіянскаго ученія надъ языческимъ нечестіемъ. Учители церкви касаются славянской миѳологіи только по поводу горькихъ упрековъ ихъ современникамъ, которые еще долго придерживались соблазнительныхъ и суевѣрныхъ обрядовъ прежняго язычества. Есть ли же послѣ этого какая-нибудь возможность на основаніи такихъ скудныхъ данныхъ построить цѣлую систему славянской миѳологіи и богослуженія? Нѣтъ; остается только собрать воедино всѣ отрывочныя извѣстія объ этомъ предметѣ и расположить въ возможномъ порядкѣ, по матеріямъ, — что и выполнилъ прекрасно г. Срезневскій. Славянская миѳологія уже по одному тому не могла дойти до насъ, что до принятія христіянства не имѣли письменности. Г. Погодинъ упрекалъ автора этой книги за то, что онъ не обратилъ довольно вниманія на древнія русскія пѣсни; упрекъ не безъ основанія, если между этими отголосками до-христіянской древности есть пѣсни космогоническаго, теогоническаго и миѳологическаго содержанія. Г. Погодинъ сдѣлалъ еще замѣчаніе на книгу г. Срезневскаго, которое гораздо важнѣе перваго: дѣло идетъ о томъ, что авторъ этой книги смѣшалъ миѳологію Руси, пришлаго норманскаго племени, съ миѳологіей туземныхъ славянъ, и всѣ арабскія свидѣтельства о религіи Руси придалъ славянамъ, которымъ они вовсе не принадлежатъ. Но быть можетъ, что это вовсе не ошибка со стороны г. Срезневскаго, если

только онъ видитъ въ варягахъ Руси не норманновъ, а какое-нибудь славянское же племя.

Чувствуя самъ крайнюю бѣдность фактовъ, касающихся до славянскаго богослуженія, авторъ старается пополнить ихъ и дать имъ связь собственными догадками и предположеніями. Правда, догадки и предположенія его очень умѣренны и осторожны, даже вѣроятны; но вѣдь вѣроятное и дѣйствительно бывшее — не одно и тоже; «можетъ быть» тоже не значитъ непремѣнно, что было. Очень не мудрено (говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ), что кромѣ праздниковъ главныхъ, всенародныхъ, были и праздники мѣстные, что въ каждомъ приходѣ или святилищѣ были свои, и что служеніе совершалось довольно часто». Мы согласны, что не мудрено этому быть; но изъ этого «не мудрено» отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ это дѣйствительно было. Авторъ въ подтвержденіе своей догадки приводитъ замѣчаніе Гельмольда, но самъ же говоритъ объ этомъ замѣчаніи, что его можно понимать различно (стр. 87). Подобныхъ мѣстъ мы могли бы много выписать изъ книги г. Срезневскаго, равно какъ и такихъ мѣстъ, въ которыхъ онъ признается самъ въ крайней скудости фактовъ по части славянскаго богослуженія и въ невозможности вывести изъ нихъ какія-нибудь и сколько-нибудь положительныя заключенія объ этомъ предметѣ. А между тѣмъ онъ все-таки выводитъ изъ нихъ заключенія, изъ которыхъ два даже немного удивили насъ. Онъ положительно утверждаетъ въ введеніи въ свою книгу, что языческіе славяне поклонялись единому, невидимому Богу, Господу міра, и что они отдѣляли понятіе о верховномъ Богѣ боговъ отъ понятія о Перунѣ и какъ на Перуна, такъ и на другихъ боговъ смотрѣли какъ на созданія верховнаго Бога и исполнителей его воли. Другими словами, авторъ утверждаетъ, что языческая славянская религія была единобожіемъ, а не многобожіемъ. Едва ли есть какая-нибудь возможность согласиться съ такимъ мнѣніемъ или убѣдить въ немъ кого-нибудь. Вѣдь и древніе греки видѣли въ Зевесѣ отца и верховнаго властелина боговъ и людей; однакожь языческая религія грековъ остается чистымъ политеизмомъ. Главное и неоспоримое доказательство своей мысли г. Срезневскій видитъ въ двухъ выраженіяхъ Нестора въ договорѣ Игоря съ греками: «И елико ихъ есть не хрещено, да не имутъ помощи отъ бога ни отъ Перуна....» Да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна». Намъ кажется, что было бы слишкомъ смѣло вывести изъ этихъ двухъ выраженій такое рѣзкое заключеніе. Подлинной рукописи Нестора мы не имѣемъ; кто поручится, что въ обоихъ этихъ выраженіяхъ передъ словомъ богъ не затерялось переписчиками его собственное имя, въ родѣ, напримѣръ, Дажь-бога, Бѣлъ-бога, Черно-бога, и т. п.? Здѣсь невольно вспоминаешь объ упрекѣ г. Погодина,

что авторъ этой книги не обратилъ вниманія на различіе боговъ русскихъ. Если пошло на догадки и предположенія, такъ всего вѣроятнѣе изъ обоихъ этихъ выраженій Нестора вывести такое заключеніе, что тутъ дѣло идетъ вовсе не объ отличіи единаго и верховнаго существа отъ Перуна, а просто главнаго славянскаго бога отъ главнаго русскаго бога.

Также недостаточно основательно кажется намъ мнѣніе г. Срезневскаго о необыкновенной будто бы набожности и религіозномъ усердіи языческихъ славянъ. Что они любили жертвоприношенія, богослужебные обряды и таинственныя гаданія, не жалѣли жертвъ богамъ, — въ этомъ еще нѣтъ ничего необыкновеннаго: тутъ только суевѣрныя надежды, суевѣрный страхъ и страсть къ зрѣлищамъ. Притомъ же это общее свойство всѣхъ языческихъ народовъ, управляемыхъ жрецами, которые больше всего старались о поддержаніи въ народѣ щедрости на жертвоприношенія, потому-что они этими жертвами дѣлились съ богами не въ обиду себѣ. Да и тутъ славяне должны далеко уступить напримѣръ мексиканцамъ: послѣдніе рѣками лили кровь человѣческую на алтаряхъ своихъ идоловъ и приносили въ жертву младенцевъ, не отнятыхъ у непріятеля, а своихъ собственныхъ. Можетъ быть и дѣйствительно языческіе славяне отличались особенною набожностію и религіозностію; да гдѣ же историческія свидѣтельства и доказательства справедливости этого факта? Догадки, предположенія, и тѣмъ болѣе произвольныя заключенія — вовсе не факты. Вотъ описаніе жертвоприносительнаго обряда у Ибнъ-Фоцлана, который онъ видѣлъ самъ, — это фактъ, но притомъ очень любопытный, почему мы и выписываемъ его здѣсь.

«Вошедши въ пристань каждый идетъ на берегъ, съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и пьянымъ напиткомъ, къ высокому деревянному истукану, падаетъ передъ нимъ на землю и говоритъ: «Господи! я пріѣхалъ издалека и привезъ съ собою столько-то невольницъ, столько-то шкуръ соболей».... И пересчитавши такъ свои товары, прибавляетъ: «вотъ тебѣ даръ мой!» Потомъ кладетъ передъ идоломъ все, имъ принесенное, и говоритъ: «Ахъ, еслибъ ты послалъ мнѣ купца, у котораго было бы много серебряныхъ и золотыхъ денегъ, который бы купилъ у меня все, что мнѣ хочется, и такъ, какъ мнѣ хочется продать!». Сказавши это, онъ уходитъ. Если же торговля его идетъ худо и задерживаетъ его долго, тогда онъ приходитъ въ другой и третій разъ съ дарами. И если все еще не достигаетъ того, чего желаетъ, то приноситъ дары каждому изъ маленькихъ идоловъ, окружающихъ большой, и молитъ ихъ о заступленіи, говоря: «Это жены, сыновья и дочери нашего господа!» Онъ подходитъ къ каждому идолу, проситъ ихъ о заступленіи и кланяется имъ смиренно. Часто случается, что послѣ того онъ торгуетъ легко и хорошо и про-

даетъ всѣ привезенные товары. Онъ говоритъ тогда: «Господь услышалъ мое желаніе; теперь обязанность моя возблагодарить ему»; онъ убиваетъ нѣсколько быковъ и овецъ, и отдаетъ часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ къ большому истукану и къ стоящимъ вокругъ него малымъ и вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на деревѣ, которое вбито въ землю (за малыми истуканами). Ночью приходятъ собаки и все поѣдаютъ, а положившій восклицаетъ: «Господь благоволитъ мнѣ; онъ принялъ мой даръ».

Не менѣе странно показалось намъ слѣдующее мнѣніе автора: «Нельзя себѣ представить, чтобы славяне съ высокимъ понятіемъ, какое имѣли о божествѣ, сколько бы ни было оно обезображено суевѣріями, могли соединять, на основаніи догматовъ своей религіи, понятіе о возможности кормить боговъ и яствами преклонять на свою сторону». Почему нельзя? При всемъ *высокомъ* понятіи о божествѣ, которое г. Срезневскій приписываетъ славянамъ, оно вѣдь не мѣшало же имъ испрошенія у боговъ побѣды, вмѣстѣ съ пѣтухами душить и младенцевъ, равно какъ и приносить людей на жертву богамъ? Послѣ этого легко повѣрить и не такимъ нелѣпостямъ, какъ кормленіе идоловъ яствами.

Несмотря на крайнюю бѣдность и отрывочность извѣстій и фактовъ, касательно славянской миѳологіи вообще, нельзя не быть благодарнымъ къ трудамъ людей, посвящающихъ себя на изысканіе и возможную разработку этихъ скудныхъ матеріяловъ Для науки нѣтъ ничего не важнаго, и каждый отголосокъ, каждый фактъ отжившаго быта любопытенъ и драгоцѣненъ.

О климатѣ Москвы. *Критическое изслѣдованіе* М. Спасскаго. *Москва. 1847.*

Критическое изслѣдованіе г. Спасскаго, какъ можно судить по приложеннымъ къ нему положеніямъ, принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ ученыхъ диссертацій. Судьба такого рода книгъ у насъ, по бо̀льшей части, не очень завидна: рѣдко и весьма рѣдко бываютъ онѣ достояніемъ науки и почти никогда не переходятъ за порогъ аудиторіи. До времени диспута ихъ читаютъ одни записные любители споровъ и возраженій, которыхъ технически называютъ *оппонентами*, дѣлаютъ на нихъ замѣчанія, сравниваютъ съ другими книгами и отыскиваютъ что̀ и откуда взято; по окончаніи диспута, ихъ забываютъ даже сами сочинители, которымъ произведенія ихъ часто стоятъ большихъ трудовъ и пожертвованій, и онѣ безслѣдно теряются въ сборѣ всякаго печатнаго хлама. Такова участь почти всѣхъ нашихъ магистерскихъ и докторскихъ диссертацій, которыя, по обыкновенію, ограничиваются компиляціями

изъ иностранныхъ книгъ. Въ этомъ случаѣ критическое изслѣдованіе о климатѣ Москвы составляетъ очень пріятное исключеніе; рѣзко выдѣляясь изъ разряда произведеній дюжинныхъ, эта книга представляется явленіемъ весьма замѣчательнымъ: въ нашей ученой литературѣ она займетъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто, и всякой занимающійся сравнительной климатологіей достойно оцѣнитъ этотъ полезный и добросовѣстный трудъ г. Спасскаго.

Очень можетъ статься, что многіе, судя по заглавію и по принятому авторомъ опредѣленію климата, не удовлетворятся тѣмъ только, что̀ найдутъ въ его книгѣ, и потребуютъ гораздо бо̀льшаго. Постараемся въ самомъ началѣ отклонить это, по нашему мнѣнію, неосновательное требованіе — Подъ словомъ климатъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ, привыкли въ наукѣ понимать совокупность тѣхъ атмосферныхъ перемѣнъ, на основаніи которыхъ судятъ обыкновенно о состояніи погоды; «наблюдая внимательно долгое время — говоритъ г. Спасскій — эти перемѣны въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности, мы открываемъ въ нихъ нѣкоторые постоянные элементы, исключительно принадлежащіе той или другой странѣ, тому или другому мѣсту, и заключающіеся или въ опредѣленной взаимной зависимости и послѣдовательности извѣстнаго рода атмосферныхъ явленій, или преобладаніи какой-нибудь опредѣленной погоды, если не въ теченіи цѣлаго года, то по крайней мѣрѣ въ опредѣленное время, или наконецъ въ предѣлахъ, между которыми совершаютъ свой період извѣстнаго рода атмосферныя измѣненія». Средніе выводы изъ наблюденій надъ давленіемъ воздуха, температурою, количествомъ атмосферной влаги въ различныя времена года, измѣненіемъ содержанія паровъ воздуха, дѣйствіемъ различныхъ вѣтровъ, электрическимъ напряженіемъ атмосферы, степенью ея прозрачности или ясности и пр. пр., доставляютъ эти постоянные элементы, ими то, какъ говоритъ авторъ, и характеризуется климатъ различныхъ странъ. Несмотря на то однако, въ своемъ разсужденіи онъ ограничивается разсмотрѣніемъ только трехъ родовъ наблюденій: надъ термометромъ, барометромъ и анемометромъ, и исключительно на нихъ основываетъ свои выводы о характерѣ московскаго климата. Вотъ въ чемъ состоитъ противорѣчіе (заглавія съ содержаніемъ), за которое книга г. Спасскаго подверглась множеству нападокъ со стороны тѣхъ изъ числа цѣнителей ученыхъ произведеній, которые любятъ придираться къ словамъ и видѣть страшные промахи въ неточныхъ выраженіяхъ; мы не можемъ однако умолчать о нихъ, хотя и не признаемъ ихъ справедливыми. Въ настоящемъ случаѣ лучшимъ отвѣтомъ на подобныя возраженія могутъ служить слѣдующія слова самого автора: «Представляя изслѣдованіе климата Москвы — говоритъ онъ — я дол-

жень предупредить читателей, что выведенные мною результаты далеко не объемлютъ всѣхъ перемѣнъ, происходящихъ въ атмосферѣ; они относятся преимущественно къ вопросамъ касательно измѣненій температуры, давленія воздуха, направленія вѣтровъ и взаимнаго соотношенія этихъ, повидимому разнородныхъ явленій. Такое ограниченіе моихъ изслѣдованій произошло отъ того, что относительно другихъ явленій мы не имѣемъ еще въ достаточномъ количествѣ точныхъ и непрерывныхъ наблюденій». Далѣе г. Спасскій еще опредѣлительнѣе высказываетъ причины, заставившія его ограничить свои изслѣдованія, — причины, какъ легко это видѣть, весьма уважительныя: онъ говоритъ: «въ число обыкновенныхъ метеорологическихъ наблюденій входятъ только *температура*, *давленіе воздуха* и *направленіе вѣтра* (безъ измѣренія его скорости или силы). Гигрометрическое состояніе воздуха или относительная влажность его большею частію наблюдается посредствомъ соссюрова гигрометра, котораго показанія весьма рѣдко могутъ быть между собою сравниваемы, по причинѣ измѣняемости самаго инструмента. Прозрачность и электрическое состояніе атмосферы не вошли еще въ сферу общихъ метеорологическихъ наблюденій. — Не вездѣ также опредѣляется количество дождевой и снѣговой воды, хотя во всякомъ почти метеорологическомъ журналѣ существуетъ особенная графа, въ которой словесно замѣчается общее состояніе погоды словами: ясно, пасмурно, облачно, дождь, снѣгъ, градъ, гроза и пр.; но эти замѣчанія не доставляютъ намъ никакой общей мѣры. — Этимъ, по-нашему мнѣнію, [illegible]

написано, не можетъ быть названо трактатомъ о климатѣ Москвы, потому-что не заключаетъ въ себѣ всѣхъ метеорологическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ составляется понятіе о климатическомъ состояніи мѣстностей. Это можетъ быть и справедливо, но во всякомъ случаѣ здѣсь споръ въ словахъ: назовите какъ угодно эту книгу, только достоинство ея, безъ сомнѣнія, не въ заглавіи, а въ правильномъ, современномъ взглядѣ на существующіе факты и точности выведенныхъ авторомъ заключеній. — Мы думаемъ, что довольно показали, какъ несправедливы всѣ эти нападки: вмѣсто разсужденій о томъ, что̀ долженъ былъ сдѣлать г. Спасскій, взглянемъ лучше на то, что̀ имъ сдѣлано.

Главная задача, которую намѣренъ онъ былъ рѣшить, состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, чтобъ найти, какому закону слѣдуютъ въ Москвѣ въ продолженіи года всѣ измѣненія въ температурѣ и давленіи воздуха, и опредѣлять, въ чемъ заключается вліяніе различныхъ вѣтровъ на два эти элемента; во-вторыхъ, если между перемѣнами барометра, термометра и анемометра существуетъ въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь соотвѣтственность, то показать, можетъ ли она служить для объясненія быстрыхъ и внезапныхъ атмосферныхъ перемѣнъ, которыя явно отступаютъ отъ обыкновеннаго рода явленій и составляютъ какъ бы исключеніе изъ общихъ правилъ. Соотвѣтственно этому, авторъ раздѣлилъ свое разсужденіе на три отдѣла: въ первомъ опредѣляетъ тотъ законъ, которому подчинены измѣненія термометра и барометра въ теченіи года, и указываетъ на частныя отступленія отъ него, — или на неправильныя измѣненія температуры и давленія атмосферы; во второмъ обращаетъ особенное вниманіе на взаимную зависимость между перемѣнами температуры, атмосфернаго давленія и направленія вѣтра; въ третьемъ выводитъ общія заключенія о характерѣ климата Москвы и объясняетъ его изъ общихъ физическихъ законовъ. — Метеорологическія наблюденія, на которыхъ основываются полученные г. Спасскимъ результаты, производились въ Москвѣ профессорами Двигубскимъ и Перевощиковымъ по три раза въ день; начиная съ мая 1820 года до настоящаго времени они составляютъ непрерывный рядъ и продолжаются въ томъ же порядкѣ и теперь. Безъ сомнѣнія это очень важный запасной матеріалъ, которымъ если воспользоваться надлежащимъ образомъ, можно достигнуть до точнаго рѣшенія весьма многихъ вопросовъ. Въ настоящее время должно желать, чтобъ кругъ московскихъ метеорологическихъ наблюденій былъ болѣе расширенъ; ибо только при большомъ числѣ данныхъ можно надѣется вполнѣ изучить тотъ общій законъ, которому подчиняются всѣ многоразличныя атмосферныя перемѣны. Г. Спасскій въ своемъ разсужденіи показалъ, какіе вопросы могутъ быть

разрѣшены на основаніи существующихъ наблюденій и какимъ образомъ при пособіи выведенныхъ результатовъ можно объяснить тѣ особенности московскаго климата, которыя, повидимому, не имѣютъ никакой правильности и постепенности въ своемъ ходѣ; но безъ сомнѣнія этимъ только не исчерпывается предметъ во всей его полнотѣ и обширности. Такъ самъ авторъ говоритъ, что «опредѣленіе закона, которому слѣдуютъ измѣненія барометра и термометра въ Москвѣ *въ теченіи сутокъ*, въ различныя времена года, не могли войти въ мое разсужденіе по той причинѣ, что существующія наблюденія недостаточны для такихъ изслѣдованій».

Г. Спасскій, начиная первый отдѣлъ своего разсужденія опредѣленіемъ закона измѣненій температуры въ теченіи года, представляетъ таблицу I, въ которой находятся среднія мѣсячныя и годичныя температуры, вычисленныя для 26-лѣтняго періода, съ 1821 по 1846 годъ включительно. Часть этихъ температуръ, именно за 17 лѣтъ (съ 1821 по 1837 годъ) была вычислена еще въ 1838 профессоромъ Перевощиковымъ по старому стилю; начиная же съ 1838 года г. Спасскій опредѣлялъ среднія мѣсячныя и годичныя температуры уже по новому стилю. «Такое отступленіе отъ употребляемаго у насъ въ Россіи счисленія — говоритъ онъ сдѣлано единственно по той причинѣ, чтобы удобнѣе было сравнивать дѣлаемые мною выводы съ подобными же выводами, сдѣланными для другихъ мѣстъ Европы». Для той же цѣли, вычисленныя Перевощиковымъ по старому стилю мѣсячныя температуры онъ перевелъ на новый стиль; переводъ этотъ былъ сдѣланъ посредствомъ слѣдующей простой интерполяціи. Такъ какъ мѣсяцы новаго стиля 12-ю днями или почти $^1/_3$ мѣсяца начинаются раньше одноименныхъ съ ними мѣсяцовъ стараго стиля, то для средней температуры всякаго мѣсяца новаго стиля онъ бралъ $^1/_3$ температуры предшествовавшаго и $^2/_3$ одноименнаго съ нимъ мѣсяца стараго стиля. Такимъ образомъ въ таблицѣ I по 1837 годъ вычислены всѣ мѣсячныя температуры. Въ одной изъ журнальныхъ рецензій текущаго года г. Спасскому сдѣлано было возраженіе за употребленный имъ способъ интерполяціи; оно имѣетъ весь видъ правдоподобія, но, несмотря на то, совершенно опровергается тѣми же самыми доводами, которыми г. рецензентъ старался его подкрѣпить. «Этаго способа (т. е. принятаго г. Спасскимъ) интерполяціи, сказано въ рецензіи, мы никакъ не можемъ одобрить, ибо *онъ явно даетъ невѣрные результаты*. Притомъ такой переводъ имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что при немъ ошибки каждаго мѣсяца идутъ, по-большей-части, въ одну сторону, т. е. всѣ онѣ или положительныя, или отрицательныя, и, слѣдовательно, въ среднемъ числѣ мно-

голѣтнихъ наблюденій онѣ не исключаются. Все это мы постараемся доказать самымъ убѣдительнымъ образомъ»

Посмотримъ же, въ чемъ состоятъ эти убѣдительныя доказательства.

«Вычислимъ дѣйствительно температуры какихъ нибудь мѣсяцевъ въ какомъ нибудь году по старому стилю — говоритъ г. рецензентъ; потомъ, по способу г. Спасскаго, сдѣлаемъ переводъ на новый стиль и полученный результатъ сравнимъ съ дѣйствительною температурою по новому стилю. Сдѣлаемъ, напр., подобное вычисленіе для февраля 1841 года. Не имѣя въ настоящую минуту подъ руками полныхъ таблицъ, пріймемъ въ основаніе таблицу XVIII, гдѣ даются среднія пятидневныя температуры». — «Такимъ образомъ — продолжаетъ онъ — находимъ для температуры января — 12,11; для февраля — 7,51; переводя, по вышеупомянутому способу, на новой стиль, получимъ для температуры февраля - 9,05, что̀ отъ непосредственно по новому стилю вычисленной температуры (— 11,37) разнится болѣе, чѣмъ на два градуса». Мы съ точностїю выписываемъ слова г. рецензента съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ показать, въ чемъ состоитъ пріемъ, употребленный имъ при этомъ вычисленіи. Изъ таблицы XVIII онъ беретъ сначала температуры, соотвѣтствующія 18, 23, 28 числамъ января и 2, 7, 12 февраля 1841 года; суммируетъ ихъ и опредѣляетъ среднюю температуру (- 12,11) для января по старому стилю; далѣе подобнымъ же образомъ находитъ температуру (—7,51) февраля, выраженную тоже по старому стилю, и наконецъ изъ нихъ опредѣляетъ по способу г. Спасскаго искомую мѣсячную температуру новаго стиля. — Впрочемъ этимъ только авторъ рецензіи не ограничивается. Далѣе онъ старается доказать вторую половину своего положенія, т. е. что погрѣшности въ каждомъ мѣсяцѣ по бо̀льшей части идутъ въ одну сторону, такъ-что всѣ онѣ или положительныя или отрицательныя, и оттого многолѣтнія среднія имѣютъ ту же погрѣшность, какая находится въ среднихъ мѣсячныхъ температурахъ для каждаго года отдѣльно. Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ таблицы, въ которыхъ показываетъ разности между дѣйствительными и вычисленными температурами для февраля, апрѣля, марта и августа 1841 - 1846 годовъ. Въ основаніе, какъ и въ предъидущемъ примѣрѣ, приняты пятидневныя температуры, выставленныя въ таблицѣ XVIII. Пріемомъ, о которомъ мы уже говорили, г. рецензентъ вычисляетъ сначала среднія мѣсячныя температуры по старому стилю, а потомъ, переведя ихъ на новый, сравниваетъ съ дѣйствительными средними температурами, находящимися въ таблицѣ I книги г. Спасскаго.

При этомъ легко замѣтить, что, производя вычисленія тѣмъ пріемомъ, который поясненъ нами выше, авторъ рецензіи долженъ былъ противъ обыкновеннаго измѣнять во всѣхъ мѣсяцахъ счетъ дней: такъ начало января необходимо было принять не съ 1 числа, а съ 4, начало февраля съ 3, – марта съ 5, — апрѣля съ 4 и т. д, Само собою разумѣется, что это должно было привести къ неточнымъ результатамъ; ибо вмѣсто того, чтобъ слѣдовать обыкновенному исчисленію времени, онъ долженъ былъ начинать и оканчивать каждый мѣсяцъ 2, 3, 4 и болѣе днями позднѣе. Вслѣдствіе этого полученныя имъ температуры стараго стиля не были совершенно вѣрны; въ этомъ состоитъ первая погрѣшность его исчисленій. — Далѣе, основывая свои выводы на таблицѣ XVIII книги г. Спасскаго, авторъ рецензіи не обращаетъ вниманія на то, что среднія ариѳметическія, взятыя отдѣльно изъ чиселъ, находящихся въ вертикальныхъ столбцахъ этой таблицы противъ каждаго мѣсяца, не даютъ совершенно точно тѣхъ же самыхъ мѣсячныхъ температуръ, которыя выставлены въ таблицѣ I противъ 1841 – 1846 годовъ; разности между тѣми и другими бываютъ не рѣдко болѣе 0,5. Очевидно, что это должно въ свою очередь вводить въ вычисленія г. рецензента новыя ошибки, увеличиваемыя предъидущею погрѣшностію, происходящею отъ неправильнаго счета дней. Изъ сказаннаго легко понять, что полученные результаты очень неточны; авторъ рецензіи постоянно долженъ былъ повторять рядъ ошибокъ, вліяніе которыхъ, безъ сомнѣнія, было значительно. Не вѣрно опредѣленныя среднія мѣсячныя температуры стараго стиля не могли, слѣдовательно, при переводѣ дать вѣрныхъ температуръ, выраженныхъ по новому уже стилю. А потому, вслѣдствіе ошибочныхъ вычисленій, температуры, находящіяся въ первыхъ вертикальныхъ столбцахъ таблицъ г. рецензента, естественно должны быть далеко не согласны съ дѣйствительными температурами, помѣщенными г. Спасскимъ въ его таблицѣ I.

Здѣсь же кстати замѣтить, что температуры, вычисленныя съ значительными погрѣшностями по таблицѣ XVIII, нельзя сравнивать съ точными температурами таблицы I; мы думаемъ, что правильнѣе было бы сравнить ихъ съ средними ариѳметическими, выводимыми изъ той же таблицы XVIII и выражающими непосредственно по новому стилю температуры каждаго мѣсяца отдѣльно. Выше было замѣчено, что эти ариѳметическія среднія много разнятся отъ дѣйствительныхъ температуръ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе даже, нежели на полградуса; половина же, и притомъ бо́льшая, разностей, представленныхъ рецензентомъ въ его таблицахъ, не превышаетъ 0,5. Это прямо приводитъ къ тому, что причина несогласія между найденными рецензентомъ и дѣйствительными температурами — его

невѣрный способъ вычисленій и неправильное сравненіе. Все сказанное ясно показываетъ, съ одной стороны, что авторъ рецензіи очень дурно выбралъ таблицу XVIII для убѣдительнаго доказательства неточности найденныхъ г. Спасскимъ мѣсячныхъ температуръ 1820 — 1837 годовъ, а съ другой, что ошибки своихъ собственныхъ вычисленій ни въ какомъ случаѣ нельзя приписывать другимъ и на основаніи ихъ только опровергать достовѣрность чужихъ результатовъ. Впрочемъ г. рецензентъ отчасти предвидѣлъ это, и потому еще въ самомъ началѣ оговорился: «Хотя наше вычисленіе приблизительно, тѣмъ не менѣе, какъ легко видѣть, погрѣшность будетъ незначительна, и *окончательный результатъ отъ-того нисколько не потерпитъ*». Не трудно однако убѣдиться въ противномъ, тѣмъ болѣе, что въ подтвержденіе этой оговорки ничего не сказано.

Г. рецензентъ разсматриваетъ въ составленныхъ имъ таблицахъ знаки разностей между вычисленными и дѣйствительными мѣсячными температурами и находитъ, «что для зимнихъ и весеннихъ мѣсяцевъ дѣйствительныя температуры ниже вычисленныхъ, а для лѣтнихъ и осеннихъ на оборотъ, т. е. дѣйствительныя температуры выше вычисленныхъ». Заключеніе такое, по его мнѣнію, есть непосредственное слѣдствіе неточности температуръ, найденныхъ по способу г. Спасскаго; но мы уже видѣли, что неточность эта только кажущаяся и на самомъ дѣлѣ произошла отъ ошибочнаго пріема, которымъ пользовался въ вычисленіяхъ своихъ самъ авторъ рецензіи. Въ особенности замѣчателенъ дальнѣйшій выводъ, который представленъ, какъ слѣдствіе предъидущаго; вотъ собственныя слова г. рецензента: «далѣе изъ разсмотрѣнія таблицъ за всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ *становится виднымъ*, что вычисленная средняя температура года выше дѣйствительной.» Откуда это становится виднымъ? Авторъ рецензіи не разсматриваетъ таблицъ за всѣ двѣнадцать мѣсяцовъ и не приводитъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе собственнаго вывода. Мы думаемъ, что это будетъ совершенно иначе: разности, въ одномъ случаѣ положительныя, а въ другомъ отрицательныя, для цѣлаго года — въ суммѣ всѣхъ среднихъ мѣсячныхъ температуръ — будутъ взаимно уничтожаться, и слѣдовательно средняя годичная температура нисколько не потерпитъ отъ погрѣшностей исчисленія. Это показываютъ даже представленныя рецензентомъ таблицы: изъ нихъ видно, что въ февралѣ, апрѣлѣ и мартѣ преобладаютъ разности отрицательныя, въ августѣ же берутъ перевѣсъ положительныя. Далѣе авторъ рецензіи ссылается на сдѣланный имъ самимъ подобнаго же рода переводъ парижскихъ наблюденій съ стараго стиля на новый, не представляя впрочемъ никакихъ численныхъ результатовъ; но эта ссылка, оче-

видно, для читателей не имѣетъ цѣны, ибо, не представляя никакихъ данныхъ для сравненія, ничего не доказываетъ.

Все, что мы сказали въ опроверженіе доводовъ г. рецензента, не показываетъ впрочемъ, что употребленная г. Спасскимъ интерполяція даетъ совершенно точные результаты и не вводитъ въ вычисленіе погрѣшностей; но этого мы не были намѣрены доказывать: наша цѣль состояла единственно въ томъ, чтобъ обнаружить неосновательность того пріема, которымъ составляетъ авторъ рецензіи свои таблицы. Несмотря на то однако, мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ его положеніемъ, что при переводѣ наблюденій по способу г. Спасскаго ошибки каждаго мѣсяца будутъ постоянно или положительныя, или отрицательныя и оттого въ среднемъ числѣ многолѣтнихъ наблюденій не исключатся. Это только возможно въ томъ предположеніи, что температура въ первой половинѣ года правильно и постоянно возрастаетъ, а во второй точно также уменьшается, что совершенно справедливо только въ примѣненіи къ нормальному годичному ходу температуры, который выводится изъ многолѣтнихъ наблюденій и для Москвы очень ясно обнаруженъ въ таблицѣ XXIV разсужденія г. Спасскаго. Для каждаго же года отдѣльно температура не имѣетъ такого постепеннаго, правильнаго хода. Въ этомъ случаѣ мы можемъ привести слова самого автора разбираемой нами книги; на стр. 205 онъ говоритъ: «Распредѣленіе температуры въ продолженіи года, для даннаго мѣста, представляя явную зависимость отъ (видимаго) годичнаго движенія солнца, тѣмъ не менѣе однакожъ различно для различныхъ годовъ (таб. XVIII); и поэтому *нормальный ходъ температуры въ продолженіи года* (таб. XXIV) представляетъ намъ только постоянные предѣлы, къ которымъ она въ теченіи каждаго отдѣльнаго года болѣе или менѣе приближается, но съ которыми впрочемъ никогда, на самомъ дѣлѣ, не совпадаетъ.» Поэтому ошибки, неизбѣжныя при переводѣ наблюденій по способу г. Спасскаго, не могутъ быть постоянно одинаковыми для каждаго мѣсяца отдѣльно, а вслѣдствіе этого въ среднемъ числѣ для многихъ лѣтъ, если не совершенно исчезнутъ, то по-крайней-мѣрѣ будутъ очень незначительны. Вотъ почему мы не можемъ согласиться и съ прочими возраженіями г. рецензента, относящимися къ таблицамъ V, XIII и IX книги г. Спасскаго; ибо всѣ они основаны на томъ же невѣрномъ положеніи, о которомъ сейчасъ говорили (*). Что же касается

(*) Кстати здѣсь замѣтимъ, что, разсматривая таблицу V, въ которой показаны отклоненія мѣсячныхъ и годичныхъ температуръ отъ нормальныхъ, авторъ рецензіи въ *восемьнадцатилѣтнемъ* періодѣ, съ 1820 по 1837 годъ, считаетъ по *девятнадцати* отклоненій: «въ августѣ — говоритъ онъ — на 14 отрицательныхъ приходится 5 положительныхъ, въ сентябрѣ 13 отрицательныхъ и 6 поло-

до той особенности, которая обнаруживается въ измѣненіяхъ температуры таблицей IX и которая показываетъ, что въ теченіи двадцатишестилѣтняго періода московскихъ наблюденій въ первой его половинѣ зимніе мѣсяцы были теплѣе, а лѣтніе холоднѣе, чѣмъ въ последней, то мы думаемъ, что лучше сознаться въ недостаточности существующихъ средствъ для ея объясненія, нежели придумывать произвольное и совершенно безполезное рѣшеніе вопроса, основанное на ошибочныхъ, невѣрныхъ вычисленіяхъ. Еще меньшаго вниманія заслуживаютъ остальныя возраженія. Такъ, приводя мнѣніе г. Спасскаго о различіи времени наибольшей и наименьшей температуры для различныхъ мѣстъ, авторъ рецензіи говоритъ, что причину этого должно искать въ отличіи климатовъ, а не въ погрѣшностяхъ немноголѣтнихъ наблюденій, какъ думаетъ авторъ критическаго изслѣдованія. И чѣмъ же это доказываетъ? ссылкою на Мальмана, о которомъ самъ послѣ говоритъ. что «*въ авторитетъ его мы мало вѣримъ*».

Раскрывъ такимъ образомъ во всей полнотѣ неточность употребленной г. Спасскимъ интерполяціи, г. рецензентъ окончательно даетъ слѣдующій совѣтъ. «Если ужь непремѣнно нужно перевести наблюденія стараго стиля на новый, то для такаго перевода совѣтуемъ лучше всего обратиться къ извѣстной интерполяціонной формулѣ (которую авторъ приводитъ на стр. 68), опредѣляя въ ней постоянныя по среднимъ мѣсячнымъ температурамъ стараго стиля.» Съ своей стороны замѣтимъ, что эту формулу можно было бы употребить только въ томъ случаѣ, если бы измѣненія температуры съ каждымъ днемъ въ продолженіи мѣсяца болѣе или менѣе подчинялись опредѣленному какому-нибудь закону; въ дѣйствительности же постепенности такой не замѣчено, и потому употребленіе ея не принесетъ въ этомъ случаѣ существенной пользы. Кромѣ того, интерполяціонная формула здѣсь не можетъ доставить точныхъ численныхъ результатовъ: выраженная періодическою функціею, она всегда будетъ болѣе или менѣе уравнивать всѣ неправильности, замѣчаемыя въ температурахъ. Къ тому же формула эта полезна въ вычисленіяхъ только тогда, когда можно ограничиться не болѣе, какъ тремя ея членами; «если же эти три члена – говоритъ г. Спасскій – слишкомъ не точно выражаютъ найденныя изъ наблюденій величины, то употребленіе уравненія (на которое и указываетъ г. рецензентъ) уже не представляетъ для насъ большой выгоды.» А въ настоящемъ случаѣ именно нельзя довольствоваться тремя только членами; увеличивая же ихъ

жительныхъ, въ октябрѣ 11 съ – и 8 съ +». Это, вѣроятно, тоже аномалія, объясняемая на основаніи невѣрнаго перевода наблюденій съ стараго стиля на новый.

число, будемъ дѣлать только самыя вычисленія болѣе сложными, весьма мало выигрывая въ точности.

Въ заключеніе авторъ рецензіи говоритъ: «въ окончательномъ результатѣ, московскія наблюденія далеко не оправдали того, что мы въ правѣ были ожидать, судя по продолжительности времени, въ теченіе котораго онѣ производятся». На основаніи того, что̀ было говорено нами въ опроверженіе его замѣчаній, въ свою очередь мы можемъ сказать теперь, что въ окончательномъ результатѣ возраженіе г. рецензента далеко не оправдало того, чего вправѣ мы были ожидать, судя по серьёзному и убѣдительному тону, какимъ написана его статья.

Намъ можетъ быть замѣтятъ, что мы слишкомъ отвлеклись отъ настоящей цѣли нашей рецензіи, доказывая неосновательность замѣчаній, сдѣланныхъ г. Спасскому по поводу принятой имъ интерполяціи для перевода наблюденій съ стараго стиля на новый; но наша цѣль исключительно и состояла въ томъ, чтобъ опровергнуть всѣ нападки на разбираемую книгу, казавшіеся намъ несправедливыми. Успѣли ли мы въ этомъ, предоставляемъ судить читателямъ. Что̀ же касается собственно до насъ, съ своей стороны мы не намѣрены дѣлать возраженій, тѣмъ болѣе, что въ мнѣніяхъ автора критическаго изслѣдованія и вообще въ цѣломъ взглядѣ его на предметъ находимъ согласіе съ указаніями современной науки, а въ результатахъ, имъ полученныхъ, подтвержденіе общихъ метерологическихъ законовъ, хотя и не можемъ совершенно безусловно допустить нѣкоторыя его положенія. Такъ, напримѣръ, не можемъ вполнѣ согласиться съ положеніемъ VIII, смыслъ котораго слѣдующій: «Измѣненія земной поверхности, происходящія отъ истребленія лѣсовъ, осушенія болотъ и проч., вообще отъ обработыванія почвы, не производятъ столь замѣтной перемѣны въ климатѣ мѣстъ, какую имъ обыкновенно приписываютъ. Разсказы древнихъ о суровости климата Германіи слишкомъ преувеличены.» На стр. 201 авторъ въ подтвержденіе той же мысли ссылается на мнѣніе извѣстнаго германскаго ученаго Дове, который, сравнивъ одновременныя наблюденія, собранныя съ 700 мѣстъ, достигъ такого же рода заключенія; по при этомъ же г. Спасскій приводитъ примѣры, въ которыхъ нельзя отвергать вліянія на климатъ мѣстныхъ причинъ. Такъ въ странахъ, окруженныхъ озерами, болотами, рѣками, воздухъ, во всякое время, гораздо сырѣе, чѣмъ въ мѣстахъ, имѣющихъ недостатокъ въ водѣ: на горныхъ склонахъ, обращенныхъ къ югу, несравненно теплѣе, чѣмъ на склонахъ сѣверныхъ; въ мѣстахъ, защищенныхъ со всѣхъ сторонъ горами, строеніями, лѣсами и проч., перемѣны въ температурѣ воздуха не такъ рѣзки, и даже средняя температура, въ про-

доложенія опредѣленнаго времени, бываетъ выше или ниже, чѣмъ въ мѣстахъ совершенно открытыхъ. Какъ бы то ни было, такіе факты не подвержены сомнѣнію, и вліяніе ихъ нельзя считать незначительнымъ, какъ утверждаетъ г. Спасскій. Мы указали на это положеніе, потому-что оно болѣе другихъ поразило насъ своимъ несогласіемъ съ явленіями, замѣчаемыми въ дѣйствительности; впрочемъ полный разборъ его необходимо привелъ бы насъ къ изслѣдованію другихъ вопросовъ, имѣющихъ съ нимъ непосредственную связь, а это увлекло бы за предѣлы нашей статьи.

Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость. *Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра,* А. Давидовымъ. *Москва. 1848.*

Диссертація г. Давидова показываетъ въ авторѣ начитанность и уменье владѣть анализомъ. Извѣстно, что условія равновѣсія всякаго твердаго тѣла, погруженнаго въ жидкость, требуютъ, во-первыхъ, чтобы вѣсъ его былъ равенъ вѣсу вытѣсняемой имъ массы жидкости, а во-вторыхъ, центръ тяжести его находился на одной вертикальной линіи съ центромъ тяжести той же вытѣсненной имъ части жидкости. Отсюда видно, что для равновѣсія плавающихъ тѣлъ необходимо знать, какія свойственны имъ положенія, въ которыхъ эти условія выполняются. Задача эта приводится къ другой, имѣющей болѣе обширный смыслъ задачѣ: дать общій способъ пересѣкать всякое тѣло плоскостію, которая отдѣляла бы отъ него данный объемъ такимъ образомъ, чтобы линія, соединяющая центръ тяжести тѣла съ центромъ тяжести отсѣченнаго объема, была къ ней перпендикулярна. Въ лучшихъ курсахъ механики, бо́льшею частію, теорія равновѣсія плавающихъ тѣлъ ограничивалась только выводомъ этого заключенія и приложеніемъ къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ. Только Дюпенъ преслѣдовалъ эту задачу геометрическимъ путемъ и показалъ зависимость ея отъ двухъ поверхностей, къ опредѣленію которыхъ и приводится ея рѣшеніе. Г. Давидовъ достигаетъ тѣхъ же результатовъ помощію анализа. Разсужденіе его раздѣляется на три главы: въ первой показаны общія условія равновѣсія погруженныхъ въ жидкость тѣлъ, а во второй объяснено, какимъ образомъ опредѣляются тѣ положенія, въ которыхъ они находятся въ равновѣсіи; здѣсь сначала авторъ разсматриваетъ положенія равновѣсія площадей, а потомъ объемовъ. Въ третьей главѣ изслѣдованы условія прочности равновѣсія плавающихъ тѣлъ. Къ обѣимъ послѣднимъ главамъ присоединено множество примѣровъ.

Съ большимъ удовольствіемъ рекомендуемъ мы сочиненіе г. Давидова всѣмъ занимающимся раціональной механикой; для нихъ исклю-

Руководство къ математической и физической географіи, *составленное* М. Талызинымъ. *Спб. 1848.*

Нельзя быть довольно разборчивымъ, когда дѣло идетъ о преподаваніи наукъ дѣтямъ, о распространеніи познаній въ народѣ. Выборъ предметовъ, обработка ихъ, способъ изложенія составляютъ здѣсь весьма трудную задачу, занимающую теперь благороднѣйшіе умы нашей эпохи.

Въ наше время науки, умножая безпрестанно свой объемъ и содержаніе, приходятъ въ частое соприкосновеніе одна съ другой; теперь многія ученія выходятъ изъ своихъ прежнихъ границъ и соединяются въ болѣе общія и связныя группы. Такъ напримѣръ метеорологія, примыкавшая къ физикѣ, и геогнозія, едва отдѣлявшаяся отъ минералогіи, составляютъ теперь необходимую принадлежность физической географіи. Географія вообще получила высокое и обширное значеніе. Въ старину географія составляла весьма сухую опись мѣстъ на земномъ шарѣ. Въ вступленіи въ общую географію кратко говорилось о видѣ земли, величинѣ ея, различныхъ климатахъ, о географическихъ картахъ и глобусахъ; потомъ уже переходили къ исчисленію различныхъ земель, горъ, рѣкъ, естественныхъ произведеній, народныхъ племенъ и городовъ. Въ XVIII вѣкѣ, при развитіи политическихъ наукъ, географія была приведена въ бóльшую связь съ гражданской исторіей и политикой; изслѣдованіе силъ и богатствъ государственныхъ заняло первое мѣсто въ географіи: она обратилась въ политическую географію и сохраняла этотъ исключительный характеръ до тѣхъ поръ, пока изъ нея не выработалась отдѣльная отрасль — *статистика*. Въ новое время написана была въ смыслѣ политической географіи общая географія Бальби. Когда же, въ половинѣ XVIII вѣка, отдѣльно отъ исторіи государствъ, начали разработывать исторію образованности всего человѣческаго рода, исторію его духовнаго развитія, тогда и въ географическихъ сочиненіяхъ, въ противоположность политическому воззрѣнію, начали обращать вниманіе на вліяніе, которое имѣетъ видъ земной, климатъ, естественныя произведенія, на развитіе народныхъ племенъ и успѣхи ихъ въ образованности; такимъ образомъ въ географіи, возлѣ статистическихъ данныхъ, заняли значительное мѣсто этнографическія показанія; цѣлое же географическое ученіе прониклось чисто-человѣческими интересами, интересами общежитія, умственныхъ успѣховъ, завоеваній разума. Этому направленію содѣйствовали Гердеръ, Форстеры, отецъ и сынъ. Въ этомъ духѣ написана географія Малтебрюна. Великіе путешественники, Палласъ, Соссюръ, Гумбольдтъ, своими изслѣдованіями различныхъ странъ свѣта способствовали къ расширенію познанія земнаго шара; успѣхи математи-

ческихъ, физическихъ, естественноописательныхъ наукъ позволила найти для этого познанія твердое основаніе. Географія, внѣ искуственныхъ политическихъ раздѣленій земной поверхности, занялась изученіемъ естественныхъ раздѣленій земли, представляемыхъ на ней распредѣленіемъ суши и морей, теченіемъ водъ и направленіемъ горныхъ кряжей. Сюда принадлежатъ труды датскаго ученаго Шова (*Schouw*); наконецъ новое воззрѣніе на географію представлено великимъ твореніемъ Карла Риттера: познаніе земли, въ ея отношеніяхъ къ природѣ и къ человѣку.

Въ то время, какъ измѣнялся и увеличивался объемъ географіи вообще, та отрасль географіи, которая разсматриваетъ землю, внѣ всякихъ политическихъ и чисто-человѣческихъ интересовъ, какъ отдѣльное тѣло природы, подчиненное дѣйствію естественныхъ силъ и законовъ, та отрасль постепенно развертывалась по мѣрѣ успѣховъ астрономіи и физики и наконецъ заняла мѣсто въ ряду естественныхъ наукъ, какъ естественная исторія земли, какъ *физическая географія*. Задача физической географіи — изобразить свойства земного шара и объяснить эти свойства изъ общихъ законовъ природы. Такимъ образомъ она опредѣляетъ *видъ* и *строеніе* земли, составныя *вещества*, *стихіи* земли и тѣ *силы*, которыя дѣйствуютъ на землѣ или которыми земля дѣйствуетъ на другія тѣла. Отсюда происходятъ различныя отрасли физической географіи: *описательная*, изображающая форму и строеніе земли, *стихійная*, разбирающая составные элементы земли, и *динамическая*, разсматривающая дѣятельность земного тѣла и измѣненія, происходящія съ нимъ. *Описательная* часть физической географіи раздѣляется на собственно *математическую* географію, разбирающую видъ, величину земли, движеніе ея въ отношеніи другихъ небесныхъ тѣлъ и наконецъ массу ея и плотность, и на другой — дополнительный описательный отдѣлъ, изображающій поверхность земли, распредѣленіе на ней суши и морей, горъ и равнинъ, пустынь и организмовъ. Вторая часть, *стихійная*, анализируетъ составныя части земного шара, воздухъ, морскую воду, воду источниковъ, холодныхъ, горячихъ и минеральныхъ, составъ земной коры, черпаетъ свои свѣдѣнія изъ химіи, физики, минералогіи, состоитъ изъ отдѣльныхъ ученій, и не нашла еще внутренней связи, внутренняго единства для всѣхъ этихъ элементовъ, въ отношеніи другъ друга и въ отношеніи цѣлаго земного шара. Третья часть, *динамическая*, есть предметъ *физики земного шара*, собственно *физической географіи* (*Physique du globe*, *Physik der Erde*, *Physikalische Geographie*) и тѣсно связанной съ ней *геологіи*; она выработывалась вмѣстѣ съ другими естественными науками и непосредственно связана съ ихъ ходомъ и развитіемъ. Физика зем-

ного шара, или физическая географія возникала и утверждалась по мѣрѣ того, какъ изслѣдовывалось развитіе тепла и свѣта на земной поверхности, разсматривалось движеніе водъ и воздушнаго круга, изучались происхожденіе источниковъ, происхожденіе и строеніе горъ, законы электро-магнетизма и разпредѣленіе организмовъ на землѣ, по мѣрѣ того, какъ завоевывался земной шаръ предпріимчивыми путешественниками, одушевленными любовью къ наукѣ, по мѣрѣ того наконецъ, какъ создавались различныя теоріи происхожденія и образованія земного шара и развивалась геологія. Въ этомъ смыслѣ физика земного шара есть приложеніе физическихъ теорій къ естественной исторіи земли, разрѣшеніе изъ этихъ теорій всѣхъ естественныхъ явленій на землѣ. Хотя физическая географія старается соединить всѣ эти явленія въ стройныя группы, связать ихъ съ цѣлымъ природы, однако же многое она можетъ излагать только эмпирически, потому-что на многіе вопросы физической географіи, каковы напримѣръ вопросы о волканическихъ явленіяхъ, о происхожденіи горъ, о законѣ разпредѣленія суши и морей, теорія не даетъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Въ наше время усилія ученыхъ и правительствъ направлены къ изслѣдованію физическихъ законовъ на всѣхъ концахъ земного шара; новыя данныя, сложныя явленія, огромная масса опытовъ и наблюденій подчиняются строгому разбору, высшему анализу, взвѣшиваются и исчисляются, черезъ такую работу приводятся въ простое выраженіе физическаго закона, физической теоріи, и такимъ образомъ выводы эмпирическихъ изслѣдованій соглашаются съ теоретическими умозрѣніями. Несмотря на то, что физическая географія черпаетъ свои данныя изъ другихъ частей естествознанія, напримѣръ изъ метеорологіи или естественной исторіи, она все-таки обработывается самостоятельно, ибо предметы, которыхъ законы или свойства объясняются въ этихъ наукахъ, физическая географія представляетъ въ ихъ отношеніяхъ къ землѣ, какимъ образомъ они дѣйствуютъ на ней, и какимъ образомъ они образовываютъ или измѣняютъ землю.

Изложеніе содержанія «Руководства къ математической и физической географіи» покажетъ, въ какой степени и съ какой стороны книга г. Талызина можетъ удовлетворять требованіямъ науки, о которой мы старались выше дать общее понятіе. Въ прибавленіи къ нему мы находимъ нѣкоторыя объясненія коническихъ сѣченій, въ самомъ изложеніи предметовъ математической географіи мы видимъ желаніе объяснять ихъ при пособіи однихъ элементарныхъ математическихъ свѣдѣній. Мало объяснять ясно и отчетливо отдѣльные предметы: необходимо еще находить между ними близкую связь, соотношенія. Всякое руководство должно въ

самомъ дѣлѣ вести учащихся къ познанію предметовъ, должно стараться опредѣлять эти предметы, а не только указывать на нихъ или называть ихъ.... Въ введеніи своемъ авторъ раздѣляетъ *физическую географію* на *математическую* и собственно *физическую географію*. Такъ какъ земля состоитъ изъ суши, воды и воздуха, то авторъ раздѣляетъ физическую географію на многія части, именно: *геологію*, *гидрологію* и *метеорологію*. Въ предъидущемъ мы уже изложили понятіе о физической географіи, и потому не считаемъ нужнымъ входить здѣсь въ разборъ опредѣленій автора, тѣмъ болѣе, что онъ въ своей книгѣ занимается болѣе всего математической географіей и двумя частями физической географіи: геологіей и гидрологіей, предоставляя курсу физики метеорологію; 210 страницъ Руководства заняты математической географіей и 73 страницы собственно физической географіей.

Руководство къ математической географіи начинается изображеніемъ видимаго движенія небеснаго свода, занимается потомъ опредѣленіемъ различныхъ линій и точекъ на небесномъ сводѣ и къ концу первой главы говоритъ о созвѣздіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальная математическая географія должна быть нечто иное, какъ популярная астрономія. Черезъ созерцаніе неба ученикъ долженъ прійти къ познанію земли. Что можетъ болѣе возбудить вниманіе ученика, занять его, какъ не видъ звѣзднаго неба? Простымъ глазомъ онъ распознаетъ свѣтила, научится разбирать созвѣздія и по измѣнчивымъ картинамъ небесной тверди приготовляется понимать движенія солнца, планетъ и ихъ спутниковъ. Положеніе солнца и луны, производящее всѣ суточныя и годовыя измѣненія, опредѣляющее теченіе дней, мѣсяцовъ и годовъ, приводитъ къ изученію собственнаго движенія земли, ея положенія въ отношеніи другихъ небесныхъ тѣлъ и наконецъ къ познанію ея вида и величины. Одни начертанія математическихъ линій небеснаго свода и объясненія этихъ линій ничего не дадутъ юному уму, открытому для живыхъ впечатлѣній, если эти начертанія не будутъ оживлены непосредственнымъ созерцаніемъ звѣзднаго неба и пособіемъ небесныхъ глобусовъ и звѣздныхъ картъ. Безъ этого какой могутъ имѣть смыслъ для ученика толкованія, какъ въ первой главѣ Руководства, въ которой говорится «о видимомъ движеніи небеснаго свода», толкованія о разстояніяхъ звѣздъ сравнительно съ разстояніями другихъ свѣтилъ, т. е. солнца, планетъ и луны (стр. 33), свѣтилъ, которыя разсматриваются только въ слѣдующихъ главахъ Руководства?...

Далѣе говорится въ Руководствѣ о видимомъ движеніи солнца, о временахъ года и объ измѣреніи времени, послѣ этого о видѣ и величинѣ земли. Здѣсь приводятся обыкновенныя наглядныя доказательства

кривизны земной поверхности, которыя въ продолженіи вѣковъ передаются всѣми учебными книгами. Для астрономовъ эти наглядныя доказательства не имѣютъ никакой цѣны, и они упоминаются еще въ популярныхъ астрономіяхъ. Многіе ученые уже изъявляли мнѣніе, что эти доказательства хотя и пользуются большою славою, освященною давностію, но въ сущности своей весьма недостаточны, поверхностны и не въ состояніи выдержать серьёзной критики; настоящее познаніе сфероидальнаго вида земли основано на другихъ, болѣе строгихъ и глубокихъ доказательствахъ. Господинъ Бирнбаумъ, опытный нѣмецкій педагогъ, издалъ въ 1846 году небольшую книжку: «*Die astronomische Geographie*»; онъ сдѣлалъ въ ней одушевленное воззваніе ко всѣмъ наставникамъ для утвержденія основательнаго и дѣльнаго преподаванія популярной астрономіи и математической географіи; между прочимъ онъ подчинилъ строгому и остроумному разбору такъ называемыя наглядныя доказательства шароваго вида земли. Обращаемъ вниманіе всѣхъ наставниковъ на эту небольшую книгу; предѣлы нашей статьи позволяютъ намъ только вкратцѣ изложить доводы г. Бирнбаума. Книга г. Талызина даетъ къ этому поводъ.

Въ Руководствѣ къ математической географіи, мы находимъ слѣдующее: «Если мы удаляемся отъ какого нибудь высокаго предмета, «то сперва дѣлается невидимымъ его основаніе, а потомъ уже вер«шина; а если приближаемся къ предмету, то сперва видимъ его вер«шину, а потомъ основаніе; и это явленіе замѣчается всегда, будемъ «ли мы приближаться или удаляться по направленію отъ сѣвера къ «югу, или по направленію отъ востока къ западу. Это явленіе есть «прямое слѣдствіе кривизны земной поверхности....» (стр. 59). Но какого рода эта кривизна? Между просто гладкою плоскостью и шаровою поверхностью можетъ быть множество видовъ кривизны. У человѣка, который спускается съ вершины кровли, по одной сторонѣ ея, будутъ сначала скрываться ноги, потомъ туловище и наконецъ голова — *для* зрителей, смотрящихъ на вершину кровли, съ другой стороны ея. Есть ли отъ этого видъ кровли шаровой? При наблюденіяхъ постепенной видимости предметовъ, дѣлаемыхъ на открытомъ морѣ или въ гладкой степи, мы можемъ только сказать, что *эта* часть земной поверхности, постепенно скрывающая отъ нашихъ взоровъ удаляющіеся предметы, лежитъ сводомъ; шароваго вида земли отсюда еще нельзя вывести. Притомъ, не можетъ ли тутъ вводить насъ въ обманъ недостаточность нашего зрѣнія, малый уголъ его, несовершенная прозрачность атмосферы, преломленіе лучей свѣта, уклоненіе ихъ и разсѣянность въ неодинаково согрѣтыхъ и неодинаково плотныхъ слояхъ воздуха? эти изслѣдованія заслуживаютъ

вниманія. Земной радіусъ составляетъ около 860 географическ. миль, = 20,000,000 футовъ; изъ этого можно геометрически вывести, что для глаза наблюдателя, находящагося на высотѣ 5 футовъ надъ поверхностію моря, предметъ вышиной въ пять футовъ долженъ скрыться за горизонтомъ, по причинѣ шароваго вида земли, на разстояніи 28,284 футовъ (около восьми верстъ). На такомъ разстояніи и на ровной плоскости предметъ вышиной въ 5 футовъ скроется отъ нашихъ взоровъ. На основаніи этихъ же вычисленій, предметъ вышиной въ 40 футовъ долженъ исчезать за кривизной земли на разстояніи 54,142 футовъ; а если глазъ наблюдателя подымется надъ поверхностью моря на 40 футовъ, то этотъ предметъ вышиною въ 40 футовъ долженъ исчезать на разстояніи 80,000 футовъ. Если же взять тутъ въ расчетъ различную силу зрѣнія, неодинаковую прозрачность воздуха въ различныя времена дня и года, различную видимость предметовъ, условливаемую ихъ освѣщеніемъ, красками, противоположностью ихъ съ своимъ переднимъ и заднимъ планомъ, то выйдетъ, что простой повидимому вопросъ о видимости предметовъ становится весьма сложной задачей. Оптика здѣсь показываетъ среднія числа. При ясномъ воздухѣ и открытомъ солнечномъ свѣтѣ, хорошо освѣщенный предметъ видѣнъ на разстояніи, превосходящемъ въ 5,000 разъ величину этого предмета. Правило это справедливо для предметовъ величиной въ 1 или 2 дюйма; но эта пропорція становится уже слишкомъ велика для предметовъ величиной въ 1 футъ. Предметы же величиной въ 5 футовъ, по этому правилу, должны быть видимы на разстояніи 20,000 футовъ, что весьма сомнительно. Признавъ же это положеніе вѣрнымъ, окажется, что предметъ въ 5 футовъ вышины скроется съ глазъ прежде нежели его скроетъ за горизонтомъ кривизна земли; ибо, по закону оптики, изложенному выше, предметъ этотъ можетъ быть видимымъ только на разстояніи 20,000 футовъ, а кривизна земли скрываетъ его на разстояніи 28,284 футовъ! Сверхъ того, чѣмъ болѣе пространство атмосферы, черезъ которое проходитъ лучь свѣта, тѣмъ болѣе онъ теряетъ свою силу, и предметы наиболѣе отдаленные теряютъ свою видимость. Упомянемъ еще здѣсь о явленіяхъ зеркальности воздуха, различнаго преломленія лучей свѣта, о случаяхъ, напримѣръ, когда съ острова Нейверка, находящагося въ устьѣ рѣки Эльбы, видѣлся островъ Гельголандъ, отдаленный оттуда на семь нѣмецкихъ миль (49 верстъ), на разстояніи, на которомъ онъ уже не могъ быть видимымъ за кривизной земли; послѣ всего этого мы должны будемъ прійти къ заключенію, что постепенное исчезаніе предметовъ за горизонтомъ и различная ихъ видимость могутъ происходить и не отъ кривизны земной поверхности, а отъ другихъ причинъ — отъ

уменьшающагося угла зрѣнія, отъ зеркальности воздуха, — на открытомъ же морѣ — отъ безпрестанно двигающихся морскихъ волнъ.

Далѣе мы читаемъ: «Видимое пространство земли *кажется намъ* «*всегда ограниченнымъ кругомъ*, слѣдовательно касательныя, прове«денныя къ земной поверхности изъ какой нибудь точки, образуютъ «на ней своими точками касанія кругъ; и такъ какъ это замѣчается «*на всѣхъ мѣстахъ земной поверхности* (?), то изъ этаго можно за«ключать, что земля *имѣетъ видъ шара*». (стр. 60). На страницѣ 3, въ самомъ началѣ книги, мы находимъ слѣдующее: «Если мы нахо«димся на мѣстѣ открытомъ, то небо представляется намъ *въ видѣ* «*полушароваго свода*, опирающагося на плоскость, ограниченную «кругомъ. Эта плоскость называется плоскостью видимаго горизонта, «а кругъ, которымъ она ограничена и въ которомъ, по видимому, небо «пересѣкается поверхностью земли, называется видимымъ горизон«томъ. *Намъ кажется*, что мы находимся *въ общемъ центрѣ* небес«наго свода и видимаго горизонта». Намъ *кажется* видимое пространство земли *ограниченнымъ кругомъ*, намъ же представляется небо въ *видѣ шарового свода*, опирающагося на плоскость, *ограниченную кругомъ*, потомъ намъ кажется, что мы находимся *въ общемъ центрѣ* небеснаго свода и видимаго горизонта... Отчего между всѣми этими кажущимися представленіями мы только видимое пространство земли, кажущееся ограниченнымъ кругомъ, должны признавать за дѣйствительное? Оттого ли, что подобный видъ представляется *всегда* и на *всѣхъ мѣстахъ* земной поверхности? Такъ ли это случается въ дѣйствительности, при непосредственномъ созерцаніи земной поверхности? Глазъ наблюдателя безпрестанно обманывается, судя о разстояніяхъ и величинѣ предметовъ, находится ли онъ въ равнинѣ, или на горныхъ высотахъ. Спросите объ этомъ горца, спросите опытнаго путешественника, знакомыхъ съ горными вершинами, имѣвшихъ случай обозрѣвать обширныя пространства земной поверхности, они вамъ скажутъ, что земная поверхность не представляетъ *ограниченнаго круга*, а напротивъ, края горизонта не имѣютъ рѣзко обозначенныхъ очертаній, и что земля и небо сливаются въ туманной, неопредѣленной дали. Положимъ даже, что на открытомъ морѣ нашъ горизонтъ принимаетъ опредѣленное очертаніе круга, то какъ великъ можетъ быть нашъ горизонтъ, то пространство, которое обнимаютъ наши взоры? Глазъ нашъ, подымаясь надъ поверхностью моря на пять футовъ, въ отношеніи къ цѣлому земному полудіаметру, можетъ обнять пространство, составляющее едва четырехмилліонную часть половины поверхности земного шара, обращенной къ намъ.... Изъ такого ограниченнаго круга зрѣнія можемъ ли мы дѣлать заключеніе о поверхности цѣлаго земного шара?

Еще доказательство: «Землю можно объѣхать кругомъ, т. е. не «поворачивая пріѣхать въ то же мѣсто, откуда выѣхали». (стр 60). Путешествія кругомъ свѣта доказываютъ только, что земля есть тѣло, свободно носящееся въ пространствѣ; но какой она имѣетъ видъ, дѣйствительно ли шаровидный, или какой-либо другой, объ этомъ могутъ удостовѣрять только точныя измѣренія и вычисленія.

«Другое доказательство этаго (что кривая поверхность земли «должна быть шаровая) представляютъ лунныя затмѣнія. Лунныя «затмѣнія происходятъ оттого, что луна входитъ въ тѣнь отбрасы-«ваемую землею: наблюдая эту тѣнь на лунѣ, мы замѣтимъ, что она «всегда имѣетъ круглую форму; но круглую тѣнь можетъ при всѣхъ «положеніяхъ имѣть только шаръ». (стр. 61). Замѣтимъ сперва, что это доказательство приводится въ началѣ учебнаго курса, когда ученики еще не ознакомились съ движеніями земли и ея спутника. Далѣе, въ главѣ «о лунѣ», на стр. 145, мы читаемъ: «Лунное затмѣ-«ніе происходитъ только во время такихъ полнолуній, когда луна на-«ходится или въ узлѣ своей орбиты или вблизи его. Если вся луна «входитъ въ конусъ земной тѣни, то происходитъ *полное* лунное за-«тмѣніе: если же въ конусъ тѣни входитъ только часть луны, то «происходитъ *частное* затмѣніе луны. Кольцеобразнаго затмѣнія «луны *не можетъ быть*, потому что діаметръ конуса тѣни въ томъ «мѣстѣ, гдѣ онъ пересѣкается орбитою луны, гораздо болѣе діаметра «луны....» «Земная тѣнь, отбрасываемая на луну во время лунныхъ «затмѣній, всегда имѣетъ круглую форму: изъ того уже древніе на-«блюдатели заключали, что земля кругла». — Скажемъ сначала, что круглую тѣнь могутъ отбрасывать кромѣ шара и другія тѣла, напр. цилиндръ, отбрасывающій въ одну сторону круглую тѣнь. Чтò же касается до полноты и достоинства самого доказательства, то мы должны замѣтить, что во время полнолунія лунныя затмѣнія весьма рѣдки. Вообще же лунныя затмѣнія происходятъ тогда, когда земля находится между солнцемъ и луной, и луна проходитъ черезъ тѣнь, отбрасываемую землей. Въ это время только небольшая часть земной тѣни начертывается на лунномъ кругѣ, и мы не получаемъ полнаго изображенія земного тѣла, какъ бы это было, если бы земная тѣнь нарисовывалась на большой освѣщенной плоскости. Вершина конуса земной тѣни болѣе нежели въ четыре раза далѣе отдалена отъ земли, чѣмъ луна, такъ-что плоскость пересѣченія конуса тѣни, въ пунктѣ прохожденія луны, въ семь или восемь разъ болѣе луннаго круга. Тѣнь, отбрасываемая землей, простирается на 186,000 миль (луна отстоитъ отъ земли на 51,812 миль); діаметръ круга сѣченія конической тѣни, на разстояніи, равномъ среднему лунному разстоянію = 1,242 милямъ, тогда какъ діаметръ луны = 468 милямъ. Наи-

большее частное лунное затмѣніе только тогда бываетъ, когда діаметръ полной луны составляетъ хорду круглой тѣни; въ этомъ рѣдкомъ, благопріятномъ случаѣ, когда на лунѣ можетъ нарисовываться наибольшая часть земной тѣни, мы видимъ только восьмую или девятую часть окружности этой тѣни. При этомъ самыя очертанія земной тѣни, изобразившейся на лунѣ, не имѣютъ рѣзко обозначенныхъ границъ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что наблюденія подобныхъ явленій не могутъ быть предметомъ простыхъ, каждодневныхъ созерцаній и не могутъ служить полнымъ наглядньмъ доказательствомъ для учениковъ, незнакомыхъ еще со всѣми небесными явленіями.

Въ слѣдующихъ главахъ Руководства разсматривается движеніе земли около своей оси и около солнца, движеніе луны, планетъ и кометъ, потомъ говорится о всемірномъ тяготѣніи, о плотности земли и наконецъ о географическихъ картахъ. Послѣ этого излагается физическая географія; въ ней, въ главѣ о сушѣ, представлена краткая перечень материковъ, острововъ и горъ, въ главѣ о водѣ говорится объ океанѣ, его цвѣтѣ, свѣченіи, вкусѣ, температурѣ, о движеніи водъ, приливѣ, отливѣ и морскихъ теченіяхъ, потомъ объ источникахъ холодныхъ и минеральныхъ, о рѣкахъ и озерахъ, и ничего не говорится ни о полярныхъ льдахъ, ни о нагорныхъ ледникахъ. Въ послѣдней главѣ: «объ измѣненіяхъ земной поверхности», авторъ говоритъ, что онъ до сихъ поръ разсматривалъ то состояніе земли, въ которомъ она находится въ настоящее время. Для изображенія этого состоянія земли необходимо раскрыть болѣе, нежели ея внѣшный видъ. Здѣсь слѣдуетъ разсмотрѣть явленія, производимыя на землѣ тяготѣніемъ, тепломъ, свѣтомъ, электромагнетизмомъ, органической жизнью. Авторъ быть можетъ все это предоставляетъ курсу физики, метеорологіи, естественной исторіи. Но гдѣ же тогда, по его же опредѣленію физической географіи, изученіе физическихъ явленій, происходящихъ на землѣ? Послѣдняя глава, въ которой такъ кратко и бѣгло говорится о дѣйствіяхъ влажнаго воздуха и вѣтра, о разрушительныхъ и образовательныхъ дѣйствіяхъ водъ, о вліяніи органическихъ тѣлъ, образовывающихъ черноземъ и торфъ, слои изъ раковинъ и инфузоріевъ, и коралловые острова, о волканическихъ дѣйствіяхъ, мимоходомъ о земной температурѣ и наконецъ о возвышеніяхъ почвы, - эта глава не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта на всѣ эти вопросы, которые именно и составляютъ главный предметъ физической географіи. На послѣднихъ трехъ страницахъ Руководства слегка упоминается объ устройствѣ земной коры, тогда какъ разсмотрѣніе этого внутренняго строенія земли должно бы было открыть намъ дѣйствія тѣхъ явленій и событій, которыя про-

исходятъ теперь на землѣ, и привести къ изученію прежнихъ переворотовъ, произведшихъ теперешнее состояніе земли.

Руководство г. Тальзина безъ сомнѣнія можетъ принести пользу въ рукахъ опытнаго и умнаго наставника, тѣмъ болѣе, что въ немъ математическая и физическая географія представлены въ бо́льшемъ объемѣ, нежели какъ обыкновенно преподаютъ эти науки въ нашихъ училищахъ. Ученикамъ же это Руководство едва ли можетъ доставить занимательное и удовлетворительное чтеніе.

Лѣсная промышленность. *IV. часть химическая. Спб. 1847.*

При недостаткѣ у насъ вообще сочиненій, прилагающихъ общія истины науки къ различнымъ потребностямъ общежитія и промышленности, книга, которой заглавіе мы выписали, заслуживаетъ особенное вниманіе людей практическихъ. Отдавая полную справедливость полезному труду, мы неизлишнымъ считаемъ указать на нѣкоторыя встрѣченныя нами въ немъ неисправности. Въ дѣлѣ науки всякое добросовѣстное замѣчаніе ведетъ къ полезнымъ слѣдствіямъ.

Во введеніи авторъ разсуждаетъ о пользѣ примѣненія химіи къ лѣсному хозяйству, говоритъ, что польза эта испытана только въ послѣднее время, и что важность участія ея въ этомъ дѣлѣ признана всѣми. За этимъ слѣдуетъ статья *о химическомъ составѣ растеній*; то, что̀ мы нашли въ этой статьѣ, показалось намъ не вполнѣ соотвѣтствующимъ ея заглавію. Иначе и быть не можетъ, потому-что изслѣдованія касательно химическаго состава растеній едва начались. Поэтому бѣдность содержанія по этой части мы отнюдь не ставимъ въ упрекъ автору. Но въ этой главѣ встрѣчаются странныя мѣста, напримѣръ, на стр. 10 фраза: *хорошо приготовленный картофельный крахмалъ есть не что иное, какъ чистая клѣтчатка.* Къ счастію переводчикъ поправилъ промахъ замѣчаніемъ, что клѣтчатку можно разсматривать какъ полимерное измѣненіе крахмала или инулина. Встрѣчаются мѣста, которыхъ бы могло вовсе не быть въ книгѣ, напримѣръ стр. 17: *не должно употреблять сыраго лѣса для построекъ, ибо сдѣланныя изъ него зданія будутъ не прочны и простоятъ не долго*; объ этомъ можно бы вовсе не говорить или слѣдовало бы показать, почему именно присутствіе воды вредно въ этомъ случаѣ. Въ главѣ о древесномъ составѣ и техническомъ опредѣленіи достоинства горючихъ матеріяловъ авторъ изложилъ способы органическаго анализа, т. е. способы, которыми можно опредѣлить количество углерода, водорода, кислорода, азота, содержащихся въ деревѣ. Эти способы вообще состоятъ въ томъ, что дерево высушиваютъ совершенно, и потомъ весь угле-

вторая книга есть окончаніе какого-нибудь совершенно другого изданія, только въ томъ же родѣ; но, перевернувши предзаглавный листокъ, мы нашли на немъ краткое заглавіе, общее съ книгой первыхъ трехъ частей, которая снабжена такимъ же предзаглавнымъ листкомъ, съ такимъ же краткимъ заглавіемъ, и на обоихъ выставлены нумера частей. Четвертая часть, не въ примѣръ первымъ тремъ, снабжена третьимъ заглавнымъ листкомъ, съ означеніемъ части и ея содержанія. Все это ужасно безтолково и показываетъ крайнее неумѣнье издавать книги. Скажутъ: все это мелочи, была бы книга хороша, а что за дѣло до ея заглавія. Нѣтъ, вовсе не мелочи! Во всякомъ дѣлѣ есть свои правила, условія, свои приличія, которыя должно уважать. Безтолковое заглавіе книги есть невѣжливость передъ читателемъ. Иной, не добравшись толку въ этихъ заглавіяхъ, не купитъ книги, которую онъ иначе купилъ бы.

Книги для наученія писать письма изстари и во множествѣ издавались на Руси подъ именемъ «письмовниковъ». Теперь онѣ тоже издаются во множествѣ подъ разными названіями. Подобнаго рода изданія существуютъ на иностранныхъ языкахъ. Все это фактически доказываетъ ихъ необходимость и пользу. Письма писать нужно всякому, и между тѣмъ не всякой получилъ образованіе, которое необходимо, чтобъ умѣть писать хорошо письма. У насъ особенно необходимы хорошія руководства въ этомъ родѣ. Письма — самый трудный родъ въ словесномъ искусствѣ. Умѣнье хорошо писать письма условливается знаніемъ жизни, общества, людей. Тутъ нѣтъ и не можетъ быть общихъ правилъ. Къ одному надо писать такъ, къ другому, о томъ же предметѣ, совсѣмъ иначе. Письменный слогъ самый трудный; онъ не терпитъ ничего книжнаго, долженъ быть живъ, легокъ, простъ какъ разговоръ, не нося однако же на себѣ неправильности и скачковъ разговора, и въ тоже время предпочитая небрежность бросающемуся въ глаза порядку и труду. Но главное затрудненіе для искусства хорошо писать письма составляетъ языкъ. Русскій языкъ богатъ, роскошенъ, звученъ, силенъ; но доселѣ онъ развился преимущественно въ поэзіи и литературѣ, и мало развитъ, какъ языкъ общественный и разговорный. Пушкинъ сказалъ великую правду:

Доселѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

Вслѣдствіе этого, писать письма по-русски бываетъ иногда трудно и для людей, которые никогда не могутъ имѣть нужды въ руководствахъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Что же говорить о тѣхъ, которые и въ грамотѣ-то вообще не сильны! Это намъ напоминаетъ значеніе

Антона Иваныча въ повѣсти г. Гончарова. «Еще Антона Иваныча «употребляютъ въ такихъ дѣлахъ, которыя считаютъ неудобнымъ «поручить человѣку. — Нельзя Петрушку послать, говорятъ: того и «гляди переврετъ. Нѣтъ, ужь пусть Антонъ Иванычъ съѣздитъ!» Или: «Неловко послать человѣка: такой-то или такая-то обидится, а «вотъ лучше Антона Иваныча отправить.» — «Ты бы лучше написалъ, скажетъ жена; но писать для многихъ еще у насъ такой «трудъ, что иному гораздо легче съѣздить за десять верстъ или по«слать человѣка съ словеснымъ запросомъ, чѣмъ написать нѣсколько «строкъ. «Вотъ,» скажетъ онъ, «поди, отыскивай чернилицу! а гдѣ «она? чай, давно ребятишки забросили. Посылай за чернилами къ дья«кону или къ прикащику, да чини перо; еще и бумаги не найдешь въ «домѣ, а главное — сиди часа три и выдумывай слова. Богъ знаетъ, «какъ и ставить ихъ: иное можно поставить рядомъ и съ тѣмъ и съ «этимъ, а гдѣ именно нужно, Богъ вѣсть! Вѣдь это же самое дѣло «разскажешь на словахъ, какъ по маслу идетъ, а чуть обмакнулъ «перо въ чернила — и не то, и нейдетъ: или всѣ слова вдругъ суются, «не знаешь, которое первое написать, или ни одно нейдетъ, да и на«писать надо гораздо мудренѣе, нежели говоришь, а вотъ тутъ-то и «надо умѣть выдумывать слова! Нѣтъ! ужь лучше пусть Антонъ «Иванычъ съѣздитъ: то ли дѣло, какъ живой человѣкъ разскажетъ? «И они правы, добрые люди: умѣй они выдумывать и разставлять «слова, тогда Антонъ Иванычъ хоть заживо въ гробъ ложись!»

Но не у всякаго и не всегда есть подъ рукой Антонъ Иванычъ; случается иногда такъ, что и Антонъ Иванычъ тутъ на лицо, а послать все-таки нельзя, — непремѣнно надо самому написать. Вотъ въ такихъ-то обстоятельствахъ и такихъ-то людей только «Практическія руководства къ сочиненію писемъ» могутъ выручить изъ бѣды. Они для нихъ необходимы, полезны, драгоцѣнны. Руководство, котораго заглавіе выписано въ началѣ нашей статьи, несмотря на нѣкоторые его недостатки, можетъ быть признано очень удовлетворительною въ своемъ родѣ книгою.

Послѣ краткаго предисловія, книга начинается статьею «О письмѣ и письмахъ вообще». Въ ней составитель книги такъ тонко и справедливо смотритъ на теорію искусства писать письма, что мы считаемъ нужнымъ выписать его собственныя слова объ этомъ предметѣ.

«Письмо, какъ и разговоръ, требуетъ искусства. Это доказывается тѣмъ, что какъ разговоръ одного лица можетъ быть и бываетъ убѣдительнѣе, живѣе, увлекательнѣе разговора другаго лица, точно такъ и письма однихъ лицъ уступаютъ во всемъ письмамъ другихъ. Изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы можно было предписать законы хоро-

шаго разговора, точно такъ же какъ и правила для письма. Многообразіе отношеній между лицами до безконечности разнообразитъ содержаніе писемъ, которыя суть тѣже разговоры, только между отсутствующими, и это разнообразіе такъ неуловимо, что, не смотря на усилія многихъ теоретиковъ, до-сихъ-поръ нѣтъ ни одного основательнаго руководства въ искусствѣ писать письма.

«Причина этого отсутствія общихъ правилъ письмоводства заключается въ томъ, что письменное искусство основывается единственно на хорошемъ познаніи общественныхъ отношеній сердца человѣческаго и тѣхъ пружинъ, которыми двигаются наши страсти. А какимъ образомъ научить всему этому? По-крайней-мѣрѣ это не дѣло теоріи. Опытъ, одинъ опытъ, знакомитъ человѣка съ окружающимъ его міромъ, обществомъ и отношеніями его, и только однимъ опытомъ пріобрѣтается тактъ, посредствомъ котораго, какъ бы инстинктивно, отгадываются желанія и побужденія людей, и средства противорѣчить или льстить имъ.... Слѣдовательно вотъ гдѣ основанія нашего искусства. А потому мы не дерзаемъ, подобно нѣкоторымъ сочинителямъ курсовъ словесности, предписывать *quasi*-незыблемые законы письменнаго искусства, въ которыхъ учатъ составлять періоды, хріи, фигуры и проч., вмѣсто того, чтобы ясно и хорошо объяснить то, о чемъ надо писать. Мы пойдемъ путемъ опыта, и предложимъ читателю нѣсколько общихъ совѣтовъ, выведенныхъ, какъ изъ опытности, такъ равно и изъ здраваго смысла».

Можно ли что-нибудь сказать противъ этого? И чтожь? — За этимъ слѣдуетъ у автора статьи страницъ 30 тѣхъ самыхъ реторическихъ правилъ, ничего необъясняющихъ и ничему ненаучающихъ, которыя онъ самъ такъ умно и основательно отвергъ въ приступѣ къ своей статьѣ! Вотъ напр. правило: «Въ письмахъ, *заключающихъ* (въ себѣ) *разсказъ*, главное достоинство — краткость и ясность». А развѣ во всѣхъ другихъ родахъ писемъ, какъ равно и во всѣхъ другихъ родахъ сочиненій, краткость и ясность тоже не главное достоинство? Таковы всегда правила на то, на что нельзя установить правилъ! Нашъ авторъ учитъ писать даже шуточныя или остроумныя и сатирическія письма.... Особенно забавны его совѣты, какъ писать извинительныя письма. «Оправдываясь въ ложномъ обвиненіи (говоритъ онъ), обыкновенно жалуются на клеветниковъ, старавшихся запятнать наше доброе имя, потому просятъ вѣрить нашимъ словамъ и не давать цѣны словамъ обвинителей; здѣсь выгодно представить какія-либо доказательства своего оправданія. Если же обвиненіе и упрекъ основательны, то въ извиненіи обыкновенно говорятъ, что нѣтъ между людьми столь проницательнаго и осторожнаго человѣка, который не сдѣлалъ бы въ своей жизни ни одной ошибки, и что всѣ мы сами сожалѣемъ объ этомъ и просимъ снисхожденія и

забвенія Потомъ надобно увѣрить, что ошибка наша произошла безъ всякаго намѣренія, что на будущее время мы постараемся загладить ее особеннымъ вниманіемъ». Ну, а если человѣка-то обвиняютъ въ низкомъ и безчестномъ поступкѣ? Тутъ какъ надо писать? Ужь не къ такому ли случаю относятся эти слова автора: «Часто и не безполезно бываетъ въ дѣлахъ съ лицомъ знатнымъ для съ такимъ, отъ котораго мы зависимъ, писать ему извиненіе съ полною откровенностію и раскаяніемъ». Хорошо также правило касательно *писемъ участія*, въ которыхъ, говоритъ авторъ, «не должно говорить сначала объ утѣшенія и т. п. Напротивъ того, надобно, такъ сказать, смѣшать свои слезы со слезами страждущаго, и говоря, напримѣръ, о смерти друга, надобно сначала разсуждать о его достоинствахъ, объ утратѣ, принесенной смертію его друзьямъ и обществу и т. п.». Но довольно объ этомъ. Гораздо лучше то, что слѣдуетъ за этимъ, именно образцы адресовъ ко всевозможнымъ лицамъ, начиная отъ высшихъ сановниковъ, чиновъ, почетныхъ званій до оберъ-офицеровъ. Эта статья очень полна и подробна; въ ней не забыты и духовные чины, чего мы не находили въ прежнихъ изданіяхъ такого рода.

За введеніемъ слѣдуетъ первая часть, заключающая въ себѣ образцы писемъ собственно общественныхъ. Вѣроятно они писаны самимъ составителемъ книги. Заглянувши въ бо́льшую часть изъ нихъ, мы увѣрились, что они очень могутъ служить образцами или пособіемъ для тѣхъ, кому имѣлъ въ виду издатель быть полезнымъ. У насъ по бо́льшей части потому и затрудняются писать письма, какъ-будто бы это была и Богъ знаетъ какая головоломная работа, что воображаютъ, будто письма должны писаться высокимъ слогомъ. Въ этомъ отношеніи, письма издателя «Руководства» могутъ вполнѣ служить образцами: онъ начинаетъ ихъ прямо съ дѣла, а обыкновенныя, необходимыя въ письмахъ околвчности занимаютъ у него самую меньшую часть письма.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ между прочимъ письма извѣстныхъ лицъ, и образцы различныхъ родовъ писемъ русскихъ писателей. Это часть совершенно лишняя. О достоинствѣ помѣщенныхъ въ ней писемъ нечего говорить, но помѣщеніе ихъ въ такой книгѣ тѣмъ болѣе неумѣстно. Кто захочетъ писать письма для печати, тотъ будетъ учиться писать ихъ не изъ такихъ «Руководствъ». Ему мало двухъ, трехъ взятыхъ на выдержку изъ путешествія Карамзина; онъ, вѣроятно, познакомится со всѣми сочиненіями Карамзина, да и не одного его.

Третья часть содержитъ въ себѣ примѣры коммерческихъ писемъ на различные предметы, относящіеся къ коммерціи. Здѣсь намъ ос-

тается опять только хвалить. Отдѣленіе о различныхъ предметахъ, относящихся къ коммерціи, заключаетъ въ себѣ: 1) О купечествѣ и познаніяхъ, необходимыхъ для него; 2) заведенія и средства, служащія къ распространенію торговли; 3) каналы въ Россіи; 4) о внутренней и внѣшней торговлѣ въ Россіи; 5) счетныя и записныя книги, употребляемыя въ бухгалтеріи. Все это не лишне и очень полезно.

Четвертая часть заключаетъ въ себѣ формы общеупотребительныхъ дѣловыхъ актовъ и бумагъ. Эта часть особенно важна и можетъ сдѣлаться настольною книгою у многихъ. Издатель не счелъ нужнымъ приложить къ ней оглавленіе; но мы все-таки дадимъ понятіе о ея содержаніи. Тутъ говорится подробно о векселяхъ, какъ они пишутся, и обо всѣхъ установленіяхъ, касающихся этого предмета; о гербовой бумагѣ, и показаны всѣ случаи, гдѣ и когда она употребляется; о довѣренностяхъ, съ приложеніемъ ихъ формъ; о договорахъ; о духовныхъ завѣщаніяхъ; о закладныхъ и заемныхъ письмахъ, съ приложеніемъ ихъ формъ; о займахъ изъ государственнаго заемнаго банка, сохранной казны и приказовъ общественнаго призрѣнія; о паспортахъ, билетахъ для пропуска черезъ заставу, аттестатахъ и отпускныхъ; о просьбахъ и жалобахъ; о капиталахъ, процентахъ и билетахъ, причемъ приложены таблицы процентовъ по билетомъ банковъ и сохранной казны съ шести мѣсяцовъ до трехъ лѣтъ, на суммы отъ 10 коп. до 10,000 руб., о рядныхъ записяхъ; о формахъ бумагъ и просьбъ и о разныхъ постановленіяхъ для опредѣленія дѣтей въ учебное заведеніе. Къ концу книги приложена таблица о разборахъ бумаги гербовой, простой, крѣпостной и для векселей и заемныхъ писемъ, по патентнымъ сборамъ и контрольной бумагѣ.

Совѣтуемъ издателю, при слѣдующемъ изданіи, выкинуть изъ этой книги все лишнее, на что мы указали, да не раздѣлять ея на два отдѣльные тома, потому-что это не удобно для справочной настольной книги. А за успѣхъ ея поручиться можно.

Статистическіе очерки Россіи. *Сочиненіе* Константина Арсеньева. *Спб. 1848.*

«Цѣль труда моего есть польза общая; я желалъ, по мѣрѣ силъ моихъ, содѣйствовать распространенію свѣдѣній о великомъ отечествѣ нашемъ: — любить Россію есть священная обязанность каждаго русскаго, а любить съ сознаніемъ, съ убѣжденіемъ можно тогда только, когда мы знаемъ ее, когда изучали минувшія и настоящія судьбы ея, когда достойно оцѣнили мощь и силу народа и его недуги, и когда вполнѣ убѣждены въ благодѣтельныхъ на него дѣйствіяхъ

правительства, руководимаго сильною волею и мудростію Самодержца»

Эти собственныя слова автора лучше всего даютъ понятие о цѣли этой книги; а слѣдующее предисловіе автора даетъ понятіе объ объемѣ ея содержанія и о характерѣ самого изложенія:

«Я изготовилъ много статей статистическаго содержанія объ Россія; при скудости въ сочиненіяхъ подобнаго рода на русскомъ языкѣ, я полагалъ не безполезнымъ сообщить труды мои къ общему свѣдѣнію; книга, представляемая мною на судъ публики, можетъ считаться только какъ бы опытомъ или трудомъ предварительнымъ, нужнымъ для поясненія работъ дальнѣйшихъ. Степень вниманія людей просвѣщенныхъ къ моей книгѣ укажетъ то, въ какой мѣрѣ пригоденъ трудъ мой на пользу общую и нужно ли обнародованіе другихъ работъ моихъ, готовыхъ уже къ печатанію»

Это собственно не статистика, въ смыслѣ систематическаго сочиненія, заключающаго въ себѣ болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія о Россіи въ статистическомъ отношеніи, но, какъ самъ авторъ прекрасно назвалъ свою книгу, Статистическіе Очерки Россіи. Сочиненіе это состоитъ изъ пяти отдѣленій. Въ первомъ авторъ разсматриваетъ границы Россіи, преимущественно со стороны выгодъ или невыгодъ, которыя представляютъ онѣ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Во второмъ — авторъ представляетъ историческую картину постепеннаго приращенія Россіи въ пространствѣ, съ того времени, какъ Москва сдѣлалась средоточіемъ русской жизни до нашихъ временъ. Въ третьемъ онъ подробно изложилъ постепенное устройство губерній, отъ Петра Великаго до настоящаго времени. Четвертое — заключаетъ въ себѣ топографическое разсмотрѣніе Россіи по климату и качеству почвы. Въ пятомъ — представляется картина поземельнаго богатства Россіи.

Во всемъ этомъ чрезвычайно много важныхъ и любопытныхъ фактовъ, изложенныхъ съ глубокимъ знаніемъ предмета и съ ясностію, какой только можно требовать отъ сочиненія столь серьёзнаго и общеполезнаго. Очень желательно, чтобы ученый и трудолюбивый авторъ поскорѣе издалъ въ свѣтъ и другіе труды свои по этой части.

Руководство къ Паеологической Анатоміи. Карла Рокитанскаго. *Перевелъ съ нѣмецкаго* Дмитрій Минъ. *Часть вторая, отдѣленіе первое. Москва. 1847.*

Г-нъ Минъ продолжаетъ переводъ Патологической Анатоміи Рокитанскаго. Въ вышедшей теперь второй части заключаются: болѣзни клѣтчатки, серозныхъ и слизистыхъ переповокъ, общихъ покрововъ, фиброзной системы, костей, мышцъ. О достоинствахъ Па-

тологической Анатомія Ракитанскаго и говорить нечего. Переводъ по прежнему хорошъ, изданіе роскошное. Медикамъ остается только благодарить г. Мина за его добросовѣстный и неутомимый трудъ.

Сельское чтеніе. *Книжка первая, составленная изъ трудовъ:* Ѳ. Вельтмана, И. С. Волкова, И. И. Даля, Н. М. Загоскина, К. Ѳ. Энгельке, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ. *Спб. 1848.*

Всѣхъ книжекъ *Сельскаго Чтенія* вышло доселѣ, кажется, *четыре*; всѣ онѣ имѣли большой успѣхъ, но особенно посчастливилось *первой:* теперь она вышла *седьмымъ* изданіемъ.

Справочный энциклопедическій словарь. *Изданіе* К. Края. Томъ одиннадцатый. Ф, Х. *Спб. 1848.*

Нѣтъ никакой возможности писать отчетливыхъ разборовъ тотчасъ же по выходѣ каждой книжки такого изданія, какъ Энциклопедическій Словарь. Многоразличіе статей, изъ которыхъ состоитъ каждая книжка словаря и которыя писаны разными лицами, требуетъ много времени и соединенныхъ трудовъ тоже нѣсколькихъ лицъ и для критическаго разбора каждаго тома словаря. Поэтому, до окончанія изданія Справочнаго Энциклопедическаго Словаря г. Края, мы ограничимся короткими библіографическими извѣстіями о выходѣ каждаго новаго тома.

Правила плодоводства въ открытомъ грунтѣ, оранжереяхъ и теплицахъ, *почерпнутыя изъ шестидесятилѣтнихъ практическихъ занятій*, Николая Красноглазова, *торгующаго садовника въ Москвѣ. Москва. 1848.*

«Изданіе этого практическаго руководства къ плодоводству - говоритъ почтенный авторъ—имѣло нѣсколько побудительныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ я считаю нужнымъ упомянуть только о немногихъ. Обширное мое торговое садовое заведеніе поставляетъ меня въ весьма большое соотношеніе съ публикою, и мои покупатели требуютъ у меня же совѣта, какъ ухаживать за тѣми или другими деревьями. На словахъ я не въ состояніи имъ передать всего, а желалъ бы услужить каждому.»

Далѣе авторъ хотѣлъ изданіемъ своей книги одолжить нашихъ русскихъ и преимущественно деревенскихъ садовниковъ, для которыхъ иностранныя сочиненія рѣшительно не доступны. «Въ моемъ сочиненіи помѣщена — говоритъ онъ — одна практика и практика чисто русская, доступная каждому, знающему только русскую грамоту.

Нельзя не отдать полнаго уваженія такому прекрасному намеренію; но почтенный авторъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, весьма важное: — гдѣ онъ найдетъ у насъ деревенскихъ садовниковъ, знающихъ грамоту?

Трудъ г-на Красноглазова – результатъ его собственной шестидесятилѣтней практики; онъ будетъ пособіемъ для каждаго любителя садоводства, для каждаго разводящаго и переобразовывающаго свой садъ.

Особенно полезно и важно въ трудѣ г-на Красноглазова описаніе яблоней и плодовъ ихъ, способы ихъ сохраненія и употребленія. Отсюда узнаетъ каждый садоводъ, какія деревья свойственны климату его сада, какія служатъ для собственнаго употребленія и какія пригодны для торговыхъ садовъ.

О Холерѣ. *Разсужденіе* Алексѣя Полунина. *Москва. 1848.*

Было время когда всѣ болѣзни, сущности которыхъ не знали, называли нервными. Сказать: болѣзнь нервная, разстройство нервовъ, (дамская болѣзнь) — все равно, что ничего не сказать, хотя больной всегда почти очень доволенъ такимъ отвѣтомъ врача Почти всѣ такъ называемыя нервныя болѣзни условливаются другими страданіями: болѣзни крови, различныя опухоли, сдавливающія нервы и т. п. могутъ вести къ разстройству въ отправленіи нервовъ. Если измѣняется кровь, измѣняется и питаніе въ нервныхъ нитяхъ; нервныя начинаютъ реагировать, и отсюда проистекаютъ различные нервные припадки. Дѣйствительно бо́льшая часть такъ называемыхъ нервныхъ болѣзней появляется на почвѣ малокровной, худосочной. Ядовитое вещество, положенное на обнаженный нервъ, не произведетъ никакого вліянія на общій организмъ, тогда какъ тоже самое вещество, впущенное въ кровь животнаго, быстро произведетъ отравленіе. Вотъ данныя, изъ которыхъ мы видимъ, что едва ли возможно первичное пораженіе нервовъ. Сколько было споровъ о сущности тифа! Прошли десятки лѣтъ, и тифъ считался все болѣзнью нервною. Только новѣйшія изслѣдованія оцѣнили нервныя явленія въ тифѣ, и показали зависимость ихъ отъ крови. Такой же участи подверглась и холера. До сихъ поръ еще вы не найдете двухъ врачей, согласныхъ въ мнѣніяхъ о сущности холеры. Одни полагаютъ, что холера есть болѣзнь нервная; другіе, что причина ея лежитъ въ измѣненіи крови. Въ прошедшую эпидемію 1830 года мало было сдѣлано для поясненія сущности этой ужасной болѣзни; особенно мало было изслѣдованій анатомико-патологическихъ. Но болѣе нельзя было и требовать. Это зависѣло оттого, что патологическая анатомія не достигла еще въ то время того совершенства, до котораго она

поднялась въ настоящее время. Г-нъ Полунинъ фактически доказываетъ въ своемъ разсужденіи, что холера есть болѣзнь крови; что измѣненіе крови въ холерѣ различно, смотря по періодамъ болѣзни; что явленіе измѣненнаго отправленія нервной системы зависитъ не отъ первичнаго страданія нервовъ, но отъ измѣненнаго качества крови. Г-нъ Полунинъ первый раздѣлилъ холеру на періоды и показалъ зависимость ихъ другъ отъ друга, показалъ тончайшія анатомическія измѣненія въ каждомъ періодѣ. Однимъ словомъ, г. Полунинъ оказалъ большую услугу медицинскимъ изысканіямъ о холерѣ; что касается до физіологико-патологической стороны его разсужденія, мы видимъ здѣсь совершенное знаніе своего дѣла и глубокій взглядъ на предметъ.

Онъ говоритъ въ предисловіи, что важнѣйшія анатомическія перемѣны, найденныя у холерныхъ, скончавшихся въ Екатерининской больницѣ, изображены. Рисунки хранятся въ терапевтическомъ отдѣленіи госпитальной клиники, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ они будутъ изданы.

Сборникъ для свѣтскихъ людей, *состоящій изъ занимательныхъ повѣстей, разсказовъ, біографій знаменитыхъ людей и проч., украшенный тридцатью картинками, гравированными на стали лучшими англійскими художниками Томъ I. Выпускъ 1. 2. 3. 4. Москва. 1848.* Изданіе Дейбнера и Хеліуса.

Книга съ претензіей на игрушечный интересъ.... Но врядъ ли суждено ей выдержать совмѣстничество съ подобнаго рода игрушками французскими и англійскими, красующимися на столикахъ въ гостиныхъ свѣтскихъ людей, для которыхъ издается теперь сборникъ. Мы очень сомнѣваемся въ его успѣхѣ. Такого рода изданія покупаются единственно для гравюръ, а вовсе не для чтенія. Естественно, что каждый «свѣтскій человѣкъ» купитъ гораздо скорѣе французское или англійское изданіе такого же рода, которое и лучше и мало чѣмъ дороже новаго сборника. Сборнику ждать успѣха здѣсь, кажется, нечего. Таже часть нашей публики, которая покупаетъ книги не для картинокъ, а для чтенія, врядъ ли польстится на сборникъ, гдѣ читать рѣшительно нечего. Повѣсти, помѣщенныя въ немъ, невыносимо вялы и пусты; біографіи нечто иное, какъ послужные списки замѣчательныхъ людей.... Намъ бросилось въ глаза особенно одно мѣсто въ біографіи герцога Веллингтона. Вотъ оно: «Къ біографіи стараго Герцога мы присовокупляемъ анекдотъ, *который лучше всего характеризируетъ его.* Веллингтонъ вздремнулъ однажды на придворномъ балѣ, сидя возлѣ королевы Викторіи. Королева, замѣтивъ это, слегка коснулась своимъ букетомъ его плеча, подала ему съ бла-

госклонной улыбкой руку и прохаживалась съ нимъ несколько времени. Когда королева удалилась, и многіе друзья стараго Герцога оступили его, говоря всѣ единогласно о чрезвычайно благосклонномъ обхожденіи монархини при его неловкомъ проступкѣ, *то этотъ железный человѣкъ отвѣчалъ : Ну, чтожъ, Королева могла позволить мнѣ и вздремнуть.»*

Гравюры очень не дурны ; на нихъ издатели не пощадили издержекъ. До сихъ поръ вышло четыре выпуска ; въ каждомъ выпускѣ три гравюры, и десять выпусковъ составятъ томъ.

Виконтъ де Бражелонъ. *Романъ* Александра Дюма. (*Окончаніе* Трехъ Мушкетеровъ и Двадцати лѣтъ спустя). *Полный переводъ* В. М. Строева. *Спб. 1848.*

Чтò ни говорятъ о романахъ г. Дюма, онъ ничѣмъ не смущается и продолжаетъ себѣ, съ скоростію паровой машины, фабриковать свои безконечныя сказки, величая ихъ романами. Въ *Трехъ Мушкетерахъ* онъ сдѣлалъ каррикатурное изображеніе кардинала Ришельё, думая впрочемъ изобразить эту страшную и величавую фигуру во всей ея исторической истинѣ. Во второмъ романѣ, который служитъ продолженіемъ первому, онъ уже и не хотѣлъ выводить кардинала Мазарини иначе, какъ въ каррикатурѣ, потому-что въ этомъ, конечно, не великомъ, но все-таки замѣчательномъ историческомъ лицѣ, онъ видитъ только одно дурное и пошлое, теперь въ *Виконте де Бражелонѣ* онъ изображаетъ въ каррикатурѣ царственно-величавую фигуру Людовика XIV. Зато истинными героями выставилъ онъ четырехъ друзей-мушкетеровъ ; въ первомъ романѣ они вчетверомъ чуть-чуть не совершили въ Англіи такого подвига, какого въ то время не могла произвести никакая человѣческая сила. Во второмъ романѣ дѣйствуютъ только двое изъ друзей, но тѣмъ не менѣе оказываютъ такія чудеса, въ сравненіи съ которыми подвиги Геркулеса и всѣхъ баснословныхъ героевъ и полубоговъ просто пустяки. Виконта де Бражелона «Карманная Библіотека» представила пока только шесть тощенькихъ и крохотныхъ томиковъ : въ нихъ герой романа, сынъ одного изъ четырехъ друзей, пока еще такъ молодъ, что еще только готовится въ герои, и пока за него геройствовали его отецъ и другъ его отца д'Артаньянъ. Послѣдній, кажется, еще много совершитъ чудесъ на старости лѣтъ. Это любимецъ г. А. Дюма — гасконецъ, хвастунъ и препорядочный плутъ. Этотъ д'Артаньянъ даже съ королями обходится безъ церемоніи, и самому Людовику XIV говоритъ въ глаза такія вещи, которыхъ, сколько извѣстно исторически, этотъ король рѣшительно ни отъ кого не слышалъ

Пустыня — ода-симфонія г. Фелисьена Давида извѣстна всему музыкальному міру. Эта симфонія исполнена была въ первый разъ въ Петербургѣ 2 марта 1848 года, въ концертѣ г. Кажинскаго. Теперь она издана въ русскомъ переводѣ.

Французскіе стишки къ этой симфоніи, писанные г. Огюстомъ Коленомъ (*Auguste Colin*), очень посредственны; напр.

Quel est ce point noir dans l'espace,
Qui se montre et fuit tour à tour?
A l'horizon la caravane passe;
Serpent gigantesque, elle embrasse
Des cieux le radieux contour.

La caravane lente
Chemine haletante,
Et plantera sa tente
Quand finira le jour

А русскій переводъ стиховъ уже изъ рукъ вонъ плохъ.... Вотъ доказательство:

Что я вижу, на предѣлѣ
Небо съ степью гдѣ слилось
Точкой кажется отселѣ
То *меркнѣетъ*, то яснѣе
Чернымъ змѣемъ развилось?

Приближаются, виднѣе
Разглядѣть могу я *самъ*,
На верблюдахъ, на камеляхъ, —
То пустынный *караванъ!*

Зубоскалъ, *или литературные лоскутьи, сшитые, только не на живую нитку, изъ анекдотовъ, мыслей, выдержокъ, воспоминаній, остротъ и пр. Сто-первымъ русскимъ литераторомъ. Спб. 1848. Съ эпиграфомъ: «Сдѣлайте одолженіе, читайте! штучки, я вамъ скажу, хорошія-съ!» (изъ рецензіи одного великаго критика).*

Эти лоскутья, сшитые не на живую нитку, по увѣренію самого ихъ собирателя, и посвященные *въ знакъ дружбы* петербургскому плацъ-адъютанту гвардіи штабсъ-капитану Ивану Елисъевичу Чернову, мы, если не ошибаемся, видѣли уже прежде разбросанными по разнымъ повременнымъ изданіямъ въ родѣ Репертуаровъ, Пантеоновъ, Литературныхъ газетъ и тому подобныхъ. Но собирать лоскутья изъ разныхъ мѣстъ въ одну кучку не значитъ заниматься литературой, и собиратели какихъ бы то ни было лоскутьевъ, хоть бы

литературныхъ, не имѣютъ никакого права величать себя даже и *сто первыми* литераторами.

Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о достоинствѣ этихъ лоскутьевъ, мы покажемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Лоскутокъ 1.

«Тальйони, которую мы съ гордостью теперь можемъ назвать *своею*, свела уже съ ума ни одного изъ молодыхъ людей, надъ которыми взялъ верхъ одинъ богатый англичанинъ въ Лондонѣ. Этотъ джентльменъ совершенно помѣшался отъ чудесныхъ ножекъ очаровательницы. Въ припадкѣ болѣзни, онъ разъ выбросилъ изъ окна доктора. Нѣсколько констаблей едва могли арестовать англичанина, который танцуя антраша, сильно оборонялся отъ полиціи и кричалъ во все горло: «О Марія Тальйони! я мученикъ твоихъ прелестей и готовъ для тебя заплясаться до смерти!»

Лоскутокъ 2.

«На одной изъ петербургскихъ вывѣсокъ мы прочли слѣдующія слова: Входъ въ звѣринецъ и къ прусской минервѣ.»

Лоскутокъ 3.

«Жизнь наша — ситецъ; на немъ одни только очерки оттиснуты постоянными формами; но человѣкъ самъ можетъ и долженъ врисовывать цвѣты и зелень въ пустыя пространства.»

Лоскутокъ 4.

«Мы съ трудомъ вскарабкиваемся на зеленую гору жизни, чтобъ умереть на льдистой ея вершинѣ.»

Лоскутокъ 5.

«Каждая минута должна быть для человѣка — полною жизнію. Презирай боязнь и желаніе, земную будущность и прошедшее.»

Три послѣдніе лоскутка собиратель, вѣроятно, относитъ къ *мыслямъ*. Нечего сказать, прекрасныя *мысли!* особенно вотъ эта *мысль:* «презирай *земную будущность* и *прошедшее!...*»

Для кого и для чего издаются такого рода книжечки?... Неужели только *въ знакъ дружбы?*

Московскія скачки *или слабые очерки изъ жизни двухъ знаменитыхъ коннозаводчиковъ въ Россіи,* Графа А. Г. Орлова-Чесменскаго и Ф. С. Мосолова. *Въ стихахъ. Москва. 1848.*

«Слабые очерки» написаны въ память покойнаго благодѣтеля и въ жертву глубочайшаго почтенія къ его достойнымъ наслѣдникамъ сыновьямъ.

КЪ НИМЪ :

Вашей славой увлеченный
Въ стихахъ скачки написалъ;
И надеждой упоенный,
Нынѣ въ свѣтъ бы ихъ издалъ.
Коль почтите ихъ вниманья
Я сугубо награжденъ;
Будетъ знакъ благодѣянья
Тому, кто вѣкъ не ученъ.

Вамъ извѣстный П. Поповъ.

Человѣкъ въ увлеченіи на все готовъ. Вотъ, напримѣръ, до чего можно увлечься скачками и чувствомъ признательности къ своимъ благодѣтелямъ:

Прославляютъ тѣ *Конинга*
Дипломата Метеринга,
Посреди народна стона
Прославляють Пальмерстона:
Славы будто быль любитель;
Но онъ быль людей губитель
Давно сталь ничтожный прахъ....
Все писали вы поэты!
Только скачки не воспѣты:
Якъ вездѣ на нихъ бываю,
Въ видѣ комара летаю....
Страстью къ скачкамъ увлеченный,
Чтобъ ихъ пользу доказать
Вздумалъ я объ нихъ писать.
Я бумагу лишь мараю,
Рифмы плохо подбираю;
Чтожъ отъ глупости наврется
Тому умный посмѣется.
Объ ученыхъ судитъ свѣтъ,
А на глупыхъ иску нѣтъ.

Послѣдніе шесть стиховъ относитъ авторъ къ самому себѣ.

РАЗСКАЗЪ О КОЧЕВАНЬИ ПО ТУНДРАМЪ САМОѢДСКИМЪ

въ 1844 и 1845 годахъ.

Статья первая.

Отъѣздъ изъ столицы. — Путь до г. Мезени. — Сборы къ кочеванію по Канинской тундрѣ. — Самоѣдскій чумъ и сцены изъ кочевого быта. — Переправа черезъ рѣку лѣтомъ въ катерѣ. — Возвратный путь въ Мезень и плаваніе по р. Пезѣ до Печоры. — Дикая мѣстность. — Занятія и приключенія въ пути. — Первый снѣгъ въ половинѣ сентября. — Пезскій волокъ и переѣздъ чрезъ него. — Посѣщеніе раскольническаго скита. — Двухдневное кочеваніе на оленяхъ. — Непріятности въ пути. — Столѣтняя старуха, вожатая поѣзда. — Плаваніе по р. Цыльмѣ и прибытіе въ с. Усть-Цыльму на р. Печорѣ. — Новые спутники до зырянскаго селенія Ижмы. — Характеристика зырянъ и отношенія ихъ къ самоѣдамъ. — Три недѣли въ Ижмѣ и путь до самоѣдской церкви на р. Колвѣ.

29 іюня 1844 года въ 9 часовъ утра на Смольной пристани задымился пароходъ и по третьему звонку умчалъ насъ къ Шлиссельбургу, мимо цѣлаго ряда огромныхъ фабрикъ и живописныхъ дачъ. Въ крытой лодкѣ дотащили насъ ладожскимъ каналомъ, по бичевнику, до Новой Ладоги, а тамъ принужденъ я былъ обратиться къ знакомому многимъ изъ насъ національному экипажу и до самого города *Пинега* (въ 150 верстахъ за Архангельскомъ) поручить себя нескромнымъ его толчкамъ. Отъ Пинега, свернувши съ однообразнаго почтоваго тракта на проселочный, мѣстность начала уже болѣе улыбаться: вездѣ пошелъ лѣсъ; стали появляться вѣковыя сосны; прямыя, стройныя лиственницы вездѣ мѣшались съ густою елью и придавали бору величественный видъ. Наступила ночь. Слабыя обывательскія лошаденки едва тащили телѣгу; а краснобай-ямщикъ до того забылся въ разсказахъ про похожденія свои на медвѣдей и россомахъ, что только къ разсвѣту доставилъ насъ въ *Кулойскій посадъ* въ 35 верстахъ отъ Пинега. — Отсюда ведутъ двѣ дороги въ г. Мезень: одною на

пространствѣ 44 верстъ можно проѣхать сухимъ путемъ до селенія *Нѣмнюги*, но далѣе на 50 верстахъ не иначе, какъ пройти пѣшкомъ по мосткамъ, положеннымъ еще въ то время, когда предполагали провести дорогу изъ Пинега въ Мезень; другой путь идетъ рѣкою Кулоемъ въ Сѣверный океанъ. Чтобы не измучить себя и людей, я избралъ послѣдній, и очень скоро и пріятно совершилъ его. Тутъ намъ часто попадались плоты съ лиственничнымъ лѣсомъ, сплавляемымъ для кораблестроенія изъ Пинежскаго и Мезенскаго уѣздовъ вверхъ по Кулою почти до самого истока рѣки, гдѣ, поровнявшись съ рѣкою Пинегою, саженяхъ на 200 переволакивается въ эту рѣку по песку и такимъ образомъ доставляется къ Архангельску. Отъ Кулойскаго посада до селенія *Карьеполя*, на 100 верстахъ, нѣтъ даже ни одной жилой избы и только въ трехъ рыбачьихъ хижинахъ можно найти убѣжище отъ непогоды. Въ Карьеполѣ взяли мы другую лодку и поплыли далѣе къ селенью *Долгощелью*, находящемуся въ 60 верстахъ оттуда. Недалеко отъ Карьеполя замѣчаешь уже дѣйствіе прилива и отлива морского; мы воспользовались отливомъ и черезъ 10 часовъ были уже на мѣстѣ, но едва успѣли уйти отъ вечерняго прилива, гребцы, видя приближеніе грозной воды, начали спѣшить, удвоивъ силы, и не напрасно: черезъ нѣсколько минутъ вода хлынула и поднялась сажени на три, но мы уже съ берега любовались движеніемъ волны. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ морю, тѣмъ лѣсъ становится рѣже и исчезаютъ понемногу несносные комары, которые водятся здѣсь въ такомъ множествѣ, что путника доводятъ до совершеннаго отчаянія, не давая ему отдыха ни днемъ, ни ночью, а крестьянъ и рыбаковъ и вообще всѣхъ, занимающихся подъ открытымъ небомъ, заставляютъ носить капишоны, съ волосяною черною сѣткою для защиты лица, что̀ придаетъ тамошнимъ крестьянамъ видъ какого-то бедуинскаго населенія. — На всемъ протяженіи до устья Кулоя разставлены были по обѣимъ сторонамъ рѣки тони для ловли семги, которая въ то время (въ іюлѣ и августѣ) идетъ вверхъ противъ теченья рѣкъ. Выѣхавши за *Карговскій наволокъ*, составляющій черту впаденія Кулоя въ море, не болѣе какъ въ верстѣ отъ насъ показались огромныя *бѣлухи* *(Weissling)*, которыя, то ныряя, то снова выставляясь на поверхности, большими стадами гнались за семгой; за ними слѣдовали тучи бѣлыхъ мошекъ, а немного поодаль кружился орелъ и только выжидалъ удобной минуты, чтобы подхватить на лету неосторожную добычу, которой, выпрыгнувъ изъ воды, вздумалось бы полакомиться мошкой. Осенью для ловли бѣлухъ собираются у устья Кулоя человѣкъ до 700 промышленниковъ, въ особенности съ такъ называемаго зимняго берега, и помѣщаются тогда въ нарочно устроенныхъ избушкахъ, во множествѣ расположенныхъ вдоль всего берега. Не доѣзжая *Ваповскаго наволока* мы причалили къ берегу; здѣсь гребцы, набравшись силъ и нагрузивъ лодку жирными камбалами, дружно принялись за весла и съ приливомъ скоро доставили насъ въ селеніе *Семжу*. Заселеніе этого мѣста сопряжено съ довольно интереснымъ событіемъ:

царицѣ Наталіи Кирилловнѣ понравился въ Москвѣ садъ купца Кроминина; она приказала торговать садъ, но какъ купецъ просилъ за него слишкомъ дорого, то покупка не состоялась. Нѣсколько времени спустя, Кроминину какъ-то пришлось побывать на сѣверѣ, и ему приглядѣлся Семежскій берегъ: вскорѣ берегъ этотъ принадлежалъ Кроминину, а садъ московскій царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. — Не долго пользовался однакожь новый владѣлецъ своимъ помѣстьемъ: семга ему пріѣлась, и ему захотѣлось калача московскаго; онъ удалился на родину. Въ началѣ же прошлаго столѣтія, одинъ приверженецъ старины, по имени *Филатовъ*, купилъ у Кроминина Семежскій берегъ за 400 рублей ассигнаціями и навсегда тутъ поселился. Теперь родъ Филатовыхъ самый богатый въ Семжѣ, имѣетъ оленьи стада, занимается морскими промыслами, ловлею семги и проч. У нихъ я запасся здѣшнимъ національнымъ костюмомъ: малицей, совикомъ, пимами и разною теплою оленью одеждой, безъ которой въ томъ краѣ даже и осенью невозможно быть. Въ Семжѣ должны мы были ждать прилива морского, чтобы на полной водѣ въѣхать въ рѣку Мезень, потому-что во время отлива рѣки до того дѣлаются сухи, что лодки безпрестанно находятъ на мель.

На Руси много уѣздныхъ городковъ не лучше Мезени, но каменныя церкви, казенныя зданія и кой-гдѣ пестрые, купеческіе дома отличаютъ ихъ нѣсколько отъ простыхъ селъ; Мезень же ничѣмъ не разнится отъ посредственнаго селенія: кромѣ низенькаго, уродливаго зданія казначейства, нѣтъ ни одного каменнаго строенія, соборъ темный, деревянный, самой старинной архитектуры, дома построены въ одну улицу, а все общество составляютъ человѣкъ до десяти чиновниковъ. Здѣсь я принужденъ былъ провести цѣлую недѣлю. Лучшее время уходило, а погода все стояла прекрасная, теплая и ни одно облачко на небѣ не обѣщало давно-желаннаго дождя; между тѣмъ снарядили уже лодку для продолженія пути, а ѣхать было невозможно, потому-что рѣка Пеза, по которой приходилось плыть до Печоры, совершенно омелѣла отъ засухи. Эти затрудненія еще болѣе усилили во мнѣ желаніе разстаться съ Мезенью: достопримѣчательности города я уже всѣ высмотрѣлъ, книги, какія были со мной и какія могъ достать отъ читающей публики, причитались, и я уже начиналъ томиться бездѣйствіемъ, какъ случайно познакомился съ однимъ тамошнимъ мѣщаниномъ А. Ф. Окладниковымъ, который имѣлъ случай изъѣздить по своимъ дѣламъ самоѣдскія тундры вдоль и поперекъ и, обладая наблюдательнымъ умомъ, много замѣтилъ во время своихъ разъѣздовъ. Онъ мнѣ подалъ благую мысль, вмѣсто того, чтобъ сидѣть сложа руки, употребить двѣ недѣли на осмотръ Канинской тундры, обнадеживъ меня тѣмъ, что и самъ въ началѣ сентября полагаетъ отправиться по одному со мной пути. Ничто конечно не могло быть болѣе кстати въ моемъ положеніи: запасшись отъ Окладникова маршрутомъ, я въ два дня собрался въ путь, сѣлъ въ кàрбасъ (большая лодка) и пустился въ море, но

едва проѣхалъ однѣ сутки, какъ зной солнца видимо началъ уже убывать, а на ночь небо покрылось густыми тучами, море заколыхалось и злой дождь сталъ мочить насъ безъ пощады; волна такъ сдѣлалась сильна, что по морю ѣхать было невозможно; мы причалили къ берегу и расположились на ночь съ огонькомъ въ виду Сѣвернаго океана. Бревна, выброшенныя волною, служили намъ постелью, а парусъ, растянутый въ видѣ шатра — защитой отъ непогоды; группа лодочниковъ, заваривавшихъ похлебку и освѣщаемыхъ огнемъ, довершала картину, которая со стороны должна была быть очень живописною; но каково было дѣйствующимъ лицамъ! Съ разсвѣтомъ утихло, мы снова пустились въ путь и скоро доплыли до селенія *Неси*, гдѣ построена церковь для самоѣдовъ Канинской тундры.

Мѣстность здѣсь грустная. Лѣсъ замѣтно начинаетъ уже рѣдѣть и рости уродливо; нѣсколько полуразвалившихся рыбачьихъ хижинъ, въ довольно непріятномъ безпорядкѣ разбросанныхъ по берегу рѣки, рѣзко отдѣляются отъ чопорныхъ церковныхъ зданій, выкрашенныхъ форменною жолтою краскою съ крышею кирпичнаго цвѣта. Все населеніе этого прихода составляютъ: священникъ, пономарь изъ самоѣдовъ; человѣкъ до десяти мезенскихъ мѣщанъ, поселившихся лачужками для рыболовства и морского промысла и дѣлающихъ нападенія попеременно то на семгу и морскихъ зайцевъ, то на близь кочующихъ самоѣдовъ, — дьячокъ, находящійся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Архангельскомъ и доставляющій оттуда на собственномъ суднѣ самоѣдамъ хлѣбъ, который вымѣниваетъ у нихъ на оленьи шкуры и пушной товаръ, — и наконецъ хлѣбный вахтеръ, выдающій изъ магазина, устроеннаго для самоѣдовъ, нѣсколько фунтовъ хлѣба въ годъ.

Не болѣе сутокъ пробылъ я въ этомъ мѣстѣ. Къ полдню лодка была уже готова, и мы опять выплыли въ море. Выѣзжая къ устью рѣчки Неси, гребцы наши завидѣли на поверхности воды двѣ уродливыя головки морскихъ зайцевъ. Винтовки у этихъ людей всегда при нихъ: двое изъ нихъ прицѣлились, но дали промахъ; еще выстрѣлъ — и опять мимо; звѣрки только ныряли и появлялись на другомъ мѣстѣ, иногда даже ближе къ лодкѣ чѣмъ въ первый разъ: казалось, что моськообразныя мордочки ихъ издѣвались надъ неловкостью промышленниковъ; но чуть было не попались они за то въ бѣду: гребцы, замѣтивъ, что вода отъ отлива начала убывать, смекнули дѣломъ и сговорились нагнать одного изъ непріятелей на такъ называемую кошку (мель), пустились за нимъ въ погоню и преслѣдовали до тѣхъ поръ, пока увидѣли, что тюлень сталъ барахтаться на пескѣ. Два гребца ловко выскочили изъ лодки и баграми старались приколоть добычу, но сгоряча одинъ изъ нихъ ударилъ только въ хвостъ, еще разъ замахнулся — мимо, — плеснула волна и далеко унесла съ собой тюленя въ море, лишь издали снова зачернѣлась головка, но и та все становилась менѣе и менѣе и наконецъ вовсе исчезла въ сумеркахъ. За ухой и стаканомъ чаю, подъ раскинутымъ на берегу шатромъ, долго толковали еще про послѣднюю неудачу, всякой говорилъ

свое, никто не считалъ себя виноватымъ, и не согласить бы всѣхъ мнѣній и споровъ, еслибъ не явилась въ посредницы черная ночь и не уложила всѣхъ по мѣстамъ. — Крѣпко заснули мы послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ и приключеній, и только на зарѣ плескъ волны, подошедшей подъ самую палатку, заставилъ насъ скорѣе собрать пожитки и вновь поручить себя теченью морскому.

Плаваніе наше продолжалось не долго. Промышленники, возвращавшіеся съ Канинскаго берега, сообщили намъ пріятную вѣсть, что недалеко отъ рѣчки Яжмы пасутся три оленьихъ стада и хозяева ихъ, узнавъ отъ передового о пріѣздѣ нашемъ, дѣлаютъ приготовленія къ пріему гостей; и точно: лишь успѣли мы заворотить въ рѣку, какъ завидѣли уже издали дымокъ самоѣдскаго чума (чумъ — шатеръ изъ оленьихъ шкуръ), а три ружейныхъ выстрѣла съ берега возвѣстили тундряному населенію о прибытіи такъ называемаго петербургскаго начальника. Съ какимъ любопытствомъ сталъ я разглядывать новыхъ моихъ знакомыхъ, разсматривать ихъ лица, одежду, хозяйство, разспрашивать о разныхъ мелочахъ домашняго быта и сколько въ короткое время узналъ новаго, интереснаго! Въ первый разъ приходилось мнѣ увидѣть сѣвернаго оленя и притомъ въ полной его красѣ: стадо въ нѣсколько сотъ штукъ, закинувъ вѣтвистые рога на спину, мчалось на насъ подъ лай собакъ и дикіе крики погоньщиковъ, а впереди нѣсколько саней, запряженныхъ которыя тремя, которыя четырьмя оленями, перескакивая съ кочки на кочки и переваливаясь со стороны на сторону по неровному мху, спѣшили принять столичныхъ гостей и показать имъ житье-бытье своихъ кочевыхъ хозяевъ. Уложивъ пожитки свои на одни сани, а сами размѣстившись на нѣсколькихъ другихъ, тронулись мы въ походъ. Всего приходилось намъ ѣхать не болѣе десяти верстъ, а тамъ назначено было переночевать въ другомъ чумѣ, запастись свѣжими оленями и дать знать и другимъ близь-кочующимъ самоѣдамъ о скоромъ нашемъ пріѣздѣ. Конечно не мнѣ одному, съ непривычки, показалась бы страннымъ — лѣтомъ тащиться по мху въ маленькихъ саняхъ, но прошу придумать другой, болѣе удобный экипажъ для ѣзды но тундрѣ, гдѣ одна моховая кочка смѣняется другою, и сухая земляная возвышенность вдругъ пересѣкается на нѣсколько верстъ въ длину топкою трясиною, въ которой нерѣдко просядаетъ даже легкій, ширококопытый олень.

Гдѣ рысью, а гдѣ пробираясь шагомъ, доѣхали мы вскорѣ до чума: хозяева, некрещеные самоѣды, слывущіе богатыми между бѣдными родовичами своими, вышли ко мнѣ на встрѣчу и съ неуклюжими поклонами просили войти въ смрадное жилище, а между тѣмъ, поймавъ молодаго оленя на арканъ, повалили бѣдную жертву и вооруженные и старъ и малъ ножами, выдѣлили намъ самые лакомые кусочки, а остальное, не болѣе какъ въ полчаса времени, уничтожили сами, отрѣзывая большими кусками сырое мясо и обмакивая его въ теплую, дымящуюся кровь

Два дня пришлось мнѣ погостить въ этомъ чумѣ, въ ожиданіи подставныхъ оленей, за которыми послали въ ближнее стадо, верстъ за пятьдесятъ отъ насъ. Наконецъ лай собакъ на разсвѣтѣ возвѣстилъ ихъ пріѣздъ. Пошли приготовленія къ перекочевкѣ: какъ небо снова начинало хмуриться, то мои сани устроили въ родѣ кибитки, сдѣлавъ надъ ними покрышу изъ березовой коры; на однѣ положили небольшой чумъ, на другія обернули лодку для переправы черезъ рѣчки, а остальныя снарядили по-просту и на тридцати шести оленяхъ двинулись въ путь; около сорока другихъ, для смѣны, бѣжали тутъ же рядомъ со всѣмъ поѣздомъ.

Сумочка изъ тюленьей кожи, въ которую вкладывалось нѣсколько памятныхъ книжечекъ, начинала уже наполняться разными замѣтками о кочевыхъ моихъ пріятеляхъ: сюда вписано было, что хозяинъ мой некрещеный самоѣдъ, что одинъ сынъ его крещенъ, а другіе или отъ безпечности еще не окрестились, или вовсе креститься не хотятъ; описано было и положеніе, въ которомъ я нашелъ семейство хозяина моего при пріѣздѣ: для меня устроенъ былъ, скажу, почетный чумъ, который былъ и чище и пространнѣе и устланъ бо́льшимъ числомъ оленьихъ шкуръ, а въ нѣсколькихъ шагахъ разбитъ былъ другой для всего семейства, и туда-то я, разумѣется, часто заглядывалъ, а то не узнать бы мнѣ и всѣхъ секретовъ кухни самоѣдской и всего наслажденья глодать огромную кость съ сырой оленины или ѣсть полу-протухлую рыбу; не научиться бы мнѣ никогда искусству чистить грязный котелъ грязною же мочалкою, обмокнутой въ болотистую воду (почему же впрочемъ не утереть ею, при случкѣ, лица или рукъ); никогда бы и не узнать, что съ этой же ржавой водой готовили и мнѣ кушанье, заваривали изъ нея и мнѣ чай; но въ тундрѣ олень властелинъ, около него все движется и все ему угождаетъ: стать бы ближе къ рѣкѣ, вода бы была конечно свѣтлѣе, но не было бы мху для оленя, потому-что мохъ любитъ рости при болотахъ, а чаще случается, что такія мѣста находятся верстахъ въ двухъ, трехъ отъ рѣкъ. Приготовленіе обѣда для семейства хозяевъ моихъ было, казалось, занятіемъ одной только старухи, другія женщины или сшивали что-нибудь оленьими жилами, или мяли руками и скоблили маленькимъ желѣзцомъ оленью шкуру и, посыпая ее мукою, выдѣлывали замшу; а поодаль два самоѣденка лѣтъ 12 — 13 глубоко обдумывали ходы по шашечной доскѣ, передвигая вмѣсто шашекъ морскія раковины, набранныя ими во время тюленьяго промысла по берегамъ Океана — слабый результатъ цивилизаціи, завезенной въ тундру русскими промышленниками вмѣстѣ съ пѣннымъ виномъ и табакомъ.

Вино и табакъ сгубили самоѣдовъ и привели ихъ въ жалкое положеніе. Русскіе такъ всегда умѣютъ устроить, что нададутъ самоѣдамъ разнаго товару въ долгъ до будущихъ промысловъ или до лучшаго времени убоя оленя на мясо, а осенью, когда придется къ расплатѣ, то подъѣзжаютъ къ становьямъ самоѣдовъ и предъявляютъ требова-

нія свои, или на биркѣ зарубленныя, или просто удержанныя въ памяти. усчитывай ихъ послѣ того; а какъ поднесетъ русскій еще самоѣду чарки двѣ, три пѣннику, то тотъ на все согласенъ, лишь бы дали утолить возбужденную въ немъ жажду. Стало быть выгода отъ этой мѣны велика, что, несмотря на строгое запрещеніе русскимъ ввозить въ тундру вино и на присутствіе мое въ томъ краѣ, нѣсколько крестьянъ изъ деревни Семжи въ одно со мною время въ карбасѣ, нагруженномъ пустыми бочками, причалили къ Канинскому берегу и на вопросъ мой, для какого эти бочки употребленія, отвѣчали, что для накладки мяса — вещь очень обыкновенная; но потомъ, по пріѣздѣ въ чумъ, входитъ ко мнѣ подъ-вечеръ самъ хозяинъ-самоѣдъ и съ подобострастіемъ и, какъ я замѣтилъ, уже въ восторженномъ видѣ, послѣ маленькаго введенія къ рѣчи несвязнымъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, сталъ объяснять, что русскій предлагаетъ ему чарку вина, но что будто онъ безъ моего позволенія не смѣетъ ее принять: каково, куда забралась хитрость! но она такъ здѣсь неловка, неуклюжа, что не трудно было понять, въ чемъ дѣло. Я разумѣется согласился на просьбу моего увальня, сказавши ему, что онъ у себя дома, что можетъ по этому дѣлать, что хочетъ, и чтобы во всякомъ случаѣ ни мало не заботился обо мнѣ. Не знаю, понялъ ли онъ мои слова, или нѣтъ, но онъ вышелъ и побрелъ къ своему чуму; самъ я приникъ головой къ подушкѣ, загасилъ огонь и при свѣтѣ луны, изъ-за уголка, преспокойно могъ наблюдать кочевой бытъ въ будничномъ его нарядѣ, а не въ томъ костюмѣ, въ какомъ онъ является лицу оффиціяльному. Мало впрочемъ было утѣшительнаго; за полночь пировала бесѣда, но тутъ отъ хмѣля проявлялось не буйное веселіе народа живого, а находилъ родъ какого-то неистовства на эти апатическія натуры. то выбѣгалъ одинъ изъ нихъ изъ чума и, пробѣжавъ въ разныя стороны, опять врывался въ чумъ, то приставалъ другой къ женѣ, заставляя и ее осушить чарку, а потомъ награждалъ ее побоями, то слышно было что-то въ родѣ рева, мычанья; и чѣмъ же кончился весь этотъ пиръ? — что и на другой день самоѣды ходили какъ шальные, поддерживаемые въ этомъ сладкомъ оцѣпененіи чаркою, другою, изрѣдка подносимою смѣтливыми промышленниками, которые сами отправились потомъ въ стадо, отобрали лучшихъ оленей для убоя, а послѣ отъѣзда моего наполнили пустыя бочки мясомъ и повезли прибыльный грузъ во-свояси.

Мнѣ, какъ лицу административному, не слѣдовало бы по-настоящему быть свидѣтелемъ такого незаконнаго образа мѣны, но меня извиняетъ то, что я былъ свидѣтелемъ невольнымъ и никѣмъ не замѣченнымъ, и что принять на этотъ разъ мѣры строгости ни къ чему бы не повело: распространилась бы только молва по тундрѣ, и русскіе, а за ними и самоѣды стали бы остерегаться петербургскаго начальника, не показали бы себя, такъ сказать, на распашку, и сдѣлали бы и мнѣ и себѣ вредъ тѣмъ, что не въ вѣрномъ свѣтѣ представили бы положеніе свое, не дали бы добраться до корня зла и

тѣмъ затруднили бы только принятіе мѣръ рѣшительныхъ къ лучшему устройству ихъ быта. Разсужденіе это успокоило меня, и мы тронулись далѣе.

Погода очень неблагопріятствовала путешествію. Это было въ половинѣ августа, а уже мелкій, осенній дождь цѣдилъ какъ изъ решета и придавалъ и безъ того уже подвижной, тряской почвѣ тундры какую-то эластичность, какое-то правильное движеніе при скорой ѣздѣ по трясинѣ. Негостепріимная природа казалась недовольною незваннымъ гостямъ, а крылатое населеніе тундры, на время прикочевавшее на сѣверъ изъ странъ полуденныхъ за роскошнымъ кормомъ, за тихою, привольною, гулевою жизнью для птенцовъ своихъ, встрепенулось отъ шумнаго поѣзда: то высовывался длинный клювъ кулика, который изъ-за осоки съ удивленіемъ выглядывалъ на свѣтъ и старался повидимому объяснить себѣ, отчего такъ заколыхалось болото; то, вспуганныя собакой, перелетали въ сторону цѣлыя стада бѣлыхъ куропатокъ; то съ крикомъ поднимались съ озеръ тучи гусей, гагаръ и лебедей или вереницей тянулись незамѣтно по грязному небу, пронзительнымъ лишь крикомъ извѣщая путника, что уже полетѣли они на родину, что и о немъ снесутъ путемъ вѣсточку.

Настали сумерки. Не внималъ уже олень условному клику погоньщика, не сталъ уже бояться остроконечнаго его харея (*), часто отставалъ отъ рогатаго своего сосѣда и, сгибая колѣни, пытался прилечь на пушистый мохъ; начали уже отрывистою рѣчью переговариваться и молчаливые мои вожатые и испытующимъ взглядомъ окидывать мѣстность, выбирать гдѣ удобнѣе, гдѣ привольнѣе для оленя остановиться чумомъ. Чумъ былъ разбитъ въ виду шемоховскихъ сопокъ, окаймляющихъ часть западной стороны Канинской тундры, и по особенной игрѣ природы, посреди голой моховой степи, поросшихъ мелкимъ, рѣдкимъ ельникомъ въ высоту человѣка. Туда за топливомъ отряжены были сани, и хотя не скоро, но затрещали однакожь посреди чума мокрые сучья, пригрѣлъ наконецъ огонекъ путниковъ, промокшихъ до костей и измучившихся отъ безпрестанныхъ толчковъ по мшистымъ кочкамъ. Наставалъ уже десятый день отъѣзду нашему изъ Мезени, а много ли мы отъѣхали? Слабые олени отказывались везти далѣе, а самоѣды, не знаю, притворялись ли, или подлинно не знали, есть ли вблизи стадо для смѣны, но не надѣялись прежде недѣли добраться до Канинскаго камня, — цѣли импровизованной моей поѣздки и главнаго пребыванія въ лѣтнее время стадъ, пасущихся въ Канинской тундрѣ. Къ тому же на одинъ возвратный путь надо было употребить еще дней десять; сталъ подходить сентябрь мѣсяцъ; отъ безпрестанныхъ дождей рѣки, омелѣвшія отъ засухи, должны были уже сдѣлаться судоходны, а всего болѣе боялся я, чтобы морозъ не помѣшалъ плаванію моему на Печору. Взвѣсивъ

(*) Понуждало.

все это, совѣтомъ положили не продолжать пути, а тою же дорогою отправиться обратно въ Мезень.

Одною только особенностью ознаменовался возвратный путь нашъ: подъѣхавъ къ рѣчкѣ Чижѣ, черезъ которую мы въ первый разъ переѣхали какъ по-суху, мы нашли, что отъ дождей и прилива морского вода такъ въ ней поднялась, что никакъ нельзя было переправиться въ саняхъ, не подмочивши и себя и поклажи. Поэтому спустили въ воду съ саней запасную лодку, перевезли сперва меня, потомъ чемоданы, а сами самоѣды, съ возжою въ одной рукѣ и съ хареемъ въ другой, понуждая и ободряя оленей особымъ крикомъ, стоймя переправились на саняхъ вплавь на другой берегъ, въ сопровожденіи всего рогатаго стада. Пріѣхали наконецъ въ городъ. Отставной гвардейскій солдатъ Павловскаго полка отрапортовалъ, что въ 47 верстахъ отъ Мезени, въ деревнѣ Усть Пезской, изготовлена почтовая лодка, и что онъ съ тремя работниками отряженъ сопутствовать мнѣ до Печоры. Эти лодки учреждены для почты, а въ случаѣ нужды и для возки пассажировъ и въ лѣтнее время составляютъ единственный способъ сообщенія между Мезенью и печорскими волостями. Можно бы также проѣхать изъ Мезени на устье Печоры вдоль морского берега на оленяхъ, но такъ какъ лѣтомъ стада откочевываютъ далеко къ морю, то это составило бы большой кругъ, да и было бы безпокойнѣе, чѣмъ плыть водою. Почту возить положено каждыя двѣ недѣли, но врядъ ли случится отвезти ее два, три раза въ лѣто; обыкновенно ждутъ, чтобы накопилось побольѣе писемъ и пакетовъ и тогда уже отправляютъ ихъ всѣ вмѣстѣ или иногда пересылаютъ кой какую вѣсточку по оказіи, съ попутчикомъ.

6-го сентября отчалили мы отъ берега, въ сопровожденіи новаго знакомаго моего Окладникова, которому, по дѣламъ винныхъ откуповъ, предстоялъ одинъ со мною путь на Печору. Для него путь этотъ былъ не новъ, по Пезѣ онъ ѣхалъ тогда едва ли не въ десятый разъ, но у меня, признаюсь, сжалось сердце, когда за мной исчезло послѣднее жилое мѣсто, которое имѣетъ еще нѣсколько правильное сообщеніе съ населеннымъ свѣтомъ. Тутъ уже кромѣ воды, неба и лѣсу мало что̀ видишь; изрѣдка лишь на каждыхъ 30, иногда только и на 80 верстахъ встрѣчаешь отдѣльные поселки въ двѣ, три избы, заведенные Богъ вѣсть когда какимъ-нибудь мужичкомъ, неужившимся въ деревнѣ съ односемьянами, или парнемъ, которому земли между своими недостало, а приглядѣлось въ бору мѣсто; срубилъ онъ тамъ хату, связалъ себѣ неводъ, добылъ ружье, да сталъ рыбу и рябчиковъ промышлять, а къ ярмаркѣ ихъ въ городъ возить. И для меня, и для лодочниковъ считалось величайшимъ наслажденіемъ, когда мы могли такъ пригнать, чтобы переночевать въ этихъ избахъ: въ нихъ съ такимъ жаднымъ радушіемъ принимали небывалыхъ гостей; но чаще всего, оттащивъ лодку по бичевнику верстъ на 25 въ сутки, люди мои, выбившись изъ силъ и спотыкаясь о кочки, къ сумер-

[illegible]

[illegible] Какъ утро закалывали за плечи [illegible] бечевы, чтобы къ концу дня сказать себѣ, что еще какихъ-нибудь [illegible] верстами придвинулись ближе къ цѣли. Такъ проходилъ день за днемъ — однообразно, но не скучно. Новизна предметовъ, величественный видъ созерцаемой природы, забота о порученномъ мнѣ дѣлѣ, для котораго могъ я почерпать матеріалы даже изъ простыхъ разсказовъ [illegible] и [illegible] ими и отъ всякаго встрѣчнаго рыбака, для котораго, на безлюдіи, нельзя же не остановиться: все это отъ зари до зари достаточно наполняло часы наши. Къ тому же осень стояла свѣтлая, сухая, такъ-что и берегомъ пройтись было можно и въ лѣсъ заглянуть. Наставалъ уже двѣнадцатый день плаванію нашему, какъ въ ночь съ 18 на 19 сентября температура вдругъ значительно понизилась, къ утру сталъ попархивать легкій снѣжокъ,

все дѣлался сильнѣе и сильнѣе, и на другой день проснувшись увидѣли мы уже, что рѣка подернулась тонкимъ ледянымъ слоемъ. 21-го числа ледъ такъ уже сталъ крѣпокъ, что бичевой нельзя было тащить лодки. Лодочники, ставъ одинъ на носу, другіе же два съ боковъ, съ усиліемъ пробивали ледъ шестами; судно наше двигалось медленно и, наконецъ, проѣхавъ на третьи сутки какихъ-нибудь верстъ десять, не болѣе, спутники мои, выбившись изъ силъ, объявили, что далѣе плыть невозможно, что лодку стало протирать льдомъ, и что скоро окажется въ ней течь. Къ счастію мы приближались уже къ концу плаванія нашего вверхъ по Пезѣ, поворотили уже и въ притокъ ея, рѣчку Рочугу, на которой, въ 30 верстахъ оттуда, стояла изба кушниковъ, нанимаемыхъ отъ земской полиціи для перевозки чрезъ такъ называемый *Пезскій волокъ*, раздѣляющій рѣку Пезу отъ Цыльмы. Что̀ было дѣлать? Положили, оставить лодку и вещи съ двумя работниками, а мнѣ, камердинеру моему, солдату и одному изъ лодочниковъ, съ котомками за спиной, пѣшкомъ пробраться до избы боромъ, — тутъ же прямой дорогой считалось всего только верстъ пятнадцать, двадцать.

Собрались было уже мы въ путь, какъ услышали въ сторонѣ сперва лай собаки, почуявшей чужихъ, а тамъ и голоса людей, которые вскорѣ показались изъ лѣсу и послѣ разныхъ разспросовъ и переговоровъ объявили намъ, что они на досугѣ вышли промышлять подледную рыбу, что у нихъ съ собою и лошади и сани, что легко могутъ помочь нашей бѣдѣ и перевезти всю поклажу въ избу; лодку же предложили оставить на мѣстѣ, предсказывая, что черезъ недѣлю рѣки опять разойдутся, и что тогда они берутся приплавить ее къ себѣ.

Горой наложивъ чемоданами сани, побрели мы вслѣдъ за новыми проводниками своими, и часа черезъ три очутились на мѣстѣ. Низенькая, курная изба да амбаръ всѣхъ пріютили на ночь. На другой день пошли приготовленія къ переѣзду черезъ *Пезскій во̀локъ*. О немъ я уже и прежде слышалъ, мнѣ съ ужасомъ разсказывали о всѣхъ неудобствахъ и мученіяхъ при этомъ переѣздѣ. Для этого закладываютъ обыкновенно лошадей въ особаго рода сани, называемыя *волокми*, и на пространствѣ 15 верстъ, т. е. во всю ширину во̀лока гонятъ бѣдныхъ лошадей по топкому болоту; на разстояніи же 3-хъ верстъ трясина такъ жидка, что лошадь уходитъ въ нее по самую морду; тогда безжалостный погонщикъ кнутомъ ударяетъ ее по головѣ изъ всей мочи, бѣдное животное со стономъ дѣлаетъ движеніе впередъ и, обезсиленное, снова ложится въ топь, до новаго удара. А какъ легко было бы отвратить такое неудобство въ сообщеніи: стоило бы только подрядить вмѣсто людей съ лошадьми какое-нибудь стадо оленей, обыкновенно кочующее по сосѣдству. Меня къ счастью отъ такого зрѣлища избавилъ морозъ: болото застыло, и мы на ту сторону во̀лока переѣхали безъ всякой остановки и приключеній. Но опять препятствіе: какъ ѣхать далѣе? Рѣки замерзли, санной путь хотя не много

и показался, но ѣхать было не на чѣмъ, сказывали только, что верстахъ въ пятидесяти, у озера Сюрзы, должно быть стадо оленей. Отряженъ былъ туда солдатъ съ работникомъ, а я пошелъ осматривать свое новое жилище. Долго учился я входить въ него такъ, чтобы не вползать на четвереньках; стоять прямо — не было возможности; отверстіе, котораго я никакъ, да и никто не назвалъ бы окномъ, было забито доской; печи не существовало, а навалилъ когда-то въ углу прохожій груду камней, чтобъ похлебку заварить, да не задуло бы огня вѣтромъ, — вотъ и печь; лечь можно было только мнѣ одному на узкой скамьѣ, укрѣпленной къ пристѣнку, а другіе всѣ спали на сыромъ полу и то еле-еле умѣщались. Въ этой избѣ, или, лучше сказать, около этой избы, провелъ я почти четверо сутокъ: то занимался чтеніемъ или замѣтками о пути, то ходилъ дрова колоть, разводилъ очагъ или забирался съ провожатымъ въ чащу лѣса *сѣвжинки* на обѣдъ добывать, говоря языкомъ тамошнихъ промышленниковъ, т. е. тетерева, или *ушкана*, какъ выразительно называютъ зайца на сѣверѣ. На четвертое утро обрадованы мы были пріѣздомъ оленей; но каково опять горе? Съ послѣдняго вечера замѣтна уже стала сырая погода, а къ утру сдѣлалась совершенная оттепель. Опять начали помышлять о лодкѣ, и только изъ опасенія, что даже и при теплой погодѣ рѣки не разойдутся ближе недѣли, рѣшились, во что бы то ни стало, доѣхать на оленяхъ по-крайней-мѣрѣ хоть до *Цылемскаго монастыря*, въ въ 20-ти съ чѣмъ-то верстахъ отъ волока. Этотъ монастырь — скитъ раскольниковъ, поселившихся здѣсь должно быть еще въ смутныя для нихъ времена патріарха Никона. Окружному начальнику, не задолго до моего пріѣзда, дано было предписаніе отобрать у нихъ около 70 старообрядческихъ книгъ и закрыть часовню. Поэтому не успѣлъ я еще поосмотрѣться, порадоваться, что хоть проночевать придется опять въ теплой избѣ, какъ явилась ко мнѣ цѣлая депутація старыхъ бабъ и дѣвъ въ высокихъ повязкахъ на головѣ, въ душегрейкахъ и сарафанахъ самаго стариннаго покроя, и въ одинъ голосъ стали просить, чтобы я приказалъ отдать имъ отнятую у нихъ святыню и хоть ставни въ часовнѣ открыть, показать имъ хоть еще разъ ликъ любимаго патрона, дать узрѣть «живъ ли, здоровъ ли ихъ Микола».

Недовольныя уклончивымъ моимъ отвѣтомъ и недовѣрчиво поглядывая изъ подлобья, разошлись онѣ по кельямъ, зато хозяйка, кромѣ молока, ничего и не отпустила, бросила только въ уголъ охапки двѣ сѣна и какъ ни сладко было отдохнуть на немъ послѣ долгихъ лишеній, но къ разсвѣту я былъ уже на ногахъ и, несмотря ни на мокрый снѣгъ, все болѣе и болѣе усиливавшійся, ни на увѣщанія спутниковъ и хозяина стада, все уговаривавшихъ переждать еще денекъ, я приказалъ сбирать оленей, и черезъ часъ мы были въ пути. Это не было упрямствомъ съ моей стороны, но чистымъ расчетомъ, ибо все это происходило 25 сентября, и если бы хоть днемъ замедлить, то при второмъ морозѣ (а его надо было скоро ожидать) могла бы стать и

Печора, и тогда я до свѣжнаго пути былъ бы отрѣзанъ отъ зырянской волости Ижмы, гдѣ намѣревался пробыть недѣль около трехъ, и принужденъ бы былъ жить въ селеніи *Усть-Цыльмѣ*, при сліяніи р. Цыльмы съ Печорой, гдѣ мнѣ занятія было всего дней на пять. Впослѣдствіи мы увидимъ, что я былъ правъ.

Отъ Цылемскаго монастыря до деревни Мылы, лежащей при рѣчкѣ того же имени, прямымъ путемъ считаютъ верстъ до 70-ти, но это считаютъ зимою, когда застынутъ озера и болота, и можно рысью ѣхать по жосткому снѣгу безъ всякаго препятствія, но представить себѣ трудно, какое мученіе испытали въ этотъ трехдневный переѣздъ и люди и олени. Снѣгъ съ мелкимъ дождемъ не переставалъ ни на минуту, зимній путь весь смыло, болота стали еще мокрѣе прежняго, такъ-что даже олени уходили иногда по брюхо въ трясину и нерѣдко отъ усталости ложились на мохъ, а мелкіе ручейки до того разбухли, что, подъѣхавши къ одному изъ нихъ, отъ котораго вожатые мои никакъ не ожидали препятствія, даже и они призадумались и нѣкоторое время не знали что̀ дѣлать; но, поговоривъ между собою и измѣривъ глубь шестами, принялись за работу: свалили нѣсколько молодыхъ березъ, перекинули ихъ черезъ рѣчку, переплели хворостомъ, и часа черезъ полтора мы по этому живому мосту переправились благополучно на другую сторону, гдѣ къ счастію наткнулись на свѣжее стадо оленей.

Съ ужасомъ узналъ хозяинъ, что отъ него требуются олени; ихъ у него ходило въ упряжи всего только штукъ десять, не болѣе, а всѣхъ нужно было по-крайней-мѣрѣ головъ двадцать. Это препятствіе разрѣшено было тѣмъ, что положено къ свѣжимъ десяти прибавить десять изъ прежняго стада, давъ имъ отдохнуть за-ночь. Видно было, что это распоряженіе очень пришлось не по сердцу какъ привезшему меня русскому хозяину, такъ и самоѣду. Они начали приводить разныя причины, по которымъ невозможно было ѣхать далѣе: и олени-то у нихъ слишкомъ слабы, пристанутъ въ пути; и дороги-то они не знаютъ до деревни Мылы, ѣзжали туда только зимою, когда можно прямо ѣхать по огромнымъ озерамъ, а что теперь придется ихъ объѣзжать,—что наконецъ никто и не можетъ взяться въ вожатые, кромѣ столѣтней старухи, которая такъ хила и хвора, что можетъ въ ночь и умереть. И точно, когда, не убѣждаясь никакими доводами, я отдалъ приказаніе, чтобы къ разсвѣту все было изготовлено къ отъѣзду и расположился потомъ въ чуму отдохнуть немного, старуха, лежавшая тутъ же по сосѣдству, такъ раскашлялась и разохалась, что мнѣ и совѣстно уже стало тревожить сына и внучатъ ея и заставлять ихъ, съ больною, переноситься жильемъ на другое, можетъ быть невыгодное для нихъ мѣсто, но каково было мое удивленіе, когда утромъ объявили мнѣ, что все готово, и что старуха, которую я полагалъ по-крайней-мѣрѣ уже одною ногою въ гробу, вызвалась предводительствовать всѣмъ поѣздомъ. Покашлявъ еще на дорогу, бодро вскочила она ногами на сани, заслонивъ глаза рукою,

окинула мѣстность, ткнула шестомъ оленей и, гикнувъ на нихъ, смѣло повела насъ черезъ необозримыя болота. Все тронулось вслѣдъ за ней. Двѣ ночи ночевали въ какихъ-то перелѣскахъ, а на третій день къ вечеру стали приближаться къ Мылѣ. Время клонилось уже къ сумеркамъ, когда мы подъѣхали къ большому лѣсу, а тутъ за лѣсомъ, говорили намъ, и самая деревня. Ѣдемъ часъ, ѣдемъ и другой, а деревни все еще не видать, слышенъ однако вдали уже и лай собакъ, но что-то не ладно: то сунутся вожатые мои вправо, то влѣво, то вдругъ опять ѣдутъ назадъ: вышло, что они, заѣхавъ въ лѣсъ, не найдутъ въ немъ дороги. Наконецъ, выбившись изъ силъ, стали, не послушавшись даже совѣта одного разумника изъ нихъ, который предлагалъ прорубить въ сосновомъ бору дорогу. Пришлось посылать за помощью въ деревню. Четыре человѣка были туда отряжены, другіе остались при оленяхъ, а чтобы ждать было веселѣе, развели мы съ старухой и огонекъ. Часа черезъ три явились люди изъ деревни, и, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, оказалось, что дорога была въ нѣсколькихъ шагахъ, по-лѣвѣе бы только взять. Довели насъ и до деревни. Тамъ въ новой сосновой избѣ встрѣтили насъ съ фонаремъ хозяинъ и хозяйка, набралась полна изба любопытныхъ поглазѣть, кого-то занесло къ нимъ въ глушь въ такую пору, наконецъ погасла яркая лучина, и всѣ улеглись на покой. На другой день рѣчь была о томъ, какъ добраться до дворовъ крестьянина *Носова*, лежащихъ на рѣкѣ Цыльмѣ. Послѣ небольшого совѣщанія рѣшили, что всего лучше пѣшкомъ боромъ, гдѣ до рѣки только верстъ съ десятокъ, а поклажу перевезти на тѣхъ оленяхъ, которые менѣе всего устали. Такъ и сдѣлано было, и мы, добравшись до дворовъ и переночевавъ у радушнаго, почтеннаго хозяина, наканунѣ 1-го октября, безъ всякихъ уже препятствій, доплыли внизъ по теченью въ селеніе *Усть-Цыльму*.

Пріятно было отдохнуть въ большомъ, богатомъ селеніи, послѣ четырехнедѣльнаго плаванія, дѣлая по двадцати, много — по тридцати верстъ въ сутки. Селеніе Усть-Цыльма особенно отличается выгоднымъ и живописнымъ положеніемъ въ томъ пунктѣ, гдѣ рѣки Цыльма и Пижма впадаютъ въ роскошную Печору. Наружный уже видъ говоритъ о благосостояніи жителей, основанномъ на рыболовствѣ въ Печорѣ и озерахъ и извозничествѣ; оленеводствомъ они занимаются мало. Должно быть черезъ передового дано было знать о скоромъ нашемъ пріѣздѣ, ибо берегъ былъ усыпанъ народомъ, между которымъ на первомъ планѣ красовалось сельское начальство въ форменныхъ кафтанахъ. Умчали меня на какихъ-то саняхъ, запряженныхъ въ двѣ лошади цугомъ, и чуть не на рукахъ внесли въ отведенную квартиру, гдѣ хозяинъ, среди бѣла-дня, въ знакъ привѣта, поставилъ на столъ двѣ нажженныя свѣчи.

Не могу безъ особеннаго удовольствія вспомнить о знакомствѣ и [illegible], которые водилъ въ печорскомъ краѣ съ А. Х. Л**, бывшимъ въ то время окружнымъ начальникомъ, и съ княземъ П**, своенравною судьбою занесеннымъ на службу изъ живописной Грузіи въ

дремучій лѣсъ сѣвера. Надо слышать, съ какимъ уваженіемъ и любовью отзывается и старъ и младъ объ этихъ начальникахъ своихъ, а это не бездѣлица въ краѣ, гдѣ поселиться — истинное самоотверженіе. Съ г. Л* мы вмѣстѣ отплыли изъ Усть-Цыльмы 5-го октября. Путь намъ предстоялъ вверхъ по Печорѣ до впаденія въ нее рѣки *Ижмы*, которою также противъ теченья слѣдовало ѣхать до селенія *Ижмы*.

Кто внимательно слѣдилъ за моимъ разсказомъ, тотъ пойметъ, что недаромъ воротился я въ августѣ изъ Канинской тундры въ Мезень и не напрасно не остался въ Цылемскомъ монастырѣ ждать теплой погоды, когда узнаетъ, что мы какъ ни спѣшили окончить всѣ дѣла въ Усть-Цыльмѣ и снарядить лодку, но едва успѣли переплыть по Печорѣ до того мѣста, откуда есть хотя нѣкоторая возможность добраться до Ижмы. Мы еще не были на половинѣ пути, какъ уже засталъ насъ сильный морозъ, и въ ночь Печора покрылась такими льдинами, что лодочники, какъ смѣлы ни были, находили опаснымъ плыть далѣе. Большинствомъ голосовъ положено было однакожь испытать послѣднее средство: перерѣзали рѣку поперегъ, ловко пролавировали между льдинъ и благополучно высадились на другой берегъ, откуда уже, съ котомками за плечами, часа черезъ два ходьбы, отправились къ деревушкѣ *Нерицѣ*, принадлежащей къ Ижемской волости.

Рѣчки застыли; мелкія озера подернулись зеркальною корою; безъ остановки ѣхали по легкому снѣжку; гуськомъ тянули сани двѣ добрыя лошадки; на передней бокомъ сидѣла миловидная зырянка, а вожатый на первыхъ саняхъ звонко пѣсни распѣвалъ. Такъ тащились боромъ верстъ двадцать; мѣстами лѣсъ молніей пожгло: «отъ милости Божіей сгорѣлъ», говорили крестьяне. Вотъ и деревня *Усть-Ижемская*, а тамъ и селеніе *Красноборское*, ужь тутъ до Ижмы 10 верстъ; перевезли на другую сторону и гдѣ на лошадяхъ, гдѣ водой доставили въ Ижму.

Въ половинѣ XVI-го столѣтія на зовъ новгородскаго слободчика Ластки пришли люди изъ Великаго-Новгорода и изъ Яренскаго уѣзда, Вологодской губерніи — *зыряне*, селиться по рѣкѣ Ижмѣ и притокамъ и другимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Печору. Образовалась цѣлая волость; по главному селенію Ижмѣ прозвали ее Ижемскою, а самихъ жителей сосѣди стали именовать *ижемцами*. Вотъ кто наши новые знакомцы, а хотите знать о нихъ болѣе, хотите знать, какъ они распространили владѣнія свои, какъ вступили въ сношеніе съ бродячими сосѣдами — самоѣдами, сами отчасти стали вести жизнь кочевую, то взгляните въ изданное мною въ началѣ прошлаго года описаніе быта Самоѣдовъ: тамъ увидите, какъ смѣтливостью и, надо сказать, необузданнымъ своевольствомъ, они въ продолженіи короткаго времени умѣли поработить себѣ племя, правда слабое и безпечное, и завладѣть обширною и богатою страною. Конечно промыш-

ленный ижемецъ для края полезнѣе недальновиднаго самоѣда, ибо онъ и изъ промысловъ умѣетъ извлекать бо́льшую выгоду и открыть товару удобный и прибыльный сбытъ, между тѣмъ какъ самоѣдъ живетъ безпечно и дѣйствуетъ безсознательно, не помышляя объ улучшеніи своего состоянія; но это различіе въ нравахъ обоихъ племенъ не можетъ еще служить причиною дозволить зырянамъ незаконно пользоваться преимуществами своими предъ самоѣдами: добро бы еще они дѣйствовали однимъ нравственнымъ надъ нимъ вліяніемъ: это было бы естественно, а потому и неизбѣжно; но къ этому присоединяется явный грабежъ и насиліе, бо́льшею частію остающіеся безнаказанными; а почему? рѣшите сами; а я разскажу вамъ между тѣмъ, какъ привольно въ красивыхъ селахъ живутъ зыряне; какъ честятъ пріѣзжаго крестьяне зажиточные: столъ для него уставленъ лучшими туземными яствами и даже напитками иноземными, а тамъ, если нужно, поведетъ его хозяинъ житье-бытье свое посмотрѣть, покажетъ ему въ амбарѣ связку, другую, лисицъ чернобурыхъ или чудный мѣхъ медвѣжій предъ нимъ разстелетъ. Глаза разбѣгутся. Но не этого одного добра у нихъ довольно. Не бойтесь, если послѣ долгаго странствованія по мѣстамъ необитаемымъ, у васъ, подъѣзжая къ Ижмѣ, выйдетъ весь дорожный запасъ: тамъ вы многое нужное найдете; о томъ уже для своего обихода не забудутъ подумать зыряне на ярмаркахъ, а ихъ заботливость пригодится и путнику, занесенному въ тотъ край.

Зыряне весьма неблагосклонны ко всякому заѣзжему, котораго цѣль ознакомиться съ бытомъ жителей или подробнѣе узнать объ отношеніяхъ ихъ къ бродячимъ сосѣдямъ. Это очень и натурально, ибо они, какъ неограниченные владѣльцы тундры, такъ должны быть довольны своимъ теперешнимъ положеніемъ, что всякое измѣненіе можетъ только клониться къ ихъ невыгодѣ. Это обстоятельство дало поводъ къ забавной сценѣ: дня два послѣ моего пріѣзда, явилась ко мнѣ депутація человѣкъ 15-ть самоѣдовъ, и не успѣли они переступить черезъ порогъ, какъ повалились уже всѣ въ ноги съ возгласами, «чтобы не отбирать ихъ отъ ижемцевъ, что они безъ ижемцевъ жить не могутъ и безъ нихъ съ голоду умрутъ». Заранѣе уже предупрежденный противъ изобрѣтательныхъ умственныхъ способностей самоѣдовъ, я разумѣется ни минуты не вѣрилъ, чтобы эта мысль могла родиться въ ихъ головѣ, а потому вмѣсто всякаго отвѣта сталъ разспрашивать каждаго изъ нихъ о родѣ и племени, о житьѣ-бытьѣ его, — и что́ же вышло? Одинъ разсказывалъ о томъ, какъ отецъ его или братъ кочевалъ лѣтъ двадцать тому назадъ съ тысячнымъ стадомъ у Паембоя или Коротаихи, жилъ весело и привольно, но что когда пришли крестьяне да стали съ ними хлѣбъ-соль водить, а пуще всего водкой поить, то и перешли всѣ олени къ зырянамъ, а инородецъ съ семействомъ по-міру пошелъ. Съ нѣкоторыми измѣненіями повторили это почти всѣ другіе: кто показывалъ палку, на которой зарублено было число лишне-отнятыхъ зырянами оленей; кто жаловался, что еще

на-дняхъ отобрали у него ружье, капканъ или лишили даже оленьяго чума, послѣдняго его достоянія, единственнаго средства укрыться отъ наступившей стужи. Такъ хитрость зырянъ, подославшихъ ко мнѣ этихъ нищихъ и тѣломъ и духомъ, обратилась имъ же не въ пользу и еще живѣй объяснила жестокое ихъ обращеніе съ этимъ несчастнымъ племенемъ.

Три недѣли, которыя я провелъ въ Ижмѣ, протекли не замѣтно въ занятіяхъ и наблюденіи, а въ это время успѣла уже пройти осень и санной путь установился къ концу октября; многіе хозяева, по первопутью, начали поджидать обозы съ оленьимъ товаромъ, а по селу стали уже появляться сани съ оленями: пріѣхали на-легкѣ родственники, въ стадѣ живущіе, повѣстить, гдѣ стадо бродитъ, да что въ тундрѣ дѣлается. Началъ и я помышлять объ отъѣздѣ; пополнилъ свой зимній гардеробъ мѣховою обувью, а искусный крестьянинъ устроилъ для меня особаго вида повозку, поставленную на полозья самоѣдскихъ саней и всю ушитую оленьими шкурами. Тепло и спокойно умѣстившись въ этой повозкѣ, 2 ноября въ полдень, распростившись съ жителями Ижмы, толпою собравшимися передъ хатой, тронулся я по сибирской дорогѣ въ тундру. Первый отдыхъ назначенъ былъ въ *Колвинскомъ погостѣ*, въ 300 верстахъ отъ Ижмы. Тамъ построена для самоѣдовъ церковь, и повѣщено было имъ собраться къ моему пріѣзду. Дорога шла все боромъ; снѣгъ не былъ еще утоптанъ стадами оленей и обозами, которые черезъ каждые полчаса встрѣчались намъ, верхомъ наложенные оленьимъ товаромъ; съ боку у обоза шелъ работникъ-самоѣдъ и хареемъ давалъ изрѣдка чувствовать оленямъ о своемъ присутствіи: такъ эти обозы напоминаютъ чумаковъ малороссійскихъ, везущихъ на волахъ пшеницу изъ южныхъ степей въ азовскіе и черноморскіе порты. Всего страннѣе то, что когда, удивленные множествомъ прекрасныхъ оленьихъ шкуръ, которыя везутъ въ Ижму для выдѣлки на замшу, или грудами бочекъ съ рыбою разнаго сорта, или мясомъ убитыхъ оленей, вы спросите хозяина-зырянина, что̀ онъ везетъ, то онъ, и шапки не ломая, пренаивно отвѣтитъ вамъ: «морошку веземъ для ребятишекъ». Такъ какъ по этому тракту, или, какъ зыряне его называютъ, по этой *ворѣ*, много проходитъ обозовъ и стадъ весною и осенью, то отъ волости, для пріюта путниковъ, выстроены двѣ избы, въ которыхъ поселены и два семейства крестьянъ, избранныхъ міромъ. Одна изъ этихъ избъ находится въ 30 верстахъ отъ Ижмы у рѣчки Пычи, а другая въ 70, и хотя въ нихъ отъ дыму нельзя сидѣть иначе, какъ на полу, но все заглянешь въ нихъ: согрѣешься и отдохнешь.

В. Иславинъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ АНГЛІЙСКАГО ТУРИСТА ПО ВОСТОКУ.

Статья вторая.

Троада. — Невѣрная Смирна. — Греческіе моряки. — Кипръ.

IV.

Метлей выздоровѣлъ почти внезапно, и мы рѣшились посѣтить Трозду.

Товарищъ мой былъ ученъ и влюбленъ въ Грецію; но оригинальный умъ налагалъ на его классическую ученость печать чего-то страннаго, варварскаго, придавалъ ей какой-то готическій оттѣнокъ, колоритъ, который былъ бы кстати въ старинной балладѣ, но вовсе не ладилъ съ греческою поэзіею. Знаніе древней Эллады было ужасно ему не къ лицу; можно ли сдружиться съ зрѣлищемъ фавновъ, сатировъ и богов Олимпа на дубовомъ потолкѣ и стеклахъ стараго норманскаго замка! Но онъ былъ одаренъ практической смѣтливостью, отличительною чертою іоркскаго землевладѣльца; и это давало ему возможность прилагать свои знанія къ дѣлу съ бо̀льшимъ тактомъ, нежели удается это другимъ ученымъ.

Я тоже любилъ Гомера, но моя любовь зародилась не въ школѣ. Лучшая изъ женщинъ, нѣжнѣйшая изъ матерей, съ самой колыбели пріучила своего перворожденнаго сына считать сѣдло своимъ жилищемъ и любить старика Гомера и все, что̀ пѣлъ онъ. Грекъ былъ, правда, переданъ англичаниномъ Попе, но въ немъ все-таки было довольно огня, чтобы воспламенить душу ребенка, съ жаромъ слѣдившаго за битвами подъ стѣнами Иліона.

Я пожиралъ Одиссею, видя въ ней собраніе сказокъ; я трепеталъ и надѣялся за ея героя и немножко презиралъ его. Но Иліада врѣзывалась мнѣ въ память стихъ за стихомъ и пробуждала во мнѣ любовь и уваженіе. Я читалъ и перечитывалъ Иліаду, будто готовясь къ ожидавшимъ меня въ жизни битвамъ. Даже наружностью книга моя отличалась отъ другихъ: она имѣла таинственную форму фоліянта. Впереди было предисловіе, напечатанное буквами еще крупнѣе текста. Я прочелъ и предисловіе, но не прежде, какъ когда Иліада возбудила мой энтузіазмъ. Авторъ, набравши разныхъ сентенцій изъ разныхъ писателей, особенно древнихъ, доказывалъ, не помню какимъ дикимъ сцѣпленіемъ доводовъ, что Иліада есть *все для* человѣческаго рода, что она и поэзія, и исторія, что всѣ прочія творенія вздоръ и пустяки, что они исчезнутъ какъ сонъ ребенка, а царство Гомера останется вѣчно и едино.

Я соглашался со всѣмъ этимъ отъ всего сердца; я читалъ и перечитывалъ и дочитался до пониманія Гомера. Ученый коментаторъ

имѣетъ кое-какое понятіе о грекахъ, также какъ фабрикантъ красокъ о живописи. Но дайте ребенку, еще нетронутому ученіемъ, какой-нибудь переводъ Гомера; пусть почитаетъ онъ его годъ, и онъ на двадцать вѣковъ станетъ ближе къ духу древней Греціи. Онъ не остановится на девятомъ годѣ осады, чтобы полюбоваться какою-нибудь группою словъ; у него нѣтъ въ палаткѣ книгъ, но онъ участвуетъ въ совѣтѣ боговъ и знаетъ ихъ тайные помыслы. Съ какою гордостью торжествуетъ онъ надъ богами, когда они научаются бояться силы смертныхъ, какъ велика радость его, когда богъ войны съ крикомъ спасается отъ копья Діомеда на небо! А прекрасный эпизодъ шестой книги! Чтобы оцѣнить его и почувствовать, нечего спрашивать у учителя, какъ дойти до восторга, который онъ долженъ пробуждать. Ребенокъ, въ нетерпѣніи, не ищетъ красотъ слога, но слѣдитъ за осадой; женщины досаждаютъ ему своими задержками и многорѣчіемъ; онъ не сочувствуетъ и сыну Гектора, который, по молодости своей, пугается пера, колеблющагося на каскѣ. Но покамѣстъ онъ сердится на медленность дѣйствія, лучи поэзіи Гомера обливаютъ предметы и лица Иліады такимъ блескомъ, что они дѣлаются ребенку также знакомы, какъ шаль его матери. Онъ и не замѣчаетъ драгоцѣннаго пріобрѣтенія; онъ продолжаетъ чтеніе, жаждая лучшей троянской крови и не слабѣя въ чувствѣ дикой вражды, пока оно не измѣнится вдругъ въ печаль: онъ знакомится съ новымъ и великодушнымъ чувствомъ, когда благороднѣйшій изъ его враговъ печально погибнетъ у скейскихъ воротъ.

Это его героическое время; скоро смѣняетъ его мрачная эпоха ученія. Я думаю, что все идетъ къ лучшему, — но переселиться вдругъ изъ комнаты матери въ шумную школу, какое печальное умственное паденіе! Вы такъ живо чувствуете удовольствіе преждевременнаго знанія; вы сводите странную, таинственную дружбу съ именами горъ, морей и рѣкъ; узнаете пути планетъ, уносясь за ихъ орбиты, и ищете предѣла пространства; знакомитесь съ народами, господствовавшими на землѣ, и съ жизнью людей, исторгшихъ изъ забвенія цѣлыя царства: а что́ больше? Печальная перемѣна неизбѣжна: на первоначальныя ваши знанія наброшена, какъ рубище нищаго, сухая и тощая латынь съ немногими греческими заплатами. Вмѣсто легкой передачи знаній, какою наслаждались вы прежде, васъ начинаютъ учить лексиконы и ужасныя грамматики — произведенія какихъ-нибудь невѣждъ. Греческая поэзія далеко, и школьные учители угощаютъ васъ только холодными порціями изъ *Poetae graeci*, разрѣзанными ножомъ коментаторовъ.

Не школьныя воспоминанія, а чувство, вынесенное изъ дѣтскаго одушевленнаго чтенія, влекло меня на равнины Трои.

Мы съ Метлеемъ оставили нашихъ лошадей и прислугу и пошли вдоль ручья, обросшаго ивами и спокойно текущаго по ровной низменности. Не слышно было ни одного звука, спутника сельскихъ работъ, не видно никакого признака жизни: все мертво и спокойно,

какъ-будто страна три тысячелѣтія лежитъ подъ давящею атмосферою покоя.

Бѣдный, терпѣливый, безмолвный ручей змѣился тихо и печально; иногда воды его раздѣляются на разныя кольца и потомъ снова сливаются въ одну полосу. Я видѣлъ, что съ каждымъ годомъ онъ прокладываетъ себѣ новое русло, и течетъ теперь не тамъ, гдѣ протекалъ прежде; но я зналъ, что питающіе его истоки на вершинѣ Иды, — истоки Симоиса и Скамандра.

Холодно, невнимательно, съ неудовольствіемъ, почти съ досадою смотрѣлъ я на тихо исчезающія вдали воды; я, признаюсь, не чувствовалъ никакого уваженія къ знаменитой рѣкѣ (Метлей собралъ сѣмянъ тростника, росшаго въ руслѣ); но теперь, когда я такъ далеко отъ береговъ его, божественный Скамандръ вступилъ въ свои права и рисуется въ моемъ воображеніи, облеченный таинственностью невидимаго божества; туманъ, подобный туману, покрывающему отдаленную древность, стелется въ моей памяти надъ полосою водъ, которую я нѣкогда созерцалъ.

Теперь Скамандръ не протекаетъ долину передъ Троей; онъ проложилъ себѣ дорогу на сѣверъ, съ тѣхъ поръ, какъ рѣка, называемая богами Ксанѳомъ, видѣла на берегахъ своихъ «Марса, Феба и Латону, и Діану, гордую своими стрѣлами, и улыбающуюся Венеру».

Я былъ въ отчаяньи отъ перемѣны русла Скамандра и совершеннаго исчезновенія бѣднаго Симоиса, но, къ счастью, Метлей напомнилъ мнѣ, что самъ Гомеръ предварилъ насъ о подобныхъ перемѣнахъ. Греки, начавши строить стѣну, не почтили гекатомбомъ боговъ, и Аполлонъ, послѣ паденія Трои, далъ другое направленіе водамъ, текущимъ съ Иды, такъ-что онѣ начали собираться подъ стѣну и смыли нечестивую постройку Грековъ. Перечитывая текстъ, я нашелъ, правда, что Нептунъ обратилъ воды опять въ прежнее русло; но на такой зыбкой и рыхлой почвѣ наводненіе легко могло уничтожить старыя русла, а Нептунъ, возстановляя все въ прежнемъ видѣ, исполнилъ можетъ быть дѣло свое очень плохо. Разрушать, говорятъ, легче, нежели возстановлять.

Сѣвши опять на лошадей, мы отправились къ югу, къ той равнинѣ, которая разстилалась между Троей и лагеремъ Грековъ, только взяли нѣсколько подальше отъ моря. Можетъ статься, покатость мѣстности производила на меня недовольно точное впечатлѣніе, можетъ быть всѣ мои мысли были обращены къ Идѣ, или можетъ быть не думалъ я ни о чемъ и блуждалъ мечтою далеко отъ Иліона, въ родимой Англіи,—этого рѣшить нѣтъ никакой возможности, да нѣтъ и надобности; дѣло въ томъ, что дѣйствительность овладѣла моимъ мозгомъ вдругъ, какъ набѣжавшая волна: онъ убѣдился, что передъ нимъ тоже самое море, которое манило къ себѣ взоры грековъ въ продолженіи всей осады. Этотъ берегъ, эти острова, эти скалы должны были глубоко врѣзаться въ память грековъ, за девять лѣтъ тягостной войны. Какъ сильно, какъ энергически высказывало, должно быть, войско,

составленное изъ людей съ пылкимъ воображеніемъ, свою скуку! Какими проклятіями осыпаны всѣ эти мѣстности, которыя я вижу передо мною!

Мнѣ готовился пріятный сюрпризъ. Въ Константинополѣ мы разсматривали съ Метлеемъ карты, и рѣшили, что гдѣ бы ни было настоящее мѣсто Трои, лагерь грековъ былъ непремѣнно противъ пространства между Имбросомъ и Тенедосомъ, но Метлей припомнилъ мнѣ одно мѣсто въ Иліадѣ, гдѣ Нептунъ смотритъ на битву подъ стѣнами Иліона съ острова Самотраки. По картѣ Самотрака отстоитъ казалось такъ далеко, что глазъ не разсмотритъ оттуда Троады, и кромѣ того островъ Имбросъ, гораздо бо́льшій, лежитъ прямо на линіи отъ Самотраки къ Троѣ, слѣдовательно заслоняетъ собою видъ. Я разсудилъ благочестиво, что богъ морей могъ видѣть все происходящее на землѣ даже изъ пучинъ океана; но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ, что Гомеръ, всегда точный въ мысли и вѣрный дѣйствительности, не назначилъ бы ему для наблюденія надъ битвой такого мѣста, откуда человѣческій глазъ не можетъ видѣть равнинъ Трои. Повѣряя слова поэта на картѣ, я поколебался немного въ вѣрѣ въ обширность его знанія. Что́ же? Теперь мы прибыли на самое мѣсто великихъ событій: направо виднѣлся Тенедосъ, налѣво Имбросъ, а высоко надъ Имбросомъ, на далекомъ горизонтѣ, возвышалась Самотрака.

Гомеръ былъ, слѣдовательно, правъ, и карта не солгала, то́лько не могла, подобно поэту, высказать всей истины. Такъ ничтожны и жалки оказываются людскія соображенія, когда противорѣчатъ гомерическому тексту!

Только мозгъ, одаренный самой жалкой логикой, можетъ, видя согласіе Иліады съ дѣйствительнымъ міромъ, предположить, что поэтъ зналъ эти мѣста по наслышкѣ. Я былъ убѣжденъ, что Гомеръ плылъ по этому самому морю и видѣлъ, какъ я теперь вижу, Самотраку, далекой башней уносящуюся надъ Имбросомъ въ облака.

Черезъ нѣсколько дней, проѣхавши Адруметъ и Пергамъ, мы прибыли въ Смирну. Метлей получилъ письма, заставившія его воротиться въ Европу.

V.

Смирна, или, какъ называютъ ее мусульмане, Гизуръ Исмиръ, т. е. *невѣрная Смирна*, главный пунктъ торговли Европы съ Азіей. Васъ окружаетъ здѣсь пестрая масса людей всѣхъ націй; хлопотливый европеецъ рѣшается войти въ привычки востока и, чтобы усмирить свою суетливость, прибѣгаетъ къ трубкѣ спокойствія; жидъ предла-

гаетъ свои услуги и получаетъ побои (*); вотъ человѣкъ, котораго по костюму и бородѣ можно бы принять за кровнаго азіятца, если бы онъ не пожиралъ глазами листка *National;* вотъ настоящій османлисъ; онъ куритъ съ важностью султана, но не успѣете вы еще полюбоваться его торжественнымъ достоинствомъ, какъ онъ уже опрокинутъ англійскимъ мичманомъ, вздумавшимъ крейсировать на наемной скотинѣ. Вотъ странности невѣрнаго города въ обыкновенное время; но во время моего пріѣзда туда явился, въ видѣ дополненія къ другимъ, менѣе удивительнымъ диковинкамъ, пріятель мой Каррнгагольтъ со всѣми своими причудами.

Однажды, еще въ Константинополѣ, я сидѣлъ одинъ у себя въ комнатѣ. Вдругъ слышу хохотъ Метлея и особенный крикъ, которымъ у Карригагольта высказывается всякое душевное волненіе. Онъ разсказалъ намъ, какому чудесному сцѣпленію обстоятельствъ обязанъ пріѣздомъ на берегъ Босфора. Вы знаете, что онъ всегда былъ страстнымъ мореходомъ; вздумалось ему прокатиться на купеческомъ суднѣ; онъ отправился въ Ливерпуль, осмотрѣлъ суда, готовыя къ отплытію, и нашелъ, что одно изъ нихъ, красивая гоелетта, совершенно по его вкусу; куда она идетъ, объ этомъ онъ нисколько не заботился, и узнавши, что ему придется ѣхать на ней въ Константинополь, не сдѣлалъ ни одного возраженія. Едва только они вышли въ море, какъ несчастный пассажиръ сдѣлалъ открытіе, что капитанъ его везетъ съ собою жену, женщину, отличающуюся толстотою тѣла, странностью ума и непреодолимымъ влеченіемъ распространять свои мнѣнія. Новый пассажиръ былъ въ глазахъ ея умственною пустынею, которую надо тщательно воздѣлать. Если бы оксфордскіе профессоры могли видѣть несчастнаго Карригагольта, выслушивающиваго лекціи капитанши среди волнъ Бискайскаго залива, они сказали бы: теперь онъ достаточно наказанъ за всѣ свои университетскія продѣлки. Путешествіе длилось недѣль шесть или восемь, не больше, и оказалось не совершенно пагубно для моего пріятеля; онъ похудѣлъ, правда, довольно значительно, и, сколько мнѣ извѣстно, сдѣлалъ слишкомъ великодушныя пожертвованія въ пользу «*Женскаго общества правъ разума*», но здоровье его не было разстроено серьёзно. На гоелеттѣ составили, кажется, планъ отвести его назадъ въ Англію,—планъ, существенною цѣлью котораго было держать пассажира постоянно на

(*) Смирнскіе жиды бѣдны, товаровъ у нихъ мало, и потому они ужасно навязчивы съ своими предложеніями; это несносное поведеніе довело до того, что бить ихъ всенародно на улицѣ вошло въ обычай; у европейца всегда въ рукѣ длинная палка, чтобы отгонять евреевъ. Мнѣ всегда было какъ-то стыдно бить этихъ бѣдняковъ, но, признаюсь, что меня забавляло, когда другіе слѣдовали этому обычаю. Жиду достается не много: онъ всегда ожидаетъ удара, и потому всегда готовъ увернуться. Смѣшно смотрѣть, какъ онъ отпрыгнетъ очень ловко, несмотря на длиннополый кафтанъ свой, и потомъ опять пристаетъ назойливѣе прежняго съ предложеніемъ.

морѣ и тыкать истинами теоріи, но когда Карригагольтъ вышелъ на берегъ и замѣтилъ, что нѣтъ при немъ капитанши (она имѣла неосторожность остаться на гоелеттѣ) и некому поддерживать ея теоріи, онъ склонилъ ухо къ системѣ своего слуги, человѣка очень хитраго; тутъ же былъ составленъ планъ бѣгства, и въ заключеніе пріятель мой явился въ отель Джіузеппини.

Потомъ Карригагольтъ отправился моремъ въ Смирну. Тутъ жилъ онъ въ полномъ блескѣ своей славы: онъ былъ человѣкъ со вкусомъ, и главнѣйшею заботою его было окружать себя всѣмъ, чего требовала его прихоть; онъ проводилъ жизнь въ вѣчныхъ переговорахъ; вѣчно былъ онъ занятъ покупкою не только матеріяльныхъ произведеній страны, но и драгоцѣнныхъ товаровъ другого рода, какъ напримѣръ вѣрности, ума, и т. п. Всего забавнѣе было, когда ему приходила фантазія купить любовь или преданность. Иногда ему казалось, что онъ чувствуетъ въ себѣ призваніе къ брачной жизни, и воображеніе тотчасъ рисовало ему заманчивую картину: онъ лежитъ на диванѣ, у ногъ его прекрасная гречанка убаюкиваетъ его нѣжными звуками гитары. Въ восторгѣ, онъ спѣшилъ осуществить фантастическую сцену, немедленно покупалъ гитару и объявлялъ, что хочетъ жениться на гречанкѣ. Эта вѣсть приводила въ волненіе всѣхъ прекрасныхъ смирніотокъ, но мечта его разлеталась, какъ разъ во время, чтобы спасти его отъ ярма, которое онъ готовъ былъ надѣть. Являлась новая затѣя: онъ чувствовалъ неодолимую потребность въ родительской любви и, желая посредствомъ золота восторжествовать надъ препятствіями, какія поставляла удовлетворенію этой потребности природа, заказывалъ купить ему благовоспитанное и послушное дитя, съ поручительствомъ за его дѣтскую любовь. Въ другой разъ онъ вообразилъ, что привязанности слугъ будетъ достаточно для его чувствительнаго сердца, и приказалъ своему поставщику рабовъ доставить ему запасъ вѣчной вѣрности. Эта заботливость о пріобрѣтеніи не только вещей, необходимыхъ для обстановки сцены, но и лицъ, необходимыхъ для представленія драмъ, которыя снились ему на яву, приводило смирнскихъ купцовъ и пройдохъ въ страшную дѣятельность. Появилось требованіе на такія добродѣтели, какихъ нравственныя средства страны никакъ не могли доставить. Нашъ любитель всего добраго и прекраснаго давалъ ежедневно послѣ завтрака презабавныя аудіенціи. Передняя его была полна продавцовъ трубокъ, туфлей, шалей и другихъ восточныхъ товаровъ; тутъ были искусники, готовые осуществить мечты хозяина объ альбанскомъ костюмѣ; тутъ толпились слуги, ищущіе мѣста, и продавцы невольниковъ являлись съ предложеніемъ самаго свѣжаго товара; торчалъ тутъ и учитель греческаго языка, выжидая минуту, когда можно будетъ дать урокъ грамматики нѣжнаго іонійскаго нарѣчія, которымъ ученикъ намѣревался плѣнить красавицу своего воображенія; учитель музыки готовился научить его звучнымъ аккордамъ, которые ладили бы съ зву-

ками гитары; но первую роль безспорно играла таинственная сваха (*), гордая тѣмъ, что ей немедленно даютъ аудіенцію, на которой и сообщаетъ она собранныя ею свѣдѣнія, то раздражая, то усмиряя страсть ирландца, но постоянно поддерживая въ немъ любовь къ неизвѣстной красавицѣ, созданной его воображеніемъ.

Вы думаете, можетъ статься, что эта постоянная мечта должна была довести Карригагольта до непріятныхъ результатовъ? Нѣтъ, опасность была не такъ велика, какъ кажется съ перваго взгляда: новыя мечты являлись у него обыкновенно довольно рано, чтобы помѣшать исполненію предшествовавшаго плана, а разборчивость и превосходное воспитаніе выручали его, когда не было другихъ средствъ спасенія. Во всякой низости, во всякомъ обманѣ есть что-то грубое, чтó можно скрыть на нѣкоторое время; но рано или поздно какое-нибудь ничтожное обстоятельство открываетъ его и пробуждаетъ въ человѣкѣ со вкусомъ самое живое отвращеніе.

Такимъ образомъ нашъ практическій Платонъ пробѣжалъ Грецію и Албанію, какъ дуракъ отыскивая, съ кошелькомъ въ рукѣ, прекрасное и доброе, и все-таки возвратился домой цѣлъ и невредимъ. Теперь могила, прекращающая романическія надежды смертныхъ, погасила пламенное воображеніе несчастнаго и уничтожила его великіе проэкты: онъ женатъ во всей формѣ. Нѣтъ уже для него ни надеждъ, ни перемѣнъ, ни перемѣнныхъ лошадей; онъ тащится какъ веттурино на долгихъ, къ цѣли земного странствованія.

Смирну можно, кажется, назвать столицею племени грековъ, насчетъ котораго васъ предостерегутъ на первомъ же шагу на востокѣ, посовѣтуютъ быть съ ними какъ можно осторожнѣе. Вы скажете, что не должно смѣшивать грековъ, живущихъ подъ конституціоннымъ правленіемъ, съ несчастными райями, зависящими отъ турокъ; но, признаюсь вамъ, я не вижу, чтобы эти политическія обстоятельства произвели, по-крайней-мѣрѣ до сихъ поръ, замѣтную разницу въ характерѣ тѣхъ и другихъ. Если бы я довѣрялъ моимъ собственнымъ наблюденіямъ (чтó было бы съ моей стороны безумною самонадѣянностью), я сказалъ бы, что въ грекахъ оттоманской имперіи больше энергіи и души, нежели въ грекахъ новаго королевства. Дѣло въ томъ, что во владѣніяхъ султана поприще торговли и честолюбія передъ ними обширнѣе, нежели во владѣніяхъ короля Оттона. Множество эмигрантовъ, которые переселяются изъ конституціоннаго королевства во владѣнія Порты, доказываютъ, кажется, чтó вообще зависѣть отъ турковъ для нихъ лучше, нежели пользоваться своими политическими правами и быть единственнымъ и истиннымъ источникомъ законной власти на родинѣ.

Чтó касается до меня, я люблю этихъ людей, несмотря на всѣ ихъ пороки и даже низости; я помню, какая кровь течетъ въ ихъ жилахъ,

---

(*) Сваха стряпаетъ въ Левантѣ свадьбы какъ въ Москвѣ; она бóльшею частью жидовка.

и все-таки любимъ грековъ. Османлисы, само собою разумѣется, непримиримые враги грековъ, и по религіи, и по политикѣ, и отъ природы; у грековъ же недостаетъ кое-какихъ качествъ, облегчающихъ торговыя сдѣлки, какъ напримѣръ правдивости, честности, и т. п., вслѣдствіе чего они естественно не могутъ сближаться съ европейскими негоціантами. Отъ этихъ-то негоціантовъ получаете вы на востокѣ большую часть необходимыхъ для васъ свѣдѣній, и вамъ приходится выслушивать вѣчныя и всеобщія обвиненія противъ нравственности народа, предки котораго изобрѣли добродѣтель. И, странное дѣло, сами греки не отрицаютъ справедливости всеобщаго о нихъ мнѣнія. Спросите объ этомъ у кого-нибудь изъ нихъ, онъ не запинаясь скажетъ вамъ, что соотечественники его *traditori*, и постарается можетъ быть отклонить отъ себя лично нареканіе тѣмъ, что отецъ его былъ драгоманомъ при какомъ-нибудь иностранномъ посланникѣ, слѣдовательно онъ, сынъ его, пересталъ, на основаніи публичнаго права, быть грекомъ.

Дипломаты представители греческаго королевства тоже не отвыкли относиться о своихъ земляках дурно. Я помню, что въ одной изъ сирійскихъ гаваней греческое судно противозаконно было задержано въ карантинѣ по приказанію *комитета здравія*, составленнаго исключительно изъ европейцевъ. Греческій консулъ только-что выставилъ тогда свое знамя въ городѣ, и капитанъ судна написалъ объяснительный отзывъ и просилъ консула представить его комитету.

— Разсудите сами, отвѣчалъ ему консулъ: — сообразно ли съ здравымъ смысломъ, справедливо ли, чтобы я ссорился съ здѣшними знатными европейцами изъ-за васъ, изъ-за грека? — Капитанъ былъ страшно раздосадованъ этимъ оборотомъ дѣла, но нисколько не усомнился въ справедливости доводовъ, оправдывавшихъ поведеніе консула. Черезъ нѣсколько времени я пріѣхалъ въ этотъ самый портъ, чтобы отплыть оттуда въ Сиру. Я естественно желалъ ускользнуть отъ тюремнаго заключенія, грозившаго мнѣ по прибытіи на мѣсто подъ именемъ карантина, и узнавши, что у греческаго консула есть въ Сирѣ братъ, лицо важное, я явился къ нему и попросилъ его дать мнѣ къ этому брату рекомендательное письмо, которое смягчило бы строгость карантина; онъ исполнилъ мое желаніе съ величайшею готовностью и сказалъ, что, услуживая англичанину, онъ только исполняетъ свою обязанность; несмотря на всю мою признательность, я невольно вспомнилъ поступокъ его съ бѣднымъ капитаномъ, имѣвшимъ несчастіе быть не совершенно чужимъ для своего консула.

Праздники греки проводятъ въ Смирнѣ какъ порядочныя служанки въ Лондонѣ, т. е. пресерьёзно и претерпѣливо смотрятъ, что̀ дѣлается на улицѣ. Мужчины сидятъ у дверей дома, женщины у оконъ; обычай утвердилъ за ними это мѣсто, и мужчина, вздумавшій просидѣть праздникъ у окна, прослылъ бы за бабу. Я былъ однажды свидѣтелемъ переговоровъ при наймѣ квартиры: Карригагольтъ нанималъ комнаты у одной женщины и замѣтилъ ей, что изъ оконъ ничего не

видно на улицу. При этихъ словахъ чело хозяйки нахмурилось; она обратилась къ ирландцу со всѣмъ презрѣніемъ спартанки и холодно его спросила: «развѣ ты красная дѣвушка, что хочешь сидѣть и глазѣть въ окно?» Но человѣкъ, къ которому она обратилась съ этою рѣчью, пріѣхалъ въ Грецію вовсе не за тѣмъ, чтобы сообразоваться съ законами Ликурга, и спартанскій упрекъ не въ состояніи былъ измѣнить его намѣренія; онъ отыскалъ-таки окна по своему желанію, и цѣлые мѣсяцы наблюдалъ въ нихъ, какъ юная гречанка, всѣ возможные праздники и будни. Когда вы проходите въ праздникъ по узкимъ улицамъ города, окна, висящія надъ вашею головою на подобіе балконовъ, наполнены съ обѣихъ сторонъ прекрасными праправнучками древне-іонійскаго племени.

Всѣ, даже тѣ, которыя величественно сидятъ у оконъ самыхъ жалкихъ лачугъ, всѣ одѣты великолѣпно, по-крайнѣй-мѣрѣ на первый взглядъ. Классическія головы ихъ увѣнчаны драгоцѣнными вещицами или золотыми монетами, въ которыхъ нерѣдко заключается все имущество красавицы; черты ихъ лицъ какъ-будто набросаны смѣлою кистью; глаза и брови выступаютъ рельефно впередъ и придаютъ сверхъ-естественный блескъ гордому взору, проникающему до самого мозга. Выдерживайте, какъ умѣете, молніи этихъ глазъ; придержите вашего коня: вотъ на балконѣ ослѣпительная красавица; взгляните на эту массу волосъ, на эти черныя какъ смоль косы, облитыя лучами солнца, на эти широкія, спокойно-грозныя брови, на эти черные глубокіе глаза, полные самоувѣренности какъ глаза завоевателя, и отѣненные цѣлою тучей мыслей; замѣтьте эти тонкія и гордыя ноздри, замѣтьте это очертаніе подбородка и шеи: въ немъ столько энергіи, столько гордости, столько страсти, что трудно согласить ихъ съ дивноженственною красотою нѣжно выпуклыхъ губъ. Но эта живая картина дышетъ какимъ-то страшнымъ спокойствіемъ, похожимъ на спокойствіе дикаря, который день и ночь сидитъ неподвижно какъ статуя, обдумывая планъ кровавой мести; въ этомъ спокойствіи видна воля, которая, высказавшись, требуетъ безпрекословнаго повиновенія. Преклонитесь же, преклонитесь предъ юною Персефоною, царицею тѣней!

VI.

Я выѣхалъ изъ Смирны на греческой бригантинѣ *Амфитритѣ*; въ оффиціальномъ объявленіи значилось, что она ѣдетъ въ Сирію, но я зналъ, что на это нельзя полагаться, потому-что греческіе моряки освободили себя отъ всякихъ формальностей и ходятъ куда имъ вздумается. Впрочемъ вся каюта была предоставлена въ мое распоряженіе, и только во время обѣда капитанъ имѣлъ право туда являться; я запасся большимъ количествомъ книгъ; капитанъ и экипажъ были кровные греки, и это интересовало меня до такой степени, что я очень мало безпокоился насчетъ времени, которое будетъ употреблено на

переѣздъ. Я зналъ очень хорошо способъ греческаго мореплаванія и былъ увѣренъ, что наше судно будетъ держаться за берегъ какъ дитя за платье своей матери, и что мы причалимъ не къ одному острову, прежде нежели коснемся береговъ Сиріи. Я не отдавалъ особеннаго предпочтенія ни Европѣ, ни Азіи, ни Африкѣ, и утверждаю, что вѣтеръ не могъ меня занести въ страну, которая не имѣла бы для меня ничего занимательнаго. Эта система терпѣнія пригодилась мнѣ какъ нельзя больше, потому-что путешествіе наше продолжалось не менѣе 40 дней,.и притомъ среди зимы.

По мнѣ, самая интересная часть греческой націи (я говорю о мужчинахъ) моряки; общественное положеніе и занятіе ихъ представляютъ чрезвычайно много сходства съ ихъ знаменитыми предками. Вы скажете, что рельефность духа должна была стереться среди коммерческихъ сношеній; да, можетъ быть, если бы они вели дѣла свои съ такою же правильностью, какъ ведутъ ихъ въ Европѣ; но командиръ греческаго судна воображаетъ себѣ, что онъ окруженъ тысячью опасностей, и вдается, за недостаткомъ рынковъ, которые опредѣляли бы положительно сбытъ и цѣну товаровъ, въ самыя невѣрныя спекуляціи; во время плаванія, онъ держитъ путь по желанію и прихоти экипажа, и операціи его принадлежатъ скорѣе къ области чудесныхъ приключеній, нежели впередъ расчитанныхъ торговыхъ оборотовъ; они вовсе не способны ослабить свѣжесть его характера.

Суда, ведшія войну и занимавшіяся грабежемъ во время греческаго возстанія, сдѣлались, по окончаніи войны, купеческими; но тактика грековъ, сражавшихся за отечество, отличалась такимъ чрезмѣрнымъ благоразуміемъ, и привычки тѣхъ же грековъ, пустившихся въ торговлю, были такъ эксцентричны, что переходъ этотъ оказался гораздо незначительнѣе, нежели можно было предполагать. Первая забота греческаго райи, когда онъ собирается выйти въ море,—доставить своему судну покровительство которой-нибудь изъ европейскихъ державъ. Это устроивается очень легко посредствомъ интрижки съ драгоманомъ котораго-нибудь изъ посольствъ въ Константинополѣ, и судно гордо выходитъ подъ англійскимъ или французскимъ флагомъ. Къ полному удовольствію экипажа, оно является въ море съ яркою ложью на концѣ мачты.

Привиллегіи, которыя даетъ этотъ заемный флагъ, гораздо обширнѣе привиллегій, какими пользуются въ странахъ болѣе образованныхъ, такъ-что было бы очень неосновательно утверждать, что господство турковъ препятствуетъ развитію истиннаго характера греческихъ моряковъ; и кромѣ того они освобождены отъ вліянія большихъ капиталистовъ, господство которыхъ душитъ предпріятія мелкихъ промышленниковъ хуже самого деспотизма. Необходимый капиталъ составляется изъ вкладовъ лицъ, труды которыхъ должны сдѣлать его прибыльнымъ; экипажъ не получаетъ никакого жалованья, но каждый имѣетъ свою долю въ барышѣ операціи; они избираютъ капитана и даютъ

ему на столько власти, чтобы онъ могъ править судномъ въ хорошую погоду; во время бури, власть его оказывается недостаточною; они избираютъ также контръ-капитана и повара; нашъ поваръ обращалъ особенное вниманіе на ходъ корабля, и когда мы, голодные, ждали бывало обѣда, артистъ, съ старымъ компасомъ въ рукѣ, преспокойно стоялъ на палубѣ, говоря, что занимается астрономическими наблюденіями; зато капитанъ оказывалъ благотворную внимательность супу, и въ результатѣ мы ничего не теряли.

Нашъ контръ-капитанъ былъ идріотъ; онъ родился на скалѣ, куда не заѣзжаетъ никто, кромѣ моряковъ и жонъ ихъ. Характеръ его вполнѣ оправдывалъ общее мнѣніе о характерѣ его земляковъ: онъ былъ мраченъ, суровъ, гордъ и любилъ уединеніе. Одною изъ главнѣйшихъ обязанностей его было играть роль защитника невинности. Онъ возставалъ противъ малѣйшихъ признаковъ притѣсненія и требовалъ справедливости даже къ юнгѣ. Кромѣ того, когда дѣла шли ладно, онъ начиналъ предсказывать несчастія и разсѣявалъ увѣренность товарищей, меньше его расположенныхъ видѣть все съ черной стороны.

Мнѣ кажется, что эти моряки, дѣйствующіе по своему произволу, во многомъ сходны съ ихъ предками мореходами. Даже въ самый способъ ихъ мореплаванія не вкралось столько измѣненій, сколько можно бы предполагать; конечно, новѣйшія открытія отвели взоры ихъ отъ звѣздъ и приковали ихъ къ компасу; но въ нихъ все-таки нѣтъ столько довѣрія къ компасу, чтобы пуститься въ открытое море, и они придерживаются берега съ такою же нѣжностью, какъ аргонавты; ихъ любовь къ твердой землѣ очень не ладится съ званіемъ моряка, и во время бури имъ, я думаю, пріятнѣе видѣть передъ собою берегъ, усѣянный скалами, нежели не видѣть вовсе никакого берега. Англійскій морякъ подумаетъ, что такой способъ мореплаванія скоро долженъ довести корабль до жалкой катастрофы; но грекамъ удается съ непостижимымъ счастьемъ ускользать отъ опасности, когда вѣтеръ и теченіе грозятъ разбить корабль о скалистый берегъ.

Подобно своимъ предкамъ, они ввѣряются вѣтру, только когда онъ дуетъ сзади; если онъ хоть немного крѣпчаетъ, они ни за что не рѣшатся итти противъ, и если противный вѣтеръ становится силенъ, они предоставляютъ кораблю итти, куда ему угодно. Отъ этого они крестятъ по Эгейскому морю, отличающемуся непостоянствомъ вѣтровъ, то вправо, то влѣво. Я думалъ прежде, что Улиссъ, употребивши десять лѣтъ на переѣздъ въ Итаку, плылъ слишкомъ медленно, но увидѣвши ближе, какъ плаваютъ греки, нахожу, что это время было вовсе не такъ длинно.

Таковы теперь моряки архипелага, независимые, равные между собою, летающіе по морямъ съ героизмомъ и дѣтствомъ своихъ предковъ. Это самыя живыя дошедшія до насъ копіи съ древнихъ грековъ.

За исключеніемъ одного, весь экипажъ нашъ состоялъ изъ людей очень серьёзныхъ. Впрочемъ, когда все обстояло благополучно, суровость ихъ прояснялась и они выказывали готовность пошутить, или, вѣрнѣе, предаться спокойной веселости; въ такомъ случаѣ они неизмѣнно обращались къ одному изъ своихъ товарищей, котораго прозвали адмираломъ Николу; это былъ человѣкъ очень забавный, первый бѣднякъ и первый весельчакъ на кораблѣ; сто разъ разсказанная исторія, доставившая ему прозваніе адмирала, приводила слушателей въ такой же восторгъ и во сто первый разъ; когда его попросили разсказать эту исторію для меня, товарищи столпились вокругъ него и слушали съ такимъ любопытствомъ, какъ будто разсказъ его для нихъ совершенная новость. Нѣсколько греческихъ бриговъ и бригантинъ стояло на якорѣ въ Бейрутской гавани; на берегу былъ праздникъ, чрезвычайно завлекательный для моряковъ, и экипажи всѣхъ судовъ (съ позволенія ли начальниковъ, или нѣтъ, не знаю) сошли на землю. Только судно, на которомъ находился Николу, составляло въ этомъ случаѣ исключеніе; на немъ находилось значительное количество піастровъ; капитанъ былъ умнѣе или успѣлъ заставить повиноваться себѣ лучше другихъ, и хотѣлъ, чтобы непремѣнно кто-нибудь остался на кораблѣ. Николу былъ столько добръ и услужливъ, что предложилъ остаться сторожемъ, пока другіе пойдутъ веселиться въ сирійскомъ городѣ; предложеніе его было принято съ благодарностью, и Николу остался на палубѣ одинъ-одинехонекъ. Во время праздника поднялся вдругъ сильный вѣтеръ, вещь очень обыкновенная въ южныхъ странахъ; ураганъ зашумѣлъ изъ горныхъ ущелій, канаты, державшіе на причалѣ корабль Николу и четыре другихъ, оставшихся вовсе безъ экипажа, оборвались, и флотилія ринулась въ море. Городъ построенъ на оконечности, вдающейся въ заливъ, такъ-что *адмиралъ* Николу вышелъ въ море съ своимъ флотомъ въ виду всѣхъ жителей и моряковъ. Николу не могъ управлять движеніями экипажа, но зато ни съ кѣмъ не раздѣлялъ своей власти и сдѣлался такимъ образомъ полновластнымъ адмираломъ. Николу перерубилъ якорный канатъ и спасъ тѣмъ свой корабль; прочія суда, бывшія подъ его командой, погибли, а онъ вышелъ въ море цѣлъ и невредимъ. Буря скоро утихла, и Николу понялъ, что если онъ хочетъ, хотя и въ ущербъ своему адмиральскому сану, выйти снова на берегъ, такъ долженъ не жалѣть своихъ силъ; призвавши на помощь своего патрона, онъ распустилъ нѣсколько парусовъ и взялся за руль; мужество его удвоилось въ критическую минуту; экипажъ моего корабля — говорилъ онъ—состоялъ изъ призраковъ моего страха. Два дня носился онъ въ открытомъ морѣ; наконецъ инстинктъ, неизмѣнно ведущій греческихъ моряковъ къ землѣ, привелъ и его къ какому-то неизвѣстному берегу, и онъ готовъ былъ уже набѣжать на мель, какъ вдругъ увидѣлъ толпу людей съ звѣрскими лицами, бѣгущую прямо къ тому мѣсту, гдѣ онъ хотѣлъ причалить. Бѣдный Николу не получилъ рѣшительно никакого образованія, — обстоятельство, сдѣлавшее его стра-

стнымъ охотникомъ до страшныхъ разсказовъ; ужасныя легенды о людоѣдахъ зароились въ его воображеніи; онъ не сомнѣвался ни минуты, что люди, спѣшившіе ему на встрѣчу, чудовища, заставлявшія его трепетать еще въ дѣтствѣ. Берегъ, къ которому хотѣлъ пристать адмиралъ, лежалъ, кажется, близь Анзерійскихъ горъ, и туземцевъ, готовившихся принять его, нельзя было назвать образцами привлекательности; они вѣроятно не полѣнились бы убить Николу, чтобы упростить права свои на корабль; но назвать ихъ людоѣдами была бы совершенная клевета; страхъ укоренилъ однако же эту мысль въ умѣ адмирала такъ сильно, что онъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ своего мнѣнія. Увѣренный въ ихъ злобномъ намѣреніи, онъ расчелъ, что не худо лишить ихъ обѣда, на которомъ онъ игралъ бы роль жаркого; онъ поворотилъ назадъ и снова ввѣрился волнамъ. Покрестивши еще по морю, корабль его набѣжалъ на скалы другого берега, и Николу счелъ себя счастливымъ, когда вышелъ на берегъ безъ единаго піастра. Въ моемъ разсказѣ все это не очень занимательно, но самъ герой исторіи описывалъ свой страхъ въ такихъ оригинальныхъ выраженіяхъ, съ такими странными и забавными жестами, что разсказъ его не могъ наскучить, и товарищи, прослушавшии его сто разъ, слушали съ новымъ удовольствіемъ описаніе страха Николу при видѣ людоѣдовъ и отчаяніе его при видѣ піастровъ, идущихъ ко дну.

Бо́льшая часть моряковъ одарены, кажется, способностью выслушивать длинныя исторіи (способностъ, которую я предполагаю, какъ видите, и въ васъ); но греки въ этомъ отношеніи заслуживаютъ пальму первенства: они будутъ васъ слушать три часа сряду съ совершеннѣйшимъ безстрастіемъ. Ихъ безконечные разсказы взяты, бо́льшею частью, изъ восточныхъ преданій, и въ одномъ изъ нихъ я узналъ сказку, съ которой уже давно познакомился въ «*тысяча и одной ночи*». Я спросилъ, откуда дошелъ къ нимъ этотъ разсказъ, и мнѣ отвѣчали единодушно, что онъ переходитъ у грековъ изъ рода въ родъ изустно, и никогда не былъ написанъ. Мнѣніе нашего экипажа не можетъ конечно спорить съ какимъ-нибудь признаннымъ авторитетомъ, но когда я потомъ перечитывалъ «*тысяча и одну ночь*», я убѣдился, что это твореніе должно было родиться въ умѣ грека. Мнѣ кажется, что составляющія его сказки, отличаясь совершеннымъ знаніемъ азіятскаго быта, носятъ на себѣ такъ явственно печать безпокойнаго и непостояннаго духа европейцевъ, что никакъ не могли зародиться въ воображеніи уроженца востока; что̀ касается до творчества, восточный житель сухая и мертвая мумія; можетъ быть эта мумія и была когда-то, тотчасъ послѣ потопа, живымъ существомъ, но съ тѣхъ поръ она набальзамирована. Во время калифовъ Багдадъ былъ наполненъ греками; они снабжали весь юго-западъ Азіи купцами, цирюльниками, разнощиками и сплетниками; восточный матеріялъ, служившій для составленія сказокъ, о которыхъ я говорю, былъ въ полномъ распоряженіи изобрѣтательнаго племени грековъ, и имъ приписываю я созданіе этихъ знаменитыхъ разсказовъ.

Когда мы приближались къ Кипру, поднялся сильный вѣтеръ, море пришло въ волненіе. То была полу-буря, но моимъ грекамъ показалась она полною бурею, и они дали кораблю волю нестись за вѣтромъ. Мы уже были близко Анатоліи, когда непогода утихла, и благопріятный вѣтеръ погналъ насъ опять къ Кипру. Островъ мелькнулъ уже вдали, какъ вдругъ ураганъ зашумѣлъ съ новою силой, къ ужасу всего экипажа.

По мѣрѣ того, какъ увеличивалась опасность, экипажъ сбивался въ кучку все тѣснѣе и тѣснѣе; блѣдныя, тощія лица моряковъ выглядывали изъ-подъ капишоновъ; тревожные взоры ихъ обращались въ ту сторону, откуда неслась буря, обѣгали потомъ товарищей и останавливались наконецъ на капитанѣ, стоявшемъ у руля. Идріотъ былъ еще мрачнѣе обыкновеннаго; онъ сильно осуждалъ намѣреніе бороться съ стихіями, но получилъ энергическій отвѣтъ, и мы продолжали нашъ путь. Набѣжалъ валъ и ударилъ судно въ бокъ, въ ту самую минуту, когда оно было стиснуто между двухъ волнъ, бригантина дрогнула, нырнула и очутилась на гребнѣ волны. А экипажъ? О, это былъ уже не экипажъ, а сходка греческихъ гражданъ; крики моряковъ уступили мѣсто ропоту народа; воскресъ духъ древняго *Демоса*. Всѣ бросились къ капитану, требовали, чтобы онъ не велъ корабля противъ бури, но чтобы далъ ему бѣжать за вѣтромъ. Настала пора рѣчей; капитанъ, съ сверкающими глазами, дрожа отъ душевнаго волненія, возвышая голосъ все болѣе и болѣе, разливается краснорѣчивымъ потокомъ угрозъ, доказательствъ, приказаній, просьбъ, онъ обѣщаетъ, увѣряетъ, клянется, что нѣтъ никакой опасности бороться съ бурей, что все будетъ цѣло, лишь бы греки не теряли бодрости. Это трогаетъ моряковъ, но буря удвоиваетъ свою ярость, и море съ ревомъ бьетъ въ доски, съ которыми связана наша жизнь. Ужасный идріотъ подходитъ къ капитану еще на шагъ ближе, и недовольный ропотъ экипажа снова раздается среди свиста вѣтра; они въ нерѣшимости, они не знаютъ, что̀ дѣлать: ихъ равно волнуетъ и буря и увлекательное краснорѣчіе; можно подумать, что имъ говоритъ Демосѳенъ, и что Филиппъ Македонскій грозитъ увлечь ихъ въ бездну.

Наконецъ смѣлость, поддерживаемая живыми увѣщаніями, одержала верхъ надъ страхомъ. Бригантина продолжала свой путь и вышла въ спокойныя воды. Я вышелъ на берегъ въ Лимезолѣ, на западной оконечности Кипра, а бригантина отправилась въ Лурнену, гдѣ должна была простоять нѣсколько дней.

VII.

Въ Лимезолѣ былъ грекъ, который, въ качествѣ англійскаго вице-консула, заставилъ меня быть его гостемъ. Съ трудомъ и только увѣривши его, что я уйду рано, уговорилъ я его позволить мнѣ отобѣ-

дать у него запросто, среди семьи. Это было для меня пріятнѣе торжественнаго консульскаго обѣда съ глазу на глазъ съ представителемъ моего государя. Хозяйка, повидимому, отъ роду не сиживала за столомъ съ европейцемъ; это обстоятельство страшно ее безпокоило, и она употребляла всѣ усилія, чтобы избавиться отъ такого непріятнаго обстоятельства; но мужъ напомнилъ ей, кажется, что по теоріи, благодаря флагу, вѣявшему на кровлѣ его дома, она англичанка, и слѣдовательно обязана поддержать народность, т. е. отобѣдать со мною за однимъ столомъ. Видя, что она неотразимо осуждена выдерживать ужасные взоры европейца, она старалась спасти отъ этой участи по-крайней-мѣрѣ дѣтей, но я настоялъ, чтобы и они участвовали въ обѣдѣ. Ихъ было, кажется, четыре или пять. Васъ будутъ принимать въ Левантѣ пышно и внимательно, но рѣдко, очень рѣдко удастся вамъ увидѣть семейную жизнь, домашній бытъ жителей. Тоже самое можно, я думаю, сказать и о южной Европѣ.

Семейный обѣдъ прошелъ благополучно; маменька сначала конфузилась и старалась скрыть свое замѣшательство, браня дѣтей, имена которыхъ были все историческія, безсмертныя, хотя впрочемъ даны имъ родителями больше по преданію, нежели изъ классическаго энтузіазма. Я ежеминутно имѣлъ удовольствіе слышать фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Ѳемистоклъ, не бей брата! — Сиди смирно, Алкивіадъ! — Зачѣмъ ты трогаешь этотъ стаканъ, Сократъ? — Какъ тебѣ не стыдно шалить, Аспазія!»

Мнѣ кажется (вы сейчасъ увидите, какую связь имѣетъ эта мысль съ островомъ Кипромъ), мнѣ кажется, что богатство само по себѣ, лишенное другихъ поддержекъ, нигдѣ не имѣетъ такъ мало значенія, какъ въ Англіи; милліонеръ безъ рода, племени и дарованій нигдѣ не играетъ такой жалкой роли. Я сидѣлъ съ моимъ хозяиномъ на кровлѣ дома (это мѣсто посвящено въ Левантѣ отдыху и бесѣдѣ); вдругъ онъ принялъ важную осанку и изъявилъ желаніе побесѣдовать объ англійскомъ правленіи, предметѣ, который, какъ онъ увѣрялъ, хорошо ему знакомъ. Его озадачивало, въ практическомъ примѣненіи нашей политической системы, только одно обстоятельство, котораго никто не могъ ему изъяснить удовлетворительно. Это признаніе заставило меня подумать, что можетъ быть онъ и точно понимаетъ дѣло лучше, нежели я предполагалъ сначала; я полюбопытствовалъ узнать, что̀ показалось греку, чуждому европейскихъ предразсудковъ, всего страннѣе и необъяснимѣе въ сложной машинѣ нашихъ политическихъ учрежденій, и узналъ, что единственная аномалія, какую удалось открыть въ ней премудрости консула, состояла въ томъ, что Ротшильдъ не достигъ сана перваго министра. Я попробовалъ разъяснить ему таинственныя причины, недопускающія именитаго израильтянина засѣдать въ кабинетѣ, но объясненіе мое очевидно показалось ему неудовлетворительно. Никогда и ничѣмъ не убѣдите вы жителя востока, что есть на свѣтѣ что-нибудь выше золота.

Я хотѣлъ съѣздить на мѣсто, которое занималъ пафосскій храмъ. Я не смотрю на развалины глазами антикварія, и если они сами по себѣ не поразительны, или не занимаютъ мѣста, пріятнаго для моей фантазіи, такъ по мнѣ хоть и не видѣть ихъ. Я зналъ, что пафосскія развалины едва замѣтны, но меня влекла къ нимъ сила могущественнѣе простого любопытства.

Въ эту минуту я сожалѣлъ, что не причастенъ жизни грековъ, жалѣлъ, что мнѣ не дано вступать въ сношенія съ древними божествами Олимпа, обращаться съ просьбою къ Юпитеру и слышать отвѣтъ его въ ударѣ грома, внимать совѣтамъ, изрекаемымъ книгами Паллады, вѣрить, да, вѣрить хоть на мгновеніе, что въ мрачной чащѣ одинокой рощи у подошвы горы пробирается тропинка, которой касались сандаліи Афродиты, — Афродиты, не отвергающей любви простого смертнаго! Вотъ языческія чувства, пробудившія во мнѣ страстное желаніе посѣтить мѣста, гдѣ поклонялись божествамъ, отсутствіе которыхъ я оплакивалъ.

Островъ прекрасенъ; воздухъ, касавшійся моихъ губъ, былъ тепелъ и душистъ какъ дыханіе богини; онъ вдыхалъ въ меня не слѣпую вѣру въ древнюю религію жителей Кипра, но чувство уваженія къ древнимъ вѣрованіямъ, оказывавшимъ еще на меня свое вліяніе. Иначе рѣшился ли бы я ѣхать на дрянной лошади отыскивать мѣста, гдѣ нѣкогда на ста жертвенникахъ сжигаемы были въ честь безсмертной ароматы Аравіи, и вѣчно свѣжія гирлянды наполняли благоуханіемъ атмосферу храма!

Ночь принесла съ собою горькое разочарованіе; я провелъ ее въ хижинѣ греческаго священника, или, вѣрнѣе, въ стойлѣ, гдѣ помѣщались вмѣстѣ и люди и животныя. На слѣдующее утро я пришелъ въ Баффу (Пафосъ), деревню, лежащую недалеко отъ храма. Тутъ жилъ грекъ, получившій отъ лимесольскаго консула позволеніе выставить флагъ, что̀ и давало ему званіе въ родѣ исправляющаго должность вице-подъ-консула британскаго государства; онъ выпросилъ себѣ это титло вовсе не изъ денежныхъ выгодъ, какъ вы можетъ быть думаете, а чести и безопасности ради, связанныхъ съ этимъ саномъ. Онъ поспѣшилъ надѣть оффиціяльную консульскую шляпу и непремѣнно хотѣлъ проводить меня къ развалинамъ. Я отказалъ бы ему въ этомъ на-отрѣзъ, если бы чувствовалъ еще въ себѣ вчерашнюю языческую настроенность; но я уже пересталъ мечтать и не боялся новаго разочарованія

Развалины (т. е. обломки двухъ или трехъ упавшихъ колоннъ) находятся на безплодномъ полѣ, лишенномъ всякой таинственности, которою облекли бы его, если бы росли здѣсь, рощи. Пріятель мой, грекъ въ консульской шляпѣ, стоялъ и ждалъ очень терпѣливо, что̀ начну я дѣлать среди развалинъ. Если вы не охотникъ до ученыхъ изслѣдованій и не въ состояніи рыться, въ надеждѣ открыть какую-нибудь надпись, вами овладѣетъ очень странное и неловкое чувство, когда вы остановитесь у цѣли путешествія, предпринятаго вслѣдствіе

какого-нибудь чувства, дорогою совершенно разсѣявшагося. Вамъ остается только посмѣяться надъ самимъ собою; замѣчу впрочемъ мимоходомъ, что въ подобномъ случаѣ очень полезно завести разговоръ о кладахъ; туземцы непремѣнно примутъ живѣйшее участіе въ этомъ предметѣ, и предполагая, что и вы имъ сильно же интересуетесь, не только сочтутъ васъ за человѣка отлично умнаго, но даже не замедлятъ приписать вамъ сверхчеловѣческую власть заставлять землю раскрывать свои нѣдра и показывать лежащія въ ней груды золота.

Когда мы возвратились въ Баффу, вице-консулъ схватилъ палку, какъ-будто рѣшился на отважный подвигъ, и отправился во дворъ за хижиной; тамъ расхаживало нѣсколько тощихъ пѣтуховъ, печальныхъ курицъ, и цыплятъ, незнакомыхъ съ весельемъ молодости. Вице-консулъ остановился на минуту, какъ-будто собираясь съ силами, и бросился потомъ въ средину пернатыхъ, распространяя вокругъ себя смерть и опустошеніе; не было пощады ни полу, ни возрасту; мертвые и умирающіе были немедленно удалены съ поля битвы, и менѣе нежели черезъ часъ явились на столѣ, покрытые могильными холмами изъ ослѣпительно-бѣлаго риса.

Хозяинъ мой былъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ очень почтенный, и мнѣ не хотѣлось ввести его моимъ посѣщеніемъ въ убытокъ. Я посовѣтовался съ Миссери, и онъ увѣрилъ меня, что вице-консулу преспокойно можно предложить денегъ. Онъ даже прибавилъ, чтобы я далъ ему не больше, какъ всякому другому частному человѣку. Но, независимо отъ оффиціяльнаго флага и шляпы, въ этомъ человѣкѣ было что-то такое, что́ не позволяло мнѣ дать ему денегъ, и уже при отъѣздѣ, садясь на лошадь, я предложилъ ему единственную бывшую при мнѣ вещь, которая могла служить подаркомъ, именно — прекрасный кинжалъ, привезенный мною изъ Вѣны. Признательность моего хозяина была чрезвычайна, и мнѣ трудно было избавиться отъ изъявленій его благодарности. Наконецъ мнѣ удалось проститься; я поѣхалъ, но шаговъ за сто отъ дому онъ нагналъ меня, остановилъ крикомъ и умолялъ принять сыръ изъ козьяго молока.

Въ Лимезолѣ знали, что я пріѣду назадъ, и одинъ почтенный старикъ грекъ приготовился принять меня у себя; я принялъ его приглашеніе. День моего пріѣзда былъ днемъ рожденія старика; къ нему безпрестанно являлись съ поздравленіями; молодыя красотки играли первую роль; каждая изъ нихъ исполняла церемонію, какъ-будто слѣдуя законамъ строжайшаго этикета; каждый изъ гостей произносилъ свои пожеланія тономъ условленной формулы, почтительно принималъ приглашеніе сѣсть, ѣлъ конфекты и пилъ холодную воду, просиживалъ нѣсколько минутъ въ молчаніи или поддерживая вялый разговоръ, потомъ вставалъ, произносилъ вторично желаніе счастья и удалялся.

Очаровательность, которою славятся теперешнія жительницы Кипра — обстоятельство очень любопытное, если вспомнить, что въ древ-

ности этотъ островъ обожалъ богиню красоты. Черты кипрскихъ женщинъ, кажется, не такъ правильны и поразительны, какъ іонійскихъ гречанокъ въ Измирѣ, но зато кипріотки высоки ростомъ и хорошо сложены; въ нихъ проглядываетъ сознаніе владычества красоты; граціозныя линіи плечь, и станъ, достойный пояса Венеры, говорятъ объ этомъ владычествѣ; роскошныя волны волосъ не подобраны ревнивою рукою, но свободно ниспадаютъ удивительными косами ниже пояса; всѣ женщины, въ жилахъ которыхъ течетъ греческая кровь, ходятъ въ живописномъ костюмѣ. Въ Левантѣ признано всѣми единогласно, что въ красотѣ лица кипрскія женщины уступаютъ смирнскимъ, но вы можете перебывать, говоритъ греческая пословица, во всѣхъ городахъ Эгейскаго моря и сберечь свое сердце; а какъ только рискнули проникнуть въ очарованный Кипръ, вы неминуемо узнаете сладость и горечь любви. Эта неотразимая завлекательность зависитъ, какъ увѣряютъ, отъ *политики* кипрскихъ красавицъ; этимъ словомъ хотятъ, кажется, обозначить на востокѣ ихъ тактъ, ихъ умѣнье держать себя, но самое слово не выражаетъ и половины того, что должно выразить. Я улыбнулся, замѣтивши, что грекъ, несмотря на всѣ сокровища своего воображенія и богатство своего языка, тщетно старается выразить что-то невыразимо привлекательное, обозначаемое парижаниномъ просто словами: *je ne sais quoi*.

Я отправился въ Ларненну, главный городъ острова, и снова прибылъ моремъ въ Бейрутъ.

СЦЕНЫ ИЗЪ МЕКСИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

РУДОКОПЫ ВЪ РАЙАСѢ.

Разсказъ Габріэля Ферри.

I.

Не болѣе ста лѣтъ тому назадъ, Гванайуато былъ небольшимъ, неважнымъ городкомъ. До быстрой перемѣны въ судьбѣ этого городка, произведенной исполинскими разработками серебряныхъ рудниковъ Валансіаны и Райса, рудокопная дѣятельность Мексики сосредоточилась въ Таско, Пакукѣ и Закатекасъ. Названіе *сіудадъ (ciudad, cité,* предмѣстье) присвоено было Закатекасъ съ 1588 года, а Гванайуато, хотя основанный въ 1554 г., возведенъ былъ на ту же степень лишь ста восьмидесятью семью годами позже, т. е. въ 1741. Долго не знали, что окружающія его горы, на склонѣ которыхъ онъ былъ построенъ, заключали въ нѣдрахъ своихъ *Veta Madre* (жилу-мать, главную жилу), богатѣйшую серебряную жилу во всемъ свѣтѣ. Положеніе Гванайуато представляетъ двойную выгоду. Онъ находится въ самой богатой ру-

доходной полосѣ Мексики и вмѣстѣ съ тѣмъ на самыхъ обработанныхъ плодоносныхъ равнинахъ *Бажьо* (*Bajio*). Такъ называютъ бассейнъ около восьмидесяти миль въ окружности, граничащій со стороны Гванайуато Кордильерами.

Бажьо, поочередно орошаемый водами и осушаемый, во всякое время года представляетъ зрѣлище странно-живописное. Во время дождей — зимы этого благословеннаго климата — небо, утрачивающее свою лазурь, но не теплоту, насылаетъ на равнины обильныя грозы. Бажьо днемъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ представляетъ собою обширное море, кое-гдѣ перехваченное клочками зелени, голубыми холмами, городами съ бѣлыми домами и эмальированными куполами.

Посреди этого водяного покрывала лишь вѣчно-зеленыя верхушки деревъ показываютъ путнику прихотливыя излучины затопленныхъ дорогъ; но скоро жаждущая земля всасываетъ влагу посредствомъ безконечнаго множества трещинъ, образовавшихся въ продолженіи восьмимѣсячной засухи. Слой ила, оставленнаго дождями и потоками, сбѣжавшими съ Кордильеръ, доставляетъ обезсилѣвшей землѣ новые соки. Источники, освободившись отъ наносной оболочки, прыгаютъ въ изобиліи у подножія *агуэгуэтла (ahuehuetl)* (*). Перуанское дерево, гедвигія, *гуизахъ* съ золотыми цвѣтками, на которыхъ свистятъ попугаи-кардиналы, съ алыми перьями, бросаютъ тѣнь и распространяютъ благовонія по окрѣпнувшимъ дорогамъ. Пѣніе проводниковъ муловъ и колокольчики этихъ муловъ несутся издалека и сливаются съ рѣзкимъ стукомъ сельскихъ телѣгъ; въ это время индѣецъ возвращается къ своимъ работамъ. Подобно пастуху въ *Георгикахъ*, съ его котурнами, короткою туникою и голыми ногами, индѣецъ лѣниво подгоняетъ быковъ, впряженныхъ въ телѣгу; и плодородіе этой земли такъ велико, что почва, едва оцарапанная лѣнивымъ плугомъ, быстро покрывается обильными, роскошными пажитями.

Однако же расточительность природы въ полномъ блескѣ выказалась не на полянахъ счастливыхъ жителей Бажьо. Надъ плодоносными равнинами, прилежащими къ Гванайуато, высятся рудоносныя гребни Кордильеръ, бока которыхъ изрѣзаны серебряными и золотыми жилами, и ломъ рудокопа обогащается неисчислимыми сокровищами *Veta-Madre* (**). Въ этой части Бажьо всего разительнѣе представляется рѣзкая противоположность нравовъ земледѣльца и рудокопа. Хлѣбопашецъ-индѣецъ, смирный и покорный, живетъ безопасно; рудокопъ, гордый и неукротимый, хочетъ зависѣть лишь отъ рав-

(*) *Агуэгуэтлъ* — родъ кедра, присутствіе котораго всегда обозначаетъ близость источника, скрытаго или бѣгущаго на поверхности земли. *Ahuehuetl* по-индѣйски значитъ — *господинъ, владыка водъ.*

(**) *Veta-Madre*, *главная жила*, разработываемая золотопромышленниками изъ Валансіаны, Каты, Мелладо и Райасъ, была открыта французскимъ рудокопомъ Лабордомъ и доставила, въ промежутокъ времени между 1829 и 1837 г., около 150,000,000 фр.

ныхъ себѣ, и это желаніе, надо сознаться, оправдывается важностію исполняемой имъ роли. Земледѣлецъ, осужденный на низкую работу, результаты которой опредѣлены и ограничены, работаетъ въ тиши, тогда какъ звукъ отъ лома рудокопа раздается, такъ сказать, по всѣмъ концамъ свѣта, и отъ каждаго удара этого лома сокровища человѣка увеличиваются каждою крупинкою. Съ нимъ водворяется благосостояніе; склоны холмовъ, овраги, вершины горъ оживляются внезапнымъ населеніемъ, среди котораго руки рудокопа, всегда отверстыя, въ одинъ день разсѣяваютъ плоды его мѣсячныхъ трудовъ. Отъ французскаго рудокопа Лаборда, который нѣкогда доставлялъ соборамъ милліоны, до послѣдняго *пеона (peon)*, исторія этого отважнаго промышленника всегда одинакова: случай — единственное божество, передъ которымъ онъ преклоняетъ колѣно. Свою трудную обязанность онъ принимаетъ какъ налагаемую на него провидѣніемъ, и эта гордая мысль находитъ въ самомъ законѣ нѣкоторое освященіе: древними привилегіями работнику на минахъ присвоялось дворянство, и нынѣ еще заимодавцы не могутъ отнять у рудокопа его имущества, пока онъ не оставляетъ своего званія. Рудокопъ, кромѣ металлургическаго инстинкта, который превращаетъ для него самые слабыя примѣты въ неопровержимые признаки, долженъ соединять въ себѣ многія, рѣдкія качества, начиная съ силы, нужной для того, чтобы поднимать самыя тяжелыя ноши и выдерживать, въ продолженіи цѣлаго дня, сильную усталость отъ подземныхъ работъ, до подвижности и смѣлости, которая презираетъ всѣми опасностями, и хладнокровія, которое ихъ низпровергаетъ. Надо замѣтить, что эти качества встрѣчаются въ одномъ человѣкѣ лишь въ сообществѣ огромныхъ недостатковъ. Если рудокопъ, упрямый и непокорный, нанимается поденно, то онъ употребляетъ весь тактъ свой, все умѣнье и энергію только тогда, когда имѣетъ значительную долю въ предпріятіи. Тогда очень часто послѣ цѣлаго мѣсяца, въ продолженіи котораго онъ съ трудомъ питался, вознагражденіе за недѣлю, за день избавляетъ его отъ всѣхъ лишеній. Рудокопъ благодаритъ случай; съ этой минуты онъ сыплетъ золотомъ, и за работу примется лишь тогда, когда его придавитъ, принудитъ крайняя необходимость. Иногда средства непозволительныя обогощаютъ рудокопа насчетъ хозяина слишкомъ довѣрчиваго, а надо замѣтить, что изобрѣтательность господъ рудокоповъ слишкомъ обильна продѣлками подобнаго рода.

Я находился въ Гванайуато среди народонаселенія, состоящаго по большей части изъ рудокоповъ, и не хотѣлъ пропустить удобный случай прослѣдить на самомъ мѣстѣ типъ, о которомъ *гамбузиносы*, или золотопромышленники Сеноры, дали мнѣ лишь поверхностное понятіе. Отдохнувъ отъ продолжительнаго и утомительнаго пути, я отправился къ рудникамъ близь Гванайуато. Я былъ одинъ, но верхомъ и хорошо вооруженъ. Путеводителемъ моимъ долженъ былъ быть первый, кто встрѣтится мнѣ на дорогѣ. Я выѣхалъ на площадь Гванай-

уато и оглядывался во всѣ стороны, какъ вдругъ одинъ предметъ сильно привлекъ мое вниманіе. Къ стѣнѣ одного изъ домовъ, подъ маленькимъ навѣсомъ, въ нѣсколько дюймовъ ширины, на камнѣ была прибита рука. Я остановилъ лошадь, чтобы посмотрѣть — не изъ гипса ли она; но въ одну минуту я убѣдился, что эта рука человѣческая, нѣкогда сильная и мускулистая, теперь побѣлѣвшая и высушенная вѣтромъ, солнцемъ и дождемъ. Нѣсколько свѣчей, поставленныхъ подъ навѣсомъ, и вполовину сгорѣвшихъ, свидѣтельствовали, что какія-то благочестивыя души умилились при видѣ этого страннаго явленія, которое повидимому должно было поддерживать воспоминанія о какой-то кровавой драмѣ. Тщетно искалъ я на стѣнѣ слѣдовъ какой-нибудь объяснительной надписи, наконецъ рѣшился отправиться далѣе; но въ то время, какъ я внимательно глядѣлъ на выставленную руку, подъѣхалъ всадникъ; не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ онъ пришпорилъ свою лошадь и, казалось, хотѣлъ слѣдовать за мною весьма близко. Во всякое другое время я не слишкомъ-то снисходительно принялъ бы незнакомца въ свои спутники; но я выѣхалъ изъ дому съ намѣреніемъ найти себѣ чичероне. Поэтому-то я остановилъ лошадь и рѣшился спросить незнакомца. Незнакомецъ вѣжливо поклонился мнѣ и предупредилъ мой вопросъ.

— Вы иностранецъ, синьоръ кавалеръ? сказалъ онъ мнѣ улыбаясь

— А что́ же заставляетъ васъ такъ думать? возразилъ я, удивленный нѣсколько рѣзкимъ способомъ завязывать разговоръ.

— Упорство, съ которымъ вы разсматривали изсохшую руку мнѣ ясно доказало, что вы недавно въ городѣ, и что у васъ есть свободное время. Сознайтесь, что для меня, который именно и искалъ товарища для прогулки, встрѣтить васъ очень пріятно.

Я ужь и не зналъ, долженъ ли я съ распростертыми объятіями принять проводника, который такъ фамильярно предлагалъ мнѣ свое сообщество. Незнакомецъ замѣтилъ мою нерѣшимость и поспѣшилъ сказать съ нѣкоторою гордостію:

— Вы меня не знаете; я не хочу оставлять васъ долѣе въ томъ убѣжденіи, что я изъ числа тѣхъ людей, которые изъискиваютъ всевозможные случаи, чтобы предложить свои услуги иностранцу. Имя мое Дезидеріо Фуэнтесъ. Я рудокопъ, а въ такомъ ремеслѣ если и выдаются дни, когда судьба неумолима и жестока, то бываютъ также и такіе, въ которые къ вамъ прильетъ столько піастровъ, что вы и не знаете, какъ бы ихъ истратить. Теперь я нахожусь именно въ одномъ изъ такихъ дней, а въ такихъ случаяхъ у меня есть обыкновеніе — отъискать веселаго товарища, который бы не отказывался раздѣлить со мною удовольствія. Если такого товарища нѣтъ, то я обращаюсь къ первому встрѣчному съ приличною физіономіею, и признаюсь, еще никогда не жаловался я на судьбу.

Такое откровенное, прямое объясненіе совершенно меня разувѣрило. Все-таки я отвѣчалъ Дезидеріо Фуэнтесъ, что никакъ не могу

принять его чистосердечнаго предложенія. Я выѣхалъ изъ города для того, чтобы осмотрѣть одинъ изъ ближайшихъ рудниковъ, слѣдовательно могу провести съ нимъ только время, необходимое для этого, если ему угодно быть моимъ путеводителемъ. Дезидеріо принялъ эту середину, какъ человѣкъ праздный, слишкомъ довольный тѣмъ, что хотя на нѣсколько часовъ можетъ остаться не одинъ. Мы пришпорили лошадей и черезъ нѣсколько минутъ были уже за городомъ.

Дорогою спутникъ мой объяснилъ мнѣ, что наканунѣ онъ получилъ въ *partido* (*) значительную часть, которая даетъ ему возможность нѣсколько дней посвятить *far niente*. Онъ прибавилъ, что для него чрезвычайно занимательно посѣтить, въ качествѣ аматёра, а не работника, одинъ изъ близь-лежащихъ рудниковъ, и онъ предоставилъ мнѣ выборъ. Только ему вовсе не хотѣлось посѣтить рудники Валансіаны, потому-что у него была ссора съ однимъ изъ его владѣтелей. Недоимки по счетамъ съ однимъ изъ служащихъ на рудникахъ Мелладо сильно заставляли его желать туда не показываться; что же касается до рудниковъ Ката, то кое-какія непріятности, еще свѣжія по времени, принуждали его *отлынивать* и отъ этихъ рудниковъ. Наконецъ концовъ я, противъ воли, несмотря на то, что мнѣ былъ предоставленъ свободный выборъ, долженъ избрать рудники Райасъ, какъ единственную цѣль моихъ изслѣдованій. Трудно мнѣ было истолковать въ пользу Дезидеріо Фуэнтесъ предосторожности, къ которымъ онъ долженъ былъ прибѣгать. Очевидно, мой новый пріятель былъ крайне безпокойнаго характера и забіяка; вѣроятно, онъ не любилъ платить долги, а по поводу неудовольствій въ Ката ножъ навѣрно занималъ не послѣднюю роль. Я уже не поздравлялъ себя съ счастливою встрѣчею. Особенно одно слово, вырвавшееся изъ устъ Дезидеріо, заставило меня призадуматься.

— Первое движеніе моего сердца, сказалъ онъ: — всегда прекрасно, но сознаюсь, что второе пренестерпимо.

Мы подъѣхали къ оврагу, перпендикулярный обрывъ котораго скрывалъ отъ насъ пейзажъ. Передъ нами разстилалась равнина. Длинные ряды муловъ, навьюченныхъ рудою, тянулись по направленію къ одной изъ металлургическихъ мастерскихъ, которыя въ Мексикѣ называются *hacienda de platas* (**); виднѣлись высокія трубы, увѣнчанныя черными дымомъ и свинцовыми парами, *патіосы* (patios) (***) изъ лещадокъ, усѣянные металлическими слитками. Стукъ молота, дробящаго металлоносный камень, шаганье муловъ, щолканье бичей, — всё это сливалось съ болѣе глухимъ паденіемъ воды, приводящей въ

(*) Получать *partido* значитъ получать извѣстную часть барышей, какъ плату за трудъ, какъ жалованье. Въ такомъ случаѣ рудокопу дается желѣзо, порохъ, сало и пр. и платятъ ему соразмѣрно съ успѣхомъ разработки.

(**) Буквально — *разработка серебра*.

(***) *Патіосами* называются дворы, покрытые лещадками, на которыхъ располагаютъ для эвапораціи груды металлической грязи, происходящей отъ *протолчки* руды.

движеніе машины. Я остановилъ лошадь, чтобы свободнѣе полюбоваться этою оживленною картиной; скоро однако же вниманіе мое было нарушено. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ примѣтилъ я двоихъ мужчинъ, помощью веревокъ тащившихъ трупъ мула. Дойдя до мѣста, гдѣ могли ихъ видѣть только Дезидеріо и я, одинъ изъ нихъ, наклоняясь надъ мертвымъ муломъ, казалось, внимательно сталъ его разсматривать и бросилъ кругомъ недовѣрчивый взглядъ. Примѣтивъ насъ, онъ быстро сѣлъ на трупъ. Товарищъ его мгновенно исчезъ позади завѣсы изъ деревьевъ и кустарниковъ.

— Эге! сказалъ Фуэнтесъ: — да это мой другъ Планилласъ; только, чортъ возьми, чтò онъ тамъ дѣлаетъ?!..

Фуэнтесъ поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ находился Планилласъ; я за нимъ. Планилласъ сидѣлъ, упершись локтями въ колѣни; глубокая, живая печаль, казалось, тяготила его. Стукъ отъ копытъ нашихъ лошадей вывелъ его изъ унынія, и онъ поднялъ глаза, въ которыхъ изображалось болѣе безпокойства, нежели удивленія.

— Синьоры! сказалъ онъ: — во мнѣ вы можете видѣть человѣка самаго несчастнаго во всей Новой-Испаніи.

— Вы, вѣроятно, думаете, сказалъ я: — о молодомъ всадникѣ, котораго донъ Томасъ умертвилъ два дни тому назадъ, и кровь котораго падетъ на вашу голову: вы могли спасти ему жизнь, удержавъ руку вашего друга, донъ Томаса, который былъ подкупленъ, какъ вы мнѣ сказали....

— Ужели же я вамъ говорилъ это? перебилъ Флоренціо: — если такъ, то клянусь вамъ моею матерью, я солгалъ... Я ужасный лгунъ, когда пьянъ, а вы знаете, сколько пилъ я въ тотъ день (*).

Флоренціо остановился, какъ бы желая совершенно оправиться отъ моихъ словъ; но Фуэнтесъ поспѣшно спросилъ его, отчего онъ въ такомъ отчаяніи и такъ упорно возсѣдаетъ на трупѣ мула.

— Мулъ причина моей грусти, отвѣчалъ Планилласъ: — когда у меня не было денегъ, то я продалъ его въ *гаціэнду де-платасъ (hacienda de platas)*, которая тамъ виднѣется. Потомъ я сталъ работать въ мастерской, гдѣ часто могъ видѣть это мула; увы! сегодня по утру бѣдное животное околѣло, и я приволокъ его въ это уединенное мѣсто, чтобы предаться горести вдали отъ насмѣшливыхъ взоровъ.

(*) Чтобы читатель могъ понять смыслъ этого разговора, надо замѣтить, что Ферри въ предъидущемъ разсказѣ говоритъ о донъ Томасѣ, съ которымъ обстоятельства столкнули его. Ферри однажды, возвратясь домой, извѣщенъ былъ, что его спрашивалъ какой-то донъ Томасъ; для чего? зачѣмъ? неизвѣстно. Это заинтересовало автора: онъ отправился по слѣдамъ донъ Томаса, и въ этомъ преслѣдованіи провелъ нѣсколько недѣль. Дорогою онъ познакомился съ однимъ молодымъ, влюбленнымъ испанцемъ, котораго потомъ донъ Томасъ убилъ; Флоренціо былъ товарищемъ донъ Томаса. Очевидно, что отношенія Ферри къ этимъ двумъ лицамъ не могли быть пріязненны.

И Планиллась быстро опустилъ голову на руки, какъ человѣкъ, который не хочетъ слушать утѣшенія; потомъ, вѣроятно въ намѣреніи перемѣнить разговоръ, онъ сказалъ:

— Синьоръ, не объ этомъ одномъ грущу я! Вчера была схватка между рудокопами Райасъ и Мелладо, а меня тамъ не было.

— Чтóжь тутъ такого! возразилъ я: — бѣда не велика.

— Не велика! быстро подхватилъ Планиллась. — Да вѣдь это не какая-нибудь обыкновенная, вседневная встрѣча, и вамъ никогда не отгадать, чѣмъ все это кончилось: градомъ піастровъ, которыми рудокопы Мелладо, чтобы показать превосходство своихъ рудниковъ передъ рудниками Райасъ, осыпали своихъ противниковъ. А піастры-то, піастры-то какіе! прибавилъ онъ какимъ-то болѣзненнымъ тономъ: — и я опоздалъ на мѣсто битвы!

Теперь грусть Планилласа сдѣлалась для меня яснѣе; я бы никакъ не повѣрилъ порыву заносчивой расточительности рудокоповъ, если бы Фуэнтесъ не засвидѣтельствовалъ мнѣ, съ гордымъ самодовольствіемъ, справедливость этого разсказа. Товарищъ мой, которому жалобы Планилласа казались чрезвычайно подозрительны, снова принялся за распросы: но трескъ высокаго терновника, раздавшійся позади насъ, отвлекъ его вниманіе. Мнѣ показалось, что Планиллась поблѣднѣлъ, несмотря на свое безстыдство. Передъ нами стоялъ человѣкъ маленькій, коренастый, атлетическаго сложенія, съ лицомъ болѣе угрюмымъ, нежели веселымъ. Онъ вѣжливо намъ поклонился и сѣлъ на землю, подлѣ Планилласа. Онъ старался улыбнуться, но взглядъ его, мрачный и проницательный какъ взглядъ хищной птицы, разоблачалъ эту принужденную, веселую улыбку. Нѣсколько секундъ мы молчали; новый нашъ собесѣдникъ заговорилъ первый.

— Вы говорили сейчасъ, если только слухъ не обманулъ меня, о донъ Томасѣ? Ужь не о донъ ли Томасѣ Вердуэко шла рѣчь? сказалъ онъ сладкимъ голосомъ, составлявшимъ рѣзкій контрастъ съ его взглядомъ. Простой вопросъ отъ человѣка, внушавшаго мнѣ отвращеніе, показался мнѣ оскорбленіемъ.

— Да, отвѣчалъ я, стараясь сохранить хладнокровіе. — Я обвинялъ донъ Томаса Вердуэко въ убійствѣ молодого человѣка, котораго наканунѣ онъ еще не зналъ.

— Увѣрены ли вы въ этомъ? перебилъ меня незнакомецъ, бросивъ на меня зловѣщій взглядъ.

— А вотъ, спросите у него, отвѣчалъ я, указывая пальцемъ на Планилласа.

При этихъ словахъ Планиллась всталъ съ мѣста, какъ-будто его подняла какая-нибудь пружина; онъ былъ совершенно спокоенъ.

— Никогда и ничего подобнаго не говорилъ я; но вы, синьоръ, вѣроятно не знаете почтеннаго кавалера Вердуэко, если осмѣливаетесь говорить это при немъ самомъ, возразилъ Планиллась съ ироніею.

Я посмотрѣлъ на того, кого мнѣ назвали: какъ-будто вижу его въ первый разъ. Мнѣ померещился окровавленный трупъ испанца, живо представилась агонія, въ которой онъ находился, представились его послѣднія минуты, и прекрасная будущность, уничтоженная ножомъ человѣка, стоявшаго теперь передо мною.

— А! такъ вы донъ Томасъ Вердуэко....

Я не могъ продолжать. Голова моя кружилась; не зная, что̀ я дѣлаю, я зарядилъ пистолетъ. Услыхавъ щолканіе курка, незнакомецъ посинѣлъ: мексиканцы изъ низшаго класса не сдвинутъ бровей при блескѣ ножа, а при видѣ дула огнестрѣльнаго оружія, употребляемаго европейцемъ, они трепещутъ. Однако же онъ не тронулся съ мѣста; Фуэнтесъ бросился между насъ.

— Потише, синьоръ, потише! закричалъ онъ. — *Ка̀скарасъ!* какъ вы скоро входите въ нравы страны!

— Этотъ бѣсъ Планиллась, сказалъ въ свою очередь незнакомецъ, съ принужденнымъ смѣхомъ, — всегда готовъ на шутки; но идея — навязать мнѣ имя донъ Томаса, клянусь честью, слишкомъ забавна. Такъ вы, синьоръ, очень негодуете на этого донъ Томаса?

Заносчивость моя показалась мнѣ смѣшною и разсѣялась, какъ бы по какому-то очарованію.

— Я его не знаю, отвѣчалъ я, немного смѣшавшись, но уже хладнокровно: — право, не понимаю, какъ человѣкъ этотъ приплелся къ моимъ дѣламъ; но, какъ мнѣ кажется, я, для собственной безопасности, не долженъ щадить такихъ разбойниковъ, если случай высылаетъ ихъ мнѣ на встрѣчу.

Незнакомецъ пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ. Полагая, что мнѣ представляется удобный случай развязаться съ другомъ моимъ Дезидеріо, сообщество котораго начинало тяготить меня, я поспѣшно поклонился этимъ господамъ и далъ шпоры лошади; расчетъ мой былъ не вѣренъ: не успѣлъ я сдѣлать ста шаговъ, какъ онъ уже нагналъ меня.

— Можетъ быть мнѣ не слѣдовало вмѣшиваться въ это дѣло, сказалъ онъ: — не слѣдовало мѣшать вамъ всадить пулю въ лобъ этому подозрительному человѣку, потому-что, судя по взгляду, исполненному ненависти, который онъ на васъ бросилъ, я полагаю, что первый ударъ ножомъ, который вы получите, будетъ нанесенъ его рукою.

— Вы такъ думаете? сказалъ я, нѣсколько смущенный такимъ зловѣщимъ предсказаніемъ.

— Я уступилъ первому движенію сердца.... возразилъ Фуэнтесъ, размышляя самъ съ собою. — Потомъ, какъ бы вдругъ очнувшись, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— А что̀, еслибъ возвратиться? можетъ быть вамъ удастся поправить дѣло.... я вамъ даже помогу....

Въ словахъ Фуэнтеса ясно проглядывало сожалѣніе о томъ, что онъ упустилъ случай воспользоваться ссорою.

Я сухо отказался отъ его предложенія и сказалъ себѣ, что второе движеніе сердца рудокопа рѣшительно хуже перваго.

— Такъ вы не хотите? сказалъ онъ. — Ну, пожалуй и не надо; что за бѣда — однимъ ударомъ болѣе, менѣе, ничего не значитъ. Я получилъ три удара, и все-таки мнѣ отъ нихъ не хуже.

Я не нашелъ нужнымъ отвѣчать на его разсужденія, которыя показали мнѣ моего путеводителя съ несовсѣмъ выгодной стороны, и я прекратилъ исповѣдь Фуэнтеса, попросивъ разсказать мнѣ кое-какія подробности о рудокопнѣ, которой мастерскія виднѣе и виднѣе обрисовывались передъ нашими глазами.

II.

Первоначальныя рудокопныя работы производятся, какъ извѣстно, подъ открытымъ небомъ. Долгое время довольствуются тѣмъ, что извлекаютъ руду по направленію жилы; но по мѣрѣ разработки представляются два препятствія: добываніе руды дѣлается дороже; далѣе, встрѣчаютъ воду, которую должно вычерпывать, чтобы она не затопила работъ. Тогда выкапываютъ перпендикулярный колодезь, для сообщенія съ жилою посредствомъ горизонтальной галлереи, которую называютъ *рудокопнымъ ложемъ*.

По мѣрѣ того, какъ глубина увеличивается, и колодезь копаютъ все глубже и глубже; такимъ образомъ часто случается, что къ главной улицѣ ведутъ нѣсколько галлерей. Колодези и галлереи въ богатыхъ рудникахъ увеличиваютъ число подземныхъ работъ, назначеніе которыхъ заключается въ облегченіи внутренней разработки металла и черпаніи воды. Поэтому-то и устроиваются сверхъ устьевъ каждаго колодезя машины, называемыя *малакатами (malacates)*. Эти малакаты приводятся въ дѣйствіе помощью восьми или девяти лошадей и веревокъ, которыя навертываются и развертываются на рычагъ и извлекаютъ руду и воду изъ земли,—руду въ мѣшкахъ изъ алоэвыхъ рогожекъ, а воду въ ведрахъ изъ бычачьей кожи.

Кромѣ главнаго колодезя *(tiro general)*, рудникъ Райасъ имѣетъ еще два, мѣньшей важности, хотя одинъ изъ этихъ двухъ достигаетъ до двухъ сотъ пятидесяти четырехъ метровъ. *Tiro general*, т. е. главный колодезь, также замѣчателенъ по своей ширинѣ (около одиннадцати метровъ). Страшная глубина его доходитъ до тысячи двухъ сотъ футовъ. Онъ имѣетъ сообщеніе съ тремя главными галлереями, находящимися одна надъ другою. И колодези и галлереи представляютъ собою гигантскія работы. Однако же по внѣшнему виду этого рудника вовсе нельзя заключить о безпрерывной дѣятельности, царствующей внутри его. Нѣсколько деревянныхъ избушекъ, покрытыхъ черепицею, закрываютъ собою *малакаты* и служатъ убѣжищемъ для работниковъ, а нѣсколько невидныхъ домиковъ — для надзирателей за

работниками. Все это не можетъ дать посѣтителю ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ онъ увидитъ внутри рудника.

Было около полудня, когда я, вмѣстѣ съ моимъ проводникомъ, достигъ входа въ первую галлерею, чрезъ которую мы должны были спуститься въ рудникъ. На минуту мы остановились, отдали лошадей одному изъ товарищей Дезидеріо и вошли въ галлерею. Одинъ изъ рудокоповъ провожалъ насъ съ факелами. Я съ какимъ-то уваженіемъ остановился на порогѣ этой огромной лабораторіи человѣческихъ богатствъ, — лабораторіи, изъ которой уже столько милліоновъ разошлось по бѣлому свѣту. Мы долго спускались по скату, образованному изъ ступенекъ, изъ которыхъ каждая представляла собою террасу; среди глубокаго мрака, который слабо разсѣявался отъ свѣта факела, мы должны были дѣлать тысячи изворотовъ, безпрестанно измѣнявшихъ направленіе; температура также мѣнялась; иногда мы принуждены были подниматься, чтобы спуститься ниже. Прошло около четверти часа; наконецъ я примѣтилъ вдали нѣсколько блуждающихъ огней; по влажнымъ зальбандамъ потянулись гигантскія тѣни. Скоро мы очутились на перекресткѣ, который обращенъ былъ набожными рудокопами въ капеллу. По срединѣ возвышался скромный алтарь, на которомъ, передъ образомъ какого-то святого, теплились свѣчи. На ступенькѣ стоялъ на колѣняхъ человѣкъ и, казалось, молился съ жаромъ. Это была первая человѣческая фигура, которую я увидалъ въ рудникѣ. Проводникъ толкнулъ меня локтемъ.

— Взгляните на этого человѣка, сказалъ онъ мнѣ шопотомъ.

Рудокопъ, стоявшій на колѣняхъ, былъ совершенно нагъ; безъ факела, который освѣщалъ его сѣдые волосы и угловатыя черты лица, въ немъ нельзя бы было узнать человѣка на склонѣ лѣтъ: до того члены его сохранили свѣжесть, молодость и силу

— Вижу, отвѣчалъ я Дезидеріо.

— Человѣкъ этотъ не совершенно чуждъ исторіи объ отрѣзанной рукѣ, на которую вы смотрѣли съ такимъ любопытствомъ сегодня утромъ, и хотя я знаю эту исторію также хорошо, какъ и онъ, но слышать ее отъ него самого вамъ быть можетъ будетъ занимательнѣе, тѣмъ болѣе, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ сынъ его.

Я думалъ, что мнѣ представляется новый случай отдалить отъ себя Дезидеріо, на томъ основаніи, что старикъ съ глаза на глазъ будетъ откровеннѣе. На этотъ разъ Дезидеріо угадалъ мою тайную мысль.

— Я не забіяка и не горячка какая, и горжусь этимъ, сказалъ онъ: — но вамъ, синьоръ, вамъ, какъ кажется, сильно хочется скорѣе отдѣлаться отъ покорнаго слуги?

Я поспѣшилъ увѣрить Фуэнтеса, что онъ не такъ перетолковалъ мои слова, и онъ успокоился.

— Чтобы угодить вамъ, сказалъ онъ насмѣшливо: — я откажусь отъ удовольствія служить вамъ проводникомъ въ этихъ подземельяхъ. Мнѣ же хочется узнать, что̀ за комедію разъигрывалъ Планиласъ надъ

трупомъ своего мула. Рудникъ вы можете осмотрѣть безъ меня, а я разскажу вамъ, если что узнаю отъ этого чудака, когда вы выйдете изъ главнаго колодезя; чтобы ваше путешествіе было полно, вамъ необходимо окончить его посредствомъ *малаката*.

Мнѣ такъ сильно хотѣлось отправить отъ себя Фуэнтеса, что я согласился на все, и не замѣтилъ ироническої улыбки, съ которою онъ принялъ мой отвѣтъ. Въ эту минуту старый рудокопъ окончилъ молитву.

Фуэнтесъ обмѣнялся съ нимъ потихоньку нѣсколькими словами и быстро удалился; я вздохнулъ привольнѣе.

— Синьоръ-кавалеръ, сказалъ мнѣ старикъ: — товарищъ мой Фуэнтесъ сообщилъ мнѣ ваше желаніе слышать отъ меня самого исторію моего сына, который составилъ славу цѣлаго сословія рудокоповъ: вы мнѣ дѣлаете большую честь, но въ эту минуту я не могу удовлетворить вашему желанію. Мнѣ нужно подложить огонь подъ мину; поэтому, если черезъ два часа я еще буду живъ, то вы можете располагать мною; я люблю храбрыхъ молодцевъ, къ какой бы націи они не принадлежали.

— Да отъ кого же слышали вы, что я не трусъ? спросилъ я, нѣсколько удивленный.

— *Карамба!* человѣкъ, который осматриваетъ рудникъ въ первый разъ и, какъ говоритъ Фуэнтесъ, рѣшается подвергнуться опасности, *восхожденію* черезъ *тиро!* Ну, такъ мы поднимемся вмѣстѣ, и въ это же время я разскажу вамъ исторію; итакъ, черезъ два часа въ глубинѣ послѣдней галлереи, при входѣ въ главный колодезь.

Уклониться, слыша такую блестящую похвалу, я уже не могъ; но не безъ грусти видѣлъ я, что мнѣ суждено совершить, противъ воли, неотразимое и опасное удальство.

И этимъ я былъ обязанъ Фуэнтесу! Опять Фуэнтесъ!

Я обѣщалъ старому рудокопу явиться на назначенное мѣсто.

Оставшись одинъ, я поспѣшилъ воспользоваться своею независимостью, чтобы осмотрѣть новый міръ, въ который былъ перенесенъ. Въ рукахъ у меня былъ факелъ, оставленный мнѣ Дезидеріо. Надо мною висѣли своды, различной величины, прихотливо высѣченные въ горной породѣ и усѣянные блестками; одни изъ нихъ поддерживались крѣпкими брусьями; острые оконечности другихъ висѣли просто какъ готическія репейки и грозили раздавить меня при своемъ паденіи. Передо мною открывались темные перекрестки; шумъ шаговъ, повторенный эхомъ, замиралъ подъ глубокими аркадами какъ зловѣщій вопль или заглушаемыя жалобы. Повременамъ неопредѣленный свѣтъ пробѣгалъ по страшной темнотѣ: то были рудокопы, ходившіе туда и сюда, съ прикрѣпленными за ухомъ фитилями, подобно гномамъ въ легендахъ, которые, съ пламенемъ на лбу, стерегутъ потайныя сокровища.

Я подвигался со всевозможною предосторожностію, потому-что, очутясь одинъ въ этомъ лабиринтѣ, не зналъ, какой стороны нужно

держаться. Скоро услышалъ я въ отдаленіи глухой звукъ ломовъ, ударявшихся о скалу; звуки эти мѣшались съ таинственнымъ шумомъ, выходившимъ, казалось, снизу. На эти-то глухіе отзвуки направлялъ я свой путь. Съ тѣхъ поръ, какъ я вошелъ въ рудникъ, мнѣ представлялись только открытые со всѣхъ сторонъ пути сообщенія или пустыя ямы, гдѣ родятся металлы; мнѣ хотѣлось поскорѣе добраться до того мѣста, которое называютъ *лаборъ (labor)*, т. е. мѣста, гдѣ разработываютъ серебряную жилу. Смутный свѣтъ показалъ мнѣ наконецъ, что я уже отъ нея не далеко; скоро добрелъ я до устья колодезя, не очень глубокаго, изъ котораго исходитъ болѣе яркій свѣтъ. Туда спускаются по лѣстницѣ, образованной изъ брусьевъ, поставленныхъ конецъ съ концомъ и идущихъ зигзагами. Сначала я не рѣшался ввѣриться фальцамъ, сдѣланнымъ въ этихъ брусьяхъ и служащимъ ступеньками; однако же, ободренный тѣмъ, что колодезь не глубокъ, я рѣшился сойти и благополучно добрался до *бремеберга*, который разработывали. Это было пространство въ пять футовъ въ діаметрѣ и пяти или шести сотъ футовъ въ длину, откуда выходилъ жгучій паръ какъ изъ жерла кратера. Совершенно незамѣченный многочисленною толпою, занятою работою, я свободно могъ разсмотрѣть фантастическую картину, представившуюся моимъ взорамъ. Множество тонкихъ и длинныхъ свѣчей, прилѣпленныхъ къ стѣнамъ, слабо освѣщали работниковъ, изъ которыхъ бо́льшая часть, по поясъ въ водѣ, ударяли *барретами* по каменной скалѣ. Другіе, съ мѣшками, наполненными рудою, тяжесть которой напрягала ихъ мускулы, исчезали вдали, а зажженные фитили, прикрѣпленные у нихъ на головахъ, освѣщали ихъ бронзовыя тѣла, — съ которыхъ крупными каплями катился потъ, — и длинные волосы. Звучные удары ломовъ, шумъ отъ отторженныхъ массъ, низвергающихся въ воду, голоса, крики, — все это звучало подъ сводами, дробилось эхомъ и оглушало непривычнаго человѣка. Красноватый свѣтъ факеловъ, отражавшійся въ водѣ, пыль, пары, поднимавшіеся густымъ туманомъ, мѣдныя жилы, какъ плющь змѣящіяся по сводамъ, — все увеличивало оригинальный характеръ этой картины.

Наконецъ я рѣшился отправиться въ нижнюю галлерею, на концѣ которой долженъ былъ встрѣтить старика рудокопа. Поднятіе посредствомъ малаката, которое до сихъ поръ меня вовсе не привлекало, теперь уже не казалось мнѣ тяжелою и опасною обязанностію; напротивъ, оно избавляло меня отъ непріятности снова пройти все пространство, оставшееся за мною. Итакъ, я попросилъ одного изъ рудокоповъ проводить меня до назначеннаго мѣста, потому-что я боялся заблудиться посреди этого подземнаго лабиринта. Я чувствовалъ сильную потребность подышать болѣе чистымъ воздухомъ.

Наконецъ, въ крайнемъ утомленіи, достигъ я конца галлереи, составлявшей прямой уголъ съ главнымъ колодеземъ, котораго черный зѣвъ открывался подъ моими ногами. Я явился первый; старика еще не было. Тутъ находился одинъ только работникъ, который какъ *бы*

былъ забытъ въ этихъ пространныхъ катакомбахъ. На немъ лежала страшная обязанность. Не далеко отъ этого мѣста былъ другой колодезь, затопленный водою, который медленно осушался посредствомъ громаднаго бурдюка, прикрѣпленнаго къ веревкѣ малаката. Когда бурдюкъ наполнялся, тогда онъ поднимался вверхъ чрезъ кругообращеніе невидимой машины, устроенной на тысячу двѣсти футовъ выше: но надутыя воловьи кожи, стремительно низвергнутыя непреодолимою силою къ оси главнаго колодезя, могутъ лопнуть, ударившись о зальбанды, если работникъ не успѣетъ ослабить удара. На узенькой платформѣ, которая раздѣляетъ двѣ бездны, посреди почти непроницаемаго мрака, *пеонъ* прикрѣплялъ къ рудоподъемному канату двойную веревку, концы которой сжималъ своими руками; потомъ, увлеченный съ невыразимою быстротою къ отверстію главнаго колодезя, онъ вдругъ выпускалъ концы веревки, вслѣдствіе чего бурдюкъ касался весьма легко противоположной стѣны; но сдѣлай работникъ одинъ невѣрный шагъ, опусти веревку секундою позже — и онъ бы очутился въ пропасти бездоннаго колодезя. Долго, съ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ, смотрѣлъ я на несчастнаго, который чрезъ каждую четверть часа подвергалъ себя опасности смерти изъ-за скудной платы. Посреди мрака, гробоваго молчанія и въ такой дали отъ шума свѣта, работникъ казался мнѣ однимъ изъ осужденныхъ изъ дантова ада.

Между тѣмъ бурдюкъ уже четыре раза спустился порожнимъ и четыре раза поднялся наполненнымъ, т. е. прошелъ уже цѣлый часъ, а еще никто не приходилъ. Признаюсь, что при видѣ огромнаго, безконечнаго колодезя, изъ котораго я долженъ былъ подняться, рѣшимость моя сильно поколебалась, и я отъ всего сердца прощалъ старика за несоблюденіе даннаго слова.

Вдругъ въ тѣни снова показался канатъ малаката, слабый свѣтъ пробѣжалъ по стѣнамъ, и я услыхалъ знакомый голосъ:

— Гей! пріятель, тутъ, что ли, иностранецъ, который хотѣлъ подняться со мною чрезъ *тиро?*

Не успѣлъ я отвѣтить, что я давно готовъ, какъ къ моимъ ногамъ упалъ узелъ. Я машинально развязалъ веревку. Въ узлѣ находились куртка и штаны изъ грубой шерсти, кожаная палка и снурокъ изъ алоэвыхъ тесемокъ. Я съ ужасомъ подумалъ, ужели же этихъ штановъ и куртки достаточно, чтобы умягчить и сдѣлать безвреднымъ паденіе съ высоты тысячи двухъ сотъ футовъ? Назначеніе палки и веревки мнѣ было неизвѣстно. Работникъ объяснилъ мнѣ, что шерстяная одежда должна охранять меня отъ воды, которая падала мелкимъ дождемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колодезя; палка не должна допускать соприкосновенія тѣла со скалою при качаніи со стороны на стороны во время этого воздушнаго путешествія, а веревкою я долженъ былъ привязать себя къ канату малаката.

— Поскорѣй! раздался голосъ невидимаго путеводителя — намъ времени терять некогда.

Я поспѣшно надѣлъ платье, притянулъ къ себѣ конецъ каната, который покачивался въ пустомъ пространствѣ, и сѣлъ на него верхомъ. *Пеонъ* дважды обвелъ около моего тѣла и подъ ногами веревку, такъ-что я какъ-будто сидѣлъ на стулѣ; въ руки далъ палку. Едва успѣлъ онъ окончить эту операцію, какъ невидимая сила потянула меня съ платформы, и я уже не касался земли; три или четыре раза обернулся я около самого себя; когда я оправился отъ замѣшательства, причиненнаго этимъ быстрымъ маневромъ, я висѣлъ уже надъ бездною. Не много повыше, надъ головою, я увидалъ ноги моего проводника, которыми онъ крѣпко сжималъ канатъ. Хотя у него былъ факелъ, но я не ясно могъ видѣть его полунагое тѣло; до меня явственно доходилъ только голосъ стараго рудокопа.

— По-крайней-мѣрѣ, хорошо ли я привязанъ? спросилъ я его, примѣтивъ, что ни одинъ узелъ, ни одна неровность не могутъ воспрепятствовать веревкѣ съѣхать внизъ по канату.

— Надо полагать, что хорошо, если только *пеонъ* не былъ разсѣянъ, отвѣчалъ рудокопъ съ совершеннымъ спокойствіемъ: — впрочемъ вы можете тогда удержаться посредствомъ рукъ.

Я, съ сверхъестественною силою, сжалъ канатъ, который мои руки съ трудомъ могли обнять.

— А долго ли продолжается это путешествіе? продолжалъ я распрашивать.

— Обыкновенно двѣнадцать минутъ, но наше продолжается по-крайней-мѣрѣ полчаса; я распорядился такъ изъ особеннаго къ вамъ вниманія; такимъ образомъ у васъ будетъ больше времени осмотрѣть всѣ чудеса рудника.

— А несчастія во время этого *восхожденія* никогда не случалось?

— О, напротивъ. Англичанинъ, котораго плохо привязали, упалъ сверху внизъ, но такъ тихо и скромно, что проводникъ замѣтилъ объ его отсутствіи лишь тогда, когда поднялся уже къ отверстію колодезя.

Я счелъ излишнимъ продолжать распросы. Расчитавъ, что прошло минутъ пять съ тѣхъ поръ, какъ машина пришла въ движеніе, я отважился взглянуть внизъ и вверхъ. Три пояса раздѣляли колодезь. Подъ ногами густая тьма дѣлала пропасть еще страшнѣе: взоръ не могъ измѣрить ея глубины; горячіе, бѣловатые пары медленно отдѣлялись снизу и клубясь доходили до насъ. Вокругъ меня, освѣщенныя факеломъ, виднѣлись зеленоватыя стѣны, изсѣченныя ломами и изсверленныя горными буравами. Сверху голубоватые туманы, подобно небу, опирались на освѣщенную полосу, распространявшуюся около насъ отъ блеска факела.

Машина вдругъ остановилась; лошадямъ давали роздыхъ, я снова схватился за канатъ и закрылъ глаза, ожидая погибели.

— Эта остановка сдѣлана нарочно, сказалъ мнѣ проводникъ: — вѣдь я обѣщалъ разсказать вамъ исторію; нужно же время на это.

Рудокопъ, не дожидаясь моего отвѣта, началъ разсказъ. Положеніе, въ которомъ я находился, самое мѣсто и опасное *восхожденіе*, которому я подвергался, — все это способствовало къ тому, что разсказъ рѣзко врѣзался въ моей памяти.

III.

«Вамъ быть можетъ извѣстно, началъ старикъ: — что путешественникъ, во время переѣзда изъ Санъ-Мигуэль-эль-Гранде (¹) въ Долеръ *(Dolores)*, принужденъ былъ переправиться черезъ Ріо-Атотонилко. Во время разлитія водъ рѣка эта недоступна тому, кто не знаетъ ея главныхъ бродовъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ ней подходитъ санъ-мигуэльская дорога, она около шестидесяти *варъ* въ ширину. Быстрота теченія, глухой и величественный гулъ желтоватыхъ волнъ, которыя стремятся между пустынными берегами, — все это наводитъ невольный ужасъ на путника, который долженъ въ этомъ мѣстѣ переправляться черезъ Ріо-Атотонилко. На противоположномъ берегу, нѣсколько хижинъ, изъ переплетенныхъ вѣтвей, до половины скрытыхъ слоями земли, служатъ убѣжищемъ жалкому населенію, которое живетъ единственно доходомъ, получаемымъ имъ въ то время, когда рѣка разливается отъ дождей. Тогда жители этихъ хижинъ проводятъ путешественниковъ, съ одного берега на другой, имъ только извѣстными проходами. Часто, при видѣ этихъ бѣдныхъ людей, до половины нагихъ, бродящихъ по берегу и бросающихся въ воду, тотъ, кто намѣревался переправиться черезъ рѣку, вдругъ останавливается и уѣзжаетъ. Одно печальное происшествіе дѣйствительно доказываетъ, что должно остерегаться и не ввѣряться людямъ, которыхъ пустяшная плата за переправку никакъ не можетъ удовлетворить. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, старый рудокопъ изъ Закатекасъ, котораго разладица съ правосудіемъ заставила оставить провинцію, поселился между *вожатыми* рѣки Атотонилко. Рудокопъ, который былъ непобѣдимъ по своей атлетической силѣ и грубости, слылъ за человѣка не слишкомъ-то счастливой руки. Раза два ужь этакъ случалось, что тѣ, которыхъ онъ брался провожать, чуть-чуть не погибли въ волнахъ рѣки. Наконецъ, однажды вечеромъ, въ бурную ночь, полагая, что онъ одинъ, и примѣтивъ путника на противоположномъ берегу, вожатый переплылъ рѣку и предложилъ свои услуги. А за нимъ присматривалъ одинъ изъ его товарищей; видя, что рудокопъ опередилъ его, товарищъ притаился за ивами. Вожатый, перебравшись черезъ рѣку, снова вошелъ въ нее, вмѣстѣ съ всадникомъ, лошадь котораго онъ велъ подъ уздцы. Дойдя до середины рѣки, рудокопъ быстро вскочилъ на лошадь позади всадника; черезъ минуту

(¹) Санъ-Мигуэль-эль-Гранде небольшой городокъ недалеко отъ Гванайуато, славный своими мануфактурами, на которыхъ выдѣлывается *zarape* (зарапъ).

раздался гулъ отъ паденія тѣла въ воду. Въ сѣдлѣ сидѣлъ уже одинъ всадникъ; довольно далеко отъ хижинъ онъ выѣхалъ на берегъ и исчезъ во мракѣ.

Свидѣтелемъ преступленія былъ молодой человѣкъ, котораго за нѣсколько дней до этого времени вожатый звѣрски избилъ, и который съ тѣхъ поръ искалъ случая отмстить. Случай, какъ ему казалось, представился. Онъ бросился въ рѣку и поплылъ по теченію, уносившему жертву; ему удалось вытащить несчастнаго на противоположный берегъ: по одеждѣ въ немъ легко можно было узнать священника. Избавитель, въ изнеможеніи отъ усталости, упалъ на землю безъ чувствъ. Когда онъ открылъ глаза, уже давно взошло солнце: тѣло священника исчезло: вѣроятно оно унесено было человѣколюбивыми прохожими. Тѣмъ не менѣе молодой человѣкъ отправился въ селеніе и разсказалъ о случившемся; но поиски остались безъ всякаго успѣха: мерзавецъ рудокопъ, какъ это и очень понятно, улизнулъ изъ этого края».

Тутъ проводникъ мой остановился. Туманъ, оставшійся подъ нами, незамѣтно превращался теперь въ мелкій, проницательный дождь. Сгущенный паръ крупными каплями катился по бронзовому тѣлу рудокопа. Машина снова остановилась; сердце мое, казалось, хотѣло выпрыгнуть изъ груди: мнѣ представилось, что веревка, которою я былъ привязанъ къ канату, быстро сдвинулась съ мѣста, — меня охватило судорожнымъ трепетомъ.

— Ужь не съѣхали ли вы? закричалъ рудокопъ; потомъ, взглянувъ на меня и убѣдившись, что я отъ него на прежнемъ разстояніи, онъ успокоился и продолжалъ разсказъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ:

«Спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ *вожатый* скрылся (о немъ пошли престранные слухи), въ рудники Райасъ, отстоящіе на десять миль отъ Ріо-Атотонилко, опредѣлился новый рудокопъ. Онъ говорилъ, что учился въ Чинасгоа; его веселость и расточительность (доходы его, повидимому, заключались не въ одномъ дневномъ заработкѣ) скоро доставили ему дружбу товарищей. Сына моего Фелипа онъ отличалъ болѣе другихъ. Однако же между Фелипомъ и Озоріо (такъ назывался новый рудокопъ) была совершенная противоположность въ характерѣ, да и въ лѣтахъ-то была не малая разница. Фелипъ былъ прилежный работникъ, ревностно поддерживалъ заслуженную славу, былъ гордъ, какъ долженъ быть гордъ всякой рудокопъ, потому-что мы не нуждаемся въ древнихъ привиллегіяхъ, чтобы отличаться отъ другихъ людей: наше ремесло само облагороживаетъ того, кто имъ занимается. Напротивъ того, Озоріо, который былъ вдвое старше моего сына, работалъ какъ бы по неохотѣ; онъ проводилъ время въ томъ, что бренчалъ на гитарѣ или ссорилъ работниковъ. Дружба ихъ впрочемъ продолжалась бы долѣе, еслибъ они оба не влюбились въ одну женщину. Въ первый разъ заговорило въ нихъ общее чувство, и это-то ихъ и поссорило. Тѣмъ не менѣе, не-

смотря на кое-какіе споры и перебранки, они продолжали, каждый съ своей стороны, ухаживать за дѣвушкою, которая, хотя и предпочитала Фелипа, однако же любила и Озоріо за его гитару и веселый нравъ. Частыя отлучки Озоріо кончились тѣмъ, что Фелипъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ соперникомъ. Надо замѣтить, что въ одну изъ отлучекъ Озоріо разнесся слухъ, будто изъ монастыря Гванайуато пропалъ золотой, массивный ковчегъ (въ немъ католики хранятъ мощи), украшенный дорогими каменьями. Всѣ розыски остались безуспѣшны.

Итакъ, какъ я уже сказалъ, Фелипъ занялъ первое мѣсто въ сердцѣ дѣвушки. Родители ея рѣшились выдать ея за Фелипа: это было лучшее средство прекратить ссоры двухъ соперниковъ, да и сами-то старики успокоились бы Сватьба была назначена въ непродолжительномъ времени; друзья обоихъ семействъ собрались у невѣсты, чтобы отпраздновать помолвку. Водка и *пульке (pulque)* были въ изобиліи, музыканты располагали всѣхъ къ веселью, какъ вдругъ оно было прервано неожиданнымъ происшествіемъ. Среди гостей появился какой-то человѣкъ: то былъ Озоріо. Заносчивость его была всѣмъ извѣстна; ждали чего-то недобраго. Одинъ Фелипъ былъ покоенъ и ожидалъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, нападенія противника. Но Озоріо не думалъ и руки подносить къ поясу: онъ обратился къ гостямъ, просилъ извиненія, что явился на пирушку незваный, непрошенный, взялъ у одного изъ музыкантовъ гитару и запѣлъ приличное случаю болеро. Такая неожиданная развязка удвоила всеобщую веселость. Празднество сдѣлалось еще шумнѣе, наконецъ гости разошлись, условившись собраться снова черезъ недѣлю »

Разскащикъ мой остановился; это снова напомнило мнѣ объ опасномъ моемъ положеніи. Мы незамѣтно приближались къ устью *Тиро;* болѣе свѣтлый туманъ, висѣвшій теперь надъ нами, заставлялъ меня это предчувствовать; по мѣрѣ того, какъ мы поднимались, глубина пропасти дѣлалась еще страшнѣе, такъ-что посмотрѣвъ внизъ, у меня закружилась голова.

— Знаете ли, на какой мы теперь вышинѣ? спросилъ меня проводникъ. Мы въ пять разъ съ половиною выше, чѣмъ башни собора въ Мексико.

И чтобы доказать вѣроятно точность словъ своихъ, онъ вынулъ изъ-за пояса клокъ пакли и зажегъ ее на факелѣ. Я слѣдилъ глазомъ за этимъ свѣтомъ, который медленно спускался внизъ какъ метеоръ: огонокъ все уменьшался болѣе и болѣе, и наконецъ вдали, окруженный мракомъ, онъ уже казался блѣдною, далекою звѣздою, свѣтъ которой едва-едва доходилъ до земли. Голосъ рудокопа, продолжавшаго разсказъ, вывелъ меня изъ этого тягостнаго, подавляющаго созерцанія.

«Съ того дня, какъ Озоріо явился на помолвку, началъ рудокопъ — Фелипу безпрестанно грозили сѣти, разставленныя невидимою рукою На другой же день подлѣ него разорвало мину и осыпа-

ло его осколками. Въ другой разъ веревка, къ которой онъ былъ привязанъ и на которой онъ поднимался вверхъ, внезапно лопнула. Когда эти подкопы не удались, тогда невидимый врагъ обратилъ всѣ свои усилія на то, чтобы замарать его честь. Распространились слухи, будто похитителемъ ковчега былъ никто иной, какъ Фелипъ. Фелипъ долго не могъ убѣдиться, что виновникъ всѣхъ этихъ каверзъ его старый другъ; быть можетъ глаза его еще долго бы не прояснились, если бы одинъ молодой рудокопъ, недавно опредѣлившійся на рудники и постоянно наблюдавшій за Озоріо, не предувѣдомилъ его о продѣлкахъ Озоріо. Фелипъ рѣшился отмстить. Наканунѣ сватьбы, Озоріо и Фелипъ встрѣтились въ одной изъ подземныхъ галлерей Райасъ. Сынъ мой сталъ упрекать Озоріо за его коварство, Озоріо отвѣчалъ страшными ругательствами; оба схватились за кинжалы. Они были одни, оба безъ одежды; щитомъ могла имъ служить только *фразада*. Озоріо былъ сильнѣе; у Фелипа было болѣе ловкости; на чьей сторонѣ было бы преимущество, судить трудно. Вдругъ молодой рудокопъ неожиданно бросился между двумя противниками.

— Позвольте мнѣ наказать этого грабителя храма Господня, сказалъ онъ Фелипу: — мои права надъ нимъ сильнѣе вашихъ: у меня съ нимъ есть еще старые счеты.

Озоріо заскрежеталъ зубами и бросился на молодого рудокопа, который сталъ защищаться. Бойцы сошлись при свѣтѣ факела Фелипа, который изъ дѣйствующаго лица сдѣлался зрителемъ. Борьба быть можетъ длилась бы долго, еслибъ молодой работникъ не употребилъ хитрости; онъ присѣлъ, съёжился, такъ-что *фразада*, висѣвшая у него на рукѣ, коснулась земли; потомъ, подъ этой фразадой, скрывавшей его движенія, онъ переложилъ ножъ изъ одной руки въ другую и нанесъ противнику сильную *эстокаду* (¹) уже съ той стороны, съ который онъ не ожидалъ нападенія. Озоріо упалъ. Окровавленнаго, подняли его наверхъ въ *косталь* (²) чрезъ главный колодезь. Случайно проходилъ въ это время мимо рудниковъ священникъ. Его попросили выслушать исповѣдь раненаго; но едва священникъ взглянулъ на Озоріо, какъ изъ груди его вырвалось восклицаніе ужаса: онъ узналъ въ умирающемъ рудокопѣ *вожатаго* Ріо-Атотонилко; Озоріо же узналъ въ священникѣ человѣка, который, какъ онъ полагалъ, давно утонулъ. Съ тѣхъ поръ, при помощи правосудія, открылись многія тайны. *Вожатый* Ріо-Атотонилко, похититель ковчега, рудокопъ изъ Закатекасъ и изъ Райасъ, — это былъ одинъ и тотъ же человѣкъ.

Его-то руку вы и видѣли на площади Гванайуато.

Мнѣ остается разсказать вамъ, что сталось съ Фелипомъ.

(¹) *Эстокада* значитъ ударъ шпагою; кинжалъ въ слишкомъ большой чести у мексиканцевъ, и потому носитъ много названій; въ различныхъ провинціяхъ онъ называется различно: *эстокъ*, *вердуго*, *пунналь*, *кукилло*, *бельдукъ* и пр.

(²) Мѣшокъ изъ алоэвыхъ нитокъ.

Происшествіе это надѣлало много шуму; чрезъ нѣсколько часовъ явились альгвазилы, чтобы арестовать рудокопа, ранившаго Озоріо. По несчастному случаю, Фелипъ оставилъ свою работу ранѣе обыкновеннаго времени. По какому-то роковому недоразумѣнію за убійцу Озоріо приняли Филипа; быть можетъ это была послѣдняя подлость умирающаго; какъ бы то ни было, альгвазилы хотѣли захватить его. Молодой рудокопъ спасся бѣгствомъ; нечего говорить, что заклятый врагъ Озоріо былъ юноша, котораго онъ нѣкогда оскорбилъ, и который былъ свидѣтелемъ преступленія, совершеннаго на берегахъ Ріо-Атотонилко. Если бы Фелипъ остался подъ землею, альгвазилы не посмѣли бы спуститься въ нижнія галлереи рудника. Но, по несчастію, они замѣтили его на дворѣ одного изъ строеній и бросились туда. Фелипъ видѣлъ, что все кончено; по-крайней-мѣрѣ онъ рѣшился умереть какъ прилично истинному рудокопу. Задыхаясь добѣжалъ онъ до колодезя, гдѣ мы теперь находимся.

— Я не буду осрамленъ, какъ презрѣнный *леперо*, сказалъ Фелипъ: — рудокопъ болѣе нежели человѣкъ: онъ орудіе въ рукахъ Господа.

Онъ былъ блѣденъ, глаза его горѣли... онъ быстро перескочилъ черезъ перила колодезя и исчезъ въ безднѣ, которая чернѣется тамъ, подъ нашими ногами....»

Рудокопъ замолчалъ; свѣтъ факела блѣднѣлъ; уже я видѣлъ сверху дневной свѣтъ, но еще слабый, какъ первое мерцаніе сумерекъ. Я находился подъ тягостнымъ вліяніемъ разсказа.

— Скоро десять лѣтъ, какъ Фелипъ погибъ, прибавилъ рудокопъ глухимъ голосомъ. Сколько разъ съ тѣхъ поръ подымался я по этому колодезю.... и всякой разъ мнѣ хочется обрѣзать этотъ канатъ....

И старикъ вертѣлъ большимъ ножомъ, какъ бы желая привести въ исполненіе свою безумную угрозу.

Я хотѣлъ позвать на помощь; но, какъ во время тяжелаго, ужаснаго сна, я не могъ кричать, руки мои отказывались даже сжимать канатъ....

Я взглянулъ наверхъ....

О, съ какою любовью глядѣлъ я на едва мерцавшій дневной свѣтъ.... смутный ропотъ, который долеталъ до насъ, казался мнѣ лучшею гармоніею!

Въ эту минуту раздался подземный громъ; рудникъ застоналъ всѣми своими отверстіями; канатъ закрутился какъ шолковая нитка, и мы стремительно ударились о стѣну колодезя. Факелъ потухъ.... я видѣлъ, какъ ножъ выскользнулъ изъ рукъ рудокопа и полетѣлъ въ бездну.

— *Каскàрасъ!* новый ножъ въ два піастра! закричалъ голосъ, въ которомъ я узналъ голосъ Фуэнтеса.

Едва произнесъ я его имя, какъ надъ нами раздался громкій хохотъ.

Въ старомъ рудокопѣ — моемъ проводникѣ, я узналъ Фуэнтеса!

Посп҄ѣшность, съ которою я хот҄ѣлъ съ нимъ разстаться, затронула и уколола его, и эта мистификація была его мщеніемъ.

— Чортъ возьми! синьоръ-кавалеръ, продолжалъ онъ:—васъ не легко испугать. Хоть какой храбрецъ поневолѣ закричитъ, а вы и на помощь не позвали!...

— Ужь у меня такая натура, возразилъ я, съ совершеннымъ безстыдствомъ, такъ-что перещеголялъ въ этомъ проводника.

Малакатъ остановился; воздушное наше путешествіе было окончено.

Наконецъ я думалъ, что уже совершенно отдѣлался отъ Фуэнтеса, и занесъ ногу въ стремя, чтобы возвратиться въ городъ.

— А! вы въ городъ? сказалъ онъ: — я тоже.... такъ поѣдемте вмѣстѣ.... и безопаснѣе.

Мы поѣхали. Солнце садилось. Нельзя было предполагать, чтобы мы успѣли добраться за-свѣтло до Гванайуато. Дезидеріо болталъ безпрестанно о преимуществѣ промысла рудокопа; но я на этотъ разъ упорно молчалъ, проклиная докучливаго сотоварища, отъ котораго никакъ не могъ отдѣлаться. Вдругъ Фуэнтесъ замолчалъ и ударилъ себя по лбу.

— *Voto al demonio!* закричалъ онъ. — Я о немъ и забылъ.... бѣдняга могъ умереть безъ меня.

— О комъ вы говорите?

— Какъ, о комъ! о бѣдномъ Планилласѣ.

И Фуэнтесъ пустилъ лошадь галопомъ; я могъ бы воспользоваться этимъ случаемъ и разстаться съ Фуэнтесомъ; но меня подстрекало любопытство, и я далъ шпоры. Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ мы встрѣтили Планилласа, сидящаго на трупѣ многолюбимаго имъ мула, Дезидеріо остановился въ изумленіи. Я догналъ его.

— Здѣсь никого нѣтъ, сказалъ я.

— Вотъ это-то меня и удивляетъ. Ему, вѣроятно, надоѣло ждать меня; ну, это не хорошо съ его стороны, очень не хорошо; въ другой разъ я ему не повѣрю. Вѣроятно его поднялъ какой-нибудь прохожій, потому-что Планилласъ долженъ былъ ожидать меня хоть до послѣдняго дня.

— Да что́ же съ нимъ случилось?

— Смотрите, сказалъ мнѣ Фуэнтесъ, указывая на землю, орошенную кровью, и на мертваго мула.

Рудокопъ разсказалъ мнѣ, что, оставивъ меня, онъ возвратился назадъ, чтобы пояснить кое-какія подозрѣнія, внушенныя ему поведеніемъ Планилласа. Не найдя на прежнемъ мѣстѣ ни Планилласа, ни горько оплакиваемаго мула, Фуэнтесъ пошелъ по ихъ слѣдамъ, и, дойдя до того мѣста, гдѣ мы теперь находились, онъ увидѣлъ бѣднаго Флоренціо, плавающаго въ крови. Тутъ онъ узналъ всю истину. Мулъ, котораго тащили Флоренціо и его товарищъ, дѣйствительно околѣлъ

въ *гаціэндѣ;* но до того времени Флоренціо никогда его не видывалъ; а причиною нѣжной печали было то, что внутри животнаго скрывался весьма значительный слитокъ серебра, украденный Планилласомъ и спрятанный такимъ образомъ для избѣжанія обычнаго осмотра управляющихъ. Хитрость удалась; но товарищи по воровству поссорились между собою, слѣдствіемъ чего было то, что Планилласъ лишился своей части въ украденномъ серебрѣ, да кромѣ того получилъ два удара ножомъ.

— Конецъ понятенъ, продолжалъ Фуэнтесъ. — Я тронулся его незавиднымъ положеніемъ и разстался съ нимъ въ намѣреніи прислать ему на помощь; только, потомъ, самъ не знаю какъ это случилось, совершенно забылъ объ обѣщаніи.

Тутъ я дѣйствительно убѣдился, что первое движеніе сердца Фуэнтеса прекрасно, а второе никуда не годится.

Мы въѣхали въ городъ; поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была выставлена изсохшая рука, я сказалъ своему товарищу:

— Сколько я понялъ изъ вашего разсказа, то двое изъ дѣйствующихъ лицъ умерло, а третій убѣжалъ. Какъ же вы могли узнать всѣ подробности?

— Очень просто, отвѣчалъ Фуэнтесъ: — я и забылъ сказать вамъ, что вѣдь Озоріо-то убилъ я самъ, я же былъ свидѣтелемъ ночной сцены на берегахъ Ріо-Атотонилко.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИГИ.

Часто говорятъ про женщину: «она уже не первой молодости, а потому и не хороша». Но что въ этомъ, если у иной вторая молодость лучше, нежели у другой первая.

«Она хоть и не хороша, а хорошо сохранилась». Но что же бы она была, еслибъ сохранилась дурно?

Есть такіе, которые получаютъ десятки тысячъ рублей доходу, а проживаютъ только сотни рублей; а есть, наоборотъ, и такіе, которые получаютъ сотни рублей, а проживаютъ десятки тысячъ. Загадка не въ скупости первыхъ, а въ мастерствѣ вторыхъ. Доискаться до ключа этой загадки слѣдовало бы не изъ одного простого любопытства, а по долгу совѣсти въ предостереженіе всѣхъ и каждаго.

Одинъ докторъ увѣрялъ меня, что человѣкъ, начиная съ головы и кончая ногами, можетъ заболѣть ни отъ чего другого, какъ отъ душевнаго потрясенія. Я думаю, что головѣ заболѣть труднѣе, нежели ногамъ: въ эти минуты человѣкъ нерѣдко теряетъ голову, а душа нерѣдко уходитъ въ пятки.

«Есть въ природѣ картины», говорилъ Шиллеръ, «выше которыхъ я ничего не знаю, — и всѣ мои сочиненія не стоятъ четырехъ словъ: *Wasserfall, Mondschein, Nachtigal und Liebe*».

Я разъ подарилъ пятилѣтней дѣвочкѣ въ день ея рожденія маленькій гробикъ. Она играла имъ болѣе, нежели другими игрушками, весело нянчилась съ нимъ, клала въ него какъ въ колыбельку свою разряженную куколку и потомъ, припѣвая, закапывала въ песокъ. Я невольно пожалѣлъ о подаркѣ; но болѣе о дѣвочкѣ. Года черезъ четыре она умерла. О ней я не пожалѣлъ, но пожалѣлъ о себѣ.

К. зашелъ однажды въ кандитерскую и, взявъ два нумера газетъ, расположился читать одинъ изъ нихъ, положивъ другой подъ локоть. «Позвольте мнѣ пробѣжать, пока вы читаете этотъ нумеръ», сказалъ кто-то, подойдя къ нему и протянувъ руку за лежавшей у него подъ локтемъ газетой. «Сдѣлайте милость *пробѣгите*», отвѣчалъ К., показавъ ему на полъ.

Чѣмъ умнѣе человѣкъ, тѣмъ пустѣе находитъ онъ жизнь. Какъ послѣ этого рѣшить: отчего что̀ зависитъ? Пустота ли жизни отъ ума человѣка, или умъ человѣческій отъ пустоты въ жизни. Тутъ что-нибудь да не такъ: или человѣкъ не совсѣмъ уменъ, или жизнь не совсѣмъ пуста. Нельзя ли помирить ихъ вотъ этакъ, что пустота жизни зависитъ отъ пустоты въ головѣ, а пустота головы отъ пустоты въ жизни.

Оригинальность англичанъ вошла въ пословицу. Я три раза былъ очевиднымъ тому свидѣтелемъ.

Въ мое время *aux bains de Louèche* жила леди *S.*; у ней были двѣ прелестныя собачки, безъ которыхъ она никуда не показывалась. Въ одинъ прекрасный день, который былъ вмѣстѣ днемъ рожденія одной изъ этихъ собачекъ, она разослала по городу пригласительные билеты на вечеръ. Приглашенія были адресованы на имя тѣхъ только ея знакомыхъ, которыя имѣли отличныхъ собакъ; но въ этихъ приглашеніяхъ она звала къ себѣ не господъ, а собакъ. Пріѣзжихъ собакъ на ту пору было много: онѣ всѣ были здоровы и явились со своими провожатыми аккуратно въ восемь часовъ вечера въ домъ леди *S.* Она, со своей собачкой въ рукахъ, встрѣчала четвероногихъ гостей, которые, благодаря обычаю обнюхивать другъ друга, знакомились между собою очень скоро. Поэтому дѣло обошлось безъ всякихъ рекомендацій. Танцевъ не было, потому-что не отыскалось ни одной ученой и потому еще, что не было ни одного кавалера. Хоть это и можетъ показаться странно, но видно ужь такъ слѣдовало. Лакомства и питье разносили обыкновенные люди, какъ обыкновенно водится у людей Вечеръ кончился ужиномъ скромно, тихо, мирно, безъ малѣйшихъ непріятностей. Потомъ хоть и разсказывали про чью-

то моську, которая будто бы вела себя не совсѣмъ благопристойно, но оказалось на дѣлѣ, что моська не виновата

Другой случай былъ вотъ какого рода. Мы ѣхали въ большомъ обществѣ на лошакахъ отъ Мартиньи черезъ *passage Tête noire* въ долину Шамуни. Миновавъ высѣченную въ скалахъ живописную галлерею этого прохода, но не отдалясь еще отъ утесистыхъ береговъ рѣки *L'eau noire*, впадающей потомъ въ *Trian*, въ получасѣ ѣзды отъ границы Савойи, мы были остановлены нашими вожатыми, которые пригласили насъ посмотрѣть камень, принадлежащій одному англичанину. Этотъ камень лежалъ въ сторонѣ въ шагахъ тридцати отъ новой дороги, по которой мы ѣхали, на мѣстѣ, гдѣ пролегала старая. Мы слѣзли съ лошаковъ и пошли пѣшкомъ въ гору. Чтò же увидѣли? Простой, голый, дикій, огромный камень, вышиною въ четыре сажени и на столько же можетъ быть ушедшій въ землю. Онъ окруженъ чащей лѣса, откуда даже нѣтъ никакого вида внизъ на рѣку. На немъ сохранились довольно явственно двѣ надписи черною краскою на англійскомъ и французскомъ языкахъ; я списалъ только послѣднюю: «*Milord D... sur son retour du voyage d'Italie, a goutè des moments du repos délicieux à l'ombre de cette pierre en société d'aimables et charmantes Lady B...et Lady R.... Le souvenir en sera gravé dans son cœur tant qu'existeront ces deux inscriptions*». (Милордъ Д...., по возвращеніи своемъ изъ Италіи, наслаждался минутами упоительнаго спокойствія подъ тѣнью этого камня, въ обществѣ милыхъ и любезныхъ леди Б.... и леди Р.... Память объ этихъ минутахъ будетъ вырѣзана въ его сердцѣ, до тѣхъ поръ, покуда не изгладятся эти двѣ надписи.) Фамиліи его и его спутницъ были цѣликомъ написаны, но время, дожди, а еще вѣроятнѣе, другіе проѣзжавшіе англичане стерли ихъ такъ, что теперь ихъ разобрать почти не возможно. Милордъ, въ память своего отдыха и изъ рыцарскаго вниманія къ двумъ леди, вздумалъ купить этотъ камень у кантона Валлиса и завелъ по сему случаю переписку съ мѣстнымъ начальствомъ. Оно было въ большомъ затрудненіи назначить цѣну: подобныхъ камней безъ счету было разсыпано по Швейцаріи, но въ первый разъ отыскивался вдругъ покупщикъ на нихъ. Къ счастію, милордъ самъ предложилъ 200 франковъ, и камень остался за нимъ. Разумѣется, что онъ не могъ ни къ чему пригодиться новому владѣльцу, развѣ только для надписей, но конечно никто не помѣшалъ бы ему ихъ сдѣлать и безъ всякихъ хлопотъ и даромъ.

Въ третій разъ случилось вотъ какъ:

Мы отправились изъ Шамуни въ Женеву на *Sallanches*, въ семь часовъ утра въ нѣсколькихъ тарабанахъ, къ которымъ приставленъ былъ одинъ всѣмъ общій кондукторъ. Дорога шла прекраснымъ натуральнымъ шоссе по каменистому берегу Арвы, такъ-что двухъ запряженныхъ лошадей въ нашъ шестимѣстный экипажъ было весьма достаточно. Но насъ везли такъ тихо, что за два льё до м. *Ouches*, вывели меня и француза, сосѣда моего, изъ терпѣнія. Желая растолковать себѣ наконецъ причину такой ѣзды, мы обратились съ вопро-

сами другъ къ другу; но никто не могъ объяснить ее. Пріѣхавъ въ *Ouches*, мы вышли изъ шарабана и окружили съ угрозами почтальона: «Но чѣмъ же я виноватъ?» отвѣчалъ онъ сердито: — «дайте по-крайней-мѣрѣ 10 франковъ кондуктору, такъ тогда мы поѣдемъ скорѣе.» — «Какъ 10 франковъ!» воскликнули мы. — «Да, потому-что англичанинъ, который сидитъ тамъ сзади, далъ ему девять франковъ за то, чтобъ ѣхать какъ можно тише». Мы обернулись назадъ и дѣйствительно увидѣли англичанина, который сидѣлъ сзади подлѣ хорошенькой, молоденькой дамы и преспокойно съ нею любезничалъ. Противъ этого намъ ничего не осталось сдѣлать, какъ дать десять франковъ. Мы, сложившись, то и сдѣлали. Но на мѣстѣ англичанина может быть каждый изъ насъ далъ бы столько же, чтобъ ѣхать тише.

Мы ѣхали Аппенинами, миновавъ *Foligno*, *Case nuovo* и *A col fiorito*, въ полумили отъ *Serravale*. Ночь стояла чудная; темно-лазурное небо съ полнымъ мѣсяцемъ и всѣми звѣздами было удивительно, воздухъ душенъ, но упоителенъ. Дорога шла карнизомъ горы; съ нея бурно и шумно бѣжалъ опѣненный ручей; изъ разсѣлинъ голыхъ камней, разбросанныхъ по его руслу, торчали высокія пихты. Сверху вершины ихъ казались островами. Это было слѣва, а справа тѣснили дорогу другія громадныя скалы съ наклоненными къ водопаду деревьями. Дорога, покрытая вся серебрянымъ лоскомъ, круто поднималась извилинами и мелькала кое-гдѣ впереди. Два папскіе драгуна въ бѣлыхъ длинныхъ плащахъ какъ въ саванахъ, скакавшіе по бокамъ, должны были ѣхать шагомъ. Мальпостъ еле-еле тащился. Спавшій курьеръ инстинктивно проснулся при въѣздѣ въ это ущелье и взялся за пистолеты. Я не только ждалъ нападенія, я былъ въ немъ совершенно увѣренъ. Не могло быть лучшаго мѣста для этого: пустынность, глушь, лунная ночь, таинственность мрака, густо кидаемаго вѣтвями на свѣтлую дорогу, ревъ водопада, способный заглушить всякіе вопли, непроницаемый навѣсъ деревьевъ и утесы съ одной стороны, бездонная пропасть съ другой, одиночество пассажира, необходимость ѣхать шагомъ, возможность въ ту же минуту скрыться въ горы и въ чащу лѣса,—все это было такъ живописно, такъ поэтически подобрано, обставлено, приспособлено къ разбою, что какъ-то жаль было проѣхать это мѣсто безъ приключенія. До послѣдней минуты я не терялъ надежды. Но когда черезъ четверть часа мы поднялись на вершину горы, на открытое мѣсто и кучеръ мой захрапѣлъ снова, мнѣ стало досадно. Еслибъ я зналъ, что мы проѣдемъ такъ безпрепятственно, такъ безнаказанно Серравальскую тѣснину, я бы самъ выскочилъ изъ мальпоста, остановилъ лошадей и принялся разбивать свои чемоданы. Слова нѣтъ, что нельзя допустить формально грабить пассажировъ, но, право, можно было бы позволить пугать ихъ въ этомъ ущельи. Это необходимо здѣсь для полноты картины и впечатлѣній. Гдѣ найти второе, подобное мѣсто? сцена, декорація, — все здѣсь есть, и все чудесно хорошо, есть и зрители; недостаетъ

однихъ актеровъ. Ну, не жалко ли? сказалъ бы какой-нибудь путешествующій англичанинъ.

П. М—въ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ХИМИЧЕСКИХЪ ИЗМѢНЕНІЙ, ПРОИСХОДЯЩИХЪ СЪ ЯЙЦОМЪ ВЪ ПРОДОЛЖЕНІИ РАЗВИТІЯ ЗАРОДЫША. Исторія развитія животныхъ болѣе чѣмъ какая-нибудь другая наука раскрываетъ намъ сущность тѣхъ явленій, которымъ мы дали особое имя — жизненныхъ явленій. Преслѣдуя химическія измѣненія матеріи, составляющей зародыша, и связанное съ этими измѣненіями образованіе простыхъ (элементарныхъ) формъ — клѣточекъ (гистологическій процессъ) и ихъ группированіе для образованія сложныхъ формъ — органовъ (морфологическій процессъ). естествоиспытатель видитъ, что въ нихъ-то и состоитъ жизненный процессъ; для него жизнь есть совокупность химическихъ измѣненій матеріи, сопровождаемыхъ образованіемъ формъ. Привести эти многосложныя явленія въ одинъ разрядъ съ другими, болѣе опредѣленными химическими и физическими явленіями, составляетъ пока исключительную задачу физіологіи.

Много трудовъ, много самыхъ тщательныхъ наблюденій нужно, чтобы доставить данныя для рѣшенія этой важной задачи; едва сдѣлано начало въ этомъ направленіи, но это направленіе вѣрно и прочно, потому-что въ основу его приняли опытъ и наблюденіе. Чѣмъ болѣе наука пріобрѣтетъ точныхъ опытовъ и вѣрныхъ наблюденій, тѣмъ непогрѣшительнѣе будутъ ея выводы, и, сознавая всю важность этого требованія, Парижская Академія наукъ предложила въ 1846 году между прочими задачами слѣдующую: «*опредѣлить точными опытами, какія химическія, физическія и органическія измѣненія происходятъ съ яйцомъ въ продолженіи развитія зародыша у птицъ и лягушекъ*». Мемуаръ гг. Бодримона и Сенъ-Анжа былъ удостоенъ награды. Химическая часть этого изслѣдованія помѣщена въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ *Annales de chimie et de physique*, 1847 г., вмѣстѣ съ подробными описаніями способовъ экспериментированія, съ множествомъ таблицъ, представляющихъ результаты опытовъ. Кромѣ того въ сентябрьской книжкѣ *Annales des sciences naturelles* 1847 г. мы находимъ мемуаръ г. Сакка, касающійся того же предмета. Мы постараемся извлечь изъ обѣихъ статей самое существенное касательно химическихъ измѣненій, совершающихся съ частями яйца при развитіи зародыша.

Съ давнихъ поръ знали, что вѣсъ яйца во время насиживанія уменьшается: еще Праутъ опредѣлялъ эту потерю и находилъ, что въ первую недѣлю насиживанія потеря составляетъ 5 проц. первоначальнаго вѣса, во вторую — 13, въ третью — 16 процентовъ. Тѣже числа находимъ мы и въ новыхъ изслѣдованіяхъ, сообщаемыхъ здѣсь; именно г. Саккъ нашелъ, что яйцо, вѣсившее $7^1/_2$ золотниковъ въ началѣ, въ концѣ первой недѣли насиживанія вѣсило менѣе $7^1/_4$ золотниковъ, въ концѣ второй—$6^1/_2$ золотн., въ концѣ третьей—$6^3/_8$; слѣдова-

ющихся съ яйцомъ при насиживаніи, 2) что количество бѣлковыхъ веществъ не уменьшилось, но съ ними произошли измѣненія химическія и физическія изъ безформенной массы они превратились въ органы цыпленка, 3) что уменьшеніе вѣса яйца исключительно зависитъ отъ окисленія жировъ и отъ испаренія воды. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣсъ выдѣлившихся продуктовъ (углеродной кислоты, воды) болѣе, нежели уменьшеніе вѣса яйца: это показываетъ, что нѣкоторая часть кислорода остается соединенною съ веществами яйца.

Изъ изслѣдованій Бодримона превосходно видно, какъ много зависятъ химическіе и физическіе процессы, составляющіе развитіе зародыша, отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Небольшое измѣненіе температуры или степени влажности воздуха достаточно, чтобы остановить развитіе. При 32° реомюра развитіе идетъ правильно, при 30 оно идетъ медленнѣе, при нѣсколько низшей температурѣ вовсе прекращается; при температурѣ нѣсколько выше 32 градусовъ развитіе ускоряется, но при 34 зародышъ погибаетъ. Если сосудъ, въ которомъ помѣщены яйца при температурѣ 32 реомюра, содержитъ совершенно сухой воздухъ, то вода испаряется изъ яйца въ весьма большомъ, противъ обыкновеннаго, количествѣ, и зародышъ погибаетъ.

Опыты надъ развитіемъ яицъ лягушекъ привели вообще къ тѣмъ же результатамъ: кислородъ, температура не ниже 10 градусовъ,— вотъ условія, необходимыя для развитія ихъ. Развитіе головастиковъ ускоряется отъ вліянія свѣта: электричество, кажется, тоже не безъ вліянія: всякой разъ, когда головастиковъ держали въ небольшомъ количествѣ воды, они умирали во время грозы Извѣстно, что рыбы также умираютъ иногда во время грозъ. Такъ какъ яйца эти не имѣютъ твердой оболочки и развиваются въ водѣ, то тутъ является та особенность, что минеральныя вещества, содержащіяся въ окружающей водѣ, входятъ въ составъ органовъ зародыша. Если сжечь яйца лягушекъ и опредѣлить составъ полученнаго пепла, если точно также опредѣлить составъ пепла, полученнаго чрезъ сожженіе головастиковъ, вышедшихъ изъ яицъ,—то мы найдемъ въ послѣднемъ случаѣ такія вещества, которыхъ нѣтъ въ первомъ; значитъ, эти вещества были получены извнѣ.

Замѣчательно еще, что курица во время насиживанія яицъ находится совершенно въ ненормальномъ состояніи: она чрезвычайно худѣетъ, уменьшается въ вѣсѣ; г. Саккъ нашелъ, что курица, вѣсившая до насиживанія 168 золотниковъ, при выходѣ цыплятъ вѣсила только 121 золотникъ; это уменьшеніе продолжается еще нѣсколько времени: въ опытахъ Сакка оно дошло чрезъ недѣлю до 119 золотниковъ, и съ этого времени вѣсъ курицы опять сталъ увеличиваться.

ОТНОШЕНІЕ НЕЗЕЛЕНЫХЪ РАСТЕНІЙ КЪ АТМОСФЕРѢ. Въ послѣдніе годы отношеніе животныхъ и растеній къ атмосферѣ было

съ большою точностью изслѣдовано химико-физіологами, и результатомъ этихъ изслѣдованій была слѣдующая формула, которая выражала собою характеръ химической стороны жизни растеній и животныхъ:

Растенія:	*Животныя*:
Производятъ среднія азотныя вещества, жирныя вещества, сахаръ, крахмалъ, смолы и пр.	Уничтожаютъ среднія азотныя вещества, жирныя вещества, сахаръ, крахмалъ, смолы и пр.
Разлагаютъ углекислоту, воду и амміачныя соли.	Производятъ углекислоту, воду и амміачныя соли.
Отдѣляютъ кислородъ.	Поглощаютъ кислородъ.
Поглощаютъ теплоту.	Отдѣляютъ теплоту.
Поглощаютъ электричество.	Отдѣляютъ электричество.
Суть приборы для возстановленія.	Суть приборы для окисленія.
Неподвижны.	Машины для движенія (¹)

Эта формула, такъ отчетливо и рѣзко опредѣляющая различіе между царствомъ растительнымъ и животнымъ и ихъ взаимную зависимость, была въ первый разъ составлена господиномъ Дюма въ его заключительной лекціи въ 1841 году. Съ тѣхъ поръ она повторялась во многихъ курсахъ и книгахъ и приводила въ восхищеніе тою простотою и гармоніею, которую открывала въ природѣ. — Безъ сомнѣнія, гармонія въ природѣ существуетъ, все существующее теперь *необходимо* гармонируетъ съ тѣмъ, что̀ непосредственно ему предшествовало, и то, что̀ явится послѣ, въ свою очередь, какъ необходимое слѣдствіе настоящаго, будетъ гармонировать съ нимъ; гармонія есть неизбѣжное слѣдствіе такой необходимости. Однакожь это нисколько не мѣшаетъ падать и измѣняться тѣмъ формуламъ, которыя мы составляемъ для выраженія нашихъ понятій о гармоніи, или, правильнѣе, о взаимной зависимости явленій природы. Каждое такое паденіе именно и есть успѣхъ въ естествоиспытаніи, потому-что причиною его всегда бываютъ новыя пріобрѣтенія, сдѣланныя наукою.

Прежде всего формулѣ, которую мы изложили выше, былъ нанесенъ ударъ открытіемъ такихъ животныхъ, которыя выдыхали кислородъ. Пфанкухъ замѣтилъ на одной соловарнѣ въ курфирстшествѣ Гессенскомъ, что въ ящикахъ, гдѣ собирается разсолъ, осаждается прозрачная зеленоватая слизь, и что лѣтомъ изъ этой слизи отдѣляется газъ. Гёттингенскій профессоръ Вёлеръ изслѣдовалъ этотъ газъ и нашелъ, что онъ былъ почти чистый кислородъ, такъ-что тлѣющая лучинка вспыхивала, когда ее вносили въ него. При разсматриваніи въ микроскопъ нашли, что слизистая масса состояла изъ живыхъ инфузорій, принадлежащихъ къ роду *navicula* и *gaillonella*, между ними находились и нитчатыя растенія *(confervæ)*, но въ такомъ маломъ количествѣ сравнительно съ инфузоріями, что большое отдѣленіе кислорода нельзя было приписать имъ.

(¹) Курсъ физіологической химіи, Ходнева, стр. 12.

Потомъ тоже подтвердили изслѣдованія господъ Морренъ (въ трудахъ Брюссельской Академіи 1841 года) надъ зелеными и красными инфузоріями, именно надъ видами *Enchelis monadina virescens*, *Enchelis pulvisculus viridis*, *trachelomonas volvocina*. Эти наблюденія заставили сдѣлать въ формулѣ исключенія, показавъ, что зеленыя и красныя инфузоріи находятся къ атмосферѣ точно въ такомъ отношеніи, какое формула считаетъ исключительною принадлежностью растеній, т. е. что при вліяніи солнечнаго свѣта онѣ выдѣляютъ кислородъ въ атмосферу.

Впрочемъ, разсматривая тщательнѣе этихъ инфузорій, увидѣли, что движенія ихъ, единственный признакъ, по которому ихъ сочли за животныхъ, недостаточенъ для вывода этого заключенія, именно потому, что движенія ихъ не производятся сжатіемъ или растягиваніемъ ихъ тѣла, какъ вообще у животныхъ, и совершенно сходны съ движеніемъ крупинокъ нѣкоторыхъ нитчатыхъ растеній.

Это мнѣніе, которое мы читаемъ въ сравнительной анатоміи Зибольда и Станніуса, очень вѣроятно, и слѣдовательно формула опять могла принять свое прежнее значеніе, опять вдыханіе кислорода и выдыханіе углеродной кислоты сдѣлалось исключительною принадлежностью животной жизни и однимъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ отличить животное отъ растенія, а выдѣленіе кислорода въ атмосферу стало опять существенною принадлежностью растеній. — Но не на долго.

Вообще растенія берутъ матеріялы, изъ которыхъ образуется ихъ масса, изъ почвы и атмосферы: первая доставляетъ минеральныя вещества, вторая доставляетъ углеродъ и азотъ; углеродъ находится въ атмосферѣ въ соединеніи съ кислородомъ, въ видѣ углеродной кислоты; азотъ соединенъ съ водородомъ въ видѣ аммоніака. Въ углеродной кислотѣ кислородъ и углеродъ соединены въ такой пропорціи, что на двѣсти частей кислорода (по вѣсу) находится семдесятъ пять частей углероду. Какое бы растеніе мы ни взяли, мы найдемъ при этомъ анализѣ, что въ немъ количество кислорода противъ углерода несравненно менѣе, нежели въ углеродной кислотѣ, такъ-что часть кислорода необходимо должна отдѣляться, и отдѣленіе кислорода есть существенная принадлежность всѣхъ растеній, которыя получаютъ свой углеродъ въ видѣ углеродной кислоты.

Но есть растенія чужеядныя, которыя живутъ на другихъ растеніяхъ; они никакъ не могутъ существовать отдѣльно, и это показываетъ, что условія ихъ существованія отличны отъ тѣхъ, при которыхъ живутъ растенія самостоятельныя. Эти паразиты живутъ то на стволахъ и вѣтвяхъ другихъ растеній — повилики (*cuscuta*), то на корняхъ — заразиха (*orobancheae*). Они внѣдряются своими корешками въ тѣ растенія, на которыхъ живутъ, питаются ихъ соками, т. е. тѣми жидкими продуктами, которые самостоятельное растеніе выработало изъ углеродной кислоты, воды, аммоніака и минеральныхъ веществъ; однимъ словомъ, въ отношеніи питанія растенія паразиты становятся въ рядъ животныхъ,

которыя также питаются сложными веществами, находящимися въ растеніяхъ. Оставалось опредѣлить отношеніе чужеядныхъ растеній къ атмосферѣ, посмотрѣть, не откроется ли и въ этомъ отношеніи ихъ аналогія съ животными: въ сентябрьской книжкѣ *Annales des sciences naturelles* 1847 помѣщено изслѣдованіе анатомическаго строенія и дыханія заразихъ, сдѣланное господиномъ Лори *(Lory)*, которое рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно.

Онъ помѣщалъ растеніе въ стеклянныя бутыли, содержавшія воздухъ и углеродную кислоту; составъ этой смѣси былъ извѣстенъ. Бутыль закрывалась совершенно плотно пробкою, въ которую была вставлена изогнутая стеклянная трубка, погружавшаяся свободнымъ концомъ въ воду или ртуть. Онъ всегда находилъ, что количество кислорода уменьшалось, и что его мѣсто заступала углеродная кислота. Это происходитъ и въ темнотѣ; но солнечный свѣтъ ускорялъ образованіе углеродной кислоты, возвышеніе температуры также; это замѣчается во всѣ періоды развитія растенія, такъ-что составляетъ существенный характеръ его жизни. Приведемъ одинъ изъ его опытовъ: онъ взялъ равныя части по вѣсу самостоятельнаго растенія и паразита, живущаго на корняхъ его *(Teucrium chamaedrys* и *Orobanche Teucrii)*; помѣстилъ то и другое въ бутыли одинаковой величины, наполненныя смѣсью, состоявшею изъ шести объемовъ воздуха и одного объема углеродной кислоты. Опытъ продолжался тридцать часовъ, въ продолженіи котораго растенія находились двѣнадцать часовъ на солнцѣ. По истеченіи этого времени, воздухъ, въ которомъ находилось самостоятельное растеніе *(Teucrium)*, не содержалъ углеродной кислоты, а только кислородъ; а воздухъ, въ которомъ находилось паразитное растеніе, состоялъ теперь изъ девяти объемовъ кислорода, ста азота и тридцати восьми углеродной кислоты; слѣдовательно, здѣсь количество кислорода значительно уменьшилось, а количество углеродной кислоты увеличилось.

Всѣ растенія, выдѣляющія углеродную кислоту, не имѣютъ зеленаго цвѣта; напротивъ, всѣ, которыя выдѣляютъ въ атмосферу кислородъ, содержатъ вещество зеленаго цвѣта, называемое хлорофилемъ, такъ-что образованіе этого зеленаго вещества стоитъ повидимому въ тѣсной связи съ отношеніемъ растеній къ атмосферѣ; это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что монады, отдѣляющія въ атмосферу кислородъ, также имѣютъ зеленый цвѣтъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что точное опредѣленіе состава и химическихъ свойствъ хлорофиля объяснило бы многія явленія въ жизни растеній; къ этому интересно было бы присоединить изслѣдованіе, содержатъ ли и зеленыя монады, выдѣляющія кислородъ, тотъ же самый хлорофиль. Отношеніе грибовъ къ атмосферѣ не менѣе достойно вниманія естествоиспытателей; вѣроятно, что они представляютъ аналогію съ паразитными растеніями, потому-что всегда развиваются на почвѣ, состоящей изъ отжившихъ растеній.

Цвѣтныя свѣтописныя изображенія. Продолжая свои изслѣдованія касательно химическихъ дѣйствій свѣта, г. Бекерель открылъ замѣчательное явленіе, что можно посредствомъ цвѣтныхъ лучей свѣта сообщить соотвѣтственные цвѣта и свѣтописному изображенію. Серебряная дощечка, на которой получаютъ такое изображеніе, должна быть подвергнута дѣйствію хлорнаго газа, съ особыми предосторожностями, которыя не объяснены въ краткомъ извѣстіи, помѣщенномъ въ № 6 *Comptes rendus* Парижской Академіи, и которыя, безъ сомнѣнія, будутъ описаны въ подробной статьѣ, которую напечатаетъ г. Бекерель. Такая дощечка, будучи внесена въ разноцвѣтный спектръ, получаемый при пропусканіи бѣлаго луча чрезъ треугольную призму, принимаетъ соотвѣтственно всѣ его радужные цвѣта, начиная отъ фіолетоваго до краснаго.

Но эти цвѣта сохраняются только въ темнотѣ, и г. Бекерель не могъ найти средства придать имъ прочность, когда они остаются на свѣтѣ. Если бы можно было достигнуть этого, то свѣтописныя изображенія представляли бы намъ предметъ не только съ его оттѣнками, какъ теперешнія, но и со всѣми его естественными цвѣтами, какъ въ живописи. Г. Бекерель полагаетъ, что это не невозможно.

Замѣненіе свинцовыхъ бѣлилъ цинковыми въ живописи. Извѣстно, что въ составъ многихъ красокъ, употребляемыхъ въ живописи, входятъ свинцовыя бѣлила (соединеніе окиси свинца съ углекислотою), и что эта-то примѣсь причиною того, что современемъ живость цвѣтовъ пропадаетъ; причина этого потемнѣнія цвѣтовъ заключается въ томъ, что свинецъ, находящійся въ бѣлилахъ, соединяется съ сѣрою, которая бываетъ въ атмосферѣ въ видѣ сѣрнистоводороднаго газа; но соединеніе свинца съ сѣрою (сѣрнистый свинецъ) имѣетъ черный цвѣтъ, и слѣдовательно понятно, какъ долженъ измѣняться цвѣтъ краски, когда вмѣсто бѣлаго вещества ея примѣсью дѣлается черное. Какъ ни ничтожно количество сѣрнистоводороднаго газа въ воздухѣ, но продолжительность времени съ одной стороны, и чрезвычайно густой черный цвѣтъ сѣрнистаго свинца съ другой, дѣлаютъ совершенно понятнымъ его вредное вліяніе. Г. Леклеръ представилъ въ Парижскую Академію нѣсколько картинъ, которыя нисколько не потеряли яркости цвѣтовъ, когда ихъ съ намѣреніемъ подвергали вліянію сѣрнистоводороднаго газа; краски на этихъ картинахъ содержали вмѣсто свинцовыхъ бѣлилъ цинковыя (т. е. соединеніе окиси цинка съ углекислотою). Сѣрнистоводородной газъ не измѣняетъ бѣлаго цвѣта цинковыхъ бѣлилъ, потому-что если и произойдетъ сѣрнистый цинкъ, то это соединеніе, имѣя бѣлый цвѣтъ, остается безъ вліянія. Парижская Академія назначила коммиссію изъ своихъ членовъ къ разсмотрѣнію новаго предложенія и пригласила участво-

вать въ ней нѣсколькихъ членовъ Академіи художествъ. Лассень (*Lassaigne*) прислалъ по этому случаю извѣстіе въ академію, что еще въ 1821 году, по его предложенію, одинъ изъ учениковъ Давида написалъ портретъ, гдѣ свинцовыя бѣлила замѣнены цинковыми, что портретъ этотъ до сихъ поръ сохранилъ всю первоначальную свѣжесть цвѣтовъ, и что онъ готовъ передать его коммиссіи академіи для изслѣдованія. Мы приводимъ замѣчанія Лассеня не потому, чтобы считали интересными иски о первенствѣ, такъ часто являющіеся во Франціи, а потому, что находимъ въ немъ потвержденіе годности предлагаемаго усовершенствованія.

АЛЬДЕГИДЪ (*) ДЛЯ ПРИВЕДЕНІЯ ВЪ БЕЗЧУВСТВІЕ. Въ *Comptes rendus* Парижской Академіи отъ 13 марта помѣщено слѣдующее письмо г. Пожіале: «Я замѣтилъ — пишетъ онъ — что вдыханіе паровъ альдегида весьма скоро производитъ полное безчувствіе. Дѣйствіе паровъ альдегида несравненно быстрѣе и сильнѣе, нежели эөира и хлороформа. Я дѣлалъ много опытовъ надъ собаками, и замѣтилъ слѣдующее: въ 45 секундъ наступила полная безчувственность; глаза дѣлались неподвижны, зрачки расширялись, мускулы ослаблялись. Такое состояніе продолжалось минуты три: послѣ этого животное, оставаясь впрочемъ безчувственнымъ, производило неправильныя, непроизвольныя движенія. Въ 8 минутъ возвращались нормальное дыханіе и чувствительность кожи; вредныхъ послѣдствій не замѣчено. Въ двухъ опытахъ вдыханіе продолжалось 10 минутъ: животное осталось безчувственнымъ и неподвижнымъ, и только мускулы органовъ дыханія продолжали свое дѣйствіе.... Черезъ четверть часа животное совершенно оправилось.»

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Описаніе Императорской Пулковской Обсерваторіи г. Біотомъ, заимствованное изъ *Journal des Savants*. — Записки, изданныя г. Чарльзомъ Бенбюри о пребываніи его на мысѣ Доброй Надежды, описаніе туземныхъ племенъ и природы края. — Извлеченія изъ этихъ записокъ. — Художественная выставка въ Луврѣ въ нынѣшнемъ году.

Знаменитый французскій астрономъ Біотъ помѣстилъ въ *Journal des Savants* необыкновенно любопытную статью объ Императорской Пулковской Обсерваторіи. Мы надѣемся доставить читателямъ нашимъ удовольствіе, приведя отрывки изъ этой превосходной статьи.

(*) Это продуктъ, получаемый при неполномъ окисленіи виннаго спирта; для полученія его перегоняютъ винный спиртъ съ сѣрною кислотою и перекисью марганца. Альдегидъ — чрезвычайно летучая жидкость съ сильнымъ запахомъ.

«Давно уже Петербургская Академія Наукъ», говоритъ г. Біотъ, «чувствовала потребность имѣть хорошо устроенную обсерваторію. Наконецъ проэктъ, представленный въ 1833 году президентомъ Академіи Наукъ, былъ утвержденъ Императоромъ, и тотчасъ же наряжена ученая коммиссія и ассигнована сумма на постройку зданія и покупку инструментовъ.

Пространство, заключающее 20 десятинъ, принадлежавшее къ царскосельскому имѣнію, было подарено Августѣйшимъ владѣльцемъ Академіи Наукъ, и здѣсь-то предположено было воздвигнуть зданіе обсерваторіи. Казенные крестьяне, занимавшіе эту землю, получили по-близости соотвѣтственное пространство и щедрое денежное вознагражденіе за перемѣщеніе. Кромѣ того указомъ воспрещено, безъ предварительнаго согласія директора обсерваторіи, на разстояніи одной версты въ окружности строить какія бы то ни было зданія.

Такимъ образомъ интересы науки и справедливости были одинаково удовлетворены....

Село Пулково, давшее свое имя обсерваторіи, имѣетъ 2000 жителей. Оно лежитъ нѣсколько на юго-западъ отъ Петербурга, въ 20 верстахъ отъ центра города, какъ Версаль отъ Парижа; а отдаленіе его отъ царскосельскаго дворца можетъ равняться половинному разстоянію отъ Сен-Клу до Версали.... Обсерваторія возвышается надъ обширной долиной, покрытой лугами и усѣянной отдѣльными рощами. Съ высоты горизонтъ на дальное разстояніе открытъ совершенно со всѣхъ сторонъ. Но чтобы дать полное понятіе о Пулковской обсерваторіи — продолжаетъ г. Біотъ — представимъ себѣ обширную, гладкую равнину и на ней въ нѣсколькихъ миляхъ отъ многолюдной столицы, среди чистаго поля и необъятнаго горизонта, небольшое возвышеніе, уединенный, плоскій холмъ, гдѣ ни туманы, ни испаренія болотъ, ни пыль большихъ дорогъ не помрачаютъ воздуха, гдѣ стукъ колесъ о мостовыя и пушечные выстрѣлы не потрясаютъ зданій; гдѣ все тихо, свѣтло и весело Теперь, давъ волю воображенію, предадимся платоническимъ вымысламъ и предположимъ, что на этомъ мѣстѣ намъ вздумалось бы основать *Ураническую* колонію. Прежде всего, соотвѣтственно требованіямъ науки, воздвигнемъ здѣсь огромную обсерваторію, архитектуры стиля чистаго и грандіознаго. Соберемъ для этой обсерваторіи лучшіе и превосходнѣйшіе въ свѣтѣ инструменты, поселимъ здѣсь астрономовъ молодыхъ, дѣятельныхъ и вполнѣ преданныхъ своей наукѣ. Для того же, чтобы въ трудахъ ихъ были последовательность и порядокъ, чтобы всѣ они содѣйствовали безъ соперничества къ достиженію общей цѣли, дадимъ имъ главу, начальника, который бы независимо отъ своего званія и своихъ правъ отличался высокими качествами и безпредѣльною преданностью къ наукѣ. При такихъ условіяхъ всѣ подчиненные будутъ его друзьями, и самъ онъ сочтетъ для себя счастіемъ содѣйствовать спеціяльнымъ изысканіямъ каждаго. Такая должность требуетъ постояннаго присутствія, неусыпныхъ трудовъ. На это нуженъ человѣкъ, ничѣмъ *дру-*

гимъ кромѣ этого дѣла незанятый. Нашъ директоръ уже не долженъ брать на себя никакой государственной или частной обязанности. Званіе академика—священная эмблема его ученой жизни. При такихъ условіяхъ, онъ непремѣнно долженъ быть вознагражденъ хорошимъ исключительнымъ содержаніемъ.

Послѣ этого позаботимся объ устройствѣ нашихъ поселенцевъ въ этой ученой пустынѣ. Чтобы они сдѣлались осѣдлыми, имъ необходимо надобно быть женатыми; а для того, чтобы ихъ жизнь была удобна и пріятна, построимъ имъ хорошіе домы, въ которыхъ бы они могли жить каждый отдѣльно съ своимъ семействомъ. Эти домы мы удалимъ отъ главнаго астрономическаго строенія, чтобы оно не страдало отъ близкаго сосѣдства съ жилыми строеніями; для удобства же соединимъ жилища астрономовъ съ обсерваторіей посредствомъ закрытыхъ, зимою теплыхъ, ходовъ, по которымъ днемъ и ночью, во всякое время года, можно ходить, не подвергаясь вліянію непогодъ.

Кромѣ инструментовъ, члены, принадлежащіе къ обсерваторіи, найдутъ въ ней полную астрономическую библіотеку и комнаты для занятій, также защищенныя отъ суровости температуры, — и только однѣ залы для наблюденій и инструменты будутъ по необходимости подчинены вліянію непогоды. Земли у насъ довольно, и потому каждому астроному мы отдѣлимъ особенный садъ и огородъ.

Такимъ образомъ эти лица составятъ между собою съ своими семействами, особенный міръ: они будутъ дышать одной атмосферой идей, будутъ заниматься соотвѣтственно своимъ вкусамъ и наклонностямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не должно отторгать ихъ отъ ученаго общества, котораго участіе и одобреніе необходимо для поддержанія ихъ ревности. Разъ въ годъ по-крайней-мѣрѣ директоръ будетъ представлять Академіи отчетъ о трудахъ обсерваторіи. Всѣ труды астрономовъ будутъ издаваться ежегодно. Они сами будутъ имѣть право присутствовать при засѣданіяхъ Академіи, если они ея члены; а чтобы отдаленность астрономическаго мѣстопребыванія не препятствовала исполненію этого, каждый получитъ опредѣленную сумму на содержаніе лошадей и экипажа. Такая роскошь, заботливость и удобство для достиженія подобной цѣли до сихъ поръ ни гдѣ не были осуществлены; свобода нашего воображенія дѣлаетъ насъ всемогущими и очень богатыми; мечтѣ ничего не стоитъ сорить деньгами! — Все это такъ, но все это не болѣе какъ прекрасная утопія! скажутъ мнѣ. — Вы въ вашемъ воображеніи строите настоящее астрономическое эльдорадо! Нѣтъ, это не мечта, а дѣйствительность; я ничего не выдумалъ, я только съ вѣрностію представилъ главныя черты плана, устройства и устава, данныхъ Императоромъ русскимъ Пулковской обсерваторіи!»

Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе устройства обсерваторіи.—Въ заключеніе своей статьи г. Біотъ говоритъ:

«Несправедливо ли назвалъ я это астрономическое заведеніе *Ураническою колоніею?* И не достаточно ли даже этого краткаго, отрывочнаго и неполнаго описанія для доказательства, что никакое астрономиче-

ское заведеніе до сихъ поръ и никогда еще не было такъ широко задумано, такъ благоразумно устроено и такъ великолѣпно и щедро одарено, какъ Императорская Пулковская обсерваторія? Императоръ, кромѣ подаренной земли, пожаловалъ на постройку 600,000 руб. сер. Щедрость истинно-полезная и истинно-царская! — Россія владѣетъ теперь такимъ памятникомъ науки и искусства, лучше котораго нѣтъ въ мірѣ!»

— Г. Чарлзъ Бенбюри (*Charles J. F. Bunbury*) издалъ недавно въ Лондонѣ свои записки, въ которыхъ описываются англійскія африканскія поселенія на мысѣ Доброй Надежды, туземныя племена и природа этого края. Записки эти принадлежатъ къ замѣчательнымъ сочиненіямъ, появившимся въ послѣднее время въ англійской литературѣ. Множество тонкихъ замѣчаній, живое и увлекательное изображеніе какъ туземныхъ нравовъ, такъ и предметовъ естественныхъ: животныхъ, горъ и растеній, придаютъ этой книжкѣ большую занимательность и разнообразіе. Бенбюри сопровождалъ сэра Жоржа Напира (который былъ назначенъ въ исходѣ 1837 года губернаторомъ на мысъ Доброй Надежды) — съ цѣлію обозрѣть природу этой страны, имѣющей для науки весьма важный интересъ. Онъ провелъ въ колоніи около четырнадцати мѣсяцовъ, въ теченіи которыхъ постоянно предпринималъ путешествія во внутреннія земли, собирая растенія и вообще занимаясь изученіемъ естественныхъ произведеній края. По возвращеніи въ Англію, онъ приготовилъ было свой журналъ къ изданію, но различныя обстоятельства замедлили появленіе его въ свѣтъ. Когда же новыя важныя происшествія въ африканскомъ поселеніи, и въ особенности возобновленіе войны съ кафрами, возбудили общее вниманіе, Бенбюри издалъ свои записки, чтобы, по возможности, разлить нѣкоторый свѣтъ на запутанные политическіе вопросы, занимающіе колонію. Желая соединить съ спеціяльнымъ описаніемъ и общія свѣдѣнія о колоніи, авторъ присовокупилъ къ своему изданію введеніе, въ которомъ онъ исторически обозрѣваетъ весь періодъ жизни колоніи, по самое время его прибытія, и излагаетъ происшествія, имѣвшія вліяніе на судьбу ея, послѣ возвращенія его въ Англію, до назначенія сэра Гарри Смита губернаторомъ Мыса. Всѣ эти дополнительныя статьи содержатъ въ себѣ столь же краткій и ясный, сколько и увлекательный обзоръ всѣхъ переворотовъ, происходившихъ въ колоніи. Вообще, Записки г. Бенбюри даютъ весьма полное понятіе объ англійскомъ африканскомъ поселеніи.

Вотъ описаніе вида морскихъ береговъ, заимствованное нами изъ этихъ записокъ:

«Когда мы подплыли къ Мысу съ юго-западной стороны, передъ «нами раскинулся роскошный берегъ, вдоль котораго тянулся отъ «Столовой бухты до собственно такъ называемаго мыса Доброй На-«дежды, живописный горный хребетъ, и здѣсь-то я впервые окинулъ «жаднымъ взоромъ африканскій материкъ. Весь берегъ вообще крутъ «и высокъ; гигантскіе и обнаженные уступы горъ какъ бы вдругъ

«подымаются изъ волнъ и разбрасываютъ во всѣ стороны маленькія «грядки скалъ, едва покрытыхъ кустарникомъ. Неровныя и утеси«стыя вершины этого хребта не имѣютъ однакожь острыхъ верху«шекъ, придающихъ столь оригинальную физіономію берегамъ бразиль«скимъ: онѣ скорѣе напоминаютъ намъ низменныя предгорія Альпій«скаго хребта. Когда мы нѣсколько ближе подплыли къ берегу, то «при ясности дня увидѣли во всей красѣ живописный южный хре«бетъ. На утесистыхъ неровностяхъ его игралъ свѣтъ, крутизна меж«ду тѣмъ погружена была въ мрачную тѣнь, и о подошву скалъ съ «яростнымъ ревомъ разбивались волны. Зелень едва проглядывала на «скалистомъ хребтѣ, утесы не вездѣ были обнажены, но вся расти«тельность на нихъ имѣла отливъ поблекшій, бурый, и посреди этой «мрачной картины деревья и сады мелькали только у подошвы Льви«ной горы (образующей юго-западное очертаніе залива). Знаменитая «Столовая гора есть, по всей вѣроятности, вершина хребта, но со «стороны моря она не представляетъ ни значительной высоты, ни той «фигуры, по которой ей дано названіе Столовой. Она скорѣе напоми«наетъ взорамъ салисбурійскіе утесы, находящіеся близь Эдинбурга».

Капштадтъ лежитъ въ покатой долинѣ на берегу моря и, несмотря на свою окрестность, не представляетъ ничего особенно живописнаго.

Авторъ описываетъ его такъ:

«Капштадтъ числомъ жителей вѣроятно не превосходитъ Ярмута «(въ Норфолькѣ), но, будучи не такъ тѣсно выстроенъ, онъ занимаетъ «бóльшее пространство. Улицы его довольно широки и правильны и «пересѣкаютъ одна другую подъ прямымъ угломъ; но онѣ еще не «вымощены, и потому во время засухи чрезвычайно пыльны; многія «изъ нихъ усажены рядомъ дубовыхъ деревьевъ, — вдоль же главной «улицы, называемой Хиръ-Грахтъ, идетъ каналъ, теперь почти со«всѣмъ высохшій. Настоящихъ тротуаровъ нѣтъ, но передъ многими «домами возвышаются надъ улицею каменныя террасы, называемыя «*Stoep* и служащія для жителей мѣстомъ вечерней прогулки. Домы «по большой части низки и имѣютъ плоскія крыши, выбѣленныя или «выкрашенныя, съ окнами и отверстіями.

«Болѣе всего — говоритъ г. Бенбюри — поражаетъ въ этомъ горо«дѣ смѣшеніе народовъ. Здѣсь виднѣнъ и малаецъ, и голландецъ, и «негръ, и готтентотъ рядомъ съ англійскимъ поселенцемъ. Англійскія «физіономіи встрѣчаются на каждомъ шагу; все это вмѣстѣ съ перва«го взгляда представляетъ самую пеструю картину и даетъ городу «очень оригинальный характеръ. Взоры иностранца всего болѣе по«ражены странною формою извощичьихъ фуръ: всѣ громоздкіе това«ры, напр. бочки съ винами, строевой лѣсъ и проч., укладываются «въ эти длинныя и низкія фуры, въ которыя обыкновенно запрягает«ся воловъ двѣнадцать, а иногда и болѣе, и которыми правитъ гот«тентотъ съ предлиннымъ бамбуковымъ бичомъ. Легкую поклажу во«зятъ въ подобныхъ же фурахъ лошади.

«Капштадтъ [illegible] довольно сильнымъ войскомъ и сверхъ того «[illegible] [illegible] укрѣпленіями. Находясь на южной [illegible] «[illegible] Африки, городъ этотъ подверженъ несносному зною, и тѣмъ бо- «лѣе, что позади его [illegible] громады обнаженныхъ утесовъ. «Но еще большее неудобство его въ это время года (февраль) стран- «ная пыль, которая носится густымъ облакомъ въ воздухѣ, и которая, «при [illegible] юго-восточномъ вѣтрѣ, невыносима, потому-что проби- «вается всюду, проникаетъ, кажется, во всѣ поры, садится на платье, «мебель и [illegible]. [illegible] отъ дѣйствія ея стѣны и зелень деревь- «евъ, находящихся въ городѣ, кажутся всѣ какъ бы [illegible] «[illegible] [illegible]»

Вступивши на берегъ, г. Бембери немедленно началъ ботаническія изслѣдованія. Въ окрестностяхъ Мыса, говоритъ онъ, рѣшительно нѣтъ ни одной замѣчательной древесной породы: одно только красивое серебристое дерево, или Виттенбомъ (*Leucadendron argenteum*), изо всѣхъ растеній Мыса имѣетъ значительную высоту и встрѣчается повсюду. [illegible] лѣсъ изъ этихъ деревьевъ, простирающійся отъ подошвы [illegible] горы [illegible] возвышенности, лежащей влѣво отъ [illegible] Столовой горы. Г. Бембери говоритъ, что это дерево [illegible] блескомъ шелковидныхъ листьевъ, [illegible] когда они приходятъ въ колебаніе отъ вѣтра. [illegible] — говоритъ онъ — вышиною отъ 30 до 40 футовъ; [illegible] верхней части кривы и не далеко раскидываются, — [illegible] мягко и легко и годится только на топливо, а кора очень [illegible] и должна заключать въ себѣ много дубильнаго вещества». — [illegible] поле для ботаническихъ наблюденій представляютъ по- [illegible] и скаты горъ, окружающихъ Капштадтъ.

Мы представимъ здѣсь нашимъ читателямъ результатъ одного изъ [illegible] интересныхъ ученыхъ изслѣдованій автора:

«Февр. 20-е, 1838: Сегодня утромъ я всталъ часа въ четыре, чтобы вмѣстѣ съ г. Гарвеемъ взобраться на Столовую гору. Звѣзды ярко сверкали на чистомъ, хотя и не совсѣмъ безоблачномъ небѣ; небольшая туча выглядывала изъ-за горы, вся природа покоилась, [illegible] одни только кузнечики и стрекоза нарушали глубокую тишину. Мили съ двѣ дорога казалась намъ довольно сносною: наконецъ мы приблизились къ Платтъ-Клипу, — широкому, гладкому утесу, черезъ который бѣжитъ горный потокъ, приводящій здѣсь въ движеніе водяную мельницу. Здѣсь уже нельзя было продолжать путь верхомъ: и мы, оставивъ лошадей, вступили въ такъ называемую нагорную [illegible] — родъ крутого горба, спускающагося къ подошвѣ скалъ. Тропинка, по которой мы взбирались, была очень неровна и узка и извивалась между серебряными деревьями и огромными кустарниками, [illegible] на утесахъ. Когда начало свѣтать, въ глубинѣ подъ ними показался Капштадтъ съ своимъ заливомъ, а черезъ вершину [illegible] горы передъ нами открылось море. Тропинка становилась все круче и круче, по мѣрѣ того, какъ мы поднимались; наконецъ

«въ шестомъ часу мы очутились въ большомъ оврагѣ, который тя-
«нется до самой вершины горы. Сѣверная сторона Столовой горы
«походитъ на стѣну съ бастіонами: этотъ оврагъ образуетъ внутрен-
«ній уголъ бастіона между правымъ, или западнымъ бастіономъ и
«стѣною, — уголъ, при основаніи довольно широкій, но постепенно
«съуживающійся кверху, такъ-что наконецъ при вершинѣ своей
«имѣетъ онъ не болѣе трехъ или пяти ярдовъ между стѣною и уте-
«сами. Восхожденіе наше было сопряжено съ большими трудностями,
«ибо тропинка была не только чрезмѣрно крута, но и повсюду зава-
«лена острыми камнями, затрудняющими пѣшехода и легко обвали-
«вающимися подъ ногами. Длинные кусты густой травы и жесткихъ,
«упругихъ веревочниковыхъ растеній *(Restiaciæ)* растутъ въ ущельяхъ
«между скалами и даютъ возможность цѣпляться за нихъ и влѣзать
«съ помощію рукъ; верески, папоротники и много другихъ мало-
«рослыхъ кустарниковъ украшаютъ трещины огромныхъ массъ гори-
«зонтально лежащаго кварцоваго песчаника, расположеннаго гигант-
«скою стѣною по обѣимъ сторонамъ прохода. Въ исходѣ шестого ча-
«са мы вылѣзли изъ ущелья и вошли на вершину Столовой горы, на-
«ходящейся на 3,582 фута надъ поверхностію моря. Солнце уже сія-
«ло во всемъ своемъ блескѣ и воздухъ вокругъ насъ былъ чистъ и
«прозраченъ. Мы немедленно начали искать растенія *Disa grandiflora*,
«знаменитаго украшенія Столовой горы и для котораго преимущест-
«венно мы и рѣшились взобраться на ея вершину въ столь неблаго-
«пріятное время года. Вершина эта, несмотря на то, что усѣяна кое-
«гдѣ утесистыми возвышеніями и болотистыми впадинами, необыкно-
«венно плоска и образуетъ узкую равнину, мили въ двѣ длиною, по
«направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу съ обрывами на каж-
«дой сторонѣ. Бóльшую часть ея поверхности составляетъ родъ мо-
«стовой изъ плоскихъ или круглыхъ скалъ, а трещины ея наполнены
«травами: остальная часть площадки болотиста и подернута мхами
«или покрыта высокимъ тростникомъ и папоротниками. *Disa grandiflo-
«ra* растетъ въ большомъ изобиліи въ болотистой впадинѣ (возлѣ во-
«сточной оконечности), посреди тростника, по краямъ маленькихъ
«лужъ и ручейковъ. Кромѣ этого мѣста, сколько мнѣ извѣстно, ни-
«гдѣ нельзя найти *Disa grandiflora*, по моему мнѣнію, самаго роскош-
«наго цвѣтка изо всѣхъ когда-либо мною видѣнныхъ, и достойнаго
«занимать первое мѣсто между красивыми семействами африканскихъ
«растеній. Сверхъ того удалось намъ отыскать и два другіе вида
«*Disæ (ferruginea* и *tenuifolia)*, потомъ еще нѣжный, сливочно-кофейный
«*gladiolus* и пышную *crassula coccinea*, и много красивыхъ травокъ
«изъ семейства вересковъ, изъ которыхъ иныя свойственны только
«этой высотѣ, другія же подобны растущимъ у подошвы горы, нако-
«нецъ нѣсколько замѣчательныхъ папоротниковъ, множество *composi-
«tæ* и проч. Обильнѣе прочихъ на вершинѣ горы — *penoea mucronata*.
«Въ мокрыхъ впадинахъ и между утесами прохода въ изобиліи ра-
«стетъ извѣстный подъ названіемъ *Todea Africana* — роскошный па-

«поротникъ». — Одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстоположеній въ окрестностяхъ Мыса представляетъ Фишъ-Риверскій лѣсъ, — прежняя граница колоніи. На каждой изъ сторонъ потока лѣсъ неправильно и грозно тянется на пространствѣ отъ шести до двадцати миль вдоль по страшной крутизнѣ хребта, образуя такимъ образомъ естественное укрѣпленіе для туземцовъ, а для дикихъ животныхъ — убѣжище, изъ котораго выгнать ихъ нѣтъ возможности.

«Мнѣ никогда и ни въ какой другой части свѣта не случалось — говоритъ г. Бенбюри — «видѣть что-либо подобное Фишъ-Риверскому «лѣсу, да и не думаю, чтобы могло существовать гдѣ-нибудь болѣе за«росшее, глухое и непроходимое мѣсто. Растительность здѣсь до того «сочна, что не поддается дѣйствію огня въ самую сухую погоду, и «вмѣстѣ съ тѣмъ столь сильна и густа, что нѣтъ никакой возможности «пробираться сквозь ея глушь, не прорубая вѣтвей на каждомъ шагу. «Однако кафры съ удивительнѣйшею ловкостью и быстротою какъ «змѣи пролѣзаютъ сквозь кустарники, такъ-что никакой европеецъ «не былъ бы въ состояніи ихъ преслѣдовать; сверхъ того, чаща лѣса «весьма для нихъ выгодна тѣмъ, что, простираясь вдоль всей грани«цы, дозволяетъ имъ, во всѣхъ ихъ разбойничьихъ и враждебныхъ «предпріятіяхъ, соединять свои силы и прокрадываться не замѣтно до «самыхъ границъ, а иногда даже и на разстояніе нѣсколькихъ миль «отъ Грахамсъ-Тоуна. Мнѣ говорили, что не далѣе какъ лѣтъ двад«цать тому назадъ, Фишъ-Риверскій лѣсъ былъ населенъ слонами и «другими дикими животными. Г. Кларкъ видѣлъ однажды недалеко «отъ Тромпетеръ-Дрифта, миляхъ въ тридцати отъ Грахамсъ-Тоуна, «слоновъ пятдесятъ вмѣстѣ; но дѣятельная война, которую вели про«тивъ нихъ альбанскіе поселенцы, для добыванія слоновыхъ костей, «равно какъ и частыя прогулки людей и домашнихъ животныхъ по «всѣмъ дикимъ и непроходимымъ мѣстамъ лѣса, — наконецъ биваки «и стычки съ кафрами въ глубинахъ его, во время послѣдней войны, «совершенно вытѣснили этихъ коренныхъ обитателей Мыса, такъ-что «нынѣ не видно во всемъ Фишъ-Риверскомъ лѣсу ни одного слона. «Носороги и буйволы еще водятся въ немъ, но первые стали уже «чрезвычайно рѣдки. Гиппопотамъ, называемый голландцами *морскою «коровою*, показывается еще при устьяхъ рѣки, хотя уже въ гораздо «меньшемъ количествѣ, также и всѣ породы антилоповъ стали несра«вненно рѣже, нежели прежде, въ предѣлахъ колоніи, а многія изъ «нихъ и совершенно исчезли. Высокія, ото всюду открытыя бонте«бокскія площадки, лежащія къ сѣверо-востоку отъ Винтерберга, до «сихъ поръ славятся между охотниками. Многіе офицеры, отправляв«шіеся въ это мѣсто на охоту, сказывали мнѣ, что встрѣчали боль«шое множество дикихъ четвероногихъ животныхъ изъ породы кваг«говъ и козъ. Здѣсь встрѣчаются также и львы, хотя число ихъ, по «милости охотниковъ, значительно уменьшается. Обыкновенно гово«рятъ, что левъ, если его не затронутъ, рѣдко нападаетъ на человѣ«ка; дѣйствительно, будучи потревоженъ, онъ обыкновенно удаляется

«тихими шагами, съ видомъ глубокаго размышленія и спокойствія, «какъ-будто бы говоря: «Я тебя не трону, только ты меня оставь «въ покоѣ». Но если станутъ по немъ стрѣлять и преслѣдовать его, «то онъ съ яростію оборачивается и нападаетъ. Мнѣ всегда казалось, «что левъ любитъ одиночество, но офицеры, охотившіеся на бонте-«бокской площадкѣ, говорили мнѣ, что весьма часто встрѣчали по «нѣскольку львовъ вмѣстѣ».

Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о кафрахъ, племени, безспорно самомъ грозномъ изо всѣхъ, съ которыми имѣли дѣло англичане, и между прочимъ о вооруженіи и военномъ искусствѣ ихъ.

«Хотя теперь всѣ соглашаются — говоритъ г. Бенбюри — въ томъ, «что кафры принадлежатъ къ черному поколѣнію, однако характери-«стическія особенности этого племени, за исключеніемъ курчавыхъ «волосъ, обозначаются на немъ менѣе рѣзко, нежели на гвинейскихъ «и мозамбикскихъ уроженцахъ; губы у кафровъ не такъ пухлы, носъ «менѣе сплющенъ, нижняя часть лица выдается впередъ не столь «острымъ угломъ, и наконецъ лобная кость нерѣдко столько же раз-«вита, сколько и у европейцевъ. Цвѣтъ кожи у бо̀льшей части каф-«ровъ, мною видѣнныхъ, подходитъ къ темно-коричневому, нерѣдко и «къ черному, между тѣмъ какъ у другихъ племенъ онъ имѣетъ жол-«тые и красные оттѣнки: впрочемъ они такъ часто выкрашиваютъ «себѣ кожу красною охрою, что о настоящемъ цвѣтѣ ея судить труд-«но. Мужчины ихъ, вообще говоря, довольно высокаго росту и такъ «хорошо сложены, что красота ихъ формъ и свобода движеній часто «напоминали мнѣ изящество древнихъ статуй; однако они болѣе от-«личаются ловкостію, нежели силою, и по увѣренію многихъ, не сла-«дятъ съ англійскимъ солдатомъ. Они не носятъ никакой одежды кро-«мѣ кожанаго плаща или *каросса* (*kaross*), ито не для прикрытія «какой-либо части тѣла, но единственно для защищенія себя отъ не-«погоды. Кожа, изъ которой выдѣлываются эти плащи, мягка и столь «же гибка, какъ лайка нашихъ перчатокъ; она принимаетъ довольно «пріятный для взора, красно-бурый цвѣтъ. Плащъ этотъ называется «у нихъ *ингубо: кароссъ* же есть, какъ мнѣ кажется, слово, заимство-«ванное у готтентотовъ голландцами. Начальники кафровъ носятъ не-«рѣдко вмѣсто плаща леопардовыя шкуры. Кафрскія женщины въ «торжественныхъ случаяхъ украшаютъ свои волосы красною охрою, «которую они употребляютъ весьма искусно: волосы скручиваются «въ нѣсколько узловъ или комковъ и всякой узелъ намазывается жи-«ромъ и охрою. Это убираніе волосъ, по мнѣнію ихъ, очень красиво. «Женщины у кафровъ, какъ я уже упоминалъ, наружностію усту-«паютъ мужчинамъ, въ одеждѣ-же онѣ отличаются отъ нихъ кожаною «шапочкою, походящею на чалму и украшенною бисеромъ и мѣдны-«ми пуговицами. Плащи ихъ, щедро осыпанные тѣми же украшенія-«ми, нѣсколько пристойнѣе мужскихъ, потому-что обыкновенно об-«вертываютъ все тѣло и закрываютъ ихъ отъ головы до пятокъ; впро-«чемъ незамужнія женщины нерѣдко прикрѣпляютъ эти плащи во-

«кругъ поясницы въ родѣ юбки, оставляя верхнюю часть своей осо-«бы открытою.

«При Блокъ-Дрифтѣ всѣ кафрскіе воины, за исключеніемъ началь-«никовъ, употребляли въ сраженіи свой дротикъ, или легкое копье, «которое у нихъ называется *умконто*, колонистами же прозвано *асса-«гай*. Копье это имѣетъ тонкое древко футовъ въ пять длиною, оно «выдѣлано изъ весьма твердаго и упругаго дерева, называемаго гол-«ландцами *ассагайгоутъ* (это дерево есть нечто иное, какъ *curtisia fa-«ginea)* и снабжено желѣзнымъ остріемъ или клинкомъ, въ родѣ пики. «Орудіе это очень легко; его можно бросить ярдовъ на пять или на «шесть, но дальше этого разстоянія направленіе силы утрачивается. «Другого рода орудіе, употребляемое амакозами, есть *кирри*, или *кіэ-«рій*, — простая палка изъ весьма тяжелаго дерева, съ шишкою на «концѣ; оно употребляется какъ метательное орудіе, и съ такою лов-«костію, что сшибаетъ птицъ на лету. Впрочемъ бо́льшая часть каф-«ровъ имѣютъ теперь и огнестрѣльное оружіе, и хотя донынѣ умѣютъ «владѣть имъ весьма немногіе изъ нихъ, однако ничто не препят-«ствуетъ предполагать, что кафры современемъ будутъ столь же мѣт-«кими стрѣлками, какъ и сѣверо-американскіе индѣйцы....»

— Въ Парижѣ, по обыкновенію, и въ нынѣшнемъ году открылась художественная выставка въ Луврѣ 15 марта. Вотъ что̀ говорятъ объ этой выставкѣ французскіе журналы:

«На выставку представлено 5180 картинъ — результатъ девяти или десятимѣсячной дѣятельности французскихъ художниковъ. Изъ нихъ тысячъ около двухъ картинъ не заслуживаютъ никакого вниманія, ибо выполнены безъ идеи и безъ таланта; много такихъ произведеній, въ которыхъ видна та степень совершенства, которая, при врожденной способности, достигается терпѣніемъ, ученіемъ и болѣе или менѣе робкимъ подражаніемъ манерѣ какого-нибудь знаменитаго художника; есть также произведенія, въ которыхъ видно притязаніе на оригинальность, — но оригинальность эта высказывается больше въ кисти, чѣмъ въ мысли. Эти мнимыя нововведенія состоятъ бо̀льшею частью въ возобновленіи древнихъ способовъ живописи, особенной манеры класть краску на полотно, — манеры, бывшей въ модѣ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ! Все это старыя вещи, принимаемыя за новыя изобрѣтенія людьми, незнакомыми съ исторіею живописи Такъ напримѣръ есть живописцы, которымъ надоѣли греки и римляне, — и они думаютъ создать что-то новое, подражая въ своихъ картинахъ Вуэ *(Vouet)*, Бурдону, Батто, Буше или Грёзу. Другіе мечтаютъ возродить искусство, изображая только кокетливыя сцены временъ регентства, и не понимаютъ, что чѣмъ болѣе скульптура и живопись удаляются отъ религіи и исторіи, давшихъ имъ жизнь, тѣмъ быстрѣе стремятся онѣ къ уничтоженію.

«Наконецъ много живописцевъ, сдѣлавшись артистами, забываютъ свои обязанности въ отношеніи къ обществу. Они забываютъ, что они не просто *живописцы*, а *художники*, жрецы искусства, и что это на-

лагаетъ на нихъ отвѣтственность за образы, за идеи, выставленные ими передъ публикою. Ватто конечно великій живописецъ, но при всемъ томъ непонятна привязанность современныхъ художниковъ къ произведеніямъ этого человѣка, поставившаго себѣ повидимому за правило изображать человѣчество только съ одной самой слабой его стороны, именно со стороны эпикуреизма и сластолюбія....

• Самонадѣянность нѣкоторыхъ живописцовъ, помѣстившихъ свои картины на нынѣшнюю выставку, пользуясь тѣмъ, что ихъ принимали безъ предварительной оцѣнки, была особенно наказана. Между необыкновенно смѣшными картинами двѣ или три въ особенности возбуждали хохотъ, раздававшійся цѣлое утро черезъ каждыя пять минутъ, по мѣрѣ того, какъ толпа замѣчала эти картины. *Жирный Амуръ*, выходящій изъ розоваго куста, и *Наполеонъ* особенно смѣшили зрителей. Этотъ новый родъ критики безъ сомнѣнія будетъ имѣть хорошее дѣйствіе и остановитъ, вѣроятно, порывы посредственности.

• Многіе изъ извѣстныхъ французскихъ художниковъ прислали на эту выставку свои труды. Между ними особенно замѣчательны: *Аскалонское сраженіе* и *Погребеніе молодого мученика* въ катакомбахъ, Шнеца; *Спаситель во гробѣ* и *Смерть Валентина*, Делакруа; *Самарянинъ*, Ораса Верне; *Святая Женевьева*, Шаммартена; *Сирены*,— граціозное произведеніе Лемана; тотъ же сюжетъ и такъ же удачно выполненный г. Мотте; прекрасный мужской портретъ, Амори-Дюваля; портретъ женщины съ ребенкомъ, Перрена; *День субботній* въ еврейскомъ кварталѣ въ Константинѣ, Шассеріо; *Карлъ V*, приготовившій свои похороны и смотрящій на свой собственный портретъ въ императорской мантіи, Циглера; *Гайде*, Миллера; *Плѣнные Аѳиняне въ Сиракузахъ*, Делуара; *Портретъ Пія IX во весь ростъ*, Гойе; *Святая Цецилія*, Ланделля; *Анакреонъ*, Жерома; *Снятіе со креста*, Деверіа; *Смерть Предтечи*, Глеза; *Пораженіе Аттилы*, Дебона; *Бетсабе* Леполля; *Взятіе Іерусалима*, огромная картина Синьоля; *Плѣнъ Іудеевъ въ Вавилонѣ*, Милье; *Осужденіе Іоанна Гусса*, Мартейстейга; *Воскрешеніе дочери начальника Синагоги*, Пильяра; *Картоны* или большіе рисунки Галимара; *Соблазненная Ева*, Каламатта; *Смерть святого Ксавіера* Лаѳона; *Клеопатра и Антоній*; *Смерть святого Петра пустынника*, Лабуи; *Вкусъ и Осязаніе*, два большія произведенія Мату; нѣсколько картинъ библейскаго содержанія, Шопена, и *Зюлейка*, Лемана.

• Замѣчательны также произведенія скульптурныя и въ особенности *Сафо*, Прадье; *Вакханка*, Клезингера; *Жанна Гашеттъ*, Бонассьё; *Николай Пуссенъ*, бронзовая статуя Бріана; *Задумчивость*, изъ мрамора, Жуѳроа; *Часъ ночи*, Полле; мраморная *Психея*, Удине; *Геркулесъ, удушающій Антея*, Этекса; *бюстъ Пія IX*, снятый съ натуры Барромъ; нѣсколько барельеѳовъ духовнаго содержанія, Трикети; *Клитія*, изъ мрамора, Лекорне; мраморные барельеѳы Клагмана; *Святая Женевьева и Аттила*, колоссальная группа, модель изъ алебастра, Мендрона и наконецъ рядъ бюстовъ, между которыми много очень хорошихъ.

«Картинъ анекдотическихъ, фантастическихъ, сатирическихъ и *tableaux de genre*, по обыкновенію, очень много. Въ анекдотическомъ родѣ замѣчательны произведенія Жакко, братьевъ Жирарде и гг. Филиппото, Барона, Діаза и Біара

«Пейзажъ, этотъ родъ живописи, развившій во Франціи въ послѣднія пятнадцать или шестнадцать лѣтъ дарованія прочныя и разнообразныя, доставилъ и въ этомъ году истинное наслажденіе любителямъ этого рода. Въ разныхъ залахъ выставки встрѣчаются прекрасные пейзажи Фландрена, Коро, Франсе, Бланшара, Леона Флёри, Лапито, Флера, Тюилье, Руссо, Бенувилля, Лессьё, Шакатона, Вильда, Дегоффа, Віоле-Ледюка, Мерсея, Дидэ (изъ Женевы), Куатье, Гоштейна, Зиттера (изъ Женевы) и пр.

«Всѣ рисунки, относящіеся къ архитектурѣ, собраны въ отдѣльной залѣ.

«Гравюръ и литографическихъ рисунковъ очень много. Между ними замѣчательны два гравированные портрета Ламенне: одинъ работы Каламатта, другой Леконта, съ оригинала Шеффера; далѣе *Опущеніе во гробъ*, съ картины Рафаэля, находящейся въ Боргезской галлереѣ, гравированное г. Маскелье, *Святая Цецилія*, съ картины Люини, ученика Леонарда да Винчи, г-на Алле.

«Рядъ гравюръ на деревѣ Гусмана посвященъ изображенію разныхъ твореній Прюдона; между прочимъ его *Преступленіе преслѣдуемое Божественнымъ Мщеніемъ*.

«Массонъ сдѣлалъ гравюру съ *Катона* Риберы, а Жираръ съ *Суліотскихъ женщинъ*, Шеффера. Портретъ Аѳанасія Кокреля, писанный также Шефферомъ, искусно выгравированъ Жираромъ.

«Есть еще много гравюръ и литографическихъ рисунковъ, относящихся или къ сочиненіямъ по части древности, или къ дальнимъ путешествіямъ, или изображающихъ сложные пейзажи. Они вообще выполнены умно и съ талантомъ.

«Вотъ общій обзоръ выставки. Въ этомъ году въ Луврѣ есть около тысячи картинъ, которыя даютъ вѣрное понятіе о степени матеріальнаго совершенства, до котораго достигло искусство во Франціи. Впрочемъ въ первое утро открытія луврскихъ галлерей ни одна изъ новыхъ картинъ не возбудила особеннаго вниманія публики; и это легко можно объяснить тѣмъ, что посѣтители на первый разъ хотѣли обозрѣть только *ensemble* этой обширной выставки».

II.

Отчетъ ректора Императорскаго Спб. Университета за 1847 годъ. — Некрологъ П. С. Мочалова. — Объ изданіи географическихъ извѣстій. — Новыя книги.

Напечатанъ отчетъ ректора Императорскаго Спб. Университета за 1847 годъ — тридцатый годъ существованія этого высшаго учебнаго

заведенія. [illegible] мы встрѣчаемъ [illegible] дѣйствій и успѣховъ такихъ учрежденій въ Россіи, какъ университеты, сердце, полное благодарности, невольно преклоняется предъ [illegible] этихъ даровъ высшаго [illegible] — предъ нашими Государями, державными [illegible] въ успѣхахъ и славѣ во всемъ великомъ и прекрасномъ. [illegible] специальныхъ учрежденій, обязанныхъ [illegible] правительству, не говоримъ о цѣлой обширной системѣ [illegible] законовъ, мѣръ для образованія всѣхъ [illegible] соотвѣтственно ихъ нуждамъ и [illegible] все это, представленное вмѣстѣ, въ однихъ фактахъ и [illegible] составили бы [illegible] картину просвѣтительныхъ [illegible] какой не найдете вы въ исторіи ни одного [illegible] въ мірѣ. Мы [illegible] современные, стоящіе посреди самыхъ событій, не въ состояніи еще вполнѣ обнять ихъ великой цѣлости и глубины ихъ значенія: взоръ нашъ теряется въ разнообразіи [illegible] предѣловъ горизонта. Потомству будетъ [illegible] передъ нимъ раскроется совершенно въ [illegible] ихъ единствѣ это дивное твореніе мудрости [illegible] разума — наука и искусства. Но если ограничиться [illegible] отдѣльными предметами этого громаднаго цѣлаго, то университеты [illegible] представятся намъ какъ явленія, [illegible] о благихъ дѣйствіяхъ силы, зиждущей его и хранящей. Знаніе, подобно великой рѣкѣ, пробѣгая многія области человѣческой дѣятельности и въ каждой выказывая особеннымъ образомъ свое благотворное, животворящее могущество, имѣетъ свое начало, свой истокъ, гдѣ уже является прямо и непосредственно исходящимъ изъ общихъ хранилищъ разума и его опытовъ. Тутъ лежитъ основаніе науки въ ея цѣлости, въ полнотѣ развиваемыхъ ею истинъ: тутъ возникаютъ и предчувствіе, возможность всѣхъ приложеніи, какихъ послѣ потребуютъ отъ знанія жизнь и общество. Не восходить къ этому общему, первоначальному источнику, или основанію знанія, значитъ плыть по рѣкѣ, не зная откуда, куда и зачѣмъ мы плывемъ. За успѣхи въ приложеніи знанія не можетъ ручаться одна техническая, ремесленная сноровка: это не иное что, какъ послѣдняя, вещественная точка соприкосновенія высшей всеобщей истины съ извѣстнымъ родомъ фактовъ или потребностей,—слѣдовательно, все заключается въ существованіи этой истины, которая сперва бываетъ не иное что, какъ только истина, безъ особеннаго, такъ сказать, цвѣта и физіономіи. Это, если угодно, истина отвлеченная, но необходимая по закону человѣческаго разума: ибо разумъ не потому знаетъ, что видитъ, а потому, что судитъ, слѣдовательно отвлекаетъ. Оттого въ полной и стройной системѣ народнаго образованія долженъ быть непремѣнно опорный пунктъ, высшее, послѣднее начало и вмѣстѣ съ тѣмъ довершеніе знанія. Хранилищемъ этого служатъ университеты. Ихъ задача — передавать избраннымъ умамъ науку, какъ науку, въ ея самобытномъ ха

рактерѣ истины, воздвигаемую въ теченіи вѣковъ чистыми и благородными усиліями человѣческаго разума. Но и науки, скажутъ намъ, развѣ не зависятъ въ свою очередь отъ историческаго хода вещей на земли? Развѣ волны событій, воздвигаемыя вокругъ нея силою всеобщаго движенія, не колеблютъ ея и не даютъ ей направленія, какого она сама не могла бы принять? И не должна ли она потому сама опираться на что-нибудь, чтобы не сдѣлаться совершенно безплодною, стремясь въ безконечную даль по путямъ неисходныхъ отвлеченностей? Нѣтъ сомнѣнія, что она должна найти эту опору, это, такъ сказать, вещественнее покровительство посреди борьбы многоразличныхъ внѣшнихъ явленій. Но ей не трудно найти ихъ; они всегда близки къ ней, они возлѣ нея. Это духъ народа, среди котораго существуетъ наука, это святыня его вѣрованій, его преданій, изъ нуждъ его и исторіи выработавшійся непреложный порядокъ вещей. Тѣже самые законы, которые ее охраняютъ на ея величавой высотѣ, укажутъ ей и границы и цѣли, далѣе и мимо которыхъ нельзя простираться въ ея нисходящихъ путяхъ. Но безъ высшаго, ученаго т. е., университетскаго образованія образованіе народное лишилось бы установляющихъ и организующихъ его началъ, лишилось бы и полноты и источниковъ своего обновленія Этого не довольно. Чтобы не заглохнуть въ неподвижности или не разсыпаться въ частностяхъ и механическихъ спеціяльныхъ приложеніяхъ, чтобы самихъ этихъ приложеній не сдѣлать превратными безъ общихъ руководившихъ началъ науки высшей, оно должно было бы наконецъ обратиться за ними къ наукѣ иноземной и черезъ то лишиться національной самостоятельности. Оттого глубокая мудрость нашихъ Державныхъ просвѣтителей, созидая и скрѣпляя общую систему народнаго образованія въ Росіи, поставила во главѣ ихъ университеты и утвердила ихъ на незыблемомъ основаніи. Въ одну эпоху нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора университеты наши получили столько благодѣяній отъ правительственныхъ мѣръ, какія въ другихъ государствахъ могли бы наполнить собою нѣсколько царствованій. С. Петербургскій университетъ, раздѣляя эти благодѣянія съ другими, не отстаетъ отъ нихъ въ благородномъ рвеніи воздать за нихъ исполненіемъ своего долга — воздѣлываніемъ науки въ достоинствѣ приличномъ ея характеру и въ духѣ истинно русскомъ, въ духѣ нашихъ народныхъ и государственныхъ потребностей и учрежденій. Въ отчетахъ университетскихъ, каждый годъ печатаемыхъ, заключается лѣтопись успѣховъ его въ этомъ направленіи, и лѣтопись утѣшительная для всѣхъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ.

Вотъ что̀ говорится въ отчетѣ о трудахъ ученаго сословія спб. университета.

«Путешествія и поѣздки изъ столицы съ ученою цѣлію совершены нѣкоторыми лицами, принадлежащими къ ученому сословію Университета, только внутри Россіи: заграничныхъ путешествій въ прошедшемъ году не было

По всеподданнѣйшему докладу Господина Министра Финансовъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе на отправленіе на одинъ годъ Ординарнаго Профессора здѣшняго Университета Горнаго Инженеръ-Полковника Э. К. Гофмана съ Экспедиціею, составленною Русскимъ Географическимъ Обществомъ для изслѣдованія сѣверной оконечности Уральскаго хребта.

Въ вѣдѣніе Профессора Э. К. Гофмана, съ согласія Министерства Народнаго Просвѣщенія, присоединенъ къ Экспедиціи въ званіи Астронома Кандидатъ Ковальскій, находившійся въ нашемъ Университетѣ для окончанія Магистерскаго экзамена.

Профессоръ Э. К. Гофманъ и спутникъ его отправились по назначенію въ началѣ весны. Изъ Отчетовъ. напечатанныхъ отъ Русскаго Географическаго Общества, публикѣ уже извѣстны ихъ успѣшные ученые труды. Въ Университетѣ чтеніе лекцій Минералогіи и Геогнозіи, на время отсутствія Профессора, съ согласія его поручено Штабсъ-Капитану Корпуса Горныхъ Инженеровъ Н И. Кокшареву.

Ординарный профессоръ Н. Г. Устряловъ съ 15 іюня по 15 сентября находился въ Москвѣ для пополненія изъ тамошняго главнаго архива собранныхъ имъ матеріаловъ исторіи Императора Петра Великаго.

Ординарный профессоръ С. С. Куторга, по порученію господина попечителя, въ лѣтніе мѣсяцы обозрѣвалъ нѣкоторыя части Санктпетербургской губерній въ геогностическомъ отношеніи, а также и учебныя заведенія Санктпетербургскаго Учебнаго Округа, лежащія по направленію его путешествія. Выводы своихъ наблюденій касательно науки напечаталъ онъ въ отчетахъ здѣшняго Минералогическаго Общества, а касательно состоянія училищъ составилъ особое донесеніе господину попечителю.

Ординарный профессоръ М. С. Куторга, какъ въ прошломъ 1847 г., такъ еще и въ 1846 г., обозрѣвалъ Псковскую гимназію, гдѣ, въ качествѣ наблюдателя, присутствовалъ на происходившихъ въ ней испытаніяхъ. Сверхъ того онъ осмотрѣлъ Великолуцкое и Порховское уѣздныя училища, какъ въ учебномъ отношеніи, такъ и въ хозяйственномъ. Всѣ эти порученія на него возложены были господиномъ попечителемъ, которому онъ и представилъ свои донесенія.

Учено-литературные труды профессоровъ и другихъ преподавателей въ университетѣ принесли и въ 1847 г. столько пользы наукамъ и словесности, что самый бѣглый взглядъ на нихъ оправдаетъ дѣятельность ученаго сословія. Въ общемъ направленіи этихъ сочиненій. въ сферѣ и объемѣ идей, въ изложеніи ихъ и характерѣ нельзя не чувствовать успѣховъ, возводящихъ науки съ каждымъ годомъ въ лучшее состояніе, и въ тоже время нѣкоторой самосостоятельности, отклоняющей отъ себя все превратное и противорѣчащее вѣчной истинѣ. Въ послѣднемъ отношеніи, университетъ, можетъ быть, сильнѣйшимъ является защитникомъ правъ ума и вкуса, нежели всякое другое ученое общество: ему суждено дѣйствовать двумя средствами — распростра-

неніемъ здраваго ученія съ каѳедры и наравнѣ съ другими въ области литературы. Въ какомъ духѣ университетъ представляетъ разнородныя истины, излагая ихъ въ своихъ аудиторіяхъ и передавая ихъ оттуда въ общественную жизнь — это всѣмъ извѣстно: наши аудиторіи ежедневно открыты любознательности каждаго, а руководства и вспомогательныя къ нимъ дополненія ежегодно передъ началомъ курсовъ печатаются для всеобщаго свѣдѣнія.

Для исчисленія всѣхъ сочиненій, явившихся въ 1847 г. съ именами лицъ ученаго сословія университета, надобно было бы составить длинныя выписки изъ оглавленій періодическихъ изданій, русскихъ и иностранныхъ, и присоединить къ нимъ каталогъ книгъ, особо напечатанныхъ. Всѣ занимающіеся спеціально по разнымъ отраслямъ наукъ, безъ сомнѣнія, сами слѣдовали за этими явленіями въ литературѣ. «Акты Академіи Наукъ» и «Ученыя Извѣстія ея» содержатъ труды профессоровъ и академиковъ П. А. Плетнева, Н. Г. Устрялова, Э. Х. Ленца, Ѳ. В. Грефе и В. Я. Буняковскаго При этомъ случаѣ надобно замѣтить объ особо изданныхъ — первымъ изъ нихъ «Біографіи баснописца И. А. Крылова», а вторымъ «Обозрѣніи царствованія Императора Николая I-го». Книга профессора К. А. Заборовскаго подъ названіемъ: «Гражданскіе Законы Царства Польскаго», которой вышла въ свѣтъ первая часть, принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ въ юридической литературѣ Два сочиненія К. А. Неволина внесли много свѣтлыхъ истинъ въ нашу исторію касательно юридическихъ званій: одно изъ нихъ называется «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II»; другое «Изслѣдованіе о пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго». Профессоръ С. С. Куторга издалъ въ свѣтъ два отчета о дѣйствіяхъ минералогическаго общества, и о ходѣ геогнозіи, палеонтологіи и минералогіи въ Россіи, за 1846 и 1847 годы. Сверхъ того, въ протоколахъ минералогическаго общества напечатано имъ нѣсколько сочиненій о разныхъ предметахъ геогнозіи касательно Санктпетербургской губерніи. Профессоръ А. Н. Савичь, въ «Астрономическомъ журналѣ Шумахера» помѣстилъ выводы своихъ наблюденій надъ планетами Венерой, Вестой, Сатурномъ и Нептуномъ. Онъ участвовалъ въ трудахъ академика Петерса при изслѣдованіи движенія кометы 1585 г. по наблюденіямъ Тихо-де-Браге. Ихъ труды были отвѣтомъ на задачу, предложенную Копенгагенскимъ королевскимъ ученымъ обществомъ и удостоены награды золотою медалью, назначенною для этой цѣли покойнымъ Датскимъ королемъ и присужденною отзывомъ знаменитаго геометра Гаусса. Еще издано имъ: «Популярное объясненіе открытій Леверрье». Профессоръ И. О. Шиховскій напечаталъ «Воспоминаніе о Линнеѣ, его ученіи, его школѣ въ Швеціи и о нынѣшнемъ состояніи тамъ ботаники». Профессоръ И. И. Срезневскій издалъ въ свѣтъ «Изслѣдованія о Славянскомъ богослуженіи». Исправляющій должность профессора В. Ф. Диттель напечаталъ два сочиненія свои «О діалектахъ Персіи» и «Обозрѣніе трехгодич-

наго путешествія своего по Востоку». Профессоръ Ш. М. Тантн печатаетъ въ Лейпцигѣ на арабскомъ языкѣ «Разсужденіе о простонародномъ арабскомъ нарѣчіи» съ переводомъ на французскій. Въ Парижскомъ Азіятскомъ журналѣ 1847 г. помѣщены были филологическія его замѣчанія на «Путешествіе Ибнъ Джубайра». Профессоръ О. И. Сомовъ кончилъ печатаніе первой части сочиненія своего: «Аналитическая теорія волнообразнаго движенія эѳира». Преподаватель Д. І. Чубиновъ привелъ къ окончанію свое изданіе «Русско-Грузинскаго Словаря» и Грузинской Хрестоматіи». Академія Наукъ за первую книгу присудила ему полную Демидовскую премію. Преподаватель Н. И. Кокшаревъ напечаталъ свое описаніе новаго минерала, названнаго имъ «Багратіонитомъ» и новаго сорока-осмигранника, замѣченнаго въ кристаллахъ уральскаго магнитнаго желѣзняка.

«Дѣятельность членовъ ученаго университетскаго сословія — продолжаетъ ректоръ университета — о которой до сихъ поръ говорено было, не одностороннимъ образомъ только и устремлена на расширеніе и возвышеніе зданія наукъ, безъ той заботы, ближайшей къ сердцу каждаго гражданина, чтобы изъ всякаго его предпріятія прямая проистекла польза для жизни и благосостоянія отечества. Къ намъ въ аудиторіи стекается такое количество слушателей, что одно появленіе ихъ вызываетъ все вниманіе къ достиженію важнѣйшей цѣли университетскихъ лекцій. Съ тѣхъ поръ, какъ университетъ, отъ щедротъ великодушнаго Монарха, удостоился получить нынѣшнее устройство свое, мы видимъ и чувствуемъ, что благо просвѣщенія пріемлется здѣсь съ такою же любовію, съ какою предлагаютъ его. Еще не было ни одного года, съ началомъ котораго не замѣтили бы мы, что число посѣщающихъ университетъ значительно увеличивается. Нынѣ оно возрастаетъ до 750. Еще утѣшительнѣе, что молодые люди, приготовляющіеся ко вступленію въ университетъ, сами сознаютъ необходимость предварительнаго основательнаго ученія. Передъ открытіемъ курсовъ въ 1847 г., ректоръ университета получилъ 199 просьбъ отъ желающихъ слушать лекціи. Изъ нихъ только 52 человѣка не приняты; слѣдовательно три четверти успѣли приготовиться надлежащимъ образомъ

Еще утѣшительнѣе были результаты годичныхъ экзаменовъ при выходѣ студентовъ изъ университета. По всѣмъ факультетамъ окончили ученіе 107 человѣкъ. Въ этомъ числѣ оказалось кандидатовъ, т. е. отлично успѣвшихъ, 62 человѣка, и дѣйствительныхъ студентовъ, или удовлетворительно выдержавшихъ испытаніе за всѣ четыре года, 45 человѣкъ. Эта пропорція, по сравненію ея съ тою, какая выходила въ прежніе годы, ясно свидѣтельствуетъ, что нынѣ, послѣ новаго порядка экзаменовъ, пріобрѣтеніе ученой степени кандидата сдѣлалось затруднительнѣе, отъ чего и самая степень естественно пріобрѣтаетъ высшее значеніе въ глазахъ каждаго судіи.

По всѣмъ отраслямъ знаній, требующихъ, чтобы лекціи были пополняемы собственными занятіями слушателей и непосредственнымъ

[illegible]

[illegible] ... Мочалова ... [illegible]

[illegible] ... ничего не сдѣлалъ во [illegible] ... въ высшей степени страст- [illegible] ... который способенъ [illegible] ... и чувствъ въ всѣхъ слышны [illegible] ... и пронзительные крики бѣшенства [illegible] ... въ себѣ негодованія,— [illegible] ... по всему театру, и каждое слово [illegible] ... и мелодически лепеть любви, [illegible] ... слово. Голосъ для актера [illegible] ... не такой голосъ, какъ пѣвцу, [illegible] ... гармоническій, звучный и гибкій [illegible] ... не выказать во всей полнотѣ своего та- [illegible] ... Голосъ Мочалова былъ дивнымъ [illegible] ... въ которомъ заключались всѣ звуки страстей и чувствъ. [illegible] ... Красивое и пріятное въ спо- [illegible] ... было ... подвижно — настоящее [illegible] ... ощущеній, чувствъ и страстей. [illegible] ... здоровья — обстоятельства, очень важ-

ныя для трагическаго актера. Ростомъ онъ былъ не высокъ, но совсѣмъ не такъ, чтобъ это могло казаться въ немъ недостаткомъ на сценѣ. Сложенъ былъ хорошо.

И не возможно себѣ представить, до какой степени мало воспользовался Мочаловъ богатыми средствами, которыми надѣлила его природа! Со дня вступленія на сцену, привыкши надѣяться на вдохновеніе, всего ожидать отъ внезапныхъ и волканическихъ вспышекъ своего чувства, онъ всегда находился въ зависимости отъ расположенія своего духа: найдетъ на него одушевленіе — и онъ удивителенъ, безподобенъ; нѣтъ одушевленія — и онъ впадаетъ, не то, чтобы въ посредственность — это бы еще куда ни шло — нѣтъ, въ пошлость и тривіальность. Тогда невысокій ростъ его дѣлался на сценѣ большимъ недостаткомъ, вся фигура его становилась непріятною, манеры—безобразными. Чувствуя внутреннюю скуку и апатію, понимая, что онъ играетъ дурно, Мочаловъ выходилъ изъ себя, и, желая насильно возбудить въ себѣ вдохновеніе, онъ кричалъ, кривлялся, ломался, хлопалъ себя руками по бедрамъ, и оттого становился еще нестерпимѣе. Вотъ въ такіе-то неудачные для него спектакли и видѣли его люди, имѣющіе о немъ понятіе какъ о дурномъ актерѣ. Это особенно пріѣзжіе въ Москву, и особенно петербургскіе жители. Они конечно правы въ отношеніи къ самимъ себѣ, тѣмъ болѣе, что по слухамъ ожидали увидѣть чудо таланта. Правда, едва ли когда-нибудь Мочаловъ цѣлую большую роль игралъ дурно отъ начала до конца; напротивъ, въ продолженіи большой пьесы у него не разъ вспыхивало вдохновеніе, и онъ хоть въ нѣсколькихъ только сценахъ, но все-таки бывалъ удивителенъ; но не у всякаго станетъ терпѣнія высидѣть длинную трагедію, дурно разыгрываемую даже главнымъ лицомъ, въ надеждѣ вознаградить себя нѣсколькими минутами удовольствія. Москвичи любили его, многое извиняли ему и терпѣливо дожидались его «превращеній» на сценѣ,—и какъ хорошъ онъ былъ въ этихъ «превращеніяхъ»; онъ словно выросталъ въ глазахъ зрителя, манеры его мгновенно облагороживались, лицо и голосъ измѣнялись — точно совсѣмъ другой человѣкъ на сценѣ, въ глазахъ зрителей! Ему никогда не удавалось выполнить ровно свою роль отъ начала до конца, т. е. выполнить ее художнически, артистически; но ему нерѣдко удавалось, въ продолженіи цѣлой роли, постоянно держать зрителей подъ неотразимымъ обаяніемъ тѣхъ могущественныхъ и мучительно-сладкихъ впечатлѣній, которыя производила на нихъ его страстная, простая и въ высшей степени натуральная игра. И въ этой игрѣ бывали неровности и небольшіе промахи; но зритель подъ бременемъ волновавшихъ его ощущеній не успѣвалъ приходить въ себя, чтобъ ясно видѣть оттѣнки игры. Иногда Мочаловъ бывалъ превосходенъ только въ нѣсколькихъ актахъ трагедіи, иногда въ одномъ, иногда цѣлая роль его была безпрестанною смѣною паденія возстаніемъ и возстанія паденіемъ: не возможно исчислить всѣхъ этихъ комбинацій удачъ съ неудачами.

[illegible] бывалъ онъ [illegible] въ трехъ [illegible]. Прежде онъ [illegible] его [illegible]

[illegible]

[illegible] Этого-то [illegible]

[illegible] и грустным [illegible] бы онъ ни [illegible] торжества [illegible] въ ту эпо- [illegible] ихъ раз- [illegible] за-долго до [illegible] онъ всего на [illegible] подробности о жи- [illegible]: «Вос- [illegible] Мочалова, онъ [illegible] — стало быть.

можно съ достовѣрностію предположить, что брошюра г. Межевича будетъ интересна.

Объ изданіи географическихъ извѣстій, въ прибавленіе къ Запискамъ Русскаго Географическаго Общества.

Записки Русскаго Географическаго Общества, состоя изъ трудовъ гг. членовъ, представляемыхъ Обществу разновременно, выходятъ оттого въ неопредѣленные, болѣе или менѣе продолжительные сроки; вслѣдствіе чего не могутъ сообщать въ должной свѣжести ни свѣдѣній о дѣйствіяхъ самого Общества, ни вообще текущихъ любопытныхъ новостей по разнымъ отраслямъ географическихъ наукъ, находящихся въ безпрерывномъ развитіи.

Чтобы пополнить этотъ недостатокъ и дать возможность какъ членамъ, такъ и прочимъ любителямъ географіи и прикосновенныхъ къ ней наукъ слѣдить неотступно за современнымъ ихъ ходомъ и успѣхами, Общество постановило издавать съ марта мѣсяца настоящаго года прибавленія къ своимъ запискамъ отдѣльными выпусками, подъ особеннымъ заглавіемъ: «Географическія Извѣстія».

Изданіе это, выходя одинъ или два раза въ мѣсяцъ, въ объемѣ отъ одного до двухъ печатныхъ листовъ, будетъ заключать въ себѣ:

1) Свѣдѣнія о занятіяхъ Русскаго Географическаго Общества въ составѣ общихъ его собраній, совѣта, отдѣленій и разныхъ коммисій, а также относящихся къ цѣли Общества отдѣльныхъ трудахъ гг. членовъ и сотрудниковъ.

2) Извѣстія о занятіяхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, имѣющихъ одинаковый или подобный кругъ дѣятельности.

3) Всякаго рода любопытныя географическія новости, какъ-то: извѣстія о снаряжаемыхъ и объ отправленныхъ уже ученыхъ экспедиціяхъ, о предпринятыхъ путешествіяхъ въ разныя страны, сдѣланныхъ открытіяхъ и описаніяхъ и т. п.

4) Краткія, имѣющія современный интересъ, замѣтки и указанія по части географіи, статистики и энтографіи, преимущественно русской, но не исключая и другихъ странъ.

5) Библіографическія извѣстія объ изданныхъ въ послѣднее время книгахъ географическаго, статистическаго и этнографическаго содержанія, картахъ, атласахъ, таблицахъ и т. п.

Редакцію изданія принялъ не себя безвозмездно извѣстный своими учеными трудами и этнографическими путешествіями, дѣйствительный членъ общества и членъ совѣта его Н. И. *Надеждинъ*.

Имѣя въ виду, чтобъ это изданіе сдѣлалось доступнымъ наибольшему числу читателей, Общество назначило за него цѣну самую умѣренную: за каждый выпускъ — *20 коп. серeб*, съ разсылкою на домъ и доставленіемъ въ другіе города, а за всѣ выпуски, предполагаемые къ изданію въ теченіи нынѣшняго 1848 года, *1 руб. 50 коп.* единовременно.

[illegible]

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ОДѢВАТЬСЯ КЪ ЛИЦУ.

ОПЫТЪ ВЕЛИКО-СВѢТСКАГО РОМАНА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА II.

МУЖСКІЯ МОДЫ.

.... Для мужа героини моего велико-свѣтскаго романа начинался, какъ я уже сказалъ въ предшествовавшей главѣ, новый періодъ жизни, открывалась новая эра. Уже чуялъ онъ смятенной душой своей глубочайшее значеніе геніяльно скроенныхъ панталонъ, фрака или жилета уже сознавалъ онъ мыслію, что самая важная сторона велико-свѣтскаго туалета — *бѣлье*, и при созерцаніи батистовой рубашки, по которой чудная ручка парижской артистки провела дивные узоры, изъ очей его невольно вырывались горячія слезы, тѣ слезы, которыя могутъ только вырываться изъ очей юнаго художника съ чувствомъ истиннаго и непреоборимаго призванія созерцающаго картину великаго мастера. Но оставимъ его на время въ умиленіи передъ этой рубашкой или передъ новыми превосходными матеріями для жилетовъ, только что присланными Шармеру изъ Лондона, и перенесемся въ кабинетъ графа Хлюстина.

Утро, то есть второй часъ по полудни, ибо для велико-свѣтскаго человѣка утро никогда не начинается ранѣе Графъ полу-лежитъ на

сафьянномъ гамбсовскомъ креслѣ передъ каминомъ... *На немъ серенькій, легкій однобортный сюртучекъ изъ твида, такіе же панталоны безъ штрипокъ и камзолъ изъ той же матеріи; жилетъ застегнутъ довольно высоко; мелкія, изящно-расположенныя складки его батистовой рубашки полузакрыты концами пунцоваго кашемироваго шарфа, который небрежно опутанъ кругомъ его шеи; нога его, стройная какъ нога женщины, въ шолковомъ полосатомъ чулкѣ и въ соболевскихъ туфляхъ....*

Передъ нимъ стоитъ его камердинеръ. Въ его рукѣ легкій какъ перышко черный двубортный сюртукъ, граціозное созданіе *Сары*, — сюртукъ, только-что вышедшій изъ-подъ утюга....

— Не угодно ли вамъ примѣрять, графъ, этотъ сюртукъ? говоритъ почтительно камердинеръ (въ черномъ фракѣ и въ бѣломъ жилетѣ): — г. Сара завезъ этотъ сюртукъ съ часъ назадъ тому, когда вы еще изволили почивать. — Вотъ и жилеты....

То были утренніе жилеты, въ высшей степени изящные по своей простотѣ, казимировые одноцвѣтные (по большой части темныхъ цвѣтовъ), которые въ Петербургѣ появились только въ прошедшемъ мѣсяцѣ. — Такіе жилеты можно видѣть только у гг. Шармера и Сары.

— Угодно вамъ будетъ примѣрять теперь, ваше сіятельство? продолжаетъ камердинеръ.

— Нѣтъ, послѣ, когда-нибудь, отвѣчаетъ графъ небрежно, потирая рукою желудокъ. — Графъ страдаетъ *гастритомъ.*

Онъ впустилъ пальцы одной руки въ свои волнистые волосы, а другой схватилъ огромный листъ лежавшей передъ нимъ газеты, протянулъ ноги къ самому камину и зѣвнулъ....

И къ чему было графу примѣрять этотъ сюртукъ и эти жилеты?... Графъ зналъ Сару и Шармера, Шармеръ и Сара знали графа... Графъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ избраннымъ, которые взглядомъ, походкоіі, движеньемъ лорнета, складкой платья отдѣляются отъ другихъ, какъ отдѣляется отъ толпы тотъ, кто призванъ дѣйствовать, кто носитъ въ груди призваніе на подвигъ, какъ отдѣляется тотъ, кто говоритъ, отъ того, кто слушаетъ; какъ отдѣляется авангардъ отъ резервнаго корпуса....

Графъ схватилъ газету машинально. Онъ не читалъ, онъ не хотѣлъ читать, онъ не могъ читать.... Графъ думалъ.... О чемъ же думалъ онъ, чѣмъ были заняты его велико-свѣтскія мысли?...

Онъ думалъ о лучшемъ украшеніи петербургскихъ салоновъ, о ней, которая возбуждаетъ и удивленіе и соблазнъ,—о ней, чьи ножки только, кажется, изъ милости касаются паркета, ибо въ ней столько легкости, что она можетъ держаться на воздухѣ, и столько силы, что

малѣйшее прикосновеніе къ землѣ для нея достаточная опора. Онъ думалъ о ней, чей туалетъ отличается тою утонченною изысканностію, которая за порогомъ уборной превращается въ изящную простоту. Онъ думалъ о ней, о моей героинѣ, — о ней, въ которой всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какую-то безмолвную хвалу прекрасному созданію,—о ней, одинъ взглядъ которой пробуждаетъ весь составъ, всю жизнь....

Графъ не видалъ ея болѣе трехъ недѣль — и эти три недѣли показались ему тремя вѣчностями. – Она не выѣзжаетъ! Она не принимаетъ! Она никуда не показывается! говорили про нее въ свѣтѣ. И въ самомъ дѣлѣ, она не принимала никого.

– Чтó это значитъ, чтó съ нею сдѣлалось? думалъ графъ... и судорожно мялъ въ рукѣ огромный листъ газеты.

Въ эту минуту послышался звонокъ.

Графъ вздрогнулъ.

– Не принимать никого, сказалъ онъ человѣку. – Слышишь?

— Слушаю, ваше сіятельство.

И графъ снова погрузился въ думу.

Но черезъ минуту дверь его кабинета отворилась. Графъ обернулся, нахмуривъ брови.... Передъ нимъ стоялъ совершенно неизвѣстный ему человѣкъ, одѣтый съ безукоризненною простотою и изяществомъ, — человѣкъ, для котораго великая тайна одѣваться къ лицу была вполнѣ доступна.

— Съ кѣмъ я имѣю честь.... спросилъ графъ, привставъ съ креселъ.

Незнакомецъ, постигшій великую тайну одѣваться къ лицу, иронически улыбнулся Это былъ.... мужъ моей героини.

— Вы меня не узнаете, графъ?

Онъ назвалъ свою фамилію.

— Какъ! это вы? воскликнулъ графъ поблѣднѣвъ.

– Да! это я! произнесъ мужъ моей героини значительно. — Это *я*, графъ!... я!... я!

Но здѣсь героя моего,
Въ минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ....

До слѣдующей книжки

Мы уже говорили, что изданіе иллюстрированныхъ книгъ сопряжено у насъ съ чрезвычайными затрудненіями, ведущими къ остановкамъ, часто непредвидѣннымъ. Одна изъ такихъ непредвидѣнныхъ остановокъ случилась съ «Иллюстрированнымъ Альманахомъ», и издатели вынуждены просить читателей подождать еще нѣсколько времени этой книги, бóльшая часть которой впрочемъ уже напечатана.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЬМОГО ТОМА.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Стран.

III.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Стран.

IV.

СМѢСЬ.

МАРТЪ.

АПРѢЛЬ.

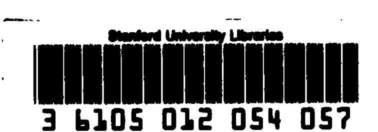
V.

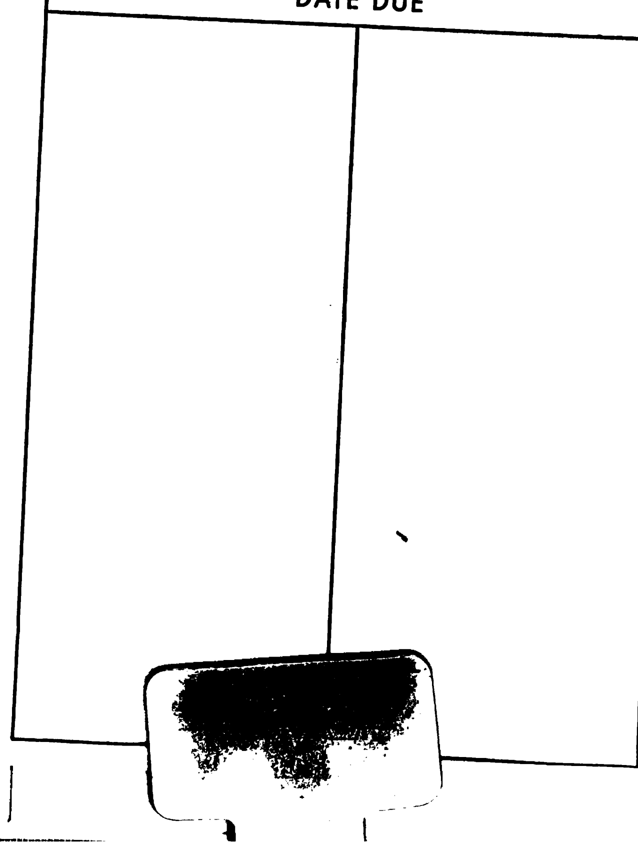
МОДЫ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

[illegible]

Цензоръ [illegible]
Цензоръ [illegible]

Stanford University Libraries
3 6105 012 054 057

STANFORD UNIVERSITY LIBRAR
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-600
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE

